

# **История православного монашества на Востоке. Часть 2**

## **профессор Петр Симонович Казанский**

[Часть 1 →](#)

[От редакции](#)

От редакции

Капитальный труд профессора Московской Духовной академии Петра Симоновича Казанского (1819–1878) «История православного монашества на Востоке», изданный всего один раз, в середине XIX века, и долгое время бывший библиографической редкостью, ныне вновь выходит в свет, причем в дополненном виде, становясь наконец доступным широкому кругу православных читателей. Эта книга – незаменимое руководство к познанию жизни и подвигов иноков первых веков христианства, написана на основе большого числа достоверных источников. Автор известен также как выдающийся духовный писатель и православный педагог, оставивший заметный след в истории Русской Православной Церкви.

## Пустынничество в горе Нитрийской

Тогда как Антоний, собрав среди Египта, на берегу Нила, сонмы иноков, сам удалился на восток к пустынным берегам Чермного моря, а Пахомий основал общежитие Тавенское в верхнем Египте, на западном краю среднего Египта, начиная с горы Нитрийской до отдаленных пустынь Скита, учреждался новый приют для пустыннолюбивых иноков. Почти в одно время Аммон стал собирать иноков в горе Нитрийской, основывать пустыню Келлий, а Макарий Египетский привлекать ревнующих о высшей жизни в пустыню Скита.

Гора, или пустыня Нитрийская, которую блаженный Иероним называет градом Божиим<sup>1</sup>, по святости пустынножителей, обитавших в ней, была обширная пустыня<sup>2</sup>, на юг от озера Мареотского, граничившая к востоку с пустынею Скитскою, с другой стороны с Ливиею и землею Мазиков, и простиралась до Ефиопии. Она получила название от соседней горы, где в озерах было большое количество селитры (нитра). Это подало повод Иерониму и Руфину сказать, что там грехи людей часто омывались селитрою добродетелей<sup>3</sup>.

Еще во времена Филона на берегу Мареотского озера искали себе уединенного убежища Иудеи. Сократ<sup>4</sup> и Палладий<sup>5</sup> говорят, что еще до прихода Аммона в гору Нитрийскую жили уже здесь подвижники. По некоторым сказаниям, еще во втором веке положено начало отшельнической жизни на горе Нитрийской<sup>6</sup>. Но писатель жизни Св. Пахомий говорит, что Аммон первый обитал в пустыне Нитрийской<sup>7</sup>. Руфин и Евагрий также называют Аммона основателем иноческой жизни в горе Нитрийской.

Аммон был родом египтянин, сын благородных и богатых родителей<sup>8</sup>. На двадцать втором году от рождения он лишился отца и матери, будучи, по словам св. Афанасия, с малолетства посвящен Богу ревностью по благочестию. Но, не желая оскорбить родных, а особенно дядю, принуждавших его вступить в брак, он решился обвенчаться, положив твердое намерение хранить девство и после брака. Удалясь с молодою

женою после брачного пира в особую комнату, он сказал молодой супруге своей: «Я хочу побеседовать с тобой, сестра моя! В браке нашем нет ничего особенно хорошего. Лучше мы сделаем, если сохраним девство неприкосновенным. Этим мы угодим Христу». Потом, вынув Новый Завет, прочел из него все, что Спаситель и Апостол Павел сказали о девстве, и присовокупил и свои размышления. Жена его, мало знавшая Св. Писание, была тронута и согласилась на девственную жизнь, но не решилась жить отдельно, как желал Аммон. Она просила жить вместе, как брат с сестрою, чтобы под покровом брака скрывать от глаз людей сокровище своего девства. Около осьмнадцати лет так прожил Аммон со своею женою. Каждый день ходил он в сад возделывать землю и плодоносные деревья, а вечером, пришед домой и после молитвы вкусив пищи вместе с женою, удалялся в особую комнату и большую часть ночи проводил в молитве и песнопении. После краткого сна он вновь принимался за свою работу. Его супруга с неменьшей ревностью упражнялась в подвигах благочестия. Соединенные святою ревностью о благочестии и любовью к добродетели, они связаны были союзом, гораздо теснейшим, нежели союз плоти и крови, и достигли великого бесстрастия и внутреннего мира, который Бог дает вкушать верно служащим Ему.

Сделавшись свободнее по смерти родных, жена, до сего времени удерживавшая при себе Аммона, почла долгом дать ему свободу посвятить себя на служение другим. «Несправедливо было бы, сказала она, лишать других примера добродетели и спасительных наставлений, коими я пользовалась столько времени». Об этом давно молился Аммон; этого слова давно желал он от жены своей. Он тогда же уступил ей свой дом, и жена в скором времени собрала в нем общество дев. Сам Аммон, нашедший пустыню на южной стороне Мареотского озера за Нитрийскою горою, основал там свое жилище и стал подвизаться. Он не вкушал масла, не пил пива, сухой хлеб и вода составляли его пищу, и эту скудную пищу он принимал дня чрез два и даже реже. Два раза в год посещала его жена, чтобы пользоваться его советами и

наставлениями. Недолго оставался неизвестным Аммон; скоро стали собираться к нему ученики, о спасении коих он прилагал неусыпное попечение.

Сознавая, что одного усердия и ревности не всегда достаточно для безопасного прохождения добродетельной жизни, Аммон искал наставлений для себя у людей, более его опытных в духовной жизни. «Иной человек, говорил Аммон, всю жизнь свою ходит с секирою и не может срубить дерева, а другой искусный в рубке и немногими ударами сваливает дерево». Секирою он называл рассудительность. «Иной человек, говорил он ещё, сто лет живет в келлии, а не может научиться, как жить в келлии». Поэтому-то он искал наставлений у отца иноков, Великого Антония. Он часто ходил к великому пустыннику. Сохранилось сведение и об одном посещении Антонием горы Нитрийской. «Вот молитвами твоими, сказал Аммон Антонию, умножилась братия и некоторые из них желают построить себе келлии в отдалении. В каком расстоянии отселе велишь ты построить келлии?» Антоний сказал: «Вкусим пищи в час девятый и пойдем, походим по пустыне и посмотрим место». Они шли по пустыне, пока не зашло солнце. Тогда Антоний сказал: «Сотворим молитву и поставим здесь крест, чтобы желающие жить особо здесь строили келлии». Это место было более, чем в десяти тысячах шагах от монастыря. «Тамошние, сказал Антоний, если захотят посетить здешних, пусть приходят сюда, съевши свой хлеб в девятый час, и здешние пусть то же делают, отходя туда. Тогда они не будут развлекаться взаимными посещениями». Так, благословением Антония Великого образовалась пустыня Келлий. Не сохранилось нам сведений о том, как управлял иноками Аммон, но дух его управления можно усматривать в том наставлении, которое дошло до нас под его именем. Дух смирения, терпения, страха Божия, преданности воли Божией, кротости дышит в его наставлениях.

«Помышляй, возлюбленный, так пишет Аммон, что Господь наш Иисус Христос, и имея неизреченную славу и величие, образ дал нам, да последуем стопам Его. Приняв зрак раба, Он терпел всякие скорби, переносил оскорбления и унижение,

яко овча на заклание ведесе и яко агнец пред стригущим его безгласен, тако не отверзал уст Своих (Пс. 53, 7). Во смирении суд Его взятся, и со многим бесчестьем Он подвергся смерти за нас. Все это для того, чтобы и мы, если подвергаемся скорбям, поношению, мучениям и самой смерти, не унывали, но без ропота переносили находящие на нас бедствия».

«Веруй, что весьма полезно и спасительно для души переносить поношения, бесчестье и унижение, нанесенные ради Господа. Посему охотно и твердо переноси их, помышляя, что ты большего заслуживаешь за свои грехи. Почитай благодеянием, что ты удостоился потерпеть нечто ради Господа и соделался хотя на одну минуту участником страданий Господа твоего. И всякий раз, как вспомнишь о нанесших тебе оскорбление, от всего сердца искренно молись за них, как за своих благодетелей, и не мысли ничего против них. Если же кто будет воздавать тебе честь и хвалить тебя, скорби и молись, чтобы освободиться от этого бремени. Проси Господа, чтобы Он избавил от всякой славы, считая себя недостойным её и немощным. Старайся избрать себе жизнь скромную и проводи её смиренно без гордости, как близкий к смерти и уже мертвый для мира, считая себя худшим всех и обремененным тяжкими грехами. Это доставит душе твоей большую пользу».

«Заботливо внемли себе, чтобы всякое любочестие и искание суетной славы ненавидеть, как гибель души своей, и отвращаться всякой чести и похвалы от людей, не почитать себя лучшим, даже равным кому-либо; отвращайся всякого гнусного вожделения и плотского удовольствия даже самого малого, берегись вожделения очей, слуха, языка. Пусть очи твои будут устремлены только на дело; остерегайся без всякой необходимости и смотреть на человека. Не давай ушам своим слышать хулы или праздные разговоры. Полагай постоянное хранение устам твоим. Опасно блюди себя в малом, чтобы не подвергнуться тебе великим искушениям».

«Всеми силами старайся стяжать спасение души и Царство Небесное. Всячески подвизайся, чтобы мыслию, словом, делом, одеждою и образом жизни смирять себя, почитать себя землею и прахом, последним из всех и рабом всех, худшим всякого

христианина. Так помышляй в себе и говори; я в сравнении с другими христианами прах, и правда моя яко порт нечистый (Ис. 64, 6). И если по великому долготерпению Божию не получу милосердия Божия, то достоин буду не жизни, а вечного наказания. Так постоянное сохраняя смирение и скорбь в душе и ожидая ежедневно смерти, взывай непрестанно к Господу, чтобы Он по многому Своему милосердию право устроил твою душу и явил на тебе милосердие, дабы в сердце твоём всегда были скорбь и воздыхание, а всякое веселье и смех были бы удалены, да превратится смех в плач и радость в скорбь. Всегда с сокрушенным сердцем и лицом говори: *смятесе сердце мое (Пс. 37, 11)*".

«Сокрушайся, воздыхай и непрестанно храни глубокое молчание и помышляй о тьме вечной – об осужденных в оную и страдающих в ней. Помышляй, что и ты заслуживаешь их участи. Пока есть время покаяния, в которое ты можешь освободиться от этих страшных мучений, непрестанно плачь, скорби, болезнуй и сетуй. Возлагай на себя согласно с волею Божиею труды и удручения плоти, крови и духа и непрестанно упражняйся в них за грехи твои. Тело твоё по мере сил изнуряй рукодельем, постом и другими трудами. Душу твою непрестанно упражняй в размышлении о Св. Писании; во время размышления воздыхай и молись более. Будь всегда собран, как будто ты предстоишь пред св. престолом, дабы демоны не нашли случая вложить в сердце твоё худые мысли».

«Помышляй, что если Иисус Христос умер за нас и воскрес, и Своею кровью искупил нас, то и мы должны жить не для себя, но для Господа. Представляй, что ты всегда ходишь пред Его лицом, что ты уже умер, оставил сей мир и всегда уже предстоишь пред Господом. Потому ты не должен следовать своей воле, своему желанию и думать, что от тебя зависит что-либо. Но ты раб Господа и Его только покоряйся воле. Как раб со страхом и трепетом и с многим смирением следует за своим господином и всегда готов исполнять его волю, так и ты стоишь ли, сидишь ли, один ли бываешь или с кем другим, веди себя так, как бы ты был пред лицом Божиим, трепещи духом и телом. Сколько возможно, сохраняй ум свой чистым от помыслов

неправых и со всяким смирением, кротостью, благоговением и благоразумием ве́ди себя пред очами Всевидящего, не дерзая по грехам своим возводить очей на небо».

«Как всегда находящийся пред лицом Божиим будь готов к повиновению Его воле со всем усердием и верою, хотя бы подлежали тебе всегда страшные искушения или самые тяжкие скорби, мучения и даже смерть».

«Что бы ни случилось с тобою, – ни в слове, ни в деле, ни в помышлении, ни в мысли, не ищи своей воли и спокойствия, но тщательно твори волю Божию, хотя бы пришлось тебе потерпеть скорбь и даже смерть. Ибо заповедь Божия – живот вечный (Ин. 12, 50). Ешь ли, пьешь ли, спишь ли или выходишь куда-либо и что хочешь сделать, прежде всего размысли, согласно ли это с волею Божиею и Его учением».

«Помни слова Писания: *раби неключимие есмы, еже должны белом сотворити, сотворихом (Лк. 17, 10)*. Если что делаешь, не жди награды, но совершай с великим смирением, как должник и неключимый раб. Что бы ни сделал, думай, что ты далек от исполнения своего долга, своим нерадением увеличивая только грехи: *ибо ведущему добро творити и нетворящему грех ему есть (Иак. 4, 17)*. Посему всегда с плачем и сокрушением молись, чтобы Господь, по неизреченному Своему милосердию, простил тебе грехи твои».

«Если ты, оскорбленный кем-либо, чувствуешь, что скорбь и гнев объяли тебя, сохраняй молчание и до тех пор не говори ничего, пока непрестанною молитвой не умирится твое сердце, и тогда можешь говорить с братом. Если тебе нужно будет вразумить брата и ты видишь, что он возмущен гневом или смущением, не говори ему ничего, чтобы он более не раздражался гневом. Только тогда, когда увидишь, что ты и он спокойны, говори с ним, но не укоряя, а со смирением и кротостью напоминая ему, чтобы гневного слова не было на устах твоих. Подвизайся так всегда, чтобы мысль о присутствии Божиим была пред тобою. Страшись и трепещи потому, что в сравнении с величием Бога ты персть и прах».

«Помышляй, что ты всегда находишься пред лицом Господа, не надейся ни на кого, кроме Его одного. Если

желаешь чего, то моли Бога, чтобы Он по Своей воле исполнил твое желание. И если случится что с тобою доброе, благодари Бога; ибо это Им даровано. Когда нуждаешься в чем, не возлагай надежды на человека, не скорби и не ропщи, но охотно терпи, помышляя, что за свои грехи ты достоин многих скорбей. И если Богу угодно будет помиловать тебя, то Он может восполнить недостатки твои и в малом и в великом».

«Не бери того, о чем не знаешь, Бог ли дает тебе это. Принимай то, что есть плод правды и исходит с любовью и миром. А что дается ссорою, коварством, то брось от себя, ибо лучше малая часть со страхом, нежели стяжание многое с неправдою (Притч. 15, 29)».

«Как великое сокровище храни всегдашнее молчание. Если бы нужно было тебе что-нибудь сказать, прежде рассуди с собою, требует ли того необходимость, или воля Божия, и тогда только говори; ибо в это время лучше говорить, чем молчать, потому что исполняешь волю Божию. Отверзай уста свои для слова Божия и с знатным ли, или с бедным говоришь – говори со всяким смирением и кротостью. С речью скромной и степенной и взор и мысль твоя должны быть скромны. Если встретишься с кем, приветствуй с любовью одним или двумя словами и потом замолчи. Если нужно тебе предложить вопрос, выслушай ответ и ни слова более<sup>9</sup>».

Преподобный Аммон украшен был даром чудотворений и прозорливости. Но древние пустынножители любили лучше подражать добродетелям святых, нежели описывать чудеса, и потому о немногих чудесах Аммона сохранилась память. Сам Аммон любил скрывать свои духовные дарования. Несмотря на славу, которою он пользовался за свои подвиги и чудеса, св. Афанасий поставляет его в числе тех, заслуги коих более сияли пред Богом, нежели известны были людям. Желая дать понятие о скромности и чудодейственной силе Аммона, Афанасий рассказывает следующее событие. Однажды Аммону нужно было переправиться чрез реку Ликон<sup>10</sup>; он велел бывшему с ним ученику Феодору немного отойти, чтобы тот не видал, как он будет раздеваться. Феодор отошел и в другом месте переправился на ту сторону, где нашел уже Аммона, невидимую



силою перенесенного на другой берег, вследствие его желания не видеть себя обнаженного.

Аммон скончался шестидесяти двух лет, из коих сорок провел в мире, а двадцать два года в пустыне. В самый час его смерти св. Антоний видел, как его душа восходила на небо. Антоний сидел на своей горе, пишет св. Афанасий, и, подняв вдруг взоры к небу, увидел, что некто восходит в воздухе и множество Ангелов сретает его с великою радостью. Антоний спросил Господа, что это за видение? В то же время он услышал глас, что это душа Аммона, пустынножителя Нитрийского. И Антоний возвестил бывшим с ним, что Аммон почил в мире. Чрез тридцать дней братия пришли из пустыни, и от них узнали, что Аммон скончался именно в тот день и час, когда видел Антоний его душу восходящею на небо<sup>11</sup>.

Иноки пустыни Нитрийской в своих духовных подвигах особенно воодушевлялись примером и наставлениями Великого Антония. Как основатель иноческого здесь жития Аммон пользовался советами и руководством Антония, так и сподвижники его, первые жители пустыни, были ученики Антония. Таковы были: Пиор, Памво, Ориген ученик его, который так живо повествовал об Антонии, что как бы представлял его живым. Видели св. Антония Иераск, Иаков Беотийский, Кроний. Кроний служил переводчиком у Антония, любил повествовать о добродетелях его и много лет был пресвитером в горе Нитрийской.

Были знаменитые иноки, образовавшиеся и под руководством самого св. Аммона, как то известны были: Феодор, Елурион, Агиос, Путувист, Орсисий. Современные писатели именуют их столпами монашества, святыми, обладавшими даром чудотворения.

Феодор Освященный, настоятель Тавенский, посылая Аммона в гору Нитрийскую, сказал ему: «Там много святых и благоугодных мужей». Св. Феодор, замечает Аммон, разумел Феодора, жившего с Амуном, Елуриона и Аммония, которые спустя несколько времени скончались, также Пиора и Памво, которые получили от Бога дар исцелений, и других мужей<sup>12</sup>.

Видно, что вскоре после смерти Аммона возникла необходимость установить некоторые правила иноческой жизни для монахов, обитавших в горе и ее окрестностях. Главные старцы горы Нитрийской и Скита, Серапион, двое Макариев – нитрийский и скитский и Пафнутий, собрались вместе для установления правил иноческой жизни. Свое рассуждение начали они, как начинали и всякое дело, усердной молитвой к Богу, дабы Дух Святый вразумил их.

Серапион, указав на умножение иноков, на опасность пребывания для них в пустыне отдельно и на то, что Писание говорит: се что добро или что красно, но еже жити братии в купе (Пс. 132, 1), и что Бог вселяет единомысленные в дом, для утверждения этого единения между братьями почитает нужным принять следующие правила:

Один да будет начальник у всей братии; от его совета и повеления никто да не уклоняется, но с радостью да повинуется ему как Самому Богу, по слову Писания: повинуйтесь наставнику вашему: тии бо бдят о душах ваших (Евр. 13, 17), и ещё: послушания хочу, лучше жертвы (Мф. 9, 13). Помыслите, что чрез послушание Авраам угодил Богу, и друг Божий наречется (Иак. 2, 23). Чрез послушание сами Апостолы удостоились быть свидетелями Божиими между племенами и народами. Сам Господь наш с горних сходя к дольным говорит: не приидох творити волю Мою, но волю пославшего Мя (Ин. 6, 38). При таких примерах и побуждениях да хранится более всего послушание.

Макарий с своей стороны обратил внимание на обязанности начальников:

Вы же отцы начальники образ будете верным (1Тим. 4, 12), то есть то кротостью, то строгостью возвышайте души братии от земного к небесному, по слову Апостола: обличи, умоли, запрети (2Тим. 4, 2). Начальник должен уметь и оказывать любовь ко всем, и требовать сохранения устава, помня слова Господа: в нюже меру мерите, возмерится вам (Мф. 7, 2). В церковном собрании без повеления настоятеля никто не может начать пения псалмов. Если настоятель замедлит, то известить его и поступать по его приказанию.

От вступающего в монастырь прежде всего должно требовать отречения от богатств земных, и паче всего от гордости, которая бывает достоянием и бедных. Прежде всего со смирением должно слушать, чтобы никто из вас, братия, не творил своей воли – это великая и приятная Богу жертва. Будьте готовы на всякое доброе дело; что ни случится с вами, будьте в скорби терпеливы, в делах честны. Никому не платите злом за зло, а старайтесь делать добро для всех человеков. Имеющие такие расположения пусть приходят в монастырь и целую седмицу пусть лежат пред вратами монастырскими. Братия не должны входить с ними в общение, и они должны испытывать только огорчения. Если он останется верен своему желанию, то настоятель не возбраняет ему входа и, принимая его, объясняет ему устав иноческой жизни. Если это человек богатый, то пусть прежде всего идет, продаст имение свое и отдаст нищим. При себе пусть оставит только крест Христов, да примет его и грядет вслед Господа. А истинное несение креста состоит в том, чтобы творить волю не свою, а другого. Приходящий может, если хочет, часть своего имущества отдать монастырю. Если он приведет с собою рабов, то они в монастыре будут не рабы его, а братия.

Странников встречает и дает им ответ один заведывающий странноприимною. Ни один брат не должен молиться с ними, ни давать им лобзания мира, прежде нежели увидит их настоятель. Только настоятель или те, кому он прикажет, могут разговаривать с ними. Никто из братии не должен спрашивать: откуда они пришли, зачем пришли и куда идут. Пусть слышится только беседа Божественная, почерпнутая из Св. Писания и слова настоятеля. Для этого хорошо, чтобы странников не вводить в общую трапезу, но они вкушали бы пищу с одним настоятелем.

Пафнутий предложил потом свои дополнения:

«Помня слова Писания: Петр и Иоанн восхождаста во святилище на молитву в час девятый (Деян. 3, 1), нужно положить, чтобы братия подкреплялись не ближе девятого часа, исключая воскресных дней и времени Пятидесятницы. В воскресные же дни братия пусть всецело предаются

упражнениям духовным, не занимаясь ничем другим, под каким бы то ни было предлогом. Пусть сей святой день всецело посвящают на прославление Господа в молитве, псалмопении и духовных песнях. С первого часа дня до третьего братия должны посвящать Богу. С третьего часа до девятого исполнять без всякого прекословия и ропота то, что повелит настоятель чрез брата, которому вверено заведывание работами.

Если кто от поста или трудов сделается болен, настоятель должен приложить об нем попечение. Нужно только наблюдать, чтобы никто своей воли не творил.

Если общество иноков велико, то настоятель должен избрать чередных для каждой недели и установить порядок их службы, как они должны преемствовать один другому; он должен определить также, как должен вести себя келарь, заведывающий имуществом братии. Должно избирать такого, который бы мог удерживаться от всякого чревоугодия и по-Евангельски раздавать братии нужное, который бы боялся части Иуды, бывшего татем. Да знают братия, что все находящееся в монастыре – сосуды, орудия и прочее – священо. И кто будет нерадиво обращаться с сими вещами, будет иметь часть с тем царем, который пил с своими наложницами из сосудов, посвященных дому Божию, и за то подвергся такому страшному отлучению».

Другой Макарий предложил свои мысли о взаимном отношении монастырей:

«Не должно быть позволяемо без воли настоятеля принимать братию из другого монастыря. Если кто пожелает перейти в другой монастырь, то должен просить своего настоятеля, чтобы он просил настоятеля другого монастыря принять его. Если же какой-нибудь настоятель примет брата без согласия того настоятеля, у которого он жил, то он подвергнется суду епископов или своих братьев настоятелей и тогда только может быть допущен к должности, когда испросит прощение. Новопоступивший брат, какое бы место ни занимал в прежнем монастыре, здесь должен считаться младшим. Без дозволения настоятеля во время собраний и беседований о Свящ. Писании он не имеет права говорить. С собою ни имущества, ни

книг ему не должно быть дозволено вносить в монастырь. Приходящие клирики должны быть принимаемы со всяким уважением как служители олтаря и им должно предоставлять честь начинать молитвы во время Богослужения, будет ли то простой клирик или служитель олтаря. Но если клирик виновен в каком-либо преступлении, и это доказано; то ни при настоятеле, ни при его помощнике ему не должно быть дозволено начинать молитву. Но не должно клириков принимать в монастырь на жительство, разве только обличенные в преступлении придут они в монастырь, чтобы подвигом унижения принести покаяние. Что касается до исправления братий, подпавших какой-либо вине, то нужно, смотря по свойству вины, отлучать их.

Если кто, например, будет обличен в пустых разговорах, то на три дня да отлучится от собрания братии, и да наложено будет на него молчание. Если кто замечен будет в непристойном смехе, тот в продолжении двух седмиц да подвергнется уничижительным трудам для исправления. Посему и сказал Апостол: аще и впадет человек в некое прегрешение; вы духовнии исправляйте такового духом кротости (Гал. 6, 1).

Нужно, чтобы чрез наказание брат не погиб в своем состоянии, но исправился бы.

Наконец, начальники не должны иметь к кому-либо лицеприятие, но питать ко всем равную любовь, поскольку справедливое уравниение приятно Богу, по слову Пророка: аще воистину правду глаголете, правая судите, сынове человечести (Пс. 57, 2). Да будет известно вам, что не исправляющий согрешающего отдаст отчет Богу. Будьте верными и добрыми учителями для всех, укрощайте умы беспокойные, подкрепите немощных, будьте терпеливы ко всем и сколько братьев вы приобретете для Бога, столько венцов вам соблюдется от Бога<sup>13</sup>.

Св. жизнь иноков горы Нитрийской, начало которой положил Аммон, была предметом благоговейного удивления для современников. Руфин, свидетель их подвигов, пишет, что великие подвижники преимущественно обитали в горе Нитрийской, что они по жизни и действиям более сходны были с

Ангелами, нежели с прочими смертными<sup>14</sup>. К концу четвертого века в горе Нитрийской жило около пяти тысяч иноков, разделенных на 50 монастырей, частью общежительных, частью отшельнических. Общим местом собрания был для них один храм, куда они собирались в субботу и воскресенье для общих молитв, проводя остальные дни седмицы в подвигах благочестия в своих монастырях.

В горе Нитрийской было восемь пресвитеров, но только один из них совершал Литургию, решал недоумения и предлагал советы братии, пока был жив. Без его дозволения никто не мог предлагать общих наставлений<sup>15</sup>.

Руфин, Палладий и блаженный Иероним<sup>16</sup> знакомят нас с образом жизни Нитрийских подвижников.

Первою обязанностью иноков было повиновение старшим. Общим правилом пустынников было то, что отсечение своей воли есть самый безопасный и надежный путь к духовному совершенству. Чтобы приучить к отречению от своей воли, давали часто приказания трудные и не представляющие ясной цели. Это для того, чтобы приучить не рассуждая делать то, что приказано. Ничто более сего не могло смирить и покорить закону святого самоотвержения, того самоотвержения, которое творит истинного монаха и без которого он никогда не достигнет высшего совершенства. Старцы, которым новоначальные отдавали себя в послушание, любили передавать своим послушникам советы, как завет отцов, прежде живших, которых изречения и советы и примеры они хранили в своей памяти.

Они хотели вести их на поприще иноческих подвигов тем путем, которым сами шли. Таким образом сохранялся дух первых подвижников и преемственно передавался от одного поколения другому. Они понимали, и опыт подтвердил, что иноческая жизнь тогда ослабевала, когда стали уклоняться от преданий старцев и вводить новые обычаи. Потому Феодор Фермейский с грустью обличал даже то уклонение от обычая предков, что монахи за трапезою, принимая чашу для питья, не говорят по древнему обычаю: благослови, отче!

Для удобнейшего надзора и подчинения жившие в горе Нитрийской разделялись на десятки и сотни. Старший инок был

начальником над девятью своими собратиями, и у каждой сотни был свой начальник, заботившийся о телесных и духовных нуждах подчиненных. Но все сии начальники зависели от главного начальника, которому отдавали отчет в своем управлении.

Пустынники жили или по одному в келлии, или по двое и по трое, иные в большом числе образуя значительное общество, которое в общей совокупности можно назвать монастырем. Все сии иноки жили под управлением начальников; иные отходили далее как анахореты, поселялись вдали в келлии и даже в пещере. Общим правилом для жизни было то, что до девятого часа дня, или до трех часов пополудни, иноки проводили время в молчании, прилежа богомыслию, молитве, чтению, рукоделию. Никто не мог ходить в келлию другого, кроме начальника. Он посещал иноков, чтобы видеть их подвиги, давать нужные наставления, укреплять их в искушениях, утешать в скорбях.

В девятом часу они собирались петь псалмы и читать Св. Писание в молельнях, которые были при каждом монастыре. При наступлении вечера, пишет Палладий о нитрийских монахах, можно стать и слышать в каждой келлии хвалебные псалмы и песни, воспеваемые Христу, и молитвы, воссылаемые на небеса; иной подумал бы, что он восхищен и перешел в рай сладости.

После молитвы, когда они сходятся, настоятель предлагает им поучение. Это поучение обыкновенно следовало за чтением Св. Писания и имело предметом объяснение и приложение прочитанного чтения. Блаженный Иероним описывает благоговение, с каким слушали наставление. Все сидят в молчании; никто не смеет плюнуть, или поднять глаза. Свое одобрение они свидетельствуют только слезами, которые проливают в молчании, заглушая вздохи, извлекаемые сокрушением. Но когда Авва начал беседовать о Царстве Небесном, о будущем блаженстве, они поднимали взоры к небу, во глубине души говоря: кто даст ми крыле яко голубине и полещу и почию (Пс. 54, 7). Выслушав поучение, иноки расходятся и каждые десять братий садятся за стол с своим

начальником. За столом каждый из братии служил по очереди в течение недели. Во время стола сохраняли полное молчание. Пищею их был хлеб, овощи и травы, для которых единственной приправой была соль. Во дни великой четыредесятницы они вкушали только хлеб и воду. С Пасхи до Пятидесятницы они имели трапезу в полдень. Это было некоторым облегчением поста, ради радости Воскресения Христова. Только старцы употребляли вино и имели иногда ужин; прочие вкушали пищу, однажды в день. Эконом обязан отведывать пищу приготовленную для братии. После трапезы, принеся благодарение Господу, расходятся по своим кельям и до вечера беседуют с братией одного десятка. Предметом беседы были только назидательные истины. «Заметил ли ты, говорили они, сколько благодати небесной получил такой-то? как молчалив такой-то? какой у него вид важный и скромный?» Таким образом, их разговор имел предметом добродетели, какие они усматривали у других, а не их недостатки. Всякое злословие, даже шутка были удалены из их разговоров; они утешали немощных, побуждали друг друга к большему преспеянию в добродетелях. Потому после беседы расходились по кельям не с обремененною грехами языка совестью, но с сердцем, проникнутым желанием высших подвигов.

Хотя правила не требовали от иноков нитрийских, чтобы проводили большую часть ночи в молитве, но, по свидетельству блаженного Иеронима, уходя в свои кельи, они любили проводить большую часть ночи в молитве. Для их сердца, жаждущего единения с Богом в молитве, всегда кратким казалось время беседы с Богом, и они у сна столько отнимали времени для богомыслия, сколько позволяла немощь плоти. Если начальник заметит, что кто-либо из братии не часто упражняется в келейной молитве, он не дает выговоров, но примером иноков и представлением сладости и благодатных действий молитвы старается пробудить любовь к ней.

Каждый день иноки выучивали что-либо из Св. Писания, которое было для них духовною пищею, они вместе с тем старались сообразовать с ним свою жизнь. Такое, пишет Руфин о нитрийских монахах, видали мы у них упражнение в Св.



Писании, разумение и углубление в божественные истины, что каждый из них мог быть проповедником божественной мудрости<sup>17</sup>.

Иноки горы Нитрийской, где монашество насаждено и руководствуемо было Великим Антонием, ревностным защитником православия, верность свою православному исповеданию Господа Иисуса Христа, во время гонения Лукиева при Валенте, запечатлели своею кровью. Лукий, арианский епископ в Александрии, думал, что гонением успеет склонить их к арианству и чрез них увлечь народ, который, не любя спорить о догматах, следовал их учению, руководствуясь тою мыслью, что истина известна тем, которые добродетель свою показывают делом. Прибыв в Нитрийскую гору, Лукий хватал подвижников в то время, когда они врачевали недуги, изгоняли бесов. Руфин пишет: когда иноки ждали нападения от воинов, к ним принесен был из среды народа кто-то с иссохшими членами так, что не мог стоять на ногах. Помазав его елеем, они велели ему во имя Христа, гонимого Лукием, встать и идти домой. Больной сделался здоров. Но это не вразумило Лукия. Иноки были подвергаемы посмеянию, побоям, обнажению, ввергаемы в узы, умерщвляемы, ссылаемы в изгнание. Преследуемые лжеепископом Лукием, они погибали целыми толпами или скрывались в глубочайшие пустыни, унося с собою и в мрак могилы и в дикую пустыню отрадную и светлую веру в Сына Божия. Все неистовство ариан должно было уступить этой непоколебимости веры и ограничиться одним изгнанием начальников пустынников Макария Египетского, Макария Александрийского, Памво, Гераклида, Исидора и других<sup>18</sup>. И это послужило только к прославлению имени Господа Иисуса Христа. Лукий, выведши из пещерного убежища, пишет Феодорит, сих настоятелей божественных сонмов, сослал их на один остров, населенный людьми нечестивыми и не выдавший в своих пределах ни одного учителя благочестия. Когда судно подплывало к острову, чтимый тамошними жителями демон оставил идола, который долго ему служил жилищем, вселился в дочь жреца и беснующуюся привел к берегу, к которому гребцы направляли судно. Пользуясь языком девицы, как орудием, он

произносил следующее: «Уж это могущество ваше, служители Христовы! Отвсюду изгоняли вы нас – из городов и сел, с гор и холмов, и даже из необитаемой никем пустыни. Живя на этом острове, мы надеялись избежать ваших стрел, но обманулись в надежде. Гонители сослали вас сюда не для того, чтобы причинить вам скорбь, а для того, чтобы вашею силою изгнать отсюда нас. Мы уходим и с этого острова, потому что изгоняемся лучами вашей добродетели». Сказав это, демоны повергли девицу на землю, а сами исчезли. Между тем божественный этот сонм подвижников, помолившись, воздвиг девицу и отдал её отцу смыслящею и здоровою. Очевидцы этого чуда, упав к ногам тех святых, умоляли их дать им средства к спасению, разрушили идольское капище и, озарившись лучами учения, сподобились благодати всесвятого крещения. Как скоро весть о сем распространилась в Александрии, все собрались и порицали Лукия, говоря, что им угрожает гнев Божий, если тот божественный сонм не будет возвращен. Посему, боясь возбудить в городе волнение, Лукий позволил святым мужам возвратиться в пещеры<sup>19</sup>.

Несколько позднее на некоторых из монахов нитрийских пало обвинение в привязанности к ложным мнениям Оригена. Труды Оригена в критическом исследовании текста Св. Писания и его переводов возбудили общее внимание Церкви с самого своего появления. Таинственное изъяснение в толкованиях Оригена давало обильную пищу для духовных созерцаний. Потому труды Оригена были с любовью принимаемы иноками. Но пастыри Церкви опасались, что при нерассудительном чтении писаний Оригена распространятся и те заблуждения, которые встречаются в его сочинениях.

Замечая, что многие из простых христиан имели человекообразные представления о Божестве, Феофил Архиепископ Александрийский в одном из своих пасхальных посланий старался раскрыть неправильность такого понятия о Божестве. Это послание возбудило сильное волнение между многими иноками египетскими. В большом числе пришли они в Александрию, готовые в порыве неразумной ревности убить Феофила, как нечестивого. Феофил встретил их словами: «Видя

вас, я вижу как будто лицо Божие». Эти слова усмирили иноков. «Если ты в самом деле так исповедуешь, то осуди книги Оригена; ибо читающие их приводятся к противным сему мыслям». «Но у меня это давно положено, сказал Феофил; ибо столько же как вы порицаю последователей Оригена». Это успокоило иноков, и вопрос этот был бы, вероятно, забыт, если бы не примешалась к сему личная неприязнь Феофила к Исидору, начальнику странноприимной в Александрии, и к братьям Аммону, Диоскору, Евсевию и Евфимию, называемым по высокому росту своему долгими<sup>20</sup>. Они пользовались сначала уважением Феофила. Против воли троих из них он извлек из пустыни; Диоскора сделал Епископом Гермополиса; двое других проходили должность экономов при Александрийской церкви. Видя несправедливость Феофила в употреблении церковных имуществ, они оставили город и удалились опять в Нитрийскую гору. К ним по тому же побуждению перешел и Исидор. Феофил возбудил против них, как упорных оригенистов, множество простых иноков, так что открылось возмущение. Тогда Феофил с войском прибыл в Нитрийскую гору, чтобы разорить келлии гонимых. Преследуемые своим Архиепископом, братья далее решились искать защиты у Константинопольского Архиепископа Иоанна. Уже то, что сей учитель вселенский не согласился на осуждение иноков нитрийских и ходатайствовал за них пред Феофилом, свидетельствует, что он не считал их зараженными ложными мнениями Оригена. Св. Епифаний, сначала восстававший против них, после личного объяснения мирно простился с ними<sup>21</sup>.

Сам Феофил свидетельствует, что заблуждения Оригена не были распространены в горе Нитрийской. В письме к блаженному Иерониму он пишет: Феодор видел все монастыри нитрийские и может свидетельствовать о воздержании и кротости монахов, как по удалении последователей Оригена мир возвратился в Церковь и сохраняется учение Господне<sup>22</sup>.

Кроме подвигов молитвенных и чтения Св. Писания вменялось инокам в обязанность заниматься по келлиям рукоделием. Все монастыри египетские, пишет Иероним<sup>23</sup>,

обязывают каждого вступающего заниматься рукоделием не для того только, чтобы снискивать пропитание, но для спасения души, дабы ум не увлекался губительными помыслами. На каждый день, исключая воскресного, в который они занимались только чтением и молитвою, назначалась известная работа, которую принимал вечером начальник десяти братий и ежемесячно сам давал отчет эконому. Рукоделие было самое простое: плетение рогож, корзин и другие занятия, которые можно делать сидя в келлии. Праздность правила иноческие преследовали как самый опасный порок. Трудясь единственно в пользу обители, иноки получали и все нужное от обители. Но как ограничены были их нужды! Одна власяница, одна мантия для одеяния и рогожа для спанья – вот все имущество инок. Что было сверх сего, то было излишеством. Если казались инок ветхи его власяница, мантия, рогожа, он не имел права просить новых. Наблюдать за нуждами иноков поручено было эконому, чтобы никакая забота земная не отвлекла сердца их от заботы о своем спасении. Всякое стяжание считалось тяжким грехом. У одного отшельника нашли после смерти сто златниц, которые добыл он, прядя лен. По суду старцев, он лишен был погребения. Были иноки, которые не знали совсем цены денег. Таков был Альбин; он не носил сандалий, в течение всей жизни в горе Нитрийской носил кожаную одежду. Совершенную нищету, как избавляющую от всех забот, считал он высшим благом. Жить в совершенной нищете, говорил он, значит быть царем. Если кто-либо из братии делался болен, то его переносили в более обширную келлию и там окружали попечениями, так что, по словам блаженного Иеронима, ему не оставалось желать ни попечений матери, ни удобств города. Пресвитер нитрийский Исаак выстроил для больных иноков и для приходящих большую больницу, где находили они себе успокоение. У них были искусные в врачевании иноки, которые помогали не только своим инокам, но и посетителям. Если любовь к умерщвлению плоти заставляла иноков и во время их болезни отрекаться от услуг других, то с другой стороны любовь начальников спешила предложить им все нужные пособия.

С полною же любовью принимали иноки приходящих к ним. Подле церкви, пишет Палладий, есть странноприимный дом, в котором содержат странника во все время пребывания его на горе, хотя бы оно продолжалось два или три года, пока он не захочет оставить гору. Ему дозволяют жить без дела только одну неделю, а в следующие дни дают ему дело или в саду, или в пекарне, или на поварне; если же странник человек знатный, то ему дают читать книги, но беседовать с ним никому не дозволяют до шестого часа дня. Руфин так описывает прием, какой ему сделали иноки нитрийские. Лишь только мы приблизились, где могли увидеть нас иноки, как тотчас же они вышли из келлий и поспешили к нам навстречу, многие из них несли мехи с водою и хлебы. Встретив, они ввели нас с псалмопением в церковь, омыли нам ноги и отерли своими мантиями, будто облегчая тяжесть пути, но на самом деле таинственными наставлениями омывая скорби земные. Что скажу о их приветливости, услугах и любви, когда они все наперерыв спешили принять в свои келлии? Не только они предлагали с радостью то, чего требовал долг гостеприимства, но старались поделиться с нами сокровищем, каким сами владели, уча нас смирению кротости и другим добродетелям, какие сами имели. Никогда не видел я, чтобы с такою любовью, с таким горячим участием исполняемо было дело гостеприимства. Когда Иероним с Павлою, в 383 г., посещали Нитрийскую гору, называемую Иеронимом градом Божиим, все иноки вышли навстречу путникам. «В чью келлию, пишет Иероним о Павле<sup>24</sup>, она ни входила, к чьим ногам ни припадала, в каждом монахе она верила видеть Христа, и то, что принесла с собою для них, верила, что принесла для Самого Бога. Забывая пол и слабость, она хотела бы поселиться навсегда между иноками».

Изложив вообще образ жизни нитрийских подвижников, познакомимся с некоторыми из более замечательных, каковы Пиор, Памво, о которых Аммон говорит, что они особенно сияли добродетелями вместе с Аммоном Нитрийским, Ор и Афре ученик его.

Пиор, уроженец египетский, ещё в юных летах оставил дом своих родителей и показал такую твердую решимость проводить иноческую жизнь, что тогда же дал обет убегать случаев к свиданию с родителями на земле. Он отдался под руководство Великому Антонию. Пример и наставления великого любителя безмолвия пробудили в душе его желание совершенного отшельничества. Имея двадцать пять лет от роду, он пожелал подвизаться один в пустыне. «Иди, сказал ему Антоний, когда Пиор открыл ему свое желание, пребывай, где хочешь, и когда Бог внушит тебе, приди посетить меня». Пиор поселился в пустыне около горы Нитрийской. Он выкопал колодезь, и хотя вода была очень горька, но он не оставлял своего места. Многие из великих подвижников хотели жить на месте его, но не могли прожить и одного года, потому что вода была очень горька и место дико, лишено всех удобств жизни. Не раз братия убеждала его оставить это место. Он отвечал им на их убеждения: если мы будем избегать горести и труда, и воздержания и захотим иметь в сем мире покой, то после исхода из сей жизни не получим вечных благ и не насладимся бесконечною райскою радостью. Для своего пропитания, подобно другим отшельникам, Пиор ходил жать к земледельцам. Однажды, окончив жатву, он напомнил хозяину поля о плате. Тот отложил плату до времени, и Пиор, работая и другой год, возвратился, не получа платы. То же было и на третий год. Но когда Господь благословил изобилием поселянина, он, взявши деньги, пошел отыскивать инок, работавшего у него. Когда нашел Пиора, упав к ногам его, сказал: Господь ущедрил меня, возьми. Пиор велел отдать деньги пресвитеру.

Пиор ел только шесть унций хлеба и пять маслин, и то принимал пищу ходя. Когда его спросили, почему он так делает, Пиор отвечал: не хочу заниматься пищею, как делом, и потому ем между делом и вместе для того, чтобы душа не ощущала телесного удовольствия. Любя сам труды и само умерщвление, он любил облегчать труды других. Посещая других иноков, Пиор, чтобы не быть им в тягость, приносил с собою хлеб. Довольствуясь сам горькою водою, он силою молитвы своей

помог инокам, трудившимся в ископании колодца, достать свежей воды. Стараясь облегчить немощи телесные ближних, он был снисходителен и к немощам душевным. Однажды в скиту было собрание по поводу падения одного брата. Отцы говорили, но Пиор молчал. Потом встал, вышел, взял суму, наполнил её песком и носил на плечах своих. Насыпал также песку в другую корзину, которую надел наперед. Отцы спросили его, что это значит? Он отвечал: «Сума, в которой много песку, – это мои грехи, много их, но я оставил назади, чтобы не плакать об них: а вот это немногие грехи брата моего; они наперед у меня, и я рассуждаю об них и осуждаю брата моего. А не должно бы так делать!

Лучше бы мне свои грехи носить наперед, скорбеть об них и просить Бога о помиловании». Отцы, выслушав его, сказали: вот истинный путь спасения!

В течение долгой своей жизни Пиор сохранял обет не видеть своих родителей. Так прошло тридцать и более лет. Сестра его, оставшаяся вдовою, послала двоих своих детей отыскать Пиора в пустыне. Они нашли наконец его и сказали ему: мы – дети твоей сестры, но Пиор не принял их. Тогда они обратились к Антонию и просили его убедить посетить их мать. Антоний призвал к себе Пиора. «Почему ты, брат, столько времени не приходил ко мне?» «Ты велел мне, святой отец, придти тогда, как Бог внушит мне, но я доселе не имел повеления Божия о сем». «Поди, сказал ему Антоний, и посети сестру». Взяв с собою монаха, Пиор пришел к дому сестры и, закрыв глаза, стал около крыльца, чтобы не видеть сестры. «Вот я Пиор твой брат. Смотри на меня, если хочешь», и тотчас же возвратился в свою пустыню. Пиор владел даром чудотворений и скончался в глубокой старости<sup>25</sup>.

Все, упоминавшие о св. Памво, представляют его как друга Божия, который учил тому, чему сам научился от Господа Иисуса Христа, – как одного из тех небесных людей, которые по чистоте и святости более подобны бесплотным, нежели простым людям, – как учителя, свыше просвещенного в путях Божиих и получившего дары чудотворений.

Оставив мир, Памво обратился к одному пустыннику и просил его выучить некоторым псалмам на память; ибо не знал грамоте. Первые слова он услышал: рех сохраню пути моя, еже не согрешати языком (Пс. 38, 2). С меня довольно этого, сказал он отшельнику. Через полгода пустынник встретил Памво и спросил его: почему он не является? Я не выучил ещё и первого урока, сказал Памво. Прошли двадцать девять лет: один из друзей Памво спросил его, выучил ли он урок. С трудом только начинаю знать его, отвечал Памво. Этот урок такое глубокое впечатление оставил в душе Памво, что любовь к молчанию была одною из главных его добродетелей. Три превосходные добродетели особенно заметны в Памво, говорит Пимен, ежедневный пост, строгое молчание и любовь к рукоделию. Молчанию учил Авву Памво и Великий Антоний, к которому ходил он учиться иночеству. Эта любовь к молчанию согласовалась и с духом его, всегда собранным и полным страха Божия. Собранность духа заставляла любить молчание, а молчание сохраняло собранность духа. Феофил, Архиепископ Александрийский, пришел однажды в скит. Пустынники просили Памво сказать что-нибудь для его назидания. Если мое молчание, говорил Памво, не будет для него назидательно, то и слова мои не произведут сего. Один брат спросил, хорошо ли хвалить других. Памво отвечал: ещё лучше молчать. Это и было причиною, что он всегда был степенен и важен и никогда не смеялся. При конце жизни своей он мог с дерзновением сказать: я не раскаиваюсь ни в одном слове, которое сказал.

Но эта степенность Памво не была следствием жесткости характера. Чаще всего приходившим к нему за наставлениями Памво внушал милосердие и любовь к ближним. Один пустынник спросил его: почему злые духи препятствуют мне делать добро другим? Он отвечал: не говори так; скажи лучше: я сам не хочу быть милосердным. Также, когда Феодор Фермейский просил у него назидания, Памво сказал ему: ступай и будь ко всем милосерд. Сам он охотно готов был всегда терпеть великую нужду, только бы успокоить другого. Он всякий день занимался рукодельем и в течение жизни не съел куска хлеба, который получил бы даром. Он носил всегда ветхую



одежду, покрытую многими заплатами, и братии советовал носить такую одежду, чтобы никто не поднял её, если бы она выкинута была дня на три. Палладий пишет, что венцом совершенства Памвы было презрение к золоту и серебру. Блаженная Мелания так рассказывала о своем свидании с Памвою<sup>26</sup>. Вскоре после прибытия из Рима в Александрию, услышав от блаженного пресвитера Исидора о добродетельном житии Памвы, я отправилась к нему в пустыню. Принесла я с собою ящик с тремястами литр серебра и просила его принять это приношение от моего имущества. Он сидел и плел из ветвей корзину и, не оставив своей работы, сказал: Бог наградит тебя. Потом сказал Оригену: возьми это и употреби на нужды братии, живущей в Ливии и по островам. Сии монастыри скуднее прочих; а из живущих в Египте братий он не велел никому давать: ибо страна сия, говорил он, плодороднее других. Я стояла и ждала, чтобы он почтил меня, или хотя слово сказал бы мне за такое приношение. Ничего не слыша от него, я сказала: господин мой, да будет тебе известно, что здесь триста литр. Он, не взглянув на ящик, сказал: «Дочь моя! кому принесла ты это, тому не нужно сказывать, сколько тут весу. Он взвесил, – горы и холмы поставил весом; тем паче знает он вес твоего серебра. Если бы ты отдала это мне, то хорошо было бы сказать и о его количестве. Но если ты это принесла Богу, Который не отвергнул и двух лепт, но оценил их дороже всех других приношений, то молчи и будь спокойна». Немного спустя, желая наградить усердие, он, призвав её в то время, как приближалось время его кончины, вплел последний прут в корзину, которую работал и сказал Мелании: возьми эту корзину из моих рук на память обо мне, другого ничего не могу оставить тебе. Эту корзину Мелания берегла до своей кончины. Высокая жизнь Памвы и его внимательность к словам и великая осмотрительность в ответах делали то, что его наставления принимали с особенным благоговением, как изречения Самого Бога. Осмотрительностью в слове, пишет Палладий, Памво превосходил даже Антония Великого, – он никогда не отвечал на вопрос тотчас, но говорил, что ещё не нашел ответа. Часто проходило месяца три и он не давал ответа, говоря, что ещё не

знает, что отвечать. Собственным своим недоумением в разрешении вопроса он искал озарения в молитве. Два пустынника пришли к нему однажды за наставлениями. Один из них сказал: Авва! обыкновенно я пощусь два дня и потом съедаю два малых хлеба, как ты думаешь, спасусь ли я, поступая так? Другой сказал: а я, Авва, каждый день за рукоделье получаю две малых монеты, из них на одну достаю пищу себе, а другую отдаю бедным: спасусь ли я, поступая так? Четыре дня они не получали ответа от Памвы. Наконец, они пришли проститься к нему. Увидев их, Памво сказал им в назидание, как бы говоря о себе: Памво постится два дня сряду и потом съедает два малых хлеба; монах ли он поэтому? Нет! Памво каждый день получает за свое рукоделие две монеты, коих часть отдает в милостыню; монах ли он поэтому? Нет! Все это хорошо, но если совесть твоя будет безукоризненна пред ближними, то спасешься. Пришли ещё однажды к нему из скита четыре брата. Один из них постился много, другой был нестяжателен, третий стяжал великую любовь, четвертый двадцать два года прожил в повиновении старцу. Памво сказал, что добродетель последнего выше всех, первые стяжали добродетели по своей воле, а сей, отвергшись своей воли, исполняет волю другого. Такие люди подобны исповедникам, если до конца пребудут в послушании. Были в пустыне Нитрийской два брата Паисий и Исаия, дети богатого испанского купца. Разделив богатое имение, они пошли в монахи. Один из них раздал все имение по монастырям, церквам и темницам и, ремеслом добывая себе пропитание, посвятил себя подвижничеству и молитве. Другой построил монастырь для небольшого числа братии, принимал странных, лечил больных, покоил престарелых, подавал милостыни всякому бедному, два раза в неделю кормил неимущих. Оба они были совершенны. После кончины их братия пришли в недоумение, чья жизнь была выше. Для разрешения сего недоумения пришли к Памво; Памво сказал: оба они равно совершенны пред Богом. Тот, который принимал всякого и покоил, совершал дело Авраама, а другой для благоугождения Богу возлюбил ревность Пророка Илии. Когда братия все ещё изъявляли сомнения, Памво вновь

сказал, что они равны пред Богом. Один последовал Господу ежедневным несением креста, другой служением своим ближним. Небесное откровение подтвердило справедливость суждения Памвы. Он видел обоих братьев стоящими вместе в раю.

Сам Великий Антоний говорил о Памво, что Дух Божий почил в его сердце. Подвижники египетские почитали верхом совершенства достигнуть высоты добродетели Антония и Памво. Хотя Памво три года молил Бога, чтобы Он не дал ему славы на земле; но Бог так прославил его, что никто не мог смотреть на лицо его по причине блеска, сиявшего на нем. Но ничто не могло ослабить в нем чувства глубокого смирения. Предсмертным словом его было: я отхожу к Богу так, как бы ещё не начинал служить. Св. Афанасий, вероятно, для обличения ариан вызывал Памво в Александрию. Он скончался тихо 70-ти лет от роду. Мелания имела утешение служить ему при его погребении<sup>27</sup>.

Авва Ор, нитрийский пустынник, жил сперва вместе с Сисоем в Скиту. Но когда Скит сделался многолюднее, они оставили его, и тогда как Сисой удалился на гору св. Антония, Ор поселился в горе Нитрийской. Пустынники, знавшие Ора, говорили, что он не только никогда не лгал и не обижался, но и не говорил без крайней нужды, и даже не хотел слышать праздных речей. «Смотри, – говорил он своему ученику Павлу, – никогда не приноси чужих речей в эту келлию». Конечно потому, что это отвлекает ум от предметов небесных и бесценное время теряется в пустых словах.

В то время, как его руки заняты были работою, он сердце свое питал благочестивыми размышлениями. Однажды с Аввою Феодором они поправляли свою келлию. Вдруг пришла им мысль: что мы будем делать, если Господь воззовет нас к Себе? Эта мысль так поразила их, что они залились слезами, оставили работу и ушли в келлию оплакивать свои грехи. Авва Ор и Авва Феодор, что бы ни случалось с ними, всегда благодарили Господа.

Авва Ор в основание своего совершенства положил смирение. Заповедь о добродетели смирения была первая,

которую дал Ор своему ученику Сисою. Смирение было главною его добродетелью, и он называет смиренномудрие венцом инок, а о помысле гордости говорил, что он все разрушает. Этот опасный помысл, когда он вторгается в душу, он учил отсекал строгим испытанием своей совести: все ли ты исполнил заповеди? любишь ли врагов своих? соболезуешь ли об их несчастиях и считаешь ли себя рабом непотребным, грешнейшим из всех? Не помышляй в сердце своем; я живу воздержнее брата и строже его; но покорись благодати Христовой в духе нищеты и нелицемерной любви, дабы не пасть тебе от тщеславия и не погубить трудов своих. Мняйся стояти, да блюдется да не падет (1Кор. 10, 12).

Для утверждения в смирении он советовал удаляться от похвал людских. Кого хвалят или почитают не по достоинству, тот терпит великий вред, а кто не получает никаких похвал от людей, тот прославится на небесах. Для этого советовал скрываться от мира и людей, представляя себя безумным во многих случаях. Сам Ор избегал всякой славы от людей. Вельможа Лонгин, очень усердный к инокам, желал видеть его; постарайся, сказал Ор брату, высказавшему желание Лонгина, чтобы он не переходил этой долины, дабы видеть меня.

Глубокое смирение Ора заставляло его во всех скорбях и искушениях не жаловаться ни на кого, а говорить, что это «случилось по моим грехам».

Человек столь смиренный должен естественно удаляться всего, что оскорбляет других. Так Ор отвращался злословия, называя его смертью души. Чтобы избежать сего порока, он советовал, раз провинившись в нем, идти к брату и в ногах его молить о прощении, обещая впредь не злословить.

Для большего очищения Ора Господь посетил его продолжительною болезнью. Семнадцать лет он был болен. Неразлучным учеником, с которым тесно соединен был он духом, в последнее время был Афре. Как Ор отличался смирением, так Афре послушанием. Однажды, когда Сисой посещал Ора, кто-то принес болящему Ору небольшую рыбу. Афре стал её резать, его позвал Ор. Не dokonчив дела, Афре в ту же минуту пошел к старцу. Сисой подивился послушанию и

спросил, где он научился ему? «Это послушание старца, а не мое, сказал Афре. Посмотри, каково его послушание». Афре, сварив немного рыбы и нарочно испортив варево, подал его старцу. Старец ел, не говоря ни слова. Хорошо ли, старец, спросил Афре? Очень хорошо, отвечал старец. Потом Афре принес ему несколько рыбы, хорошо приготовленной, сказал: прости, старец, я её испортил. Да, немного испортил, отвечал старец. Видишь, сказал Афре, что старец у меня в послушании<sup>28</sup>.

## Пустыня Келлий

Пустыня Келлий отстояла от горы Нитрийской на десять тысяч шагов к юго-востоку. Это была обширная пустыня, в которой, в таком расстоянии, чтобы нельзя было ни видеть, ни слышать друг друга, рассеяны были келлии отшельников. Основанные здесь, по благословению Великого Антония, Аммоном Нитрийским келлии так умножились, что живущих в них было до шестисот человек. Иноки пустыни Келлий соединены были в своем управлении с иноками Нитрийскими. Сюда удалялись обыкновенно любители уединения из горы Нитрийской, после того как уже утвердились в жизни иноческой. Здесь они проводили жизнь более безмолвную; потому и их келлии так удалены были друг от друга, чтобы ни взор, ни слух не развлекался близким сожитием других братьев. Потому и поставлено было правилом не ходить одному в келлию другого, чтобы не нарушать безмолвия. Только по субботам и воскресеньям они собирались в храм для общего богослужения и тут, как бы восхищенные на небо, изливали свою душу в пламенных молитвах к Богу. Если замечали, что кто-либо из братьев не приходил к общему богослужению, это было знаком, что он или болен, или скончался, тогда каждый спешил к его келлии и нес, что имел, дабы или облегчить страдания больного, или воздать последний долг усопшему. Если приходил кто-либо к ним, каждый готов был отдать ему свою келлию. Пустыня Келлий управлялась пресвитером, кажется начальником и в горе Нитрийской<sup>29</sup>.

Между подвижниками и пресвитерами пустыни Келлий первое место занимает Макарий Александрийский. После Антония Великого Макарий Александрийский вместе с Макарием Египетским пользовались особенною славою и уважением в Египте; они превосходили других своим подвижничеством, образом жизни и качествами сердца. Оба они, по словам Сократа и Созомена, были удивительны по своим пророчествам и высокому любомудрию, оба страшны для демонов, оба произвели много чудес и исцелений, оба были

столпами Церкви, возлюбленными Богу, великими, блаженными<sup>30</sup>.

Макарий, пресвитер Келлий, получил название Александрийского, потому что родился в Александрии. В молодости он занимался мелочною торговлею, но и тогда он отличался кротостью и скромностью и знал наизусть писания Ветхого и Нового Завета. Родившись в 295 году, 40 лет от роду, он принял св. крещение и, вероятно, тогда же избрал отшельнический образ жизни и поселился в пустыне Нитрийской. У него было в этой пустыне три келлии – одна в Ските, другая в пустыне Келлий, третья в горе Нитрийской. Но эти келлии были устроены не для удобства жизни, но для большего самоумерщвления. Келлия в пустыне Скита была без окон. Там он обыкновенно проводил великую четырехдесятницу, чтобы, не развлекаясь и видом природы, посвящать себя на служение Богу. В пустыне Келлий его жилище было так тесно, что он не мог в ней протянуться во весь рост; более обширна была его келлия в горе Нитрийской, где он принимал приходивших к нему для духовной беседы. Он так прославился своим подвижничеством, что слава о нем распространилась по всему Египту. Несколько после того, как Макарий Египетский поставлен был пресвитером Скита (в 340 г.), Макарий Александрийский посвящен был во пресвитера пустыни Келлий<sup>31</sup>. Макарий Александрийский отличался особенно своею любовью к уединению и молитве и строгим покаянием. Не было подвига самоумерщвления между другими подвижниками, которого бы он не старался исполнить, и притом в высшей степени. Услышав, что один пустынный ест только по одному фунту в день, он разломил хлеб свой на малые куски, положил их в глиняный сосуд с узким горлом и решился есть в день столько, сколько может взять рукой. В продолжение трех лет он съедал в один раз не более 5 унций хлеба. Вот, с улыбкою рассказывал он инокам, возму бывало побольше кусков, а узкое горло не дает мне их вынуть, мой кувшин совсем мне не давал есть. Соответственно с сим и воды пил он мало, масла в целый год употреблял он по половине кружки. С течением времени он все увеличивал подвиги воздержания.

Обыкновенным его правилом было вкушать однажды в неделю, хотя он много работал. Однажды он пошел к пустынникам резать пальмовые ветви для корзин, какие они плели: братия в первый день просили его есть с ними, он уступил их просьбе. Но когда на другой день опять стали предлагать ему пищу, он отказался, говоря, что может обойтись без пищи.

Ему сказали, что в Тавенне ученики Пахомия в продолжение великого поста не едят ничего вареного. Макарий в подражание сему подвигу в течение 7 лет питался только сырыми овощами, размоченными в холодной воде. Слух о высокой жизни тавеннских иноков возбудил в нем желание лично узнать устав Пахомия, и поучиться иночеству у него, и вместе с тем, может быть, укрыться от уважения, каким он пользовался в пустыне Нитрийской. Пятнадцать дней шел он по этим пустыням до Фиваиды. Пришедши к воротам монастыря, он смиренно просил принять его в число иноков. «В таких престарелых летах, сказал ему Пахомий, как ты можешь подвизаться? Здесь братия подвизаются с самой юности, и переносят изнурительные труды, потому что привыкли: а ты в таком возрасте не можешь переносить испытаний подвижничества; ты станешь роптать, а потом уйдешь из обители и будешь нас злословить». Семь дней Пахомий не принимал Макария, и все это время он оставался без пищи; наконец Макарий сказал Пахомию: «Авва, прими меня, если я не стану поститься, как они, и не буду делать, что они делают, тогда вели меня выгнать из обители». Макария приняли в обитель. Вскоре наступила великая четырехдесятница. Монахи приняли на себя различные подвиги: один вкушал пищу через день, другой чрез пять дней, иной всю ночь стоял на молитве, а днем сидел за рукодельем. Макарий, наготовивши себе пальмовых ветвей, стал в углу и в продолжение всей четырехдесятницы до самой Пасхи не принимал хлеба, не пил воды, не садился, не ложился; только по воскресеньям съедал несколько листьев сырой капусты, и то для того, чтобы видели, что он ест. Все занятие его состояло в молитве сердечной и в плетении ветвей; в течение всей четырехдесятницы он не сказал ни слова и в безмолвии стоял в углу. Узнав о подвигах нового



инока, Пахомий молил Бога открыть ему, кто он такой? И ему открыто было, что это Макарий, которого имя и дела известны были всему Египту. Тогда Пахомий взял Макария за руку и, приведши в молитвенный дом, облобызал его и сказал: а подойди сюда, честный старче! Ты Макарий, и скрывал это от меня. Много лет желал я видеть тебя; потому что слышал о делах твоих. Благодарю тебя; ты смирил чад моих; пусть они не превозносятся подвигами своими: теперь возвратись в свою пустыню; ты довольно научил нас; молись за нас». Два великие старца назидали друг друга и духовной беседой. До нас дошел один вопрос из сей духовной беседы. Пахомий спросил Макария: если братия не соблюдает порядка, хорошо ли учить их? Макарий отвечал ему: учи и строго суди своих подчиненных, а из посторонних никого не суди, ибо сказано: не внутренних ли вы судите, внешних же Бог судит (1Кор. 5, 12–13).

Не довольствуясь всеми сими подвигами самоумерщвления, Макарий хотел победить сон. «Целые двадцать суток, так он рассказывал о себе, не входил я под кровлю, чтобы победить сон. Днем палил меня зной, а ночью знобил холод; мозг так у меня высох, что я наконец приходил в иступление. По крайней мере, сколько зависело от меня, я одолел сон, но уступал ему, как требованию самой природы».

Однажды, когда Макарий занимался рукоделем, комар укусил ногу Макарию. В порыве нетерпения он задавил его. Потом, раскаявшись в своей нетерпеливости, осудил себя на шесть месяцев сидеть нагим при скитском болоте. Здесь он так был изъеден комарами, что некоторые думали, не в проказе ли он, и когда он возвратился в келлию, только по голосу узнали, что это Макарий; подобному же наказанию подверг он себя, когда Макарий Египетский признал излишне строгим его суд над одним братом. Нет нужды говорить, что человек, подвергший себя такому самоумерщвлению, отрекался от всего, что могло доставить удовольствие чувствам. О таком отречении ревновал не один Макарий, но и все скитские подвижники, как показывает событие, рассказанное Палладием. Однажды Макарию прислали кисть свежего винограда. Хотя ему и хотелось тогда есть; но он отослал ее брату больному, желавшему винограда.

Брат этот, ревнуя о воздержании, отослал виноград к другому; и тот поступил так же. Виноград перебивал в руках у многих, но никто не хотел его вкушать. Наконец один из них, получив эту кисть, отослал её, как дорогой подарок, Макарию. Усердно благодарил, Макарий Господа за такое воздержание братий; но и сам не хотел съесть кисти винограда. Подвигами самоумерщвления подавляя всякое вожделение чувств Макарий и духовные помыслы подавлял тем же оружием. Однажды начали Макария беспокоить тщеславные помыслы, внушавшие ему отправиться в Рим для исцеления больных. Долго противился он им. Наконец, когда они объяли его сильнее, Макарий упал на порог своей келлии и, выставив ноги наружу, говорил демонам тщеславия: влеките меня, если можете; своими ногами я не пойду в другое место. Так он лежал до вечера. Ночью помыслы стали опять беспокоить его. Тогда он взял корзину, насыпал в нее две меры песку и, положив на плечо, ходил с нею в пустыне. Здесь встретился с ним инок Феосовий и просил его не изнурять себя, а отдать ношу ему. Макарий отвечал: я изнуряю того, кто меня изнуряет; мне, не любящему трудиться, он внушает охоту к странствованию. Изнунив тело свое, он возвратился домой. От строгого воздержания у Макария не было волос на бороде. Он был согбен и сухощав. Более других отцов Макария Александрийского называют любителем пустыни. Он проникал в самые отдаленные пустыни. Однажды, ходя по пустыне, он нашел весьма удобное для жительства иноков место, полное плодовых деревьев; там обитали два инок. Макарий просил у них позволения привести сюда для жительства несколько иноков, ибо место изобиловало всем нужным для жизни. Отшельники сказали, что это место полно страхований бесовских. Когда Макарий, возвратясь домой, рассказал о найденном им месте, многие молодые иноки пожелали туда удалиться. Но старцы на это возразили; если для удобств жизни переходят на другое место, то чего же мы можем ждать в будущем, наслаждаясь сими удобствами? – и этим остановили молодых иноков.

Строгую порядку Макарий подчинил свою жизнь. У него были во дни определенные часы для молитвы, он совершал не менее ста молитв. Были пустыnnики, которые совершали по триста и по семи сот молитв. Но Макарий хотел созерцательную жизнь соединить с деятельною. Потому, другая часть дня у него назначаемая была для рукоделья, а третья для служения братьям, которые получали от него советы и наставления. Впрочем, занимался ли он рукоделием или служил нуждам братии, он старался чтобы ум его всегда был устремлен к Богу. В последние годы своей подвижнической жизни однажды он пожелал, чтобы ум его в продолжение пяти дней непрерывно был устремлен к Богу так, чтобы никакая посторонняя мысль не отвлекала его от мысли о Боге. Заперши свою келлию, чтобы никто не потревожил его в этом занятии, он два дня и две ночи погружен был в созерцание Бога; но на третий день не мог продолжать своего подвига. Вследствие искушения дьявола ему показалось, что вся комната была объята пламенем; утешенный сим, он не мог сохранить ума своего неразвлеченным. Бог попустил это, говорил сам Макарий, для того, чтобы я не впал в гордость.

Великие подвиги самоумерщвления, постоянная чистота сердца и приближение к Богу в молитве даровали Макарию силу над демонами, духовную прозорливость и дар чудотворений. По свидетельству Руфина и Палладия, он безтрепетно встречал все нападения врага, исцелял одержимых нечистыми духами и имел благодать от Бога тайные приращения к инокам врагов спасения, пленение и рассеяние их мыслей усматривать в видимых образах. Чудотворений он совершил, по словам современных писателей, так много, что трудно их и перечислить. Он врачевал больных возложением рук: так он исцелил пресвитера, пораженного тяжкою болезнью за то, что, будучи в смертном грехе, совершал таинство Евхаристии. Он исцелил его, взявши с него обещание впредь не священнодействовать. Иногда врачевал он, помазывая благословенным елеем: так исцелил он одну знатную девицу из Фессалоники и одного отрока. Один слепой получил прозрение, умывшись водою, в которой развел глину, взятую из той стены,

у которой почивал Макарий. Лютые звери и змии не были страшны Макарию. Увидав однажды слепого детеныша гиены, он молитвою дал ему зрение. На другой день мать сего детеныша принесла Макарию кожу большой овцы. Мелания видела у Макария этот дар гиены, который Макарий после смерти своей оставил Афанасию Великому. В другое время Макария ужалил аспид; св. Макарий, взявши его за обе челюсти и растерзав его, сказал: как ты осмелился приблизиться ко мне, когда не посылал тебя Господь мой? Дивиться ли, так заключает о сих чудесах Палладий свое сказание, что людям, распявшимся миру, и гиена, ими облагодетельствованная, приносит дары во славу Бога и в честь его рабов? Тот, Кто укротил пред Даниилом Пророком львов, дал смысл и этой гиене.

Как пресвитер и посему начальник келлий, Макарий составил правило духовное для управляемой им братии<sup>32</sup>. Иночество, говорится в сем правиле, есть святое воинство. Сколько иноков, столько воинов у Иисуса Христа, которые под Его знаменем для Его славы сражаются, против дьявола, мира и самих себя.

Ко вступающему в монастырь Макарий был кроток и приветлив и своею ласкою располагал к подвижнической жизни. Приходящих в монастырь он заставлял прежде всего знакомиться с монастырским уставом, и когда узнают, что требуется от инока, от них берут твердое обещание исполнять предписываемое уставом, если они хотят оставаться в монастыре. Новопоступившие должны все, что имеют, отдать братии во время трапезы, и их имущество употребляется на пользу общую. Прежде всего им внушают, что не только какою-либо вещью, но и собою они не могут располагать: все должно быть посвящено на служение общее.

С особою ревностью монахи должны подвизаться в отречении своей воли и послушании: на приказание старцев иноки должны смотреть, как на слова спасения, и никогда не отрекаться от исполнения их. Начальника должно уважать, как Господа, любить его, как отца. Иноки должны быть мирны, кротки, чужды всякой гордости и тщеславия. Не должны никому

делать обиды или роптать на кого, хотя бы втайне, смеяться или прекословить, но говорить только доброе и назидательное и стараться быть угодными единому Господу Иисусу, а не заботиться о человекоугождении. Иноки должны быть точны в исполнении всех обязанностей, на них возложенных, всегда быть готовы к молитве, не ослабевать в бедствиях и посте. Первою добродетелью инок должно быть смирение; он должен считать себя ниже и хуже всех, ни перед кем не превозноситься, ибо всяк возносясь смирится, и смиряяй себе вознесется (Лк. 14,11). Не должно считать себя способным для совершения великих дел, хвалиться каким-либо делом, дарами природы или благодати, или радоваться о стяжании или сетовать о утрате чего-либо для обители, но в духе смирения веселиться только о Боге Спасителе нашем. Если обижают, должно терпеть в молчании и не воздавать злом за зло, не внимать злым советам, но подкреплять себя терпением и упованием на Господа. Взаимная любовь должна связывать всех иноков, как братьев о Христе, вместе с нами соучастников вечного блаженства. Но должно остерегаться всякого постороннего знакомства, даже с людьми благочестивыми. Инок не должен выходить за монастырь один, но в сопровождении одного или двух братии и вне обители вести себя так, чтобы поведение инокa вне обители служило свидетельством о внутреннем благочинии обители.

Домашнее рукоделье должно быть обязанностью каждого инокa. Без скорби и ропота должны братия совершать свою работу и скорее жаловаться на время отдыха, чем на время труда и предаваться покою столько, сколько требует естественная потребность. Начальник должен назначать только такую работу, которая нужна и полезна для общества иноков и может быть совершена братией. Неукоснительное присутствие при богослужении заповедуется более, чем всякое послушание. Иноки должны были с охотой и любовью спешить к богослужению с той мыслью, что чем чаще они будут молиться, тем более низведут на душу милость Божию. Иноки имели такое благоговение к святой церкви, что некоторые брали из кадиланицы пепел и посыпали им свой хлеб.

Совершив утреннее богослужение, они должны до второго часа дня заниматься умною молитвою, если не назначено будет особое послушание. По окончании молитвы каждый инок должен заниматься работою, назначенною ему, до девятого часу. На ночные молитвы братия должны собираться в определенный час, каждый должен хранить глубокое молчание и внимать слышанному.

Гостеприимство должно быть обязанностью каждого инока; они должны принимать странников и пришельцев из опасения, чтобы, отвергая их, не отвергнуть Господа Иисуса Христа, Который может принять вид странника. Бедного не должно отпускать без того, чтобы не дать ему что-либо.

В наказаниях, какие определяются братии за разные проступки, милость и правда, можно сказать, сходятся. Цель наказания не оскорбить виновного, но побудить его к исправлению.

1. Если брат по первому призыву к молитве не оставляет своей работы, то его не впускают в общее собрание, чтобы лишением сего духовного блага возбудить в нем раскаяние. 2. Если брат ропщет, спорит или отказывается от исполнения предписанного ему, то его Авва налагает наказание соразмерно с тяжестью вины. Упреки и выговоры инок должен принимать молча, кротко. Наказывали низшим местом в ряду братий, наложением поста, а иногда заставляли просить прощения у всей братии. Кто не исправляется после многих обличений, того после обличения среди всей братии отлучают от общения, и не удерживают строптивых, если они хотят оставить общество.

Таковы были правила иноческого устава, дошедшего до нас, вероятно, не в полном виде.

Для надзора за исполнением братиею иноческих уставов Макарий посещал келлии, и, вероятно, очень часто. Так, сохранилось о нем предание, что в продолжение четырех месяцев он ежедневно посещал одного брата и всегда заставлял его за молитвою. Удивившись этому, Макарий сказал: вот земной Ангел.

Слава Макария свидетельствует, что он умел руководствовать иноков на пути спасения. Как просты были его

наставления, свидетельствует случай, рассказываемый Палладием о себе. Однажды, говорит он, я впал в великую тоску и, пришедши к сему святому, сказал ему: Авва Макарий, что мне делать? смущают меня помыслы, говоря мне: ты ничего не делаешь здесь, ступай отселе. Святой отец отвечал мне: скажи твоим помыслам: для Христа я стерегу стены.

Но если братия подвергалась тяжким немощам, Макарий употреблял и сильные врачевания. Был в пустыне Келлий инок Валент, проводивший строгую подвижническую жизнь, но, обольщенный духом самомнения и гордости, впал в крайнее высокомерие так, что сделался игрищем бесов. В самообольщении он стал мечтать, что с ним беседуют Ангелы и всегда служат ему. В упоении гордости он до того мечтал о себе, что перестал уважать Святые Тайны Христовы. Однажды Макарий, получивши от странников плодов для братий, разослал их по келлиям, по горсти каждому брату, в том числе и Валенту. Получив плоды, Валент обругал принесшего, велел сказать Макарию: я не хуже тебя, что ты мне присылаешь на благословение. Услышав это, Макарий уверился, что он в самообольщении, и пошел увещевать его. Но Валент не хотел слушать увещания Макария. Со скорбью удалился от него Макарий. Между тем Валент явления бесовские принимал за явления Спасителя и не хотел уже приобщиться Св. Таин. Тогда отцы, связав его цепями, врачевали его от самообольщения молитвами, разнообразным унижением и суровою жизнью.

В подвигах покаяния и самоумерщвления, в пустыне провел Макарий шестьдесят лет. И тогда как другие считали его выше человека, он до конца жизни укорял себя в невоздержании. Последние дни своей жизни Макарий проводил в покое, сложив с себя бремя управления братиею.

В 395 году он окончил свою жизнь святую и полную чудес, оставив по себе память одного из самых великих пустынников<sup>33</sup>.

Строгость жизни Макария Александрийского и его добродетели находили себе подражателей между современными ему и последующими ему подвижниками Келлий. Таков был, по словам Палладия, Дорофей. Шестьдесят лет уже провел он в пустыне в самой строгой и суровой жизни,

когда посетил его Палладий. Он жил в пещере и постоянно, несмотря даже на старость, собирал камни, из которых строил келлии для приходящих. В каждый год он выстраивал по келлии для приходящих. В твои лета, сказал ему Палладий, не должно изнурять тела своего такую тяжкою работою. Он отвечал: я умерщвляю умерщвляющего меня. Он съедал только по шести унций в день хлеба и пил мало воды, никогда не ложился для сна<sup>34</sup>.

Иноки Келлий, ходя на жатву, получали в плату по сосуду масла, но, при наступлении новой жатвы, большая часть из них приносили в храм сосуды с маслом совершенно нетронутыми. Авва Елладий двадцать лет прожил в пустыне Келлий, питаясь только хлебом с солью, но и этот род жизни показался ему не довольно строгим, когда узнал он, что и прочие иноки во дни четырёхдесятницы не знают другой пищи, и он увеличил свой пост<sup>35</sup>. Иные отличались таким терпением, что, посещаемые тяжкою болезнью, желали не прекращения её, но продолжения. Так, Бог посетил Авву Исаака, который был пресвитером келлий, тяжкою болезнью. Брат, служивший ему, предложил ему чечевицу, в которую прибавил несколько слив, потому что это могло принести пользу больному. На все убеждения брата принять эту пищу Исаак отвечал: дай Бог, чтобы я тридцать лет мог оставаться в этой болезни; я желаю сего от всего моего сердца.

Но эта строгость к себе самим не ослабляла в них снисходительной любви к немощным из братий. Один молодой пустынник, пламенный душою и сильно ревновавший о спасении души своей, подвергся сильным искушениям плоти. Он обратился к одному старцу, чтобы в его молитвах и наставлениях найти себе врачевание и утешение. Со всею откровенностью раскрыл он пред ним скорбь своей души и свою немощь. Суровый старец осыпал его упреками и объявил ему, что он недостойн оставаться с пустынниками.

С отчаяньем в душе и с мыслию оставить пустыню пошел молодой подвижник в свою келлию. В этом состоянии встретил его Авва Аполлон и по выражению тяжкой грусти на лице узнал, что он находится в искушении. Со всем жаром любви умолял



его Аполлон открыть ему скорбь. Долго молодой инок не отвечал ни слова. Наконец, уступая искреннему участию, рассказал, что с ним было и какой ответ дал ему старец. Аполлон утешал его, увещевал и умолял хотя на один день остаться ещё в келлии: может быть, Господь пошлет Свою благодать к умилению его души. Инок повиновался. Тогда Аполлон пошел к старцу, который был так строг, и, остановясь перед дверьми его келлии, молил Господа, чтобы он на краткое время наслал на старца то искушение, каким объято сердце молодого инока. Едва кончил он молитву, как видит, что старец вышел из своей келлии, пошел потом опять в нее и после вышел снова, и, не могши стоять на одном месте, бегал туда и сюда, как помешанный, и наконец пошел по той дороге, по которой ушел от него молодой пустынник. Аполлон понял, что Бог услышал его молитву: «Отче! куда ты идешь так скоро, сказал Аполлон старцу, выходя ему навстречу, иль ты забыл преклонность своих лет, что бежишь, как дитя? Старец не говорил ни слова. Возвратись, старец, в свою келлию и узнай свою немощь. По твоим подвигам тебе надлежало бы стоять выше всех искушений врага. Но вот он пустил в тебя одну стрелу, и ты не имеешь сил выдержать нападения даже на один день. Бог попустил сие для того, чтобы ты своим опытом научился, как нужно быть снисходительным к немощам других. Один пустынник, обуреваемый искушением, пришел к тебе за советом, наставлением и утешением; ты своими словами довел его до отчаяния, так что он мог погубить свою душу. Враг не стал бы нападать на него так сильно, как и на тебя, если бы не завидовал доброй жизни и не предвидел больших успехов впереди. Да послужит это тебе уроком быть снисходительным к искушаемым. Не увеличивай их скорби своими упреками, которые могут довести до отчаяния. Следуй слову Премудрого: избави ведомыя на смерть и искупи убиваемых (Притч. 24, 11). Подражай примеру Спасителя, о Котором сказано: трости сокрушенны не преломит и льна внемшася не угасит (Мф. 12, 20). Если Господь по Своей благодати не подкрепит нас в борьбе с искушением, никто не может выдержать нападений врага и угасить пламень вожделений плоти, находящий

обильную пищу в нашей растленной природе. Итак, отче, поскольку Бог освободил юного подвижника от искушения и послал его на тебя для твоего вразумления, то вознесем наши молитвы к Нему, чтобы он освободил и тебя от искушения». Вместе стали старцы на молитву, и Бог так же скоро избавил от искушения, как скоро и допустил его<sup>36</sup>.

К подвижникам нитрийским должно отнести Паисия Великого. Он жил сначала в скиту под руководством Аввы Памво, потом удалился в пустыню нитрийскую и там около него собралось много учеников. Паисий дружен был с преп. Павлом. Он не любил, чтобы известны были его добрые дела. Когда его спросили, какая добродетель выше, он отвечал: совершаемая тайно. Когда в другой раз предложили такой же вопрос, он отвечал: повиноваться другим, а не своей воле. Собирая внутри сокровища духовные, он любил хранить их в молчании. Всячески избегал он, чтобы в общине монастырской были ведомы его добрые дела. Если какой-либо подвиг его привлекал на него славу, он немедленно оставлял его и начинал другой. Когда его спрашивали, зачем он так делает, он отвечал: для того, чтобы не погубить похвалою дело и оставить его неприкосновенным. Ибо великий вред приносит похвала людская, и кто трудится из-за нее, мало получает пользы. Потому Господь сказал: да не увесть шуйца, что творит десница.

Паисий преставился в глубокой старости, за ним последовал Павел.

Исидор Пелусиот перенес тела преп. Паисия и Павла в Пелузию, и там над ними устроил прекрасную церковь<sup>37</sup>.

## Гора Ферма

К югу от горы Нитрийской находилась гора Ферма, чрез которую пролегал путь в Скит. Здесь, по словам Палладия, жило до 500 подвижников. Знатнейшими из них считались Павел и Феодор.

Павел никогда не принимался ни за работу, ни за какое мирское дело и ничего ни от кого не брал, кроме пищи. Его подвижничество состояло в постоянной молитве. У него положено было совершать каждый день триста молитв. Чтобы не ошибаться в счете, он клал в пазуху триста камешков и по окончании каждой молитвы вынимал по одному. Но и эти молитвы казались ему малыми. Пришедши однажды к Макарию Александрийскому для духовной беседы, он сказал ему: «Авва Макарий! я нахожусь в великой скорби. В одном селении живет девственница, которая каждый день совершает по пяти сот молитв, принимая пищу только два раза в неделю». Св. Макарий отвечал: я вот уже шестьдесятый год совершаю только по сто молитв, зарабатываю нужное для питания своими руками; по долгу своему не отказываю братии в беседе, и, однако ж, совесть не упрекает меня в нерадении. Если ты, совершая и по триста молитв, осуждаешься совестью, то или с нечистым сердцем молишься, или можешь больше молиться – и, однако ж, не молишься<sup>38</sup>. Авва Феодор жил сначала в Скиту, но когда варвары опустошили Скит, то он перешел на гору Ферму и там оставался до глубокой старости. Бог поставил его здесь, как зажженный светильник, который можно видеть издали. Отвсюду сходились к нему за наставлениями или утешениями в скорбях душевных и различных искушениях. Хотя Феодор с добротой принимал приходивших к нему, но его душа, любившая безмолвие и удаление от людей, часто сильно скорбела от молвы приходящих к нему. Не отказывая в беседе искавшим у него пользы душевной, он отпускал без ответа, как скоро замечал, что приходили к нему из суетного любопытства, чтобы выслушивать изречения знаменитых подвижников и потом повторять их как свои. Он не любил также, чтобы

молодые пустынники говорили о таких предметах, которых сами не испытали. Когда один брат завел речь о предметах подобного рода, Феодор сказал ему: «Брат мой! ты ещё не взошел на корабль, не положил на него своего небольшого груза, а хочешь уже казаться достигшим желаемой пристани. Тогда только ты будешь в состоянии говорить о том, о чем беседуешь, когда поболее будешь иметь опытности, нежели сколько имеешь».

Тремя добродетелями особенно отличался Феодор: произвольною нищетою, самоумерщвлением и отречением от всего мирского, или любовью к уединению и молчанию.

Его нестяжательность обнаруживалась самым ясным образом. Однажды в его келлию вошли три вора. Двое держали его, а третий все забирал. Феодор ничего не говорил. Но когда вор взял и левитон, в котором он ходил в церковь и приобщался Св. Таин, Феодор просил оставить его. Получив отказ в просьбе, Феодор, будучи очень силен, толкнул державших так сильно, что они упали на землю. Воры пришли в страх, но Феодор кротко сказал им: разделите все на четыре части, три возьмите себе, а остальную оставьте мне и в том числе мой левитон. Они сделали так, и он уступил им, что они взяли. Может быть, это событие возбудило в нем желание совершенного нестяжания. У него были три книги, которые он сам читал и которые давал другим братьям читать для пользы душевной. Ему пришло недоумение, что лучше – иметь ли эти книги, и чрез них доставлять пользу, или совсем не иметь. Для разрешения своего сомнения пошел он к Макарию Египетскому и, следуя совету Макария, что лучше ничего не иметь, продал книги и деньги раздал нуждающимся.

Феодор поставлял истинное совершенство в нестяжательности. Один брат сказал ему: я хочу исполнить все, что заповедует нам Бог. Феодор на это отвечал: Авва Феона хотел достигнуть того же, и вот что сделал он. Он пришел в пекарню, испек свои хлебы, положил в корзины. В это время пришли бедные и попросили у него хлеба, он разделил им весь хлеб. Потом пришли ещё, он, не имея хлеба, отдал им корзины и платье, так что возвратился в келлию в малой мантии,

которой обвил свое тело, и сделав это дело любви, упрекал себя, что не совершенно исполнил заповеданное Богом.

Прежде чем преклонные лета и немощи не принудили его умерить несколько свою строгость, он многие дни проводил, не вкушая куса хлеба. Имея при себе учеников, Феодор никогда не заставлял их делать что-либо, но старался сам все делать. Исаак рассказывал, что когда он жил с Феодором, то Феодор сам приготавливал трапезу и говорил ему: брат! ежели хочешь, иди – ешь. Я пришел от тебя получить пользу, отвечал ему Исаак, почему же ты ничего не приказываешь мне. Старец всегда молчал. Когда предложили ему такой же вопрос старцы, Феодор отвечал: разве я начальник общежития, чтобы мне приказывать. Пусть делает то, что я делаю при его глазах. Феодор все делал молча, и у него научился молчанию Исаак.

Свою любовь к самоумерщвлению не оставлял Феодор и во время болезни. Когда в преклонных летах он сделался болен, братия приносили ему пищу. По мере того, как первый приносивший уходил, он отдавал приносимое другому, довольствуясь для своей трапезы тем, что приносил последний.

Он смотрел на настоящую жизнь, как на время терпения и самоумерщвления, а не время покоя. Многие, говорил он, ищут покоя, прежде нежели Бог хочет дать его. Когда один инок ни в уединении, ни в общежитии не находил покоя от помыслов и просил совета у Феодора, Феодор спросил его: сколько времени он носил одежду инока? Восемь лет, отвечал инок. А я, сказал старец, уже семьдесят лет ношу, а и ни одного дня не провел в покое, а ты хочешь иметь покой, проживши только восемь лет иноком.

Он любил безмолвное пребывание в своей келлии и находил в этом душевное удовольствие. Он говорил, что вкушивший сладость келлии охотно убегает людей, не презирая никого. Он выходил из келлии только по крайней надобности. Авва Иосиф, с которым он был связан узами христианской дружбы, сделавшись тяжело болен, послал уведомить его, что он приближается к смерти и желает проститься с ним. Феодор послал сказать ему, что придет к нему в субботу, если будет жив (в этот день пустыnnики собирались в церковь). Но если он

умрет, то увидятся в вечности. Его сердце часто скорбело о том, что он принужден заниматься нуждами житейскими, и он со вздохом говорил: пока я не освобожусь от сих скорбей, чувствую, что они служат препятствием к моему совершенству.

Представление опасностей, которым подвергается душа на земле, иногда тревожило его. Один инок жаловался ему, что боится погибнуть, и просил его наставлений; он отвечал ему со скорбью: «Увы, сын мой! я и сам боюсь, как бы не погибнуть мне, что же сказать мне тебе?»

Он занимался рукоделием, но не одобрял, когда занимались им в ущерб духовным обязанностям. «Когда я жил прежде в сей пустыне, сказал однажды Феодор, то главным занятием нашим было попечение о душе, и на рукоделье мы смотрели, как на прибавление к делу: а ныне попечение о душе сделалось как бы прибавлением к делу, а прибавление самым делом. Вместо того, чтобы посетить больного или помочь брату и таким образом исполнить заповедь Господню, мы занимаемся рукоделием».

Зная слабость природы человеческой, он снисходительно смотрел на немощи братии. Однажды старец пришел к Феодору и сказал, что один брат возвратился в мир. Феодор отвечал: не дивись этому; но подивись лучше, когда услышишь о ком-либо, что он возмог избежать врага. Он говорил: превосходнейшая из добродетелей добродетель – никого не презирать. Посему он дал совет одному пустыннику: если твой друг впадет в искушение плотское, подай ему руку и подними его, если можешь. Но он велел скорее удаляться, если он впадет в ересь и не примет наставления, чтобы самому не заразиться его ядом.

Феодор достиг глубокой старости; только в пустыне он прожил более семидесяти лет. При конце жизни Бог посетил его продолжительною болезнью. Он скончался уже после обоих Макариев<sup>39</sup>.

## **Преподобный Макарий Египетский, основатель иночества в скитской пустыни**

Макарий, в отличие от другого соименного и современного ему подвижника, родившегося в Александрии, названный Египетским, а за свою святость и мудрость Великим, родился в 300 г. Время юности провел он в доме родителей и был пастухом стад отца своего<sup>40</sup>. Не сохранилось известия, чтобы Макарий получил образование в каком-либо училище, но из его описаний видно, что он не чужд был и книжного образования<sup>41</sup>. Но то несомненно, что нравственное его образование началось рано. Как в самых молодых годах он заботился о правоте своих действий, показывает один случай в его детстве, рассказанный им самим. Однажды сверстники его пошли в чужой сад за смоквами и, когда бежали назад, уронили одну из них. Макарий поднял её и съел. Эта погрешность так тяжело легла на его чистую совесть, что осталась навсегда памятной, и во всю жизнь его, как говорил сам Макарий, он не мог вспомнить об ней без слез<sup>42</sup>.

Сильное стремление к подвижнической жизни, в начале четвертого века пробужденное в Египте примером Великого Антония и увлекавшее в пустыни многочисленные толпы верующих, и действие Божественной благодати, особыми таинственными путями приводящей избранных на путь, им предназначенный, расположили Макария, оставив все земные заботы, посвятить себя единственно попечению о спасении своей души.

Решась оставить мир, Макарий не вдруг поселился в пустыне, но, желая испытать себя, может ли переносить труды пустынного подвижничества, сначала поселился в келлии, вблизи селения. Так начал свою подвижническую жизнь и Антоний Великий. Так подвизались и прежде Антония многие ревнители благочестивой жизни.

Молитва, псалмопение, богомыслие были главным занятием Макария в его келлии. Для снискания пропитания он плел корзины. Один из его знакомых приходил к нему, брал у

него рукоделье, продавал и на вырученные деньги доставлял ему пищу. Добродетельная жизнь Макария, его благочестивые, мудрые наставления обратили на него общее внимание, и жители одного близлежащего селения пришли и сделали его против его воли у себя клириком. Но Макарий, по любви к уединению, ушел в другое, более отдаленное место, где прежний знакомец нашел его и доставлял ему все нужное.

Недолго и здесь Макарий наслаждался ненарушимым безмолвием, которого сильно желало его сердце. Скоро стали собираться к нему ищущие наставлений. Кроме того, здесь постигло его искушение, которое мог выдержать так, как он выдержал, только муж, подкрепляемый силою Духа Святого. В близлежащем селении одна девица сделалась беременною и оклеветала Макария, как виновника ее греха. Кротко, без ропота перенес Макарий бесчестие и удары, которым подвергли его жители селения. Он принял даже на себя обязанность доставлять пропитание девице, а для сего изнурял себя усиленными трудами. Но Промысл чудесным образом обнаружил невинность святого подвижника. Когда наступило время родить несчастной, она подверглась страшным мучениям и не могла разрешиться от бремени, пока пред всеми не объявила невинности Макария и не назвала действительного виновника ее греха. Мучимые раскаянием за оскорбление, без вины нанесенное отшельнику, жители селения собрались к нему просить прощения. Услышав это, Макарий скрылся в дальнейшую пустыню – Скитскую<sup>43</sup>.

В пустыне Ливийской, недалеко от обильных озер (Нитрийских), доселе существуют четыре монастыря. Один из них называется монастырем Святого Макария, а прочие три – Абу-Макар (то есть Отца Макария), и вся страна Макариевой пустыней. Развалины стен и зданий показывают, что здесь прежде много было обитателей<sup>44</sup>. Без сомнения, это есть то место, куда удалился Макарий Египетский. Пустыня Скитская на целые сутки пути была далее пустыни Келлий. Это была дикая, песчаная пустыня, где изредка только встречались ключи с едва сносною для питья водою. Сюда не было и проложенной дороги; путь направляли по течению звезд.



Но вскоре после того, как поселился здесь Макарий, сюда собралось много ревнителей благочестия, которые вверяли себя руководству сего подвижника, скитские иноки славились между всеми по совершенству жизни и по своей мудрости. Чем страшнее была пустыня Скитская, тем более требовалось мужества, чтобы селиться в ней<sup>45</sup>. Таких только и принимал Макарий к себе. Несмотря на свое благочестие, пишет Сократ, Макарий Египетский был суров к приходящим<sup>46</sup>.

Макарию было тридцать лет, когда он поселился в пустыни Скитской. Но уже в первые годы его подвижнической жизни называли его отроком-старцем. Так как братия, собравшиеся к Макарию, не имели пресвитера, то Епископ Египетский рукоположил Макария на 40-м году его жизни в пресвитера, когда он имел уже дар чудотворений и пророчества<sup>47</sup>. Когда число братий умножилось, Макарий воздвиг для них четыре храма, которые имели особых пресвитеров. Все отшельники жили в особых келлиях, отделенных одна от другой. Сам Макарий жил также отдельно в глубокой пустыне и имел при себе только двух учеников; один принимал приходящих, другой жил подле него в особой келлии. От келлии своей Макарий прокопал подземный ход, длиною в полстадии, и на конце его небольшую пещеру. Когда приходящие беспокоили его, он удалялся этим ходом в свою пещеру, и никто не знал, куда он уходил. Один из учеников его, знавший об этом ходе, рассказывал, что Макарий прочитывал 24 молитвы, идя в пещеру, и столько же на обратном пути<sup>48</sup>.

Немного дошло до нас сведений о жизни Великого Макария; и эти немногие сведения суть только отрывочные сказания, которые мало могут познакомить нас с его внутренней жизнью<sup>49</sup>.

Жизнь его, сокровенная во Христе, осталась сокрытою и для нас. Лучшим источником для познания его внутренней жизни могут служить собственные его писания. В своих писаниях, исполненных глубокой мудрости, он высказывает тайны духовной жизни не по умозрению, а по опыту; передает то, что изведаль сам. Потому в тех чертах, в которых он представляет жизнь внутреннего человека, мы можем находить черты его собственной жизни. Конечно, их недостаточно для

истинного представления о постепенном восхождении Макария по степеням духовного совершенства, но для нас довольно и того, если мы узнаем хотя немногие черты его внутренней жизни.

Человек, говорит Макарий, по природе имеет предначинание или наклонность к добродетели, и его-то взыскует Бог и поэтому повелевает, чтобы человек сперва понял её, поняв, возлюбил и предначал волею<sup>50</sup>. Душевные помыслы, со времени Адамова преступления, отторгшись от любви Божией, рассеялись в веке сем и смешались с помыслами вещественными и земными<sup>51</sup>. Посему, как резвых детей, душа да соберет и умирот гревом рассеянные помыслы; пусть введет их в дом тела своего, непрестанно в посте и с любовью ожидая Господа. Если не обленимся и не дадим у себя пажитей порочным помыслам, но волею своею привлечем ум, понуждая помыслы устремиться ко Господу; то, без сомнения, Господь Своею волею придет к нам и действительно соберет нас к Себе; потому что благоугождение и служение зависит от помышлений. В какой мере собираешь ты ум свой к исканию Бога, в такой и ещё в большей мере понуждается Он собственным Своим благоутробием и благостью прийти к тебе и успокоить тебя. Стоит Он и рассматривает твой ум, помышления и движения мыслей, надзирает, как ищешь Его, от всей ли души твоей, не с леностью ли, не с нерадением ли. И когда увидит рачительность твою в искании Его, тогда явится и откроется тебе, подаст помощь Свою и уготовит тебе победу, избавляя тебя от врагов твоих<sup>52</sup>. Пока человек не отрешится от пристрастия к земному, до тех пор он не может знать, что в сердце есть иная борьба, иное тайное противление, иная брань помыслов от лукавых духов, и что принадлежит ему иной подвиг. Тот только, кто освободится от пристрастия к земным вещам и прилепится к Богу, один он в состоянии познать внутри водворяющуюся борьбу страстей, и внутреннюю брань, и лукавые помыслы<sup>53</sup>. На дне ума, в глубине помыслов, в так называемых тайниках души нашей гнездится змий, убийственно уязвляющий главные члены души нашей. Умертвить этого змия, достигнуть полной чистоты можно только посредством одного Иисуса Христа<sup>54</sup>. Не

вдруг душа достигает чистоты. Наперед должна она испытать скорби, потерпеть унижение, тесноту<sup>55</sup>. Если бы человек без труда мог преуспевать в добре; то Христианство не было бы камнем преткновения и камнем соблазна, не было бы ни веры, ни неверия, не было бы ни подвигов, ни случаев к брани. Слушающий слово Божие приходит в сокрушение, и потом, поскольку благодать, по Божию смотрению, к пользе человека удаляется от него, начинает он упражняться и поучаться в брани<sup>56</sup>. Скорби и несчастья должны быть принимаемы с радостью радостью, ибо они свидетельствуют, что Бог с нами. Встречая несчастья в мире, ты начинаешь размышлять: несчастлив я в мире, – пойду, отрекись от мира, буду служить Богу. Дошедши до этой мысли, слышишь заповедь, которая говорит: продаждь имение твое (Мф. 19,27), возненавидь плотское общение и служи Богу. Тогда начинаешь благодарить за свое несчастье в мире, за то, что по сему поводу оказываешься послушным Христовой заповеди. Как скоро удалишься от мира и начнешь искать Бога, – должен будешь бороться с своею природою, с прежними нравами и с тем навыком, который тебе прирожден. А во время борьбы с сим навыком найдешь противящиеся тебе помыслы и борющиеся с умом твоим; и помыслы сии повлекут тебя и станут кружить тебя в видимом, чего хотел ты избежать. Тогда-то начнешь борение и брань, восставляя помыслы против помыслов, ум против ума, душу против души, дух против духа<sup>57</sup>. Когда душа начнет удаляться от грехов, забывать свои обычаи мирские, – дьявол преследует её скорбями, искушениями и невидимыми бранями. Здесь-то искушается, здесь-то испытывается, здесь-то делается явною любовь души к Изведшему её из греховного Египта. Усматривает душа, что сила вражия готова на нее напасть и умертвить её; видит также и перед собою море горести, скорби и отчаяния, но не в силах она ни идти назад, видя готовых врагов, ни простираться вперед, потому что боязнь смерти и окружающие страшные и различные скорби заставляют видеть перед собою смерть. Когда видит Бог, что душа падает от боязни смертной и что враг готов поглотить её; тогда подает ей малую помощь, медленно действуя на душу и

испытывая её, тверда ли она в вере, имеет ли любовь к Нему. Ибо Богом определено, чтобы таков был путь, вводящий в жизнь, – со скорбью, с теснотою, со многими испытаниями, с самыми горькими искушениями. И если здесь ещё душа совершит сей путь в безмерной скорби, имея пред глазами смерть, тогда уже рукою крепкою и мышцею высокою, озарением Святого Духа расторгает она силу тьмы, минует страшные места, преходит море тьмы и всепосядающего огня<sup>58</sup>. Иным, хотя удалились они из мира, отреклись, по Евангелию, от века сего и с великим терпением преуспевают в молитве, в посте, в рачительности и в других добродетелях, Бог не скоро дает благодать и успокоение и духовное радование, но медлит и удерживает дар – для испытания свободной воли, чтобы видеть, точно ли верным и истинным почитают Бога, обетовавшего давать просящим и отверзать дверь жизни ударяющим в нее<sup>59</sup>. Всякая добродетель есть уже дар Божий. Невозможно, не по силам человеку искоренить грех собственною своею силою. Бороться с ним, противиться, носить и принимать язвы – в твоих это силах; а искоренить – Божие дело<sup>60</sup>. Душа доблестная при- созидается к Церкви не потому, что сделала, но потому, что возжелала. Ибо спасает человека не собственное его дело, но Даровавший силу<sup>61</sup>. Собственно твое, что сам ты делаешь, хотя и хорошо и Богу благоприятно, однако же нечисто. Например, любишь Бога, но несовершенно. Молитва твоя естественно бывает соединена с парением ума и с разными помыслами. А Бог дарует тебе молитву чистую, совершаемую духом и истиною. Сам Дух Святый вспомоществует немощи человеческой, и Господь влагает в землю сердца небесное семя и возделяет её. Хотя нравственная порча пребывает в самом естестве, однако же преобладает там только, где находит себе пажить. Нежные стебли пшеницы могут быть заглушены плевелами: но когда, с наступлением лета, растения сделаются сухи, тогда плевелы нимало не вредят пшенице. Так и в благодати: когда дар Божий и благодать приумножаются в человеке и богатеет он в Господа; тогда порок, хотя отчасти и остается в человеке, не может вредить ему<sup>62</sup>. Христиане, если и нападет на них враг, имеют

прибежище в Божестве; они облеклись в силу и упокоение свыше, и нимало не тревожит их брань. Нелегкое дело – приобрести чистое сердце; много нужно человеку борений и труда, чтобы чистыми иметь совесть и сердце, и всецело искоренить в себе зло. Бывает и то, что в ином есть благодать, а сердце ещё нечисто. Потому и падали падавшие; они не верили, что с благодатью пребывает в них дым и грех<sup>63</sup>. Некоторые, оградив себя при сильном в них действии благодати Божией, находили свои члены столько освященными, что заключили о себе, будто бы в Христианстве нет места уже похоти, но приобретается ум целомудренный и чистый, и что внутренний человек парит уже в Божественном и небесном. Но когда несомненно думает такой человек, что он достиг в совершенную меру, и почитает себя вступившим в безопасную пристань, – восстают на него волны, и опять видит он себя среди моря, увлеченным туда, где только вода и небо, и готовая смерть. Но снова сподобившись таковые некоей благодати и как бы, так сказать, из целой морской глубины приав малую некую каплю, в сем самом находят ежечасно и ежедневно совершающееся чудо. Ум приходит в затруднение, почему бывает сие так и опять иначе. Потому что ненавистник добра – сатана – преуспевающим в добродетели внушает лукавое и старается развратить их<sup>64</sup>.

Так св. Макарий представляет духовную борьбу, изображая в своих словах различные состояния духа, конечно, испытанные им самим. Подвигами, которые кажутся превышающими силы человека, он утверждал себя в добродетели. И не столь строгие монахи, в пустыни Скитской, не имели там пресыщения и не искали лакомой пищи<sup>65</sup>. Но Макарий удовлетворял своим естественным потребностям не более, чем сколько нужно для поддержания жизни. Однажды ученик его Евагрий, томимый жаждою, просил позволения напиться воды. «Будь доволен и тем, – сказал Макарий, – что находишься под тенью; многие лишены и этой отрады. Уже двадцать лет, как я ем, пью и сплю не более, как сколько нужно для поддержания жизни»<sup>66</sup>. Св. Макарий вкушал пищу только раз в неделю<sup>67</sup>. Но сухость его тела была столько же следствием страха Божия, сколько его

лощения и воздержания. «От чего это, – спросили некоторые из отцов Макария, – ешь ли ты, или постишься, тело твоё всегда сухо?» Макарий отвечал: палка, которою ворочают горящие дрова, беспрестанно сдается огнем; то же бывает и с человеком, если он очищает ум свой страхом Божиим: самый страх Божий сдает его тело<sup>68</sup>. Случалось ему бывать за трапезой вместе с пустынниками, и, когда здесь предлагали ему вино, он не отказывался, но после за одну чашу вина целый день не пил воды. Ученик его, заметив это, умолял братию не угощать его более вином, потому что, желая дать ему утешение, они подавали случаи к новым изнурениям<sup>69</sup>.

Обуздание чрева и языка, пребывание в своей келлии и плач о грехах Макарий почитал особенно необходимыми для инока. Один брат спросил Макария, как ему спастись. Старец отвечал: «Бегай людей, сиди в келлии и плачь о своих грехах, а паче обуздывай язык и чрево»<sup>70</sup>. Распуская однажды в Скиту собрание, Макарий сказал братии: бегите, братия! Один из братий сказал: куда нам бежать из пустыни? Макарий, положив перст на уста, сказал: сего бегите. Потом вошел в келлию свою и заключил за собою дверь<sup>71</sup>.

Произвольную нищету и нестяжательность Макарий почитал для инока выше многих других добродетелей. Однажды Авва Феодор Фермейский, имевший три книги, пришел к нему и говорит: вот у меня три книги, и сам я получаю от них пользу и братия, употребив их, получают назидание; что мне полезнее сделать: оставить ли их у себя для собственной пользы и для пользы братий или продать их и полученное раздать нищим? Старец отвечал: первое хорошо, но нестяжательность всего лучше<sup>72</sup>. Два раза Макарий заставлял в своей келлии воров и не только не задерживал их, но и сам, как бы посторонний, помогал им выносить вещи из своей келлии<sup>73</sup>.

С преспеянием в духовном совершенстве Макарий все глубже старался утвердить в себе чувство смирения. Он никак не хотел, чтобы его отличили от других. Когда приходил какой-либо брат к нему, как к святому и великому старцу, он ничего не говорил с ним; но если кто обращался к нему с укоризнами, хотя и несправедливыми, такого принимал с удовольствием<sup>74</sup>.

Сам искуститель напрасно старался возбудить в Макарии дух гордости и наконец принужден был признать в нем высоту смирения. Макарий! сказал он служителю Божию: Все, что ты делаешь и я делаю, ты постишься, а я совсем не ем, ты бодрствуешь, а я совсем не сплю. Одним ты побеждаешь меня – смирением<sup>75</sup>.

Смиренный дух Макария всегда находил случаи смиряться и ставить других выше себя по нравственному совершенству. «Я ещё не монах, но видал монахов», – говорил Макарий в назидание братии нитрийской, – и потом рассказывал им о двух иноках в пустыне, которые жили вдали от всех людей, окруженные зверями, питаясь одною пищею с бессловесными. Во взаимной любви провели они 40 лет вместе, занимаясь единственно богомыслием. Этих двух мужей Макарий спросил: что должно мне делать, чтобы быть монахом? Они сказали: если не можешь отречься от всего мирского, как мы, то иди в свою келлию и оплакивай свои грехи. Вспоминая о сих подвижниках, Макарий повторял так: «Я ещё не монах, а только видал монахов»<sup>76</sup>. В другой раз Промысл Божий, для утверждения Макария в смирении, указал ему на двух женщин, живших в мире с своими мужьями в городе, но высших его по нравственному совершенству. И старец не обленился из пустыни придти в город и расспросить сих жен, как они живут. По просьбе Макария они рассказали, что пятнадцать уже лет, как они вышли замуж за двух братьев, и в течение сего времени жили во взаимной любви и согласии, всегда исполняли волю мужей; имели желание поступить в монастырь, но, по несогласию на то мужей, решились остаться в мире, под условием обета бдеть над своим сердцем и не произносить ни одного праздного слова. И Макарий смиренно просил Бога, чтобы Он сподобил его жить в пустыне так, как они жили в мире<sup>77</sup>.

Св. Макарий ходил учиться иночеству и у отца иноков Антония. Сначала Антоний, искушая его терпение, не допустил его в свое жилище, но потом отворил ему дверь и, приветствуя, сказал: я давно желал видеть тебя. С любовью принял его и упокоил. Плетя корзины из пальмовых ветвей, провели они

вечер в беседе о спасении души<sup>78</sup>. Смирение пред людьми утверждается на смирении в отношении к Богу, которое преп. Макарий во всяком облагодатствованном человеке признавал самым естественным чувством. Человек облагодатствованный, – говорит он в одной из своих бесед, – почитает себя униженным паче всех грешников. И такой помысл насажден в нем, как естественный, и чем глубже входит он в познание Бога, тем больше почитает себя невеждою, и чем более учится, тем паче признает себя ничего не знающим. Сие производит благодать в душе, как нечто естественное»<sup>79</sup>. «Душа истинно боголюбивая и христоролюбивая, – говорит он в другой беседе, – хотя бы совершила тысячи праведных дел по ненасытному стремлению своему к Господу, думает о себе, будто бы ничего ещё она не сделала. Хотя бы изнурила тело свое постами и бдениями, при таких остается чувствованиях будто бы не начинала ещё трудиться для добродетелей. Хотя бы сподобилась достигнуть различных духовных дарований или откровений и небесных тайн, по безмерной и ненасытной любви своей ко Господу, – сама в себе находит, будто бы ничего ещё не приобрела. А напротив того, ежедневно алкая и жаждая, с верою и любовью пребывая в молитве, не может насытиться благодатными тайнами и благоустроенней себя ко всякой добродетели<sup>80</sup>. Это чувство смирения, при обилии даров благодати, объясняет Макарий прекрасным сравнением. «Если царь, говорит он, положит свое сокровище у какого-нибудь нищего, то принявший на сохранение не считает сего сокровища своею собственностью, но везде признается в своей нищете, не смея расточать чуждого сокровища; потому что всегда рассуждает сам с собою: это сокровище не только у меня чужое, но ещё положено ко мне сильным царем, и он, когда захочет, возьмет его у меня. Так и имеющие благодать Божию должны о себе думать. Если они превознесутся и станут надмеваться сердца их, то Господь отъемлет у них благодать Свою, и остаются они такими, какими были до приятия благодати от Господа<sup>81</sup>.

Смирение Макария обнаруживалось особенно в снисходительности к немощам других. Он был, по



свидетельству скитских старцев, как бы бог земной; потому что, – говорила они, – как Бог покрывает мир, так Макарий покрывал согрешения, которые он, видя, как бы не видел, и слыша, как бы не слышал<sup>82</sup>. Раз он увидал брата, совершающего тяжкий грех. Если Бог Творец его, – сказал он, – терпит грех, когда мог бы сожечь огнем; то кто я, чтобы мог осуждать его? – Христиане, – говорил он, – не должны никого осуждать, ни явную блудницу, ни грешников, ни людей безчинных, но взирать на всех с простодушием и чистым оком. В том и состоит чистота сердца, чтобы, видя грешников или немощных, иметь к ним сострадание и быть милосердным<sup>83</sup>.

Кротко управлял Макарий своею братиею, внушая им прежде всего взаимную любовь друг к другу<sup>84</sup>, и в обращении с ними вообще отличался особенно простотою. Некоторые говорили ему; зачем ты так себя ведешь? Макарий сказал: двенадцать лет служил я Господу моему, чтобы Он даровал мне благодать сию; а вы советуете мне оставить её<sup>85</sup>. Макарий готов был служить каждому. Пришел он некогда к одному отшельнику, и, нашедши его больным, спросил, не хочет ли он съесть чего-нибудь. Больной сказал: хочу пастилы. Старец не поленился сходить в Александрию, чтобы достать больному то, чего он просил<sup>86</sup>.

Свои обличения братии Макарий старался растворять любовью. Если ты, – говорил он, – делая кому-либо выговор, приходишь в раздражение, то удовлетворяешь своей страсти. Таким образом, не спасая других, причиняешь вред и себе<sup>87</sup>. Своею мудростью, любовью и кроткою снисходительностью он скорее обращал заблуждающих на путь истины, нежели другие своею строгостью. В Скиту два брата впали в грех, и Макарий Городский отлучил их. Когда узнал об этом Макарий Египетский, то сказал: не братия отлучены, а Макарий отлучен. Приняв это слово за отлучение, Макарий Городский удалился к озеру, где самая природа представляла удобнее место для очищения кающимся. К нему пришел Макарий Великий и, увидев его всего искусанного комарами, сказал: ты отлучил братий, и вот они хотели уйти в село; я отлучил тебя, и ты убежал сюда, как девица в свою внутреннюю горницу. Впрочем, я призывал к себе

падших братий, расспрашивал их, и они говорили: ничего такого не было. Смотри же и ты, брат, не посмеялись ли над тобою демоны? Ты сам ничего не видал. Проси прощения в своем согрешении. – Макарий отвечал: если хочешь, наложи на меня епитимию. Старец сказал: иди и постись три недели, принимая пищу только раз в неделю<sup>88</sup>.

Узнав от самого искушителя об искушении, которому подвергся один брат, Макарий сам пришел к сему брату в келлию, и, когда тот стыдился исповедать свои нечистые помыслы и даже говорил, что его не искушают они, Макарий смирением расположил его к откровенности. Вот сколько лет я подвигаюсь, – сказал Макарий, – а и меня старика беспокоит дух блуда. Тогда брат сказал: поверь, Авва, и меня также беспокоит. Старец говорил и о других помыслах, будто его искушают, и таким образом доводил брата до сознания. Тогда, преподав наставление, оставил его, и с того времени сей брат подвизался более других<sup>89</sup>.

Своей кротостью Макарий обратил ко Христу одного идольского жреца, встретившегося ему на пути в гору Нитрийскую. Сего жреца встретил прежде ученик Макария, но был им избит до полусмерти за то, что назвал его демоном. Но когда Макарий, встретившись с ним, ласково приветствовал его, жрец, пораженный сим, сказал: Я вижу, что ты человек Божий, и, ухватившись за ноги его, сказал: не отпущу тебя, пока не сделаешь меня монахом. И он принят был Отцом в число братии, а чрез него и многие язычники сделались христианами. Указывая на этот случай, Макарий говаривал: худое слово и добрых делает худыми, а слово доброе и худых делает добрыми<sup>90</sup>.

Многие, слыша о мудрости и святости Макария, приходили к нему из далеких стран за советами. Наставления Макария, отличаясь кротостью, полны были глубокой опытной мудрости. Их целью было внушать наставляемым внимание к себе, богомыслие, молитву, смирение, короче: добродетели, которыми сам он обладал в высшей степени. Как мне спастись? – спросил однажды юноша, желавший быть иноком. Макарий послал его на кладбище сначала бранить, а потом хвалить

мертвых. Когда юноша исполнил это, Макарии спросил его, что отвечали ему мертвые. – Они были безмолвны и к похвале и к порицанию. – Так и ты, сказал старец, не думай ни об обидах от людей, ни о славе людской<sup>91</sup>. Если для тебя поношение как похвала, бедность как богатство, недостаток как изобилие, -ты не умрешь<sup>92</sup>. Другому ученику, просившему у него наставления, Макарий сказал: никого не осуждай, никого не обижай; соблюдай сие и спасешься<sup>93</sup>. Если мы будем помнить о зле, – говаривал Макарий, – какое сделали нам люди, – в нас ослабеет памятование о Боге; ежели же будем помнить о зле, наносимом демонами, – будем безопасны от стрел их<sup>94</sup>.

Когда спросили Макария, как молиться, – он отвечал: Довольно, если вы будете часто повторять от всего сердца: Господи, как Тебе угодно и как знаешь, помилуй меня. Если же нападет искушение: Господи, помоги<sup>95</sup>.

Там, где естественные способы делать другим добро оказывались недостаточными, Макарий обращался к дару чудотворений. Так, однажды воскресил он мертвого, чтобы доказать бессмертие души еретикам. В другой раз он воскресил мертвого, дабы узнать, точно ли был виновником его смерти обвиняемый, и спас чрез сие жизнь несправедливо обвиняемого, которого мертвый ясным голосом из гроба признал невинным. Раз ещё Макарий, отправившись жать с семьёю братьями, увидел, что одна женщина, собирая за ними колосья, непрестанно плакала. От владельца поля, у которого Макарий, вероятно, нанимался жать, он узнал, что муж сей женщины взял у кого-то поклажу и нечаянно умер, не сказав, где положил оную. Макарий спросил умершего, который и сказал ему, где спрятана была поклажа, и этим избавил вдову и детей ее от рабства<sup>96</sup>. Вообще Макарий творил очень много чудес. Столь много исцелил он больных, – говорит Сократ, – столь многих освободил от злых духов, что для описания того нужна целая книга<sup>97</sup>.

Шестьдесят лет провел Макарий в пустыни Скитской, как странник на этой земле, мертвый для мира, непрестанно заботясь о своем спасении и о спасении вверившихся его руководству братий. Он больше проводил времени в беседе с

Богом, нежели в земных занятиях, и часто бывал в состоянии духовного восхищения<sup>98</sup>. В писаниях его сохранились для нас драгоценные изображения сих особенных состояний души благодатствованной. Живое их изображение показывает, что Макарий описывает то, что испытал сам<sup>99</sup>. И, пользуясь его сравнением, скажем: как взрослый носит младенца, куда хочет, так и благодать, действуя во глубине сердца, носила душу его, возносила на небеса, в мир совершенный, в вечный покой<sup>100</sup>. Незадолго перед своей кончиной Макарий посетил пустынников горы Нитрийской, по их просьбе. Драгоценно было для братий его посещение, и они просили дать им наставление. Макарий, выслушав просьбу, сказал: восплачем, братия; очи наши да проливают слезы, прежде нежели отойдем туда, где наши слезы будут жечь тела наши. И все зарыдали, пали на лица свои и сказали: Отче! помолись о нас<sup>101</sup>. Макарий любил проливать слезы. «Видения дивных и блаженных образов горнего Иерусалима, – говорил он, – ты не иначе сподобишься, как разве день и ночь будешь проливать слезы, по примеру сказавшего: измыю на всяку ночь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу (Пс. 6, 7). Слеза, проливаемая от великой скорби и сердечной тесноты, есть пища души, подаваемая от небесного хлеба»<sup>102</sup>.

Св. Макарий отошел в жизнь блаженную в 390 году, девяноста лет от роду<sup>103</sup>.

## Писания св. Макария Египетского

Как драгоценное наследие духовной мудрости Макария остались нам 50 его бесед, писанных на греческом языке. В сих беседах он призывает души верующих к единению с Богом как высшему благу человека и для сего раскрывает, что сие единение было первоначальной целью при сотворении человека, показывает гибельные следствия первородного греха, удалившего человека от Бога, и вместе с тем объясняет восстановление союза человека с Богом чрез Иисуса Христа; указывает пути, которые приводят к сему единению, и препятствия, противопоставляемые человеку поврежденною природою и коварством духа злобы. Раскрывая трудность внутренней борьбы, от сего происходящей, он возбуждает чувство нужды в Божественной благодати для освящения нашей природы и для укрепления нашей воли. В живых чертах изображает таинственные действия благодати в душе, вступившей в единение с Богом. Свои беседы часто прерывает он молитвою. Предлагая в своих беседах тайны высшей духовной жизни, сокрытые от не озаренного светом Христовым разума и известные душам облагодатствованным, он говорит только то, что изведал своим опытом. От того, несмотря на глубину и таинственность предмета, наставления опытного учителя ясны и вразумительны. То, что было бы темно по своей возвышенности, у Макария приближается к уразумению сравнениями и образами, которые всегда просты<sup>104</sup>.

Самое содержание бесед Св. Макария указывает на их глубокую древность. Писатель их в беседе 27 §15 представляется современным Исповедникам. Кроме того, он имеет в виду еретиков, которые говорили, что «материя не имеет начала, что она есть сила равная Богу». Но такие еретики жили прежде 4-го века и в 4-м веке. Преп. Исаак Сирийский говорит о Св. Макарии, как о муже, писавшем с великою прозорливостью, и приводит места из его писаний, которые очевидно заимствованы из бесед Макария<sup>105</sup>. Фома Маргский, живший в начале IX века, в своей «Истории монахов»<sup>106</sup>

приводит места из писаний Макария Египетского. Иоанн, Патриарх Антиохийский (XI в.), в своем сочинении «О монастырях», перечисляя душеспасительные писания Пастырей Церкви и Отцов пустынных, одобренные Церковью для общего употребления, помещает между ними книги св. Макария, подвижника Скитского<sup>107</sup>. Притом беседы Макария во всех списках греческих и в переводах арабском и сирском, по рукописям IX и даже VIII в, приписываются Макарию Египетскому<sup>108</sup>.

Кроме 50 бесед известны семь подвижнических Слов Макария Египетского, по содержанию своему сходных с его беседами<sup>109</sup>.

Кроме бесед и слов Макария, давно уже известных, недавно изданы Флоссом два послания Макария<sup>110</sup>, одно на греческом языке, другое в латинском переводе. Последнее давно было известно по рукописям. О нем упоминает Геннадий в сочинении «О писателях церковных»<sup>111</sup>. Он говорит, что Макарий Египетский написал послание к инокам, в котором поучает, что человек может совершать истинное служение тогда только, когда, познав самого себя, добровольно будет нести все труды, мужественно борясь со страстями и призывая помощь Божию, будет стремиться к достижению первоначальной чистоты. Кажется, сие самое письмо было известно и Св. Исааку Сирину<sup>112</sup>. Он пишет: «А то, на какой высокой степени и сколь великим искушениям подвергаются святые, ты можешь узнать, если хочешь, из одного письма того же Макария. Письмо же это следующего содержания: Авва Макарий пишет всем своим чадам возлюбленным, где ясно научает, каким образом Бог устрояет спасение то искушениями, то благодатным заступлением. Именно, что Божией премудрости благоугодно приучать святых к добродетели во всю жизнь их не иначе, как посредством борьбы против греха, дабы они во всякое время возвышали свой взор к Нему и, непрестанно обращая взор к Нему, возрастали в святой любви к Нему; потому что, будучи угнетаемы страстями и страхом падения, они непрестанно будут прибегать к Нему и преуспевать в вере, надежде и любви к Нему».

Св. Макарию Египетскому ещё принадлежат некоторые молитвы, вошедшие в церковное употребление. Его именем из молитв «на сон грядущим» надписываются молитва первая: Боже вечный и Царю всякого создания, и молитва четвертая: что Ты принесу, или что Ты воздам, велико-даровитый, бессмертный Царю, и проч. Из утренних молитв его именем надписываются молитва первая: Боже, очисти мя грешного, яко николиже сотворих благое пред Тобою, – молитва вторая: от сна востав, полунощную песнь приношу Ти, Спасе, – молитва третья: к Тебе, Владыко человеколюбце, от сна востав прибегаю, и молитва четвертая: Господи, Иже многою Твоею благостию и великими щедротами Твоими, дал еси мне рабу Твоему и проч. По греческим рукописям приписывается Макарию Египетскому и девятая утренняя молитва Ангелу Хранителю: *Святой Ангеле, предстояй окаянной моей души.*

## Учение св. Макария о благодати

Главный и самый обыкновенный предмет наставлений Макария – благодать Божия, спасительная всем человекам. В каждой почти беседе, в каждом почти слове он говорит о благодати: то показывает необходимость ее, то указывает на средства к ее приобретению, то изображает ее действия.

Благодать, как её понимает Макарий согласно с словом Божиим, есть сила Божественная, даруемая человеку для того, чтобы он мог познать Бога, исполнять заповеди Его и получить вечное блаженство.

Очень часто и очень сильно говорит Св. Макарий о необходимости благодати Божественной для человека. Необходимость её для человека он доказывает свойством самой природы человеческой, которая, по своей ограниченности, не может поддержать сама себя, но все нужное для себя должна получить отвне. «Бог, совершив сие (земное) тело, назначил ему не из собственного естества его получать жизнь, пищу, питье, одежду, и обувь; но все нужное для поддержания жизни определил ему заимствовать отвне, так что тело, сотворенное нами, само по себе, без внешних пособий, т. е. без пищи, питья и одежды, жить не может, и если бы оно оставлено было само по себе, без всякого внешнего подкрепления, то скоро разрушилось бы и погибло: так точно и душа, не имея в себе Божественного света, но будучи сотворена по образу Божию, не из собственного существа заимствует себе пищу и питье духовное и небесную одежду, т. е. истинную жизнь свою, но от Бога, от Духа Его и от света Его. Ибо естество Божие имеет в Себе и хлеб жизни, Рекшаго: *Аз есмь хлеб животный* (Ин. 6,51), и воду живую, и вино веселящее сердце человека (Ин. 4,10. Пс. 103,15), и елей радости, и многоразличную пищу духовную, и небесную одежду света, от самого Бога происходящего. В сем состоит вечная жизнь души. Горе телу, когда оно ограничивается одним собственным его существом! Оно разрушается и умирает. Горе и душе, если она остается только при одной себе, надеется только на дела свои и



не имеет общения с Духом Божиим! Она умирает, не сподобясь вечной Божественной жизни»<sup>113</sup>.

«Как земля, говорит Макарий в другом месте<sup>114</sup>, оставленная самой себе, ежели не будет к ней приложено старание земледельца и если она не будет напояема дождями и согреваема солнцем, будет пуста и бесплодна; и как всякий дом имеет нужду в свете, который не одного с ним естества и без которого он был бы темен и к обитанию неудобен; так и человеческое естество, будучи не в состоянии само по себе производить совершенные плоды добродетели, имеет нужду в духовном делателе душ наших, т. е. в Духе Христовом, Который также не одного с нами естества, ибо мы творение, а Он несотворенный». Из приведенных мест видно, что св. Макарий признавал благодать Божию, или высшую помощь Божественную, всегда необходимою для человека, в каком бы состоянии он ни был; тем более необходима благодать Божия для человека в настоящем расстроенном его состоянии.

Человек чрез падение так глубоко ниспал в бездну зла, что собственными силами никак не может освободиться от него: «Злой начальник темного царства, пленив человека вначале, не оставил в нем ни одной части свободною от своей власти, но осквернил и пленил всего человека – и помышления, и ум, и тело, и всего облек в ветхого человека, скверного, нечистого, враждебного Богу и Божию закону непокорного, облек его в самый грех, чтобы человек не мог уже смотреть так, как бы ему хотелось, но чтобы и видел худо, и слышал худо, чтобы и ноги имел скорые к злодеянию, и руки творящие беззаконие, и сердце занятое злыми помыслами. При столь глубоком повреждении человеческого естества один только Бог может отнять от нас грех; поскольку враги, которые пленили нас и держат в своем царстве, сильнее нас»<sup>115</sup>. Никто не может наступать на аспида и василиска и попираť льва и дракона, если не будет укреплен Тем, Кто сказал Апостолам: се даю вам власть наступати на змию и на скорпию и на всю силу вражию (Лк. 10, 19). Ибо если бы природа человеческая без помощи всеоружия Духа Святого могла устоять против козней дьявольских, то Апостол не сказал бы: Бог же мира да сокрушит

сатану под ноги ваша вскоре (Рим. 16, 20)<sup>116</sup>. Бессилие природы человеческой, лишенной благодати Духа Святого, св. Макарий представляет в различных образах. «Как если бы кто смешил муку с водою, но не положил бы закваски, то сколько бы ни трудился, сколько бы ни месил, тесто не будет кисло и не годится в пищу, но когда положена будет закваска, то она соединяет все тесто и делает все оное кислым; или как если мясо не будет ослено, то загнивает и делается так смрадно, что все отвращаются от него по причине худого запаха, черви ползают по загнившему мясу, питаются им и гнездятся в нем; но когда в него будет положена соль, то гнездившиеся в нем черви умирают, истребляются, и отвратительный запах исчезает; таким же образом, говорит св. Макарий, представляй себе и все человечество, т. е. как мясо неосоленное или тесто безквасное, а соль и квас представляй из другого века (εψξ εψτεφρε αἰψωˆνοή), т.е. Божественное существо Духа Святого. Ежели из одного века и одного естества в униженное естество человеческое не будет примешана небесная закваска Духа, святая и благая соль Божества; то душа не избавится от зловония порока и не вскиснет по тяжести и безквасию лукавства. Ибо весьма заблуждает душа, которая, надеясь только на свою силу, по видимому, сама собою делает, трудится и успевает, думая, что и без помощи Духа, сама собою может достигнуть полного совершенства. Нет! если Господь не вдохнет свыше в душу человека жизнь Божественную, он не будет иметь истинной жизни, не истрезвится от пьянства греховного; свет духа не воссияет в душе помраченной, и она не возбудится от глубочайшего сна неведения, дабы таким образом, силою Божию и действием благодати, истинно познать Бога»<sup>117</sup>.

Прекрасно изображает св. Макарий и крайнее бессилие падшего человека, и сохранившиеся остатки добра сравнением его с младенцем, ищущим матери. «Не правда, говорит он, то, что некоторые говорят, будто человек совершенно мертв и никак не может сделать ничего доброго. Младенец, хотя ничего не может сделать, и сам придти к матери; но он движется и плачет, ища матери; мать над ним сжаливается и радуется, что он ищет её с таким усилием и плачем, и хотя дитя не может дойти до

нее, но зато она сама подходит к нему, побуждаясь любовью к дитяти, берет его на руки, прижимает к груди и кормит с великою нежностью: так делает и человеколюбивый Бог с приступающею к Нему и ищущею Его душею»<sup>118</sup>.

Как приобрести благодать? Первым и необходимым условием для приобретения благодати подвижнику благочестия св. Макарий поставляет веру. «Веруя всемогущему Богу простым и непытливым сердцем, приступим к Тому, Который дарует всем причастие Духа Святого по мере веры, а не по уподоблению дел вере; ибо сказано: не от дел закона Духа прилете, но от слуха веры. (Гал. 3, 2)<sup>119</sup>. За неверие наше, за недостаток усердия в нас, за то, что мы не любим Бога от всего сердца и не истинно ему веруем, мы не получили ещё духовного исцеления и спасения. Итак, чтобы Он скоро даровал нам истинное исцеление, приступим к Нему с истинною верою: ибо Он обещал дать просящим у Него Духа Святого, толкущим отверзать, ищущим обрестися <sup>120</sup>. Если кто лишен Божественной и небесной одежды, которую составляет сила Духа, как сказано: аще кто Духа Христова не имать, сей несть Его (Рим. 8, 9), тот плач и взывай ко Господу, чтобы получить свыше сию духовную одежду и оною облечь душу, обнаженную Божественной силой»<sup>121</sup>.

Сознавая вполне необходимость молитвы для получения благодати, св. Макарий очень часто в своих беседах побуждает обращаться к Богу с молитвою о благодати. «Помолимся и мы Христу, чтобы нам Его силою быть закланными и умереть для злого и темного мира, чтобы в нас был истреблен грех, чтобы нам получить небесного Духа и облечься Им<sup>122</sup>. Помолимся, да совлечет с нас ветхого человека<sup>123</sup>. Помолимся, да даст нам криле голубине Святого Духа, да возлетим к Нему и почием»<sup>124</sup>. Впрочем, одна молитва, без попечения об исправлении себя, без посильного упражнения в добродетели, не приведет ещё к желаемой цели. Если по молитве благодать и будет дана, то без упражнения она скоро может быть и опять потеряна. «Кто принуждает себя к одной только молитве, а к смирению, любви, кротости и к прочим добродетелям не принуждает и не подвизается в них, тому дается иногда, по его прошению,

благодать Божия; поскольку Бог, будучи благ, человеколюбиво подает просящему просимое; но поскольку такой человек не упражнялся в добродетелях, не приучил себя к исполнению их, то или впадая в гордость, лишается благодати, которую получил, или не приобретает в ней ничего более и не возрастает в ней. Ибо, можно сказать, жилище и покой Святого Духа есть смирение, любовь и кротость и прочие Христовы заповеди»<sup>125</sup>.

Итак, желающий истинно благоугодить Богу и принять от Него небесную благодать Духа должен принуждать себя ко всякому делу благому, хотя бы сердце его от него отвращалось. Но со всем этим всегда должно быть соединено смирение, чтобы принять и сохранить в себе благодать. «Если царь поручит какому-нибудь нищему свое сокровище; то принявший оное на сохранение не считает его своим, но всегда признает свою нищету, не смея расточать чужого сокровища; ибо всегда думает, что не только это сокровище чужое, но и поручил мне оное державный государь, и, когда ему угодно, может взять его от меня: так должны думать о себе самих и те, которые имеют благодать Божию; – они должны смиряться и признавать свою нищету. Ибо как нищий, принявший от царя для сбережения сокровище, если, понадеясь на сие чужое сокровище, как на собственное богатство, возгордится, и сердце его исполнится надмения, то царь берет у него обратно свое сокровище, и получивший оное на сохранение остается по прежнему нищим: так и те, которые имеют благодать, если возгордятся, и если надмением исполнится сердце их; то Господь отъемлет у них благодать Свою, и они остаются таковыми же, каковыми были прежде получения благодати от Господа»<sup>126</sup>.

Изложив учение св. Макария о необходимости благодати и о средствах к получению ее, теперь изложим его мысли о том, как сообщается благодать человеку и какие действия она производит в нем.

«Двояким образом, говорит св. Макарий, благодать сообщается человеку. Ибо иные, как скоро приступят к Богу с верою и молитвою, пока ещё живут в мире, без их трудов, потов и изнурений получают дары Святого Духа. А иным, хотя они и удалились от мира и отреклись от сего века по заповедям

евангельским, и непрестанно упражняются в молитвах, посте и других добродетелях, нескоро Бог дает благодать, успокоение и духовную радость, но медлит и удерживает дары Свои». Цель такого разнообразного действия Божия в сообщении даров благодати есть та, чтобы испытать расположение человека. Одним дается благодать скоро, дабы испытать, «будут ли они чувствовать благоденствие, милость и благость Божию, соразмерно благодати, дарованной им без всякого труда, которой удостоившиеся должны показать плод любви своей от своей воли и сердечного расположения». Иным медлит Бог сообщать благодать Свою, «дабы увидеть, почитают ли они верным и истинным Бога, Который обещал дать просящим, а потому останутся ли в твердом уповании на Него». Самым медлением в сообщении даров Он более воспламеняет желание небесных благ, заставляет ежедневно прилагать большее старание, труд, подвиг, упражнение во всех добродетелях, алчбу и жажду<sup>127</sup>.

Благодать, сообщенная человеку, не вдруг очищает его, но постепенно, мало-помалу. «Посадивший виноградную лозу вдруг ли получает виноград и выделяет из него вино? Сеющий семена тотчас ли жнет и собирает плоды? Дитя вдруг ли после рождения приходит в мужеский возраст совершенный? Воин, поступивший в военную службу, тотчас ли получает отличия? Прежде надобно потрудиться и побывать на войне и после того уже можно получить победные венки<sup>2</sup>. Так и в деле благодатного преспеяния. Когда действие благодати Божественной приосенит душу, по мере веры ее, и подаст ей силу свыше, то приосенит её только некоторою частью. Не думай, чтобы кто вдруг просветился всею душою. Нет! много ещё и после того в нем остается пищи греху, и человек должен употребить много труда и старания, чтобы соответствовать благодати, в нем находящейся. Конечно, благодать Божия могла бы в одно мгновение очистить человека и сделать совершенным; но она совершает сие понемногу для того, чтобы испытать расположение человека, сохранит ли он всецело любовь к Богу, не приобщаясь ни в чем к злу, но предав всего себя благодати Божией. И таким образом душа, испытанная в

течение времени и не оскорбившая ничем благодати, постепенно воспринимает от нее силу. И благодать в такой душе находит себе пищу и простирает свои корни в самые глубочайшие ее части и мысли, – говорю о душе уже искушенной многими случаями и найденной готовою к принятию благодати»<sup>128</sup>.

Какие действия благодать производит в человеке?

1) Благодать, вселяясь в человека, умерщвляет живущий в нем грех. «Когда выйдет из тела душа, говорит св. Макарий, то оно остается мертво и не живет уже тою жизнью, которою прежде жило, не слышит и не ходит: так, когда небесный Первосвященник Христос благодатною Своею силою убьет и умертвит нашу душу для мира; тогда она умирает для нечестивой жизни, которою дотоле жила, и более не обращается к греховной тьме; потому что действием благодати выходят из нее злые страсти, которые составляют как бы душу ее»<sup>129</sup>.

2) Удостоившиеся получить благодать легко исполняют все заповеди. «Кто нашел и у себя имеет небесное сокровище Духа, тот исполняет всякую правду, предписанную в заповедях, и всякую добродетель, не только в чистоте и непорочности, но и без труда и принуждения, чего прежде и при больших трудах не было возможности сделать»<sup>130</sup>. Человек, получивший благодать, украшается всеми добродетелями. «Облек их (возрожденных) Господь, говорит св. Макарий, одеждою неизреченного царственного света, одеждою веры, надежды, любви, радости, мира, благости и человеколюбия и всеми прочими одеяниями Божественными света, жизни и неизреченного упокоения, дабы, как сам Бог есть любовь, радость, мир, благость, таковым был и новый человек, по действию благодати Божией»<sup>131</sup>.

3) Облагодетельствованная душа освобождается и от всякой привязанности к миру «Душа, удостоившаяся быть жилищем вышней силы и проникнутая от Святого Духа небесною любовью, совершенно отрешается от всякой любви к миру и освобождается от уз ее. Ибо, если любовь к плотскому, брачному союзу отделяет от отца, матери и братьев, так что если кто и любит кого из сих, то любит немного, всем же расположением и всею любовью предан живущей с ним жене;

то предавшиися оной бесстрастной любви могут ли быть обладаемы какою-либо любовью мира»<sup>132</sup>? Для человека, имеющего благодать в сердце своем, ничто в веке сем не бывает привлекательно. «Ибо он стоит выше всего мирского, хотя бы ты говорил ему о золоте, хотя о серебре, хотя бы о честях и славе, хотя бы о величии и похвалах: ничто не может прельстить его. Ибо он познал опытно иное богатство, иную честь и иную славу, и питает душу нетленною радостью и ощущает и вполне наслаждается оною, чрез общение с Духом»<sup>133</sup>. «Христиане, говорит в другом месте Макарий, истинно приобщившиися благодати, могут разуметь, что весь земной мир, и царские сокровища, и богатство, и слава и науки (σοφίαί λοφύοι) призрачны и не имеют прочного основания, но скоро преходят, и потому все, что есть под небом, они легко презирают»<sup>134</sup>.

4) Души, утвердившиися в благодати, достигают самого тесного единения с Богом. «Ежели душа прилепляется к Господу, то и Господь, милосердием и любовью подвигнутый, приходит и прилепляется к ней, и таким образом душа и Господь делаются одним духом, единым растворением и единым умом. И хотя ее тело находится на земле, но ум весь и всецело обитает в небесном Иерусалиме, восходит до третьего неба, соединяется с Господом и служит там Ему; Господь соделывается наследием души, а душа наследием Господа»<sup>135</sup>.

5) Душа, удостоившаяся быть жилищем Духа Святого, наконец, так очищается и просветляется, что вся становится светом. Объясняя иносказательно видение Пророка Иезекииля (Иез. гл. 1. ст. 1. и др.), св. Макарий говорит<sup>136</sup>, что «Пророк видел тайну души, долженствующей принять Господа своего и соделаться для Него престолом славы; ибо душа, которую Дух, уготовляющий её Себе в престол и жилище, удостоит приобщиться Его света и осияет красотою неизреченной Его славы, становится вся светом, вся лицом, вся оком; не остается в ней ни одной части, которая бы не была исполнена духовных очей света, то есть не остается в ней ничего темного, но вся она делается светом и духом, и вся исполняется очей... Как солнце со всех сторон одинаково, и не имеет в себе ни одной части,

которая бы, в отношении к другим частям, могла назваться последнею, или несовершенною, но все это без изъятия сияет светом, и все есть свет; или как огонь, то есть самый свет огня, во всем сам себе подобен и не имеет в себе ничего такого, что бы можно было назвать передним или задним, большим или меньшим: так и душа, совершенно осиянная неизреченною красотою света лица Христова, пришедшая в совершенное общение с Духом (Христовым) Святым и удостоившаяся быть жилищем и престолом Божиим, бывает вся око, вся свет, вся лице, вся слава, вся дух». «Когда кто достигнет духовного совершенства, говорит в другом месте св. Макарий, очистившись от всех совершенно страстей и всецело с Духом Утешителем соединившись неизреченным общением, когда и сама душа, сочетавшись с Духом, удостоивается быть духом; тогда она бывает вся светом, вся радостью, вся покоем, вся восторгом, вся любовью, вся состраданием, вся благодатью, вся милостью и как бы погружается в совершенство благого Духа, подобно как камень в бездне морской объемлется со всех сторон водою. Таким образом люди, всецело соединенные с Духом Божиим, делаются подобными самому Христу, сохраняя в себе постоянно силы Духа и являя для всех духовные плоды: ибо когда Духом они соделаны внутри чистыми и непорочными; то невозможно, чтобы вне себя приносили они плоды злые, но всегда во всем являются у них плоды Духа»<sup>137</sup>.

Таковы действия благодати в душе человека! Кроме общих наставлений о действиях благодати в душе человека, святой Макарий в некоторых местах своих бесед описывает ещё особенные, более частные и временные состояния душ благодатствованных, и его описание таких состояний для нас драгоценно. «Удостоившиеся быть чадами Божиими, – говорит он, – и от Духа Святого родиться свыше, различно водятся Духом Святым. Мы возьмем примеры от наслаждений, встречающихся в мире, и по частям изобразим чрез них действия благодати в душе. Возбуждаемые благодатью иногда, подобно находящимся на царском пире, радуются и веселятся наслаждением неизреченным. Иногда они, подобно невесте, наслаждающейся с женихом своим, наслаждаются



Божественною сладостью. Иногда, как безтелесные Ангелы, они бывают весьма легки и свободны, находясь ещё в теле. Иногда, как упившиеся от вина, они веселятся, упоенные Духом, т. е. питием Божественных и духовных тайн. А иногда они плачут и рыдают о роде человеческом, и моляся за весь род Адама, по любви духовной к человечеству, проливают слезы. Иногда Дух Святой исполняет их таким восторгом и любовью, что, если бы можно было, они желали бы принять в свои недра всякого человека, не рассуждая, хорош ли он или худ. А иногда, по смиренномудрию духовному, они так себя унижают, что почитают себя всего хуже и презреннее. Иногда Дух Святой держит их в неизреченной радости. Иногда, как сильный ратник, облекшись в царское всеоружие и вышедши на брань, мужественно сражается с врагами и побеждает их: так и духовный человек их, приняв небесное оружие Духа, выходит против врагов, сражается и повергает их к ногам своим. Иногда душа успокаивается в великой тишине и мире, находясь в духовной радости, неизреченном покое и безопасности. Иногда она научается от благодати знанию и непостижимой премудрости и разумению тех вещей, которых никакой язык пересказать не может. Иногда она бывает такова же, каков и всякий человек. Иногда благодать так умиротворяет все члены и сердце, что душа от великой радости является как дитя незлобивое, и в сем состоянии уже не осуждает человек ни еллинов, ни иудеев, ни грешника, ни миролюбца; но внутренний человек смотрит на всех чистым оком, радуется о всем мире и совершенно расположен почитать и любить еллинов и иудеев. Иногда он, как сын царев, имеет дерзновение к Сыну Божию, как к Отцу; ему отверзаются двери, и он входит внутрь многих обителей, и по той мере, как входит, ему отверзаются новые обители, например, после сотни обителей другие сто. Он богатеет, и по той мере, как богатеет, ему отверзаются ещё новые чудеса. Как сыну и наследнику, ему вверяются такие вещи, которых человеческие уста изречь и изъяснить не могут<sup>138</sup>. Иногда бывает, что человек, в целый день занятый делами, становится на молитву на один только час, и в это время внутренний человек его с такою сладостью погружается в

молитву и в безпредельную глубину оною века, что весь ум переселяется в горня. В сие время забывает он все земные попечения и заботы, потому что ум его бывает наполнен и пленен Божественными, небесными, безпредельными, непостижимыми и чудными предметами, коих человеческим словом изречь невозможно, так что в тот же час человек желает и говорит: о, если бы и душа моя туда ушла вместе с молитвой!» Такие состояния духовного восторга не могут быть продолжительными. Они по временам только посещают душу. «Хотя благодать, говорит св. Макарий, непрестанно сопребывает, укореняется и действует как закваска в человеке с юного возраста, и сие сопребывающее в человеке делается чем-то как бы природным и неотделимым, как бы единою с ним сущностью: однако же, как ей угодно, различно видоизменяет она свои действия в человеке к его пользе. И огонь иногда возгорается и бывает сильнее, а иногда слабее и тише; и свет временем сияет и светит сильнее, а временем сокращается и меркнет. Равным образом и сия свеща, т.е. благодать, всегда горящая и светящая, иногда горит ярко, и тогда душа возгорается сильнее от упоения любви Божией; но потом издает свет умереннее, хотя и это, остающееся в душе, есть свет только слабейший. Иногда от сего самого света, возгорающегося в сердце, открывается внутреннейший, глубочайший и сокровенный свет, так что человек, весь погрузясь в сладостное созерцание, не владеет более собою и становится буим и странным для мира сего, по преизобилию любви и услаждения и по сокровенным тайнам, им созерцаемым; высвободившись на то время, он спешит достигнуть в меру совершенства, чтобы быть чистым и свободным от греха. Но потом благодать умалется, и простирается покрывало противной силы; в сем случае благодать является уже только отчасти, и человек тогда бывает на низшей степени совершенства. Положим, что человек должен пройти двенадцать степеней, чтобы достигнуть совершенства. Если кто достиг последней степени, то достиг и совершенства. Но благодать опять умалется, и человек сходит на одну степень ниже и стоит на одиннадцатой». Для чего же

это допускается? Почему благодать иногда умеряет свет и силу свою в человеке, и человек от сего должен низойти с высшей степени на низшую? Ответ св. Макария такой: «Если бы чудные состояния, в которые благодать иногда поставляет человека, всегда находились при нем, – то он не мог бы ни принять на себя служение слова, ни понести каких-либо трудов, ни попещись о нужном для себя самого, ни о завтрашнем дне, а сидел бы только в углу, в восхищении и упоении. Поэтому и не дано человеку стоять на степени совершенства, чтобы он мог иметь попечение о братьях и упражняться в служении слова»<sup>139</sup>.

Св. Макарий не допускает того, чтобы ещё здесь на земле человек мог решительно достигнуть полного совершенства. «Я ещё не видал, говорит он, ни одного христианина совершенного или свободного от греха. Ибо хотя иной успокаивается благодатью, получает таинственные откровения и вкушает сладость благодати, но при всем том и грех ещё находится в нем»<sup>140</sup>. «Нередко мы видели между братьями, говорит св. Макарий в другом месте, толико богатую получивших благодать, что в продолжение пяти или шести лет, как говорили они, похоть в них совершенно погасала, но потом, они думали, что достигли пристани и тишины, зло как бы из скрытой засады делало на них столь сильное и жестокое нападение, что приводило их в ужас и недоумение. Посему никто из благоразумных людей не смеет сказать: так как благодать со мною, то я уже свободен от греха. Ибо в одном и том же уме действуют два духа, (т. е. благодать и похоть)». В объяснение того, как совмещаются действия благодати и греха в одной и той же душе, св. Макарий говорит, что и в мире, где повсюду присутствует Бог, как вездесущий, существует и сатана; так и грех бывает в душе вместе с благодатью. От такого сожителя благодать нисколько не терпит. «Если солнце, будучи тело и создание, освещая смрадные и нечистые места, нимало не повреждается и не помрачается; то тем более Дух Святой, соединяясь с душою, ещё волнуемою грехом, нисколько не может от него оскверниться; ибо свет во тьме светит, и тьма его не объят (Ин. 1, 5). Мне кажется, в сем случае бывает таким образом: как во время чистого сияния солнца нечаянно находит мрачный пар или облако и потемняет

прекрасный свет; подобное сему случается и с теми, которые получили благодать Божию, но ещё не очищены до совершенства»<sup>141</sup>.

Отношение благодати к свободе человека.

Св. Макарий учил, что человек тогда только получает благодать, когда пожелает и будет искать её, что он может обратиться к добру из самой глубины зла, что самая благодать не может действовать одна, но требуется содействие человека. На самой высшей степени причастия благодати человек может пасть и лишиться благодати; но и после самого падения может опять восстать и снова получить дар благодати.

«Природа человеческая, – говорит св. Макарий, – способна к принятию и добра и зла, Божественной благодати и противной силы, но принуждена к тому быть не может»<sup>142</sup>. Природа человека такова, что он, находясь в бездне зла и работая греху, может обратиться к добру; равно как и получивший благодать Духа Святого и преисполненный небесными дарами имеет возможность обратиться к злу<sup>143</sup>.

Человек от природы получает расположение к добру, которое он не должен подавлять в себе, но более и более усиливать и раскрывать. «Бог повелевает, чтобы человек сначала познал добро умом, познав, возлюбил его, и волею совершал добро. Но мысль привести в действие, перенести труд и совершить дело – это дарует благодать возжелавшему и уверовавшему. Без согласия воли человеческой сам Бог ничего не производит в человеке, хотя и мог бы, по причине свободы, которою одарен человек»<sup>144</sup>. Когда Господь увидит кого-либо, что он удерживает себя от развлечений мира, решился служить ему со страхом, то подает ему деятельную помощь от Своей благодати. Но что делать Ему с тем, кто добровольно предаёт себя миру, идет вслед его похоти?<sup>145</sup> поскольку Господь, обращаясь к Иерусалиму, сказал: колькраты восхотех соврати чада твоя, и не восхотесте (Лк. 13,34); то мы должны верить, что Он сам нас собирает к Себе и требует от нас одного расположения (следовать за Ним). Но чем доказать сие расположение, если не произвольными трудами?<sup>146</sup> Человек

должен приучать себя ко всякой добродетели; тогда он удостоится и помощи от благодати<sup>147</sup>.

Но и тогда, как человек удостоится благодати, свобода его не стесняется. «Дабы и по принятии благодати видно было, к чему воля человека стремится и на что соглашается, для сего природа остается такою же; и человеку суровому оставляется его суровость, а легкому его легкость. Случается, что человек простой, духовно возродившись, делается мудрым, и ему открываются сокровенные тайны, но по природе своей он остается простым. Иной, будучи суров от природы, предаёт волю свою на угождение Богу, и Бог приемлет его; но природа его остается в своей суровости, хотя и благоволит к нему Бог. Другой добронравный, смиренный, добрый предаёт себя Богу, и Господь приемлет его: но если постоянно не пребывает в добрых делах, то Бог не благоволит к нему»<sup>148</sup>. Человек должен содействовать благодати, иначе она останется бесплодною в нем, или совсем удалится. «Как богачи земные, – говорит св. Макарий, – хотя и много плодов соберут в житницы свои, однако ежедневно снова трудятся, чтобы не обнищать, а более разбогатеть; ибо, если понадеются на богатство, лежащее в житницах, и не будут стараться приумножать его, но станут расточать собранное, то скоро впадут в бедность и нищету; посему, несмотря на свои приобретения и приращения, должны ещё трудиться и собирать, чтобы не обнищать: так должно быть и в христианстве с теми, кто вкусит благодати Христовой. Но ежели душа будет неисправна в своем служении и ежели не станет угождать Богу и повиноваться Его воле и не будет содействовать благодати Духа, тогда с срамом и поношением изгоняется, как безчестная, и отлучается от жизни, как непотребная и неспособная к соединению с Царем Небесным»<sup>149</sup>. «Вкусившие Божественной благодати и сделавшиеся причастниками Духа, если не будут беречься, то всего лишатся и сделаются хуже, нежели каковы были прежде, не потому, чтобы Бог был изменяем и бессилен или чтобы Дух угасал, но поскольку люди сами не согласуются с благодатью, потому они и отвергаются от нее, и впадают в безчисленные пороки»<sup>150</sup>.

Свобода остается так неприкосновенною в человеке, что хотя бы кто и преисполнен был благодати, всегда может пасть<sup>151</sup>. «Самим Апостолам, совершенным в благодати, благодать не воспретила бы делать что-либо по своему желанию, если бы они пожелали и неугодного благодати; впрочем, они грешить не могли, потому что не возносились, будучи озарены таким светом и удостоены такой благодати<sup>152</sup>. Несмотря на то, что они были совершенны, свобода произвола была и у них, и несправедливо некоторые несмысленно говорят, что, получив благодать, душа освобождается от заботы. Ибо и от совершенных Господь требует воли души на служение Духу, так чтобы воля и благодать согласовались между собою. Ибо говорит Апостол: Духа не угашайте» (1Сол. 5, 19)»<sup>153</sup>.

Благодать не оставляет совсем человека и по его падении, но возбуждает его к раскаянию. «Падшего человека, – говорит Св. Макарий, – Бог желает снова привести к жизни и потому побуждает его к плачу и раскаянию. Если и пребывает в нем благодать, то для того, чтобы располагать его к плачу и раскаянию о прежних грехах»<sup>154</sup>. «Благодать Божия с любовью приемлет человека кающегося, и дары посылаемые по благодати, не измеряются по сравнению с прежнею немощью; потому что благодать тогда уже не была бы благодатью»<sup>155</sup>.

Вот учение Св. Макария о благодати! Изложим кратко главные его мысли.

1) Благодать есть Божественная сила, сообщаемая человеку ради заслуг Христовых.

2) Она необходима человеку, потому что без нее человек не может познать Бога, освободиться от власти дьявола, творить доброе и получить вечное блаженство.

3) Благодать, водворившись в человеке, освобождает его от привязанности к земному, умерщвляет в нем грех, дарует ему легко и удобно исполнять все заповеди и наконец делает наследником Царства Небесного.

4) Для получения благодати от человека требуются вера, молитва, упражнение в добре и смирение.

5) Благодать не исключает свободы человека. Она сообщается по свободному желанию и исканию человека, и

когда сообщается, тогда требуется свободное содействие ей от человека.

## Пустынножители скита <sup>156</sup>

Хотя Скит был отдален от горы Нитрийской на 24 часа пути, но главные старцы обеих пустынь имели частые между собою сношения. Некоторые из старцев нитрийских, как, например, Макарий, Серапион, Памво, Агафон и другие, имели келлии в Скиту, куда удалялись по временам для большего безмолвия. Из жизни Макария Египетского также видно, что он нередко навещал нитрийских иноков, содействовал им в их духовном делании своими советами и наставлениями. При этом близком общении главные старцы нитрийские собирались иногда вместе с старцами Скита, чтобы согласиться в принятии общих мер для блага управляемых ими иноков или разрешить недоумения, возникавшие по особенным случаям. Посему правила, которыми руководствовались в жизни своей иноки скитские, были сходны с правилами иноков нитрийских. На это указывает и дошедший до нас устав иноческой жизни, составленный в общем собрании старцев: Серапиона, Макария, Пафнутия и другого Макария<sup>157</sup>.

Монахи Скита не имели одного общего начальника, но подчинены были собранию старцев. В истории скитских подвижников часто упоминается об этих собраниях. Собрания бывали обыкновенно в церкви, и чаще в субботу и воскресенье, когда иноки собирались для присутствования при Богослужении. В особенных случаях они заранее назначались пресвитером, совершавшим службу, и происходили под его председательством. В этих собраниях рассуждали или о духовных предметах, или об общих для всех пустынников делах, или судились важные проступки братии, или выбирались лица для церковных должностей. Если возникали в сих собраниях рассуждения о предметах, не относящихся к назиданию, но более питающих любопытство, то мудрые отцы останавливали такие рассуждения. Так, однажды скитские отцы собрались рассуждать о Мельхиседеке. Авва Коприй воскликнул: «Горе тебе, Коприй! ты оставил делать то, что заповедует тебе Бог, а испытываешь то, чего Он от тебя не



требует». Братия, услышав это, оставив собрание, разошлись по келлиям<sup>158</sup>. Хотя решение важных дел зависело от собрания старцев, но пресвитеры четырех церквей Скитской пустыни не были лишены духовной власти над теми иноками, которые причислялись к их церкви. Они, как духовные отцы, наставляли, руководили иноков и иногда сами налагали наказания. Как духовными нуждами братий заведывали пресвитеры: так для заведывания потребностями житейскими был избираем эконоом. Кассиан говорит<sup>159</sup>, что в должность эконома никто не вступал по своей воле, но в нее возводили по выбору старцев, общим согласием утверждавших в сем звании достоуважаемых и по возрасту, и по силе веры, и по святости жизни. Хотя в Скиту не было общежития иноческого, но подвижники Скита, живя в отдельных келлиях по одному или с несколькими учениками, содержались трудами рук своих; но потребность поддержания церквей, при которых кроме того были больницы для престарелых или больных иноков, заставляли принимать от усердствующих приношения. Многие благочестивые люди считали долгом приносить инокам начатки и десятины плодов своих полей. Эти приношения рассылались от эконома инокам по келлиям, и самые великие старцы огорчались, если их обходили в этом дележе. Так, однажды прислано было в Скит несколько мелких смокв, и их, как ничего не стоящих, не послали к Авве Арсению. Старец, услышав об этом, не пошел в церковь и сказал: вы отлучили меня, лишив благословения, которое Бог послал братиям и которого я не удостоился получить. Всех тронуло смирение старца. Пресвитер пошел, отнес ему смокв и с радостью привел его в церковь<sup>160</sup>. В случае значительного приношения устраивались для братии общие вечера<sup>161</sup>.

Пустынники Скита были самыми строгими по подвигу воздержания. Они разрешали себе только одно сухоядение. Считалось грехом чревоугодия, если кто вкушал варево в простые дни кроме воскресенья. Авва Ахила сделал выговор Авве Исаии за то, что тот подлил несколько воды в соль, которую ел с хлебом, потому, что от трудов во время жары у него пересохло горло и он не мог иначе проглотить куса.

Посмотрите, сказал Ахила, на Исаию, как он хлебает похлебку в Скиту. Если хочешь хлебать похлебку, то ступай в Египет<sup>162</sup>. Иоанн Колов говорил: «Отцы скитские вкушали хлеб с солью и говорили: не должно нам обременять себя хлебом и солью. Потому они и сильны были в деле Божиим<sup>163</sup>. Многие принимали пищу только раз в неделю. Строгость поста ослаблялась только для гостей. У скитских иноков было такое правило: в какое бы время кто ни пришел, всякий должен был сотворить молитву, а они во время этой молитвы занимались приготовлением трапезы и потом вместе вкушали пищу. Некоторые иноки тогда только и вкушали, когда кто-нибудь к ним приходил. Зная это правило Феодор Александрийский, живший в Теренуфе, ходил каждую субботу к Аммонии, чтобы заставить его вкусить пищу<sup>164</sup>.

Впрочем, мудрые отцы, изнуряя себя подвигами воздержания, считали пост только средством к обузданию страстей. «Мы учились, говорил Пимен Исааку, умерщвлять не тело, а страсти»<sup>165</sup>. Отцы тщательно заботились, чтобы излишнее воздержание не питало в неопытных подвижниках помыслов тщеславия. – «Если подвизаетесь в посте, говорил пресвитер скитский Исидор, не гордитесь. Если же тщеславитесь сим, то лучше есть мясо. Ибо не так вредно для человека есть мясо, как гордиться и надмеваться»<sup>166</sup>. Потому признавали лучшим, чтобы подвижники каждый день понемногу принимали пищи и даже подбавляли в нее каплю елея не для вкуса, ибо её нельзя и ощутить, но для того, чтобы предохранить себя от превозношения строгим воздержанием. «Неумеренность в посте и неумеренность в пище, говорил подвижник Скита Моисей, приводят к одному концу. Ибо ослабевший от излишнего воздержания приходит в то же состояние, в каком находится нерадивый от беспечности. Так что мы часто видели, что те, которые не могли быть прельщены чревоугодием, были низложены неумеренностью постов; и неумеренные бдения и ночные стояния низложили тех, которых не мог побудить сон. Итак, руководствуясь рассуждением, должно вести себя так, чтобы не уклоняться от стези воздержания и не пасть от губительного послабления гортани и

чреву». Отцы скитские, рассматривая различные виды воздержания, когда иные постоянно питались бобами, другие только травой, иные плодами, – предпочли всему этому вкушение хлеба, которого точнейшую меру определили двумя небольшими хлебцами, имевшими весу едва один фунт. Если не вкушать при этом ничего вареного, то этого очень довольно для строгого поста. Впрочем, главная мера воздержания состоит в том, чтобы всякий, смотря по требованию сил или тела или возраста, принимал пищи столько, сколько требует поддержание плоти, а не желание насыщения<sup>167</sup>. Так же отвечал Пимен на вопрос Иосифа, как должно поститься. «Надобно, сказал Пимен, есть каждый день, но есть не много, не до сыта. Как же ты, Авва, спросил его Иосиф, в юности своей постился по два дня? Точно постился я и по три дня, и по четыре и по неделе, но отцы, испытавшие все это, нашли, что лучше есть каждый день понемногу, и показали нам путь царский: ибо он удобнее для нас<sup>168</sup>. Опытные старцы осуждали тех, которые вместо того, чтобы есть каждый день по два хлебца, чрез два съедали четыре хлеба: потому что это могло произвести отягчение. Так как закон любви требовал, чтобы иноки с посетителями разделяли трапезу, то дабы не нарушить правила поста, сохраняя закон любви, старцы давали правило съесть в девятый час один хлебец, а другой оставлять до вечера с тем, чтобы, если придут гости, то с ними съесть другой хлебец. Они дозволяли, если не будет гостей, съесть ввечеру оставшийся хлебец, когда сильно чувство голода. Кассиан описывает образец роскошного стола в Скиту. Он с Германом пришел к Авве Серену. В воскресенье после Богослужения вместо рассола, который с каплею елея прибавлялся к ежедневной пище, он примешал к ней немного взвару и влил елея несколько более обыкновенного. Потом предложил три маслины вареные с солью, принес блюдо вареного гороху и сливы. Мы взяли, рассказывает Кассиан, по пяти зерен гороху, по две сливы, по одной маслине. Брать больше этого считались в Скиту грешным<sup>169</sup>. Как чуждались иноки всего излишнего, видно из двух примеров. Один больной брат захотел мягкого хлеба. Во всем Скиту не нашли его. Другому брату больному нужен был

уксус. В четырех лаврах Скита искали его и не нашли. А там отцев было около трех тысяч пяти сот<sup>170</sup>. Строгим постом изнуряя тело свое, иноки скитские старались лишать себя всякого успокоения телесного в жилищах, в одежде. Келлии иноков были так просты, что они выстраивали их в один день. В них кроме необходимого для работы ничего не было. Одежды носили они ветхие, изорванные, сшитые из пальмовых листьев, и тех более двух не имели. Отцы египетские имели обыкновение сберегать до смерти своей левитон и куколь, в которых приняли монашеский образ, и в них погребаться; в продолжение жизни надевали их только по воскресным дням для приобщения Св. Таин и тотчас после скидали<sup>171</sup>. Спали обыкновенно на полу на циновках; подкладывали под голову связки из тростника, которые служили и седалищем<sup>172</sup>.

Как были иноки нестяжательны, показывает следующий пример. Один знатный человек принес в Скит значительную сумму денег и просил пресвитера разделить их между иноками. Они не имеют нужды в деньгах, сказал пресвитер. Но когда этот человек сильно настаивал на исполнении своей просьбы, пресвитер поставил ящик с деньгами при дверях церкви и сказал братии, что имеющие нужду могут брать, сколько им угодно. Ни один из иноков не дотронулся до денег. Многие прошли мимо, и не взглянув на них. Тогда пресвитер, возвращая деньги принесшему, сказал: Бог принял твоё приношение; возьми деньги и раздай их нищим<sup>173</sup>. Ещё один Христолюбец принес деньги к старцу, бывшему в проказе: ты стар и болен, сказал он, возьми это, чтобы облегчить себя в нуждах. «Увы! отвечал старец, вот уже шестьдесят лет я болен, и Бог по Своей благости пекся о моем содержании, а ты хочешь лишить меня попечений Его промысла, делая себя моим кормильцем». И старец не взял денег<sup>174</sup>.

Живя трудами рук своих, иноки вырабатывали только то, что необходимо было для пропитания. Отцы определили, что все, превышающее нужду насущного пропитания и неизбежное требование плоти, относится к печали и заботе житейской. Например, это забота житейская, когда, имея возможность удовлетворить нуждам нашего тела одним динарием, мы

работаем и трудимся, чтобы приобрести два или три, и когда для одеяния достаточно двух одежд, мы хотим приобрести три или четыре; – когда для жительства достаточно одной келлии, мы строим их несколько и притом просторнее и изысканнее отделанных<sup>175</sup>. Рукоделье иноков Скита было самое простое – плетение рогож, корзин из тростника, вязание сетей и подобное. Такие рукоделья имели то преимущество, что они от людей, изнуренных постом, не требовали усиленного труда, совершались в келлии и, по простоте своей не отвлекая мысли иноков, давали уму свободу устремляться к Богу. Во время жатвы иноки нанимались у поселян жать хлеб. О плате они не договаривались; ждали молча, как бы долго её ни откладывали. Без позволения хозяина они не осмеливались сорвать и колоса для себя. Случалось, что, если во время работы один брат заболел, другие, сделав за него дело, принуждали его взять часть платы, как бы он сам работал<sup>176</sup>. Даже не имея нужды в работе, иноки трудились, чтобы не быть в праздности. Пришли однажды к Авве Ахиле иноки за назиданием и увидели, что он ночью плел большую веревку. «С вечера и до сих пор, сказал Ахила, я свил двадцать локтей, а не имею нужды в них. Но как бы не прогневался на меня Бог и не осудил меня за то, что, будучи в силах работать, не работаю; потому тружусь и делаю по силам своим»<sup>177</sup>. Другой подвижник, Павел, живший в Каламе, находя в плодах пальмы и небольшого сада все нужное для жизни и не имея возможности работать для продажи, потому что провоз его работы стоил бы более, нежели за сколько она могла быть продана, – несмотря на это поставил себе неперенным правилом каждый день делать известное число корзин. Потрудившись целый год, когда пещера его была полна корзин, он сжигал их. И это делал он потому, что иноку трудно очистить свое сердце, дать постоянство своим мыслям, победить лень и полюбить пребывание в своей келлии, если не будет занят работою<sup>178</sup>. Посему опытные старцы осуждали монахов, так называемых Евхитов, которые, под предлогом непрестанной молитвы, отказывались от рукоделья. Пришли однажды Евхиты к Лукию. Старец спросил их: какое у вас рукоделье? Мы не занимаемся рукодельем, отвечали они, но

непрестанно молимся, как заповедует Апостол. Ужели вы и не едите и не спите, спросил старец. Едим и спим, отвечали они. Кто же молится за вас, когда вы едите и спите? Они не знали, что отвечать. Тогда Лукий сказал им: простите мне, вы не делаете, как говорите. А я вам покажу, что, и занимаясь своим рукодельем, непрестанно молюсь. Размочив немного прутьев, с Богом сажусь я и плету из них веревку, а между тем читаю: помилуй мя Боже по велицей милости Твоей и по множеству щедрот Твоих очисти мя (Пс. 50, 1–3). Не молитва ли это? Проводя целый день в работе и молитве, я зарабатываю около 16 монет. Две из них подаю нищим, а остальные употребляю на пищу. Кто примет от меня две монеты, молится за меня, когда я ем и сплю; и таким образом по милости Божией исполняю непрестанную молитву<sup>179</sup>. Один брат, пришедший к Силуану, увидав, что братия работают, сказал старцу: делайте не брашно гиблущее (Ии. 6, 7). Мария же благую часть избра (Лк. 16, 22). Старец велел ученику своему отвести пришедшего в пустую комнату и дать ему книгу. Наступил девятый час – время трапезы иноков, брат ждет, не позовут ли его обедать. Но зову не было. Он пошел к старцу и говорит: неужели братия не ели? ели, отвечал старец. Почему же не позвали меня? Ты человек духовный, избрал благую часть, читая целый день; и не имеешь нужды в такой пище, а мы, как плотские, хотим есть и потому работаем. Вразумленный брат просил прощения у старца. Тогда Силуан сказал: так и Мария имеет нужду в Марфе; ибо и Мария похваляется из-за Марфы<sup>180</sup>.

Обязанность молитвы действительно составляла важнейшую обязанность иноков. «Цель всякого монаха и совершенство, говорил Исаак, заключаются в постоянной и непрерывной молитве, сколько возможно для немощи человеческой. Для достижения сего мы употребляем все труды и все сокрушение сердца. Ибо между добродетелями и молитвою есть взаимная и нерасторгаемая связь. Ибо как без добродетелей не может быть приобретена и доведена до полноты непрерывная и постоянная молитва; так и добродетели, которые приготавливают её, не будут тверды и

прочны, если не будут связаны молитвою, и совершенством молитвы завершается все здание добродетелей».

Посему опытные старцы бдительно наблюдали, чтобы нерадение, рассеяние мыслей или расслабление сердца не ослабили в юных отшельниках духа молитвенного. «Чтобы молитва могла быть возносима с должною горячностью и чистотою, говорит тот же опытный подвижник, необходимо всякую заботу о земных вещах отсечь, отстранить не только попечение о чем-нибудь, но и самое воспоминание. Осуждение, суесловие или многоглаголение, шутки должны быть также отсечены, возмущение гнева или печали, или похоти должно быть исторгнуто с корнем. После такого предварительного очищения, которое довершается чистотою простоты и невинности, должно положить непоколебимое основание смирения». Засим, раскрывая ту мысль, что душа должна быть удерживаема от всякого развлечения, чтобы она мало-помалу возвышалась к созерцанию Бога и духовному видению, Исаак говорит: чем занята будет душа наша пред часом молитвы, то по внушению воспоминания необходимо представится нам и во время молитвы. Посему каковыми хотим быть во время молитвы, таковыми должны устроить себя до молитвы. Ибо ум во время молитвы получает настроение от предыдущего состояния; образ прежних действий, также слов или чувствований, носясь пред нами, заставит нас или гневаться, или печалиться, или перебирать случаи вожделений, или возмущаться каким-нибудь словом или поступком и носиться в прежних развлечениях. Потому мы должны прежде молитвы изгнать из глубины сердца то, чего не хотим, чтобы вкрадывалось в нас во время молитвы. Если хотим, чтобы молитвы наши проникали не только небо, но и превыше небес, будем стараться, очистив ум наш от всех земных пороков и от всех скверн страстей, возводить его на высоту, чтобы молитва ничем не обремененная постепенно восходила к Богу<sup>181</sup>.

Для стяжания непрестанного памятования о Боге отцы Скита советовали инокам иметь в уме одну краткую молитву, и для сего они избрали стих Псалма: *Боже в помощь мою вонми. Господи помози мне потщися* (Пс. 69, 1).

Подвижники Скита, воспитанные под руководством Духоносного Макария, который жил более в Боге и часто погружался в духовный восторг, во время молитвы испытывали и высшие состояния молитвенного восторга. Вот что говорит об этой молитве один из подвижников Скита:

«Высшая молитва, не многим известная и понятная, даже неизреченная, превосходя всякое человеческое разумение, не выражается отдельно звуком голоса или движением языка и произношением слов. Ум, озаренный излиянием небесного света, не человеческими изречениями высказывает её, но, преисполненный чувствами, обильно изливает их как бы из многоводного источника и в неизреченном воздыхании возносит к Господу, в краткое время выражая более, нежели сколько ум, пришедши в себя, может пересказать или припомнить... Каким образом внутренние душевные чувства проявляются вовне, это определить также трудно. Ибо часто чувство молитвенное обнаруживается в неизъяснимой радости и веселии духа так, что от безмерной радости оно невольно проторгается в некоторых восклицаниях. А иногда ум с таким безмолвием сокрывается в тайных глубинах молчания, что восторг от внезапного озарения удерживает всякий звук голоса и изумленный дух все чувства или содержит внутри, или возносит к Богу, и изливает пред Ним свои желания в воздыханиях неизглаголенных. А иногда он исполняется таким глубоким сокрушением и такою печалью, что невольно выражает оное излиянием слез»<sup>182</sup>.

Отцы любили в уединенных молитвах своих проливать слезы. Кто хочет, говорил Пимен, очистить себя от грехов своих, очищает себя слезами; и желающий стяжать добродетели стяжавает их слезами. Ибо плач есть путь, указанный нам Писанием и отцами нашими, которые говорили: плачьте, кроме сего нет другого пути<sup>183</sup>. Но отцы дают мудрый совет не вынуждать течения слез и не слишком домогаться плача внешнего человека, который, хотя и будет возбужден, но никогда не достигнет обилия слез, льющихся добровольно. Ибо такие слезы, развлекая дух молящегося, ослабят его и погрузят долу и низвергнут с той небесной высоты, на которой



восторженный ум молящегося должен утверждаться непоколебимо, и, ослабив молитвенное настроение, принудят его болезновать для бесплодных и вынужденных капель слезных<sup>184</sup>.

Чем яснее в писаниях св. Макария Египетского, первого пустынножителя и руководителя иноков скитских, обнаружилось стремление к духовному созерцанию Бога; тем удивительнее встретить между скитскими иноками распространение человекообразных представлений о Боге. Заметив сие заблуждение, Феофил Архиепископ Александрийский в одном из пасхальных посланий своих старался опровергнуть его. Иноки Скита так были вооружены против сего послания, что из четырех пресвитеров, управлявших церковью, один Пафнутий решился прочесть его в собрании. В числе разделявших человекообразное представление о Боге был состарившийся в духовных подвигах инок Серапион. Тщетно пресвитер Пафнутий старался вразумить его. В это время для посещения Скита пришел из Каппадокии дьякон Фотин, муж весьма ученый и сведущий в Священном Писании. Пафнутий просил его показать скитским инокам, как православная Церковь принимает слова Писания; сотворим человека по образу Нашему и по подобию. В пространном слове Фотин показал, что эти слова не должно принимать буквально, что неизмеримому, непостижимому и невидимому величию Божию не может быть приписано что-либо такое, что бы могло быть определено устройством и подобием человека, потому что Он есть природа безтелесная, простая и для чувств непостижимая. Эти убеждения заставили старца присоединиться к вере православной. И тогда как все, полные радости о том, что Бог не попустил такому святому старцу заблуждаться по невежественной простоте, приносили благодарственные молитвы Богу, старец, чувствуя, что тот образ Божества, который он привык представлять себе в молитве, изгладился из сердца его, так смешался в мыслях своих, что, повергшись на землю, проливая горькие слезы, с рыданием взывал: «Взяли у меня Бога моего. К кому мне теперь обращаться? – не имею. Кому мне теперь молиться и кого призывать?»<sup>185</sup>.

Должно думать, что мудрые руководители скитских иноков успели уврачевать заблуждение, происходившее от недоразумения.

Заповедь о непрестанной молитве в келлии не служила к ущербу общественных молитв.

В субботу и воскресенье иноки обыкновенно выходили из своих пустынь и собирались в церковь для общих молитв и для причащения Св. Таин. Авва Пимен говорил: в Писании сказано: им же образом желает елень на источники водные, сице желает душа моя к Тебе Боже (Пс. 41,2). Как олени в пустыне, мучимые внутренним жаром, быстро бегут к воде, и когда напьются, то воспаление внутреннее проходит; так и монахов, живущих в пустыни, жжет яд злых демонов, и они с нетерпением ждут субботы и воскресенья, чтобы идти на источники водные, то есть приступить к телу и крови Христовой, дабы очиститься от скверн лукавого<sup>186</sup>. В церкви иноки являлись в полном одеянии, и каждый из них имел свое определенное место.

Для многих из пустынников выход в церковь был почти единственным выходом из келлий. Опытные старцы советовали юным подвижникам пребывать в келлии. Один пустынный просил у Аввы Моисея наставления. «Сиди в своей келлии, сказал ему Моисей, она научит тебя всему, что тебе должно делать»<sup>187</sup>. Другой молодой пустынный пришел однажды к Авве Арсению и сказал: «Отче! ум мой смущается, видя, что я не могу ни поститься, ни работать. Буду посещать хоть больных: ибо и это дело любви». «Иди в свою келлию, сказал ему Арсений, ешь, пей и спи и не работай, только не выходи из келлии». И это потому, что постоянное пребывание в келлии утвердит инока в исполнении его обязанностей<sup>188</sup>. Напротив, замечает один подвижник, всякий раз, как кто выйдет из келлии, при возвращении будет колебаться и возмущаться, как бы новичок и только начинающий жить в ней. Ибо то настроение духа, какое приобрел, сидя в келлии, если оно будет ослаблено, может возвратить не без труда и не без болезни и чрез то, будучи отведен назад, он уже не будет думать об упущенном успехе, который мог бы вновь приобрести если бы не выходил

из келлии, но будет более радоваться, если увидит, что возвратился в прежнее состояние, из которого выступил<sup>189</sup>.

Поставляя одною из главных обязанностей постоянное пребывание в келлии, опытные старцы, впрочем, требовали, чтобы юные иноки жили в келлиях не по своему произволу, но под руководством старцев. Случилось однажды, что молодой человек, оставив мир и надев иноческое платье, хотел заключиться в своей келлии, говоря: я хочу быть отшельником. Но старцы, жившие в соседних келлиях, услышав о сем, велели ему выйти из келлии и обойти все келлии других братий, говоря каждому: прости меня, я знаю, что я ещё не пустынный, а только новоначальный инок<sup>190</sup>. Потому новопоступающие иноки обыкновенно отдаваемы были в послушание старцам, которые испытывали их уничижением, осмеянием их рассуждения, и все для того, чтобы приучить их без рассуждения подклонять свою волю под иго послушания. Они большею частью не оставляли своих духовных отцов до самой смерти, служили им в старости с уважением и вниманием, заслуживающими удивления. Приученные с юных лет к строгому послушанию иноки могли руководить и других по сему пути. Потому история монашества часто представляет последовательный ряд учителей и их учеников. Так, Арсений, имея духовным отцом своим Иоанна Колова, в свою очередь имел у себя учеников.

Путь послушания опытные отцы признавали безопасным путем для инока. Оно скорее всего способствует к приобретению дара рассуждения – того дара, который Антоний Великий назвал высшею из добродетелей. «Были примеры, так рассуждал один опытный подвижник скитский, что некоторые, соблюдая строжайшие посты и бдения, чудно уединяясь в пустынях, терпя лишение всего до того, что не позволяли у себя оставаться лишней пищи даже на один день и ни одного лишнего динария, и исполняя со всею любовью дела милосердия, вдруг были так обмануты, что начатого дела не могли кончить с желаемым успехом, и их пламенное рвение и похвальная бдительность имели печальный конец. Иные после жития монашеского увлеклись блеском слова и уклонились к ложным понятиям еретическим. Иных лукавый помысл убеждает

под видом благочестия принимать на себя ходатайство за других и делать посещения, чтобы изгнать из духовных затворов монастыря и из уединения возделенного покоя внушением заботы о благочестивых и сиротствующих женах, чтобы, такими сетями неразрешимо опутав монаха, развлечь его суетными попечениями. Иногда даже побуждает искать сана священства, под предлогом назидания многих и по любви к духовной пользе, чтобы отторгнуть нас от смиренного нашего жития. Все это, будучи прикрыто покровом милосердия и благочестия, сначала кажется полезным и необходимым, но после вредит твердости иноческой жизни. Это те пути, о которых сказано в притчах: суть путав мнящиеся прави быти мужу, обаче последняя их зрят на дно адово (Притч. 14, 12. 16. 25). И это оттого происходит, что, не быв утверждены вполне от старцев, неопытные иноки не могли приобрести дара рассуждения. Рассуждение же тогда приобретается, когда монах не только все, что должно делать, но и что бывает в помыслах, представляет на суд старшим и, не доверяя ни в чем своему разуму, во всем следует их определениям. Это руководство не только научит юного монаха идти прямою стезею к истинному пути рассуждения, но и сохранит невредимым от всех обманов и хитростей врага. Ибо никто не может быть обманут, если живет не по своему разуму, но по указанию старцев. Дьявол ни одним пороком так стремительно не увлекает монаха и не приводит к смерти, как когда убедит его, презрев советы старцев, положиться на свое мнение и знание. Между тем хитрый враг не может поругаться над неведением того, кто не умеет скрывать ни одного помысла, рождающегося в сердце, но все помыслы отвергает или допускает по зрелому суду старцев. Ибо злой помысл, как только будет открыт, тотчас слабеет, и прежде нежели произнесен будет суд рассуждения, гнуснейший оный змей, как бы из мрачной и подземной пещеры извлеченный на свет силою исповеди и некоторым образом обличенный и поруганный, удаляется. Ибо пагубные внушения его дотоле господствуют в нас, доколе скрываются в сердце. Авва Серапион рассказывал о себе, что, когда он был отроком и жил с Аввою Феоною, получил привычку после принятия пищи в девятом часу со

старцем прятать за пазуху один сухарь, который вечером съедал тихонько от старца. Как ни сильно мучила его за это совесть, но он не имел силы отстать от привычки или признаться старцу. Однажды пришли к Феоне братья. Беседа шла о чревоугодии и скрываемых помыслах. Серапиону показалось, что старец, по откровению, узнав о его грехе, против него направляет беседу. Сначала он стал вздыхать, потом заплакал и вынул сухарь, который оставил себе после обеда; пал к ногам старца, исповедал свой грех и просил прощения. Дерзай чадо, сказал ему старец, тебя разрешила от греховной привычки твоя исповедь. И действительно, по слову старца, после и на мысль Серапиону не приходило желание утаивать кусок хлеба после трапезы. Этот пример показывает, как смиренное признание в своих грехах пред теми, которые приняли на себя попечение о нашей душе, не смотря на стыд, который терпит от сего наша гордость, способствует к освобождению от них и получению прощения. Бог по Своему милосердию преклоняется к душе, исповедующей грех свой со смирением, и дает смущенному сердцу мир»<sup>191</sup>. Посему отцы требовали, чтобы ученики их открывали все свои помыслы, говорили о своей вине и смиренно несли наказания, за них полагаемые. Старцы с смирением также принимали выговоры от пресвитеров или епископов. Получая замечания, они падали на землю и просили прощения. Они смирялись так и тогда, как не сознавали своей вины. Заповедуя смирение и искреннее сознание своих грехов, отцы не одобряли тех, которые умели только делать низкие поклоны и смиренны были лишь на словах. Так, один пустынник с видом великого смирения пришел к Серапиону. Серапион по обычаю предложил ему совершить молитву. Пустынник отвечал, что он не смеет молиться с ним по причине множества грехов, что он недостоин даже дышать одним воздухом с ним. Серапион предложил ему сесть, он отказался. Тем более не позволил он, чтобы старец омыл ему ноги. Когда встали из-за трапезы, Серапион с кротостью начал говорить пустыннику, что по его молодости и крепости сил лучше сидеть в келлии и заниматься работою, а не ходить по обителям и питаться чужим хлебом. Эти слова так глубоко

огорчили пустытника, что он не мог скрыть своего неудовольствия. Сын мой, сказал ему мудрый старец, ты называл себя самым тяжким грешником и не боялся дать о себе дурное мнение, – отчего же от простого наставления моего, которое дано по любви к тебе и желанию пользы, ты так раздражился, что не можешь скрыть своего негодования? или ты хочешь, чтобы я тебе сказал: *праведник себе самого оглагольник в первословии* (Притч. 18, 17) <sup>192</sup> ?

Связанные союзом любви иноки Скита всегда готовы были помогать друг другу советами и наставлением. Был в Скиту один старец, труженик по телесным подвигам, но не искусный в помыслах. Он пришел однажды к Иоанну Колову просить совета противу забывчивости. Выслушав его наставление, воротился в свою келлию и забыл, что говорил ему Иоанн. Он пошел к нему опять и опять, не дойдя до келлии, забыл его слова. Много раз он ходил к нему и все забывал данное наставление. Наконец, не желая беспокоить Иоанна, он перестал ходить к нему. Встретившись после сего с Иоанном, он сказал: Авва, я забыл, что ты говорил, но не хотел тебя беспокоить. Тогда Иоанн говорит ему: поди, зажги свечу. Он зажег. Зажги от нее другие свечи. Он сделал это. «Ведь не перестала гореть свеча, сказал Иоанн, оттого, что ты зажег ею другие; так не угаснет и Иоанн, хотя бы весь Скит ходил ко мне. Потому приходи ко мне, когда хочешь». И за терпение обоих Бог освободил старца от забывчивости. Таковы были дела отцов, живших в Скиту, пишет собиратель достопамятных сказаний об отцах, они ободряли искушаемых и делали себе принуждение, чтобы взаимно одним других уславливать в добре<sup>193</sup>. Если случалось кому по немощи впасть в искушение, братья принимали участие в скорби его и сами обливались слезами. Спасительными наставлениями и предостережениями они старались возбудить к покаянию, предостеречь от новых падений и поддержать мужество, ослабленное скорбью и унынием. Когда старцы принуждены были для уврачевания иноков прибегнуть к строгим мерам, ни прихоть, ни страсть не вмешивались в их суд. Если кто заходил слишком далеко в своем суде, опытные старцы мудрыми советами тотчас же умеряли излишнюю строгость. Один брат в

Скиту пал в грех, братия собралась судить его и послали за Аввою Моисеем, но он не хотел идти. Пресвитер опять послал звать его: иди, тебя ожидает собрание. Моисей, взяв корзину и наполнив её песком, пошел и понес с собою. Братья, вышедшие к нему навстречу, спрашивают его: что это такое, отец? Это грехи мои, отвечал Моисей, сыплются позади меня, но я не смотрю на них и пришел теперь судить чужие грехи. Братья немедленно простили согрешившего, не сделав ему и выговора. Так же поступил и Авва Пиор<sup>194</sup>. Главная цель наказания была привести виновных к раскаянию в своем заблуждении. Тогда только, как истощены были все средства любви и кротости, упорных в грехе отсекали от общества, как гнилые члены, дабы они не заразили и других. Но если был хотя малый луч надежды исправления, отцы не преставали врачевать недугующих душою.

Врачуя душевные болезни, отцы Скита усердно пеклись и о впавших в телесные болезни. Находившиеся в церковной больнице пользовались услугами больничных братьев. Жившие в отдаленных пустынях если не переносились в отдаленную больницу, то попеременно были посещаемы братьями, которые употребляли все, чтобы облегчить их болезнь, и старались исполнять их желание. Так, одному больному старцу захотелось мягкого хлеба. Во всем Скиту не нашлось его, потому что иноки готовили его себе на несколько месяцев. Один из братьев завернул в мантию сухие хлебы, пошел в Египет, обменял их на мягкий хлеб и принес больному. Старец представил труды, каких стоил этот хлеб брату, ибо расстояние было далеко, и не хотел было есть. Это кровь моего брата, сказал он. Но другие иноки убедили его почтить любовь брата и съесть этот хлеб<sup>195</sup>. Если приближалось время смерти брата, отцы собирались к умирающему, чтобы в великую минуту разлучения души с телом подкрепить его дух молитвою.

Пустыня Скит, славная своими подвижниками, привлекала к себе и простых земледельцев и мужей из Царских чертогов; в ней обитали люди, с юных лет посвятившие себя иноческой жизни; не были отвергаемы и те, которые после беспорядочной

жизни в молодых годах приходили сюда, чтобы остаток дней своих провести в покаянии.

Знаменитыми пресвитерами, которые разделяли ещё с Макарием Великим бремя управления скитскими иноками, были Исидор и Пафнутий. Исидор до 373 г. подвизался в горе Нитрийской. Первою заботою его при вступлении в звание иноческое было утвердить себя в постоянном пребывании в келлии, чтобы удобнее сохранять ум свой в молитвенном единении с Богом. Он не определял времени для молитвы, но день и ночь проходили у него в молитве. Но вместе с тем и в самую глубокую старость он не оставлял рукоделья, целые ночи проводя в плетении пальмовых корзин. Когда братья говорили ему: отдохни немного, ты уже стар; Исидор отвечал им: если бы сожгли Исидора и развеяли прах его по ветру; и тогда я не заслуживал бы ещё никакой милости, ибо для нас сходил на землю Сын Божий. Когда возникали в душе его помыслы гордости, он говорил себе самому: неужели я подобен Авве Антонию? Ужели я угоден Богу, как Авва Памво? Это смиренное размышление прогоняло искушение и водворяло тишину в его душе. Иногда лукавый враг силился ввергнуть его в уныние мыслью, что и после столь многих трудов он будет ввергнут в муку. «Если я и буду ввержен в ад, говорил смиренный Исидор искусителю, и там найду тебя под моими ногами».

С тех пор, как сделался монахом, Исидор старался подавлять в себе движения гнева в самом их начале. И в течение 40 лет, хотя и ощущал иногда греховные помыслы, но никогда не предавался ни пожеланиям плоти, ни гневу, и избегал всякого повода к гневу. Так, однажды, пришедши на рынок продавать кошницы и почувствовав в сердце своем движения гнева, он оставил свои кошницы на месте и удалился. При великой своей кротости он умел обращать к Богу души самых упорных грешников. Если кто имел у себя брата слабого или нерадивого или ругателя и хотел прогнать его от себя, то Исидор приказывал привести его к себе и своим терпением возвращал его на путь спасения. В своих наставлениях он советовал особенно не полагаться своим помыслам. Не так страшны все демоны, говорил он, как следование своему



сердцу. Потому внушал юным подвижникам любовь и уважение к их наставникам: «Ученики должны и любить своих истинных учителей как отцов, и бояться как начальников. Ни любовь не должна изгонять страха, ни страх не должен погашать любви». Когда обуреваемые нечистыми вожделениями обращались к нему за советами, он внушал прежде всего прибегать к молитве, с терпением бороться с нападениями врага. «Прибегнем к молитве, говорил он, и враг удалится. Мысль о Боге доставит победу. Терпение в добре доставит нам торжество. Будем сражаться и будем увенчаны». На путь терпения и самоотвержения призывал он всех подвижников. «Не за тем ли, говорил он однажды скитским инокам, пришли мы в сие место, чтобы терпеть труды и скорби? Между тем мы не терпим ничего. Если это ещё продолжится, я возьму свою милость и поищу места, где бы можно терпеть что-либо для укрепления моего духа. Преданный сластолюбию и сребролюбию, говорил он, не может жить богоугодно. Если желаешь наследовать Царство Небесное, презирай богатство и ищи воздаяния у Бога».

Сам Исидор старался отказывать себе во всем. Один брат пришел звать его на вечерю. Старец отказался, говоря: Адам прельстился снедью и был изгнан из рая. Брат сказал ему: ты боишься даже выйти из своей келлии. Точно боюсь, сын мой; ибо дьявол яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити (1Пет. 5,8). Если и случалось ему оставлять свою келлию, то он старался ни на что постороннее не обращать внимания. Однажды он ходил в Александрию к Архиепископу Феофилу. По возвращении братия спросили его: каков город? Истинно, братия, сказал он, я не видал лица человеческого. Не опустел ли город? – спросили его иноки. Нет, – отвечал он; но помысл не увлек меня взглянуть на кого-либо. Это постоянное внимание к себе, эта чистота сердца сделали Исидора сосудом благодати. Он был так страшен для демонов, что одержимые злыми духами получали исцеление, едва только касались порога его келлии<sup>196</sup>. Исидор скончался вероятно около 396 года.

Другой знаменитый пресвитер Скита, который подобно Исидору прежде подвизался в горе Нитрийской, был Пафнутий.

Он был в числе самых достоуважаемых мужей горы Нитрийской и Скита. Вместе с Макариями и Серапионом он составлял устав для иноков и как один из столпов православия среди иноков подвергся гонению Валента. Еще в юных летах, увлеченный примером Антония Великого, вступил он в иночество в одном из его монастырей. С такою ревностью исполнял он святые наставления, какие давали ему, что скоро сделался сосудом добродетелей, преимущественно отличаясь смирением и послушанием. Упражнение в сих двух добродетелях дало ему средство умертвить свою волю и погасить в себе все неправильные пожелания. Глубокое смирение Пафнутия и высокая степень его совершенства открылись при искушении, какому подвергла его зависть одного брата. Пафнутия оклеветали в воровстве. Вместо того, чтобы оправдываться, он без прекословия смиренно подчинился наказанию, которое назначено было ему. Две недели подвергался он строгому унижению. С раннего утра в субботу и воскресенье приходил он в церковь и там, повергшись у порога церковного, умолял о прощении. Чем глубже смирял он себя, тем яснее милосердие Божие открыло его невинность. Злой дух вселился в клеветника, и только молитва Пафнутия – его одного из сонма подвижников скитских – могла исцелить несчастного брата.

Утвердившись в послушании иноческом и ревнуя о более совершенной жизни, он оставил монастырь и удалился в пустыню, и там жил так уединенно, что редко видели его. Два раза в месяц ходил он к старцам, открывая свои помыслы, хотя он жил от них за двенадцать тысяч шагов и всегда слышал от них одно наставление: в какое бы ты место ни пришел, считай себя последним из всех, и ты найдешь покой своей душе.

Совершенный в добродетелях, Пафнутий, хотя и любивший жить уединенно в беседе с одним Богом, избран был в пресвитера Скитской церкви, чтобы и другим сообщить богатство своих добродетелей. Ещё Великий Антоний дал свидетельство о Пафнутии, как о муже способном врачевать немощи других. Одного брата оклеветали в грехе и привели его для суда к Антонию. Тут был Пафнутий. Слыша, как настойчиво обвиняли приведшие брата, он сказал притчу: на берегу реки

видел я одного человека, который увяз по колена в грязи. Некоторые пришли подать ему помощь и по самую шею погрузили его. Антоний сказал о Пафнутий: вот истинно такой человек, который может врачевать и спасать души. Этот дух христианской любви и снисходительности к немощам происходил из его глубокого смирения и побуждал при виде немощей ближнего не к осуждению его, но к оплакиванию своих грехов. Однажды шел он мимо селения и услышал бесстыдный разговор. Остановившись, начал он молиться о своих грехах. И вот явился ему Ангел с мечом в руках и сказал: Пафнутий! все, осуждающие братьев своих, погибнут от меча сего. Но ты не осудил, а смирился пред Богом. Посему имя твое вписано в книгу живота. Он был уже девяноста лет, когда Кассиан видел его в Ските. В лике святых, пишет он, которые, как светлые звёзды, блистали в ночи мира сего, видели мы святого Пафнутия, подобно великому светилу сияющего светлостью ведения. Удрученный летами, он из своей келлии, отстоявшей на пять тысяч шагов от церкви, ходил в субботу и воскресенье в церковь и, возвращаясь оттуда, приносил на выи своей сосуд воды, которую употреблял в продолжение седмицы. И будучи более девяноста лет, не позволял, чтобы младшие иноки приносили ему воду. Из беседы Пафнутия с Кассианом открывается, какое высокое понимание иночества проникало его сердце. Иночество, говорил он, состоит не в отречении только от имущества, не в одном отречении от пороков, но в отречении от всего земного, от себя самих, от веры в свою праведность, в надежде на одного Господа, спасающего нас<sup>197</sup>. По словам Палладия, Бог даровал Пафнутию высокое разумение Священного Писания так, что он мог изъяснять весь Ветхий и Новый Завет. Приобретая сие разумение деятельным исполнением закона Божия, Пафнутий предостерегал от той мудрости, которая не сопровождается добрыми делами. Ибо если истине слова не сопутствует добрая жизнь, то это хлеб без соли, по слову блаженного Иова. Но снесся ли хлеб без соли? или кий вкус в тщих словах (Иов. 6, 6)? Посему в Писании сказано: грешнику же рече Бог: векую ты поведаети оправдания Моя и восприемлещи завет Мой усты твоими (Пс. 99, 16)<sup>198</sup>.

Сам в трудах и самоотвержении проведши жизнь свою, так что никогда не имел более двух срачиц, Пафнутий и другим внушал то же. Три старца пришли к нему просить наставления. Он сказал им: любите труд и скорбь более покоя, смирение более славы, любите лучше давать, чем принимать<sup>199</sup>. Приближаясь к старости, Пафнутий желал видеть преемником своего пресвитерства Даниила, хотя младшего многих по возрасту, но сравнившегося по чистоте жизни, кротости и смирению с самыми старшими подвижниками. Возведенный ещё при жизни Пафнутия в сан пресвитера, Даниил не дерзал приступать к совершению тайн при жизни св. Пафнутия. И так как он скончался прежде Пафнутия, то ни разу не совершал Литургии.

Неудивительно, что сии мужи, с юных лет воспитанные в благочестии, сделались посредством постоянного упражнения в добродетелях и очищения ума своего молитвою светильниками иночествующих. Удивительнее видеть, как Моисей ефиоплянин, бывший ужасом своей страны, так же черный душою, как был черен телом, из начальника разбойников сделался великим подвижником и пресвитером Скита. Его пример служит живым свидетельством, что всецелое обращение на путь спасения возможно для самых великих грешников. Раб одного гражданина, или, как говорят, судьи, Моисей отличался беспорядочным поведением и готовностью на всякое худое дело. Ни увещания, ни наказания не могли его исправить, и господин выгнал его из дому.

Его душевные склонности не указали ему иного пристанища и занятия, как вступить в шайку разбойников. Его высокий рост, необычайная сила и без сомнения дерзость на злодеяния, доставили ему звание начальника. С неслыханной жестокостью производил он везде грабительства и наводил ужас своим именем. Однажды, чтобы отомстить одному поселянину, он, взяв меч в зубы, одежду на голову, переплыл Нил, когда он был в разливе и простирался на шесть тысяч шагов. Не найдя поселянина, который от страха убежал и скрылся в пещеру, Моисей свое мщение излил на его стадо. Он убил четырех

лучших баранов, связал их и с ними опять переплыл реку и разделил свою добычу с товарищами.

Нужно было испытать такому человеку сильное потрясение, чтобы в душе его пробудилось чувство раскаяния. Наконец, это чувство пробудилось в нем. Он пришел в монастырь в разодранной одежде, с лицом, омоченным слезами, со всеми признаками глубокого сокрушения и просил принять его в число иноков. Долго иноки не хотели принимать его, но он неотступно молил их, раскрыл пред всеми свою совесть, исповедуя не столько преступления свои, сколько сокровенные мысли свои. Много дней пробыл он у ворот монастыря. Наконец, видя постоянство Моисея в его желании вступить в монастырь и искренность раскаяния, настоятель облек его в иноческую одежду и, дав правила для жизни, принял в число братства. Моисею было тогда около 30 лет. С великим усердием и точностью Моисей исполнял все, что ему ни предписывали. Он питался только хлебом и водою, иногда дня по три и по четыре не вкушал пищи. Часто целые ночи проводил в молитве, непрестанно вздыхая и проливая потоки слез о своей прежней жизни. Пример его обратил на путь покаяния одного из его сообщников и ещё четверых разбойников, которые напали на него в келлии. Связавши их, он принес их в Церковь. Узнав, что это был Моисей, они решились последовать его примеру и сделались добрыми иноками. В начале своей подвижнической жизни Моисей ощущал внутреннее спокойствие, и из обители он решился перейти в Скит в уединенную келлию. Но здесь он должен был испытать тяжкую борьбу. Любовь Божия тем, которые только что вступили на служение ей, обыкновенно дает вкусить сладость благочестия и руководит их как детей ещё слабых. Часто в самом начале обращения человек не чувствует борьбы страстей, он как бы носится на крилах благодати. Но скоро наступает время искушений, дабы добрые желания, искушенные опытом, укоренились в душе и обратились в постоянный навык. Это испытал на себе Моисей.

В уединенной келлии, когда соблазны для внешних чувств удалены были, с силою возникали в душе его образы прежней нечистой жизни и возбуждали вожеления плоти так, что, как

сам он признавался, если бы ещё немного усилилось искушение, то он оставил бы пустыню. Во время этой борьбы он пришел к пресвитеру Исидору за советом. Не унывай, сказал ему Исидор, – это ещё следы твоей прежней греховной жизни. Возложи на себя строгий пост, чтобы похоть плоти чрез чревоугодие не нашла к тебе доступа. С этого времени Моисей стал изнурять себя постом. Он стал много работать, каждый день совершал по пятидесяти поклонов и в сутки съедал только по 12 унций хлеба, не употребляя другой пищи. Но и это не дало ему покоя. Он пошел к одному опытному инок. Что мне делать, Авва? сказал Моисей. Сновидения омрачают мой ум, потому что душа по прежней привычке соуслаждается ими. Старец велел ему провести несколько времени без сна и молиться усердно. Моисей, выслушав наставление, дал слово не спать ночью и не преклонять даже колен для молитвы, чтобы не предаться сну. Так провел он шесть лет в келлии, по целым ночам стоя среди келлии и непрестанно молясь Богу. Но борьба не прекращалась. Желая более изнурить свое крепкое тело, Моисей по ночам обходил келлии тех монахов, которые, состарившись в трудах подвижничества, уже не в силах были носить воду для себя, так как нужно ходить за несколько верст, брал их водоносы и наполнял водою так, что они не знали, кто это делал. В одну из таких ночей, по злобе дьявола, он так был поражен палицею, что без чувств упал подле колодца. На другой день его нашли тут и пере несли в монастырь. Целый год Моисей был тяжело болен. Исидор советовал умерить свое подвижничество. Не престану, сказал Моисей Исидору, бороться с демонами, пока не оставят меня сонные мечтания. Тогда Исидор сказал ему: во имя Господа нашего Иисуса Христа ты не будешь иметь нечистых сновидений. Действительно, по молитве св. Исидора он освободился от искушения. И это для того, чтобы он не тщеславился, будто собственными силами победил вождения плоти, и не пал от надмения. Это чувство необходимости помощи Божией во всяком добром деле глубоко сознавал Моисей. Один брат спросил Моисея: что помогает человеку во всяком труде его? Старец отвечал: Бог помогает; ибо написано: Бог нам прибежище и сила, помощник в скорбех

обретших ны, зело (Пс. 45,2). Но для чего же, спросил брат, соблюдаются посты и бдения? Все это, отвечал старец, смиряет душу нашу. Ибо написано: виждь смирение и труд мой, и остави вся грехи моя (Пс. 24, 18). Если душа принесет плоды сии, Бог за это являет к ней милосердие Свое. И если нападает на кого искушение, человек должен со слезами умолять благость Божию о помощи, и он скоро успокоится, если будет просить разумно. А разумная молитва состоит в том, если дела будут в согласии с молитвою. Когда человек отвергнет свои пожелания, тогда Бог принимает его молитву.

Победив все искушения, воздвигаемые дьяволом, Моисей получил такую власть над ним, что, по словам Палладия<sup>200</sup>, они трепетали его; он презирал демонов так, как мы не боимся зимою мух. Украшенный благодатью Христовою так, что сподобился дара прозорливости и пророчества, Моисей всегда помнил, из какой бездны погибели воззван он милосердием Божиим. Вполне сознавая, что это есть дело беспредельной милости Божией, он не давал и возникнуть помыслу тщеславия, охотно принимая знаки унижения. Успехи в добродетели и дары благодати поставили его в ряду первых подвижников Скита. Он удостоен был сана священства и сделан был пресвитером пустынножителей. Когда Архиепископ Александрийский (вероятно Феофил ок. 385 г.) сделал его клириком и, облачив в белую одежду, сказал: вот Моисей, ты теперь весь сделался бел. «Снаружи я действительно таков, – сказал Моисей, – дай Бог, чтобы я был таким внутри». Желая испытать Моисея, Архиепископ велел клирикам, когда Моисей взойдет в алтарь, выгнать его оттуда. Исполняя волю Архиепископа, клирики сказали: выдь отсюда, ефиоп. Моисей вышел, говоря сам с собою: ты заслужил это; ибо ты не человек, а осмелился мешаться с людьми. Подобному же испытанию подвергли однажды Моисея и отцы Скита во время собрания. Когда он пришел туда, отцы с видом презрения сказали; зачем этот ефиоп ходит к нам? Моисей не сказал ни слова. После спросили его, был ли смущен этими словами? Моисей отвечал словами Псалма: смятохся и не глаголах (Пс. 76, 5).

Правитель области, слыша много о добродетели Моисея, пожелал посетить его. Недалеко от келлии Моисея встретил правитель инок и спросил его: где келлия Моисея? За чем ты отыскиваешь его? – сказал инок, – это человек глупый. Изумленный ответом, правитель пошел в церковь и там рассказал братии. Те огорчились, что среди их нашелся человек, который поносит великого подвижника, всеми уважаемого. Но каков был инок, тебе встретившийся? спросили монахи правителя. Это был высокого роста, черный лицом, в ветхой одежде. Тут они поняли, что это был сам Моисей.

Так во всех действиях Моисея мы усматриваем глубокое смирение. Душам смиренным свойственно быть любвеобильными и снисходительными к слабостям других. «Первое дело для нас, говорил он, не осуждать ближнего. Кто чувствует тяжесть грехов своих, тот не смотрит на грехи ближнего. Ибо это безумие – оставлять своего мертвеца и идти плакать над мертвецом ближнего».

«Не делай зла никому и ни против кого не мысли зла в сердце своем, не презирай того, кто делает худо; не входи в сообщество с человеком, который вредит своему ближнему; и не радуйся с тем, кто делает зло другому; не укоряй никого, но говори: Бог знает каждого; не соглашайся с клеветником, не забавляйся его злоречием, но и не питай ненависти к тому, кто поносит ближнего. Вот что значит не осуждать, по Писанию: *не судите, да не судимы будете* (Мф. 7, 1). Не имей вражды ни с кем и не питай вражды в сердце твоём. Не должен ты ненавидеть и того, кто враждует на ближнего своего. В этом и состоит мир». Моисей обыкновенно с великою любовью принимал всех приходивших к нему; много беседовал с ними о предметах Божественных. Строгий постник и точный исполнитель уставов скитских, Моисей любовь к ближним ставил выше своего поста и заповедей Скита. Однажды в Скиту назначено было поститься всю седмицу. В это время пришли посетить Моисея братья из Египта: Моисей приготовил для них варево. Соседние пустыnnики, видя, что дым выходит из его келлии, уведомили о сем пресвитера. Когда в субботу Моисей пришел в церковь, пресвитер сказал: «Отче! ты нарушил



заповедь человеческую, но исполнил заповедь Божию». Этою любовью прикрывал Моисей и недостатки ближних; мы видели уже, что братьям, собравшимся судить проступок одного инока, он дал урок неосуждения.

Такова была, скажем словами Палладия, святая иноческая жизнь, которую проводил сей непобедимый воин Христов и за которую он заслужил быть причтенным к лику Святых. Он умер, имея семьдесят пять лет от рождения и оставив после себя семьдесят пять учеников. Есть ещё предание, что Моисей претерпел мученическую кончину от Мазиков, от которой не уклонился, да исполнятся над ним слова Писания: вси приемшии нож, ножом и погибнут (Мф. 26, 56)<sup>201</sup>.

Если поучителен пример Моисея, из начальника разбойников сделавшегося подвижником скитским, то ещё более поразителен пример св. Арсения, который равно был славен в древнем Риме, где он родился, и в новом Риме, куда он вызван был Императором. Все, что философия греческая представляла глубокого в своем учении, он усвоил себе со всем жаром души, не опустив, впрочем, и философии более возвышенной и более святой – философии откровенной. Около 383 г. Император Феодосий искал для своего шестилетнего сына Аркадия наставника, который бы мог своим поведением и своим красноречием внушить чувства, достойные наследника престола, и христианское благочестие, которое на все полезно. Выбор его, по указанию Папы Дамаса, пал на Арсения.

С великим уважением принят был Арсений при дворе. Его возвели в сенаторы, и после князей он занимал первое место в государстве, пользуясь титлом отца Императоров. Любил ли он пышность или желал поддержать внешним блеском свое достоинство, только при дворе он блистал великолепием. Тысяча рабов служила ему, он одевался самым пышным образом, любил умащаться благовониями.

Но пышность мирской жизни и богатства внешние не заглушили в нем чувства бедности духовной природы. Нередко входя в себя, он помышлял, что слава его и богатство исчезнут вместе с жизнью его и с ним останутся одни дела. Опасение лишиться вечного спасения потрясало его душу. По временам

повергался он пред Богом и изливал пред ним слезные молитвы, прося его открыть, что ему нужно делать для своего спасения. Молитва его была услышана. Во время молитвы своей он слышит голос: Арсений! беги людей и ты спасешься. Арсений, которого сердце, по словам Феодора Студита, страхом Божиим было уже приготовлено к жертве, презрев все суетное величие мира, нимало не медля, сел тайно на корабль, плывший в Александрию, и оттуда пришел в Скит, чтобы здесь посвятить себя отшельнической жизни.

Это было в 392 году. Ещё при жизни Феодосия, Арсению было тогда сорок лет. Он пришел в церковь Скита и смиренно просил принять его в число иноков и научить его пути спасения. По виду и словам пришельца старцы усмотрели, что это был человек не простого звания. Но на вопросы их, кто он и откуда, Арсений долго давал уклончивые ответы и только повторял, что он странник, ищущий спасения. Наконец, открыл им все. Пустынники затруднялись, кого назначить наставником для наставника детей царских. В общем совете решено было отдать его в послушание Иоанну Колову. Это был подвижник, воспитанный в строгом послушании и преуспевший во внутренней жизни. Когда он пришел в Скит, старец, которому отдан он под послушание, требовал от него совершенного отвержения своей воли. Воткнув сухую палку в землю, он велел Иоанну каждый день поливать её, пока она не принесет плода. Три года Иоанн исполнял это приказание, и палка зазеленела и принесла плод, который старец назвал плодом послушания. Пламенея любовью к Богу, он жаждал, отринув все земное, посвятить себя единственно молитве Богу. Для этого он ушел в пустыню, чтобы жить жизнью Ангелов, но скоро вразумился, что земной человек не может жить как Ангел. Строгий пост и труды считал он необходимыми для монаха. Что такое монах? – спросил его один брат. Труд, отвечал он; ибо монах во всяком деле трудится. С любовью и терпением переносил он все обиды, не давая никогда возникнуть в душе своей чувству гнева. Перенесение оскорблений, говорил он, отверзает нам врата небесные. Прежние отцы вошли в град Божий для наслаждения радостями небесными только смирением и

перенесением унижений и обид. Он не любил никаких разговоров мирских, никакого праздного слова. И если до слуха его доходили подобные слова, он спешил укрыться в свою келлию, заботясь ещё, не переступая порог келлии, забыть все слышанное вне её. Часто ум его так был устремлен к Богу, что он забывал и свою работу, и все окружающее. Но, несмотря на эту собранность духа, он готов был помогать всем, имеющим нужду в наставлении, не только в Скиту, но не отказался идти в мир, чтобы спасти от пути гибели заблудшую Паисию. И это происходило от глубокого убеждения, что основание спасения нашего полагается в делах любви к ближним. Он говорил: нельзя выстроить дома сверху вниз, но надобно строить с основания. Его спросили, что это значит? Основание есть ближний; его ты должен приобретать и с него начинать. Он пользовался таким уважением в Скиту, что об нем говорили, что по смирению своему он руководил весь Скит как бы одним пальцем. Этому старцу вверен был Арсений. Когда братия привели к нему Арсения, Иоанн приготовил для пришедших трапезу, но Арсения он не пригласил сесть. Он должен был стоять. Это было первое испытание для человека, разделявшего трапезу Царей и теперь лишенного права разделить трапезу с неизвестными иноками. Но это испытание было только преддверием к другому, более тяжелому. Взяв хлеб со стола, Иоанн бросил его на середину келлии и сказал, обратясь к Арсению: ешь, если хочешь. Арсений стал есть хлеб. Увидев этот опыт смирения Арсения, Иоанн сказал: можете, братия мои, с Богом идти отсюда. Молитесь за нас. Вижу, что он способен к жизни иноческой.

После первого опыта Иоанн не почел нужным подвергать новым испытаниям готовность Арсения к иноческому смирению. Он с утешением усматривал его успехи в духовной жизни. Забыв все свое образование, Арсений со всем усердием предался изучению высокой подвижнической жизни своим постоянством в подвигах самоумерщвления и покаяния, мужеством в борьбе и особенно глубоким смирением он сравнился с опытными подвижниками. Его духовный отец, видя в нем обилие благодати, позволил жить одному в особой

келлии. Получив полную свободу всецело предаться своей ревности к служению Богу, он просил Его открыть, что ему делать для достижения спасения. И снова слышит голос: «Арсений! бегай людей, молчи и сохраняй безмолвие, ибо в этом корни св. жизни». Это наставление послужило для него правилом всей его жизни.

Он ушел в пустыню, отстоящую от церкви на 32 мили, чтобы более уединиться. Сколько мог, он старался отклонить от себя прием посетителей. Однажды пришел видеться с ним Архиепископ Александрийский Феофил с каким-то начальником и просил что-нибудь сказать в назидание. Исполните ли, что скажу вам? – помолчав несколько, спросил их Арсений. Они обещались исполнить. Тогда старец сказал им: «Если услышите, что где-либо Арсений, то не ходите к нему». В другой раз Архиепископ послал наперед спросить Арсения: отворит ли он ему дверь келлии. Если придет, то отворю, а когда отворю для тебя, то отворю для всех и тогда не останусь здесь. Архиепископ решился не беспокоить его. Так он поступал с большею частью посетителей, чтобы не отвращать ума своего от беседы с Богом. Иоанн Лествичник указывал на Арсения, как на пример безмолвия. «Образом безмолвия да будет для тебя великий и равноангельный безмолвник Арсений. Вспоминай в уединении своем сего равноангельного безмолвника и смотри, как часто он отсылал от себя приходивших к нему, чтобы не утратить важнейшего». Не недостаток любви, но постоянное стремление сердца его к Богу заставляло его удаляться. «Бог знает, сказал он одному пустыннику, как я люблю вас, но я не могу в одно время быть с Ним и с людьми». И тогда как Арсений приходил в церковь, он обыкновенно становился за столпом, чтобы не видать никого. Он так привык к тишине уединения, что и шум тростника его беспокоил. Если кто пребывает в безмолвии, сказал он, услышав шум тростника, и услышит голос воробья, то сердце его уже не имеет прежнего покоя, кольми паче трудно его иметь, слыша шум сего тростника. Степ. 27, 64.

Другой причиной его удаления от бесед было то, что он опасался, как бы не впасть в грех. «Часто я раскаивался,

говорил Арсений, о сказанном, но никогда о том, что молчал». Так трудно среди беседы сохранить себя чистым от всякого прегрешения в слове.

Одному пустыннику Бог открыл, что молчание Арсения выше поучительных слов других иноков. Привлеченный славою, сей пустынник, сам высокий по жизни, пришел в Скит и просил, чтобы его проводили к Арсению. Во все время, пока сидел пустынник, Арсений сохранял строгое молчание. Не получив назидания, пустынник просил проводить себя к Моисею. Тот принял со всею приветливостью. Когда это сделалось известным, один старец просил Бога открыть, кто лучше поступил – Арсений или Моисей? И вот видит он, две лодки плывут по Нилу, в одной был Авва Арсений в великом безмолвии. Св. Дух правит его ладьею; в другой был Моисей; Ангелы Божии управляли его ладьею и наполняли уста его медом. Впрочем, никто с таким помазанием не мог говорить о предметах духовных, как Арсений. В самой собранности своей его слово почерпало свою силу. Он не любил только вступать в рассуждения продолжительные, или в объяснения трудных мест Св. Писания. Все внимание его устремлено было к тому, чтобы скрывать себя, жить в неизвестности от людей, втайне, перед лицом только Божиим проходить свое служение. Для этого оставил он двор Царя и пришел в пустыню, и потому часто напоминал себе самому: Арсений! для чего ты оставил мир?

Преданный безмолвию и уединению, Арсений посвящал себя всецело молитве. Молитва составляла все его утешение. В ней его сердце, свободное от всего земного, стремилось как бы погрузиться в бездну любви Божественной. Одному брату открыт пламень его молитвы в виде огня, которым весь окружен был Арсений, когда совершал молитву. Целые ночи проводил Арсений в молитве. Становясь в субботу вечером на молитву с лицом, обращенным к востоку, он продолжал её до тех пор, пока солнце не восходило пред его глазами. Для сна он себе отделял один только час. «Для истинного подвижника, говорил он, довольно уснуть один час». Когда, изнуренный усталостью, чувствовал нужду в отдохновении, он говорил сну: иди, злой раб, – и заснув несколько сидя, тотчас вставал.

Избегая обязанности учить других, Арсений сам охотно слушал и принимал наставления. Когда один брат, узнав, что Арсений просит наставлений о помыслах у пустынника преклонных уже лет, но малообразованного, с удивлением сказал ему: «Как ты, изучивши науки греческие и римские, просишь наставления у этого старца простого и неученого?» Римские и греческие науки я знаю, отвечал Арсений, но азбуки сего простолюдина ещё не выучил. И это потому, как сказал Арсений Евагрию, что светское образование не дает добродетелей, а сии простолюдины приобрели её своими трудами.

Как не любил он отличий и уважения, оказываемых его добродетели, так старался смиряться по наружности. Как при дворе он всех превосходил пышностью одежды, так в Скитской пустыни никто не был беднее его одет. Было время, когда он не имел средства купить себе хитона для перемены, и когда ему дали другие, он сказал: «Благодарю Тебя, Боже, что Ты удостоил меня принять милостыню во имя Твое». Когда усилилась его болезнь, пресвитер перенес его в церковную больницу, положил его на постель и под голову его небольшую подушку. Один старец пришел навестить Арсения и, увидев его на постели, сказал: это ли Авва Арсений? Вот на чем он почивает. Пресвитер, отведя его в сторону, спросил его: Из какого ты города? Я не городской житель, – отвечал старец. Чем же ты занимался в своей деревне? – Я был пастухом. Где ты спал? – На поле. Имел ли ты постель под собою? – Какая на поле постель? Я спал на земле. – Какую пишу ты имел в поле и какое вино? – Ел сухой хлеб с малым количеством соли если удавалось найти её, и пил воду. Великий же ты труд нес, сказал пресвитер. Имел ли ты баню? – Нет! но когда хотел, я купался в реке. А теперь как ты живешь? – Я живу теперь гораздо покойнее. Тогда пресвитер сказал ему: Видишь ли ты сего Авву Арсения? В мире он был отцом Царей. Он оставил город и пришел в сию пустыню. Имел у себя великолепные чертоги и великое богатство. Презрев все это, пришел в эту малую келлию. У него были кровати из чистого золота с драгоценными покрывалами, и теперь вместо их служит сия рогожа с кожей. У

него были дорогие одежды, вместо их он носит сие бедное одеяние. Тысячи слуг служили ему, а теперь вот эти старцы прислуживают ему. На стол его издерживалось много золота, а теперь он употребляет несколько овощей и немного вина. Вместо музыки и пения прочитывает двенадцать Псалмов днем и столько же ночью. Ты, будучи пастухом, не имел такого покоя, какой имеешь теперь, а Арсений имел в мире все удовольствия, а теперь их не имеет. Итак, кто же более терпит нужды? Услышав это, старец пришел в сокрушение и, поклонившись, сказал: Авва! согрешил я. Истинно Арсений смиряется, а я покоюсь.

Если во время болезни Арсений позволял себе некоторое ослабление в подвигах самоумерщвления, то когда позволяли силы телесные, он не уступал никому из скитских подвижников в строгости жизни. Так, рассказывают об нем, что целый год не переменил он воды, в которой мочил пальмовые ветви. Когда ему сказали, что вода издает дурной запах, он отвечал: за благовония и масти, которыми я наслаждался в мире, надобно мне терпеть это зловоние.

Пост Арсения был такой, что ученики не знали, чем он питался. На целый год он брал себе одну меру муки. И из этой меры он кормил учеников, когда они приходили к нему. Плодов он не ел, кроме того времени, как в первый раз созреют они.

Сколько ни любил он молитву, но не оставлял рукоделия до шестого часу. Впрочем, его работа не прерывала его внутреннего единения с Богом. Он так был проникнут страхом и любовью к Богу, что от постоянного сокрушения сердца слезы непрестанно лились из глаз его, так что он всегда держал платок на груди. От сильного плача выпали его ресницы. Непрестанною мыслью его была память смертная. Феофил Архиепископ Александрийский, умирая, говорил: блажен ты, Авва Арсений, что всегда имел в уме своем сию страшную минуту. Постоянно готовясь к ответу на страшном суде, Арсений два раза в день, утром и вечером, испытывал себя, сохранил ли он волю Божию, не следовал ли в чем своей воле, и таким образом всю жизнь свою проводил в подвиге постоянно строгого суда над собою и постоянного покаяния. И это

самоиспытание приводило его только к большему смирению. Часто в своей молитве к Богу он взывал: Боже! не оставь меня; я не сделал пред тобою ничего доброго, но даруй мне по милости Твоей положить начало.

Сорок лет прожил Арсений в Скиту, потом по причине разорения Скита варварами десять лет в Трое близ Мемфиса и три года в Канопе Александрийском. Последние два года своей жизни опять провел он в Трое. Приближаясь к смерти, он сказал ученикам: «Не заботьтесь делать по мне вечерю любви. Ибо если я приготовил для себя сию вечерю, то найду её. Я буду судиться с вами на страшном суде, если вы отдадите кому-либо останки мои. – Как же хоронить тебя, спросили ученики? – Неужели не знаете, отвечал старец, как привязать к ноге моей веревку и тащить меня в гору? Между тем старец плакал. Правда ли, отец, спросили ученики, что и ты страшишься. Он отвечал им: правда, настоящий мой страх всегда был со мною с того времени, как я сделался монахом». И Арсений скончался. Своему близкому ученику Даниилу Арсений оставил кожаный хитон, жесткую власяницу и пальмовые сандалии; и я недостойный, говорил о себе Даниил, носил все это, дабы получить благословение<sup>202</sup>.

Тогда как Арсений сиял между пустынниками Скита совершенным отречением от всего земного, любовью к уединению и безмолвию, другие иноки, как например Агафон и Пимен, славились любовью к ближним. Агафон никогда не ложился спать, имея что-либо против другого, и, сколько мог, не допускал также, чтобы кто-нибудь отходил ко сну, имея что-нибудь против него. И это потому, что он был убежден, что гневливый человек, хотя бы воскресил мертвого, не может быть угоден Богу. Какое ни видел он дело в других, не позволял себе осуждать ближнего. Помысл осуждения он останавливал словами: Агафон! не сделай сам этого. Агафон так был полон любви к ближним, что, если бы можно было, готов был отдать прокаженному тело свое, а его взять себе. Пришедши однажды в Александрию для продажи рукоделья своего, он нашел на улице лежащего больного странника, о котором никто не заботился. Старец нанял для него небольшой покой, три месяца



сам оставался при нем и рукодельем добывал нужное для его содержания, пока он не выздоровел. В другой раз, отправляясь в город, он находит на дороге прокаженного, который спросил его, куда он идет. Я иду в город, отвечал Агафон, и несу продавать сосуды.

Сделай милость! снеси и меня туда.

Старец отнес его в город и положил по просьбе больного там, где продавал свои сосуды. Когда Агафон продал один сосуд, прокаженный спросил его: За сколько ты продал? – Старец сказал. – Купи мне на эти деньги пирог. Старец купил. Когда он продал другой сосуд, прокаженный опять просил его купить пирог. Старец исполнил и это. Продав все сосуды, старец хотел идти.

Ты идешь? – спросил прокаженный; сделай милость, отнеси меня туда, где взял. Старец отнес его на прежнее место. Благословен ты, сказал прокаженный Агафону, от Господа на небе и на земле! Агафон посмотрел, но уже никого не видел. Нестыжательный сам, Агафон кроме своего рукоделья, которым добывал дневное пропитание, не имел чем делиться с другими. Часто он менял место жительства своего, оставляя келлии, выстроенные им, чтобы не привязываться и к месту жительства. Все имущество его состояло в ножике, которым он работал. Но когда один брат похвалил его ножик, он не выпустил его из келлии, пока тот не взял ножа. С одним только сокровищем не хотел он расстаться – это с православием. Однажды братия, желая испытать его, стали называть его блудником и гордецом; он не защищался. Называли его пустословом и клеветником; он брал на себя и это обвинение. Но когда сказали ему: ты еретик, он отверг это обвинение. Почему же, спросили его братия, ты принимал на себя первые вины, а не принял последней? Потому, отвечал Агафон, что быть еретиком значит быть в отлучении от Бога, но быть отлученным от Бога я не хочу.

Авва Агафон всегда старался делать добро, какое мог. «Никогда, говорил он о себе, не устроил я вечери любви, но подавать и принимать советы было для меня вечерею любви. Ибо думаю, что польза брата заменяет приношение плодов». Это происходило из того убеждения, что внутреннее душевное

благо лучше внешнего. Его спросили однажды: что важнее – телесный труд или хранение сердца? Агафон отвечал: человек подобен дереву; труд телесный – листья, а хранение сердца – плод. поскольку же, по Писанию, всяко древо, еже не творит плод добр, посекаемо бывает и во огонь вметаемо (Мф. 3, 10); то очевидно, что должно иметь все попечение о плоде, то есть о хранении сердца. Впрочем, для нас нужно и лиственное одеяние и украшение, то есть труд телесный.

Как поучительна была жизнь Агафона, так была назидательна и его кончина по тому глубокому смирению, которое он обнаружил и которое было плодом его постоянного размышления о страшном суде Божиим, по ненадеянию на себя, соединенному с живою верою в милосердие Божие, и по тихой радости, с какою он предал душу свою Богу. Три дня пред своей кончиной Агафон пробыл без движения с отверстыми очами. Братья, желая пробудить его, спросили: где ты, Авва? «Я пред судилищем Божиим». Неужели ты, Авва, боишься сего суда? «Сколько мог, я трудился в исполнении заповедей Божиих, но я человек, почему мне знать, угодны ли были мои дела Богу?» И ты не уверен, что дела твои были угодны Богу? «Не имею дерзновения, пока не предстану Богу; ибо иное суд человеческий, а иное суд Божий». Братья хотели ещё спросить его, но он сказал: прошу вас, не говорите больше со мною, мне несвободно, – и тотчас скончался. Он отходил с таким радостным видом, с каким иной приветствует своих друзей и возлюбленных<sup>203</sup>.

Авва Пимен, украшенный всеми добродетелями и дарами благодати Божией, отличался и особою снисходительностью к немощам других.

У Аввы Нистероя был нерадивый ученик. Братия спросили Пимена: как Нистерой мог терпеть ученика своего? Если бы я был на его месте, отвечал Пимен, то и подушку клал бы под его голову. Что же бы ты стал отвечать Богу? – спросил его Анувий. Я скажу Ему: Ты Сам повелел: *изми первое бервно из очесе своего, и тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоего* (Мф. 7, 5). Когда мы покроем падение брата нашего, Бог покроет наше падение. Если ты для доброго брата делаешь немного

добра, то для падшего сделай вдвое более, ибо он слаб<sup>204</sup>. Если мы увидим братьев дремлющих во время службы, спросили братья Авву Пимена, позволишь ли толкать их, чтобы они проснулись и бдели? Если я увижу брата дремлющего, отвечал Пимен, то положу голову его на колени мои и упокою его. В другой раз отцы спросили Пимена: позволишь ли нам обличать брата, когда мы увидим, что он грешит? Пимен отвечал: я, когда мне нужно бывает идти чрез то место и вижу брата во грехе, прохожу мимо и не обличаю его. Легко вы можете и обмануться; советую не говорить даже о том, что осяжите своими руками. Пимена спросили: как может человек достигнуть того, чтобы не говорить худо о ближнем? Мы и братья, отвечал Пимен, как бы две картины. Если человек, смотря на себя, находит в себе недостатки, то в брате он видит совершенства, а когда он сам себе кажется совершенным, то, сравнивая с собою брата, видит его худым. Если человек достигает того состояния, о котором сказал Апостол: *вся чиста чистым* (Тит. 1, 15), то увидит, что он сам хуже всякой твари. Но как же я могу думать, спросил Пимена один брат, что я хуже убийцы? Человек, достигший такого состояния, сказал Пимен, когда увидит сделавшего убийство, скажет: он однажды сделал сей грех, а я убиваю каждый день.

Этот дух снисходительности дышит во всех его советах. Если человек грешит, говорил он, и будет отрекаться, говоря: я не грешен, не обличай его, иначе погасишь в нем всю ревность к добру. Если же скажешь ему: не унывай, брат, но остерегайся вперед, – чрез это возбудишь душу его к покаянию. Он всегда хотел надеждою на милосердие Божие возбуждать грешников к покаянию. Один брат жаловался ему, что у него много помыслов и он от них в опасности. Пимен вывел его на воздух и сказал: раскрой свою грудь и не впускай ветра. Не могу этого сделать, отвечал брат. – Так ты не можешь остановить и прилива помыслов, но твое дело противостоять им.

Одного брата смущали хульные помыслы. Желая получить наставление от опытных старцев, он ходил к ним, но всегда стыдился открыться. С этою целью ходил он часто к Пимену. Тот видел, что у брата лежит что-то на душе, чего он не может

открыть. Отозвав брата, Пимен сказал ему: вот сколько времени ты ходишь сюда, желая открыть свои помыслы, но опять уходишь, не открыв их, мучимый ими по-прежнему. Скажи мне, сын мой, что у тебя на сердце? Тот рассказал о своих хульных помыслах. Не скорби, сын мой, сказал Пимен, но когда придет тебе такой помысл, говори: я не виноват; хула твоя да падет на тебя, сатана. Душа моя не хочет сего, а все, чего душа не хочет, скоро проходит. – Брат успокоился.

Один брат пришел к Пимену и говорит ему: я сделал великий грех и хочу каяться три года. Много, сказал Пимен. – Или хотя один год. – И то много. – Бывшие тут старцы спросили: не довольно ли сорока дней? – И это много. Думаю, что если человек покается от всего сердца и более уже не будет грешить; то и в три дня Бог его примет. Он старался смягчать строгость суда и других. Пресвитер Пелусиотский, узнав о рассеянной жизни некоторых иноков, снял с них в собрании монашескую одежду. Но после, волнуемый помыслами, пришел к Пимену и просил его мнения о своем поступке. Пимен спросил его: «Совлекся ли ты ветхого человека? Не осталось ли в тебе чего-либо от него?» И во мне есть ещё ветхий человек, отвечал пресвитер. «Вот и ты, сказал ему Пимен, таков, как и братья. Если есть в тебе хотя немного ветхого человека, то и ты подлежишь суду». Пресвитер пошел в свой монастырь, созвал братьев и, испросив у них прощения, облек их в иноческие одежды.

Один отшельник присоветовал Авве киновии выгнать из монастыря брата, падшего в грех. Слыша о скорби согрешившего, Пимен, обласкав его, пригласил к себе отшельника и сказал ему: в одном месте были два человека и оба имели у себя по мертвецу. Один из них оставил своего мертвеца и пошел плакать над мертвецом другого. Пустынник понял указание на свой суд и сказал: Пимен высоко, высоко на небе, а я низко, низко на земле.

Все эти советы о любви и снисходительности были плодом той глубокой любви к ближним, которой преисполнено было сердце Пимена. Он считал лицемерием учить ближнего тому, до чего сам не достиг. Того, кто учит других, а сам не делает того,

чему учит, уподоблял источнику, который всех напояет и омывает, а сам себя не может очистить. Он никогда не хотел давать наставления своего после другого старца; но обыкновенно хвалил давшего наставления. Сам он любил в своих наставлениях приводить слова других, а не от себя говорить. Чем выше и святее была его собственная жизнь, тем поучительнее для всех его снисходительная любовь<sup>205</sup>.

Иной пример подвижничества представляет Виссарион. Этот муж, по словам Палладия, вел такую чудную и неукоризненную жизнь, что будто земной Ангел свято шел путем небесным. Он, как птица небесная, жил без забот и смущения. Ни жажда удовольствий, ни жажда приобретений не волновала его душу. Совершенно свободный от мирских забот, он питался одною надеждою будущего. Как пленник терпел он то здесь, то там, сносил холод и наготу, опаляем был зноем солнечным, всегда находясь на открытом воздухе. Он любил носиться по обширной и необитаемой песчаной стране, как бы по морю, по временам укрываясь в скалах пустынных. Иногда приходя ко вратам какой-нибудь киновии, плакал и рыдал, как бы пловец после кораблекрушения, выброшенный на берег. Если кто из братьев, увидав, что он как нищий сидит у ворот, спрашивал его; о чем ты плачешь? Раздели с нами трапезу; мы поможем тебе по мере способов. Не могу быть под кровлю, отвечал Виссарион, пока не найду своего имущества. Много я вытерпел бед. Меня грабили морские разбойники, я претерпел кораблекрушение, лишился славы своего рода, из знатных сделался незнатным. Если брат, прослезившись при его словах, подавая ему кусок хлеба, говорил: Бог возвратит тебе отечество, славу рода и богатство, – старец начинал более плакать. «Не знаю, рыдая говорил он, потеряв, могу ли я найти то, что ищу? Я могу потерять более, ежедневно находясь в смертной опасности; ибо мне надобно совершить течение жизни среди непрерывного блуждания». Сорок лет не ложился он на бок, а спал или сидя или стоя. Все имущество его состояло в одной срачице, малой мантии на плечах и книге Евангелия. Но, увидев мертвеца, лишенного одежды, он прикрыл его своей мантией, потом, встретив нищего, страждущего от холода,

отдал ему свою срачицу, встретив ещё бедного он продал Евангелие и отдал деньги нищему, исполняя слова, заключающиеся в нем: продаждь имение твое и даждь нищим. Несмотря на обилие благодати Божией, почивавшей на нем и обнаружившейся в чудесах, он был так смирен, что, когда пресвитер Скита велел одному монаху за соделанный им грех выйти из церкви, Виссарион вышел вместе с братом, говоря: и я также грешник<sup>206</sup>.

В жизни Виссариона усматриваются черты того рода подвижничества, которое сделалось известно под именем юродства. Вот как определяет этот род жизни Евагрий. «Между иноками были и такие, которые, чрез добродетель достигнув бесстрастия, возвращаются в мир и среди шума, притворяясь помешанными, таким образом попирают тщеславие, по словам языческого мудреца Платона – последнюю обыкновенно снимаемую с души одежду. Любомудрие научило их есть без чувства и в харчевнях и в мелочных лавках, не стыдясь ни места, ни лица, вообще ничего. Нередко посещают они бани, и там бывают и моются большею частью с женщинами, покорив страсти так, что имеют полную власть над своею природою и не склоняются на ее требования ни взглядом, ни прикосновением, ни даже объятиями девы. С мужчинами они мужчины, с женщинами женщины, и хотят иметь не одну, но обе природы. Кратко сказать, в доблестной и богоносной их жизни добродетель противодействует законам природы и предписывает ей собственные законы. Житие их на самых точных весах взвешивается так, что по мере восхождения их в противоположную сторону тяготение становится неощутимым; ибо как в них смешаны противоположности, то благодать Божия, соединившая несмешимое, предметы соединения снова разделяет так, что и жизнь и смерть, противоположные по предмету и действиям, обитают в них совместно. Отсюда, если действует в них страсть, – им надобно быть мертвыми, а когда пробуждается молитва к Богу, они должны проявлять крепость тела и бодрость сил, хотя бы уже вышли из возраста. Обе жизни их сплетены между собою так, что, пусть они вовсе оставили

плоть, все продолжают жить и сообщаются с живущими, врачуюя немощи других, перенося к Богу глас молящихся»<sup>207</sup>.

Такой род подвижничества, конечно, был предпринимаем только по особенному призванию благодати. Опытные старцы удерживали от него подвижников. Исаак Сирин пишет о себе: пришел я однажды к опытному старцу и сказал ему: пришел мне, отче, помысл пойти в воскресный день на церковную паперть, сесть там и рано утром есть, чтобы всякий входящий и выходящий, увидев меня, уничижил. Старец отвечал на это: «Писано, что всякий, кто делает соблазн мирянам, не узрит света. А ты никому не известен в этой стороне, жития твоего не знают, а будут говорить, что монахи с утра едят; особливо же братья здесь новоначальные и немощные в своих помыслах; многие из них, имея веру к тебе и пользуясь от тебя, как скоро увидят, что сделал ты это, потерпят вред. Древние отцы делывали так, по причине многих совершенных ими чудотворений и по причине оказываемой им чести и прославления их имени, и делали это, чтобы подвергнуть себя безчестию, скрыть славу жития своего и удалить от себя причины к гордости. А тебя что заставляет поступить подобным сему образом? Не знаешь разве, что всякому житию свой чин и свое время? Ты не имеешь такого отличного жития и такого имени и живешь, как и прочие братья. Ты себе не принесешь пользы, а другому повредишь. Притом такое действование полезно не всем, но одним совершенным и великим; потому что в этом есть отрешение от чувств. Достигшим же только середины и новоначальным оно вредно; потому что имеют нужду в большей предосторожности и в подчинении чувств. Старцы уже пережили время осторожности и извлекают пользу, из чего только захотят. Ибо неопытные купцы в больших оборотах великие причиняют себе убытки, а в маловажных оборотах скоро идут с успехом вперед. И опять, как сказал я, всякому делу свои порядок и всякому роду жизни известное время. Кто прежде времени начинает, что сверх его меры, тот ничего не приобретает, а усугубляет только себе вред. Если вожделенно тебе это, с радостью терпи то безчестие, которое по Божию

смотрению, а не по твоей воле постигнет тебя, и не смущайся, не питай ненависти к тому, кто безчестит тебя»<sup>208</sup>.

Из подвижников Египетских более замечательный пример жизни юродивой представил Серапион, прозванный Синдонитом, потому что ничего не носил кроме синдона, т. е. льняной одежды. С юности упражнясь в Священном Писании, он читал все Св. Писание наизусть. Ревнуя о приобретении совершенной нестяжательности, он не хотел иметь и кельи, чтобы не привязаться к чему-либо земному, но проводил жизнь в постоянном странствовании и с усовершенством в нестяжательности приобрел совершенное бесстрашие. Всю жизнь свою посвятил он на спасение душ ближних. В одном городе он продал себя за двадцать монет комедиантам-язычникам и пробыл у них, питаясь только хлебом и водою и непрестанно проповедуя слово Божие, до тех пор, пока не обратил их к Христианству и не заставил оставить театр. Утвержденный его наставлениями в благочестивой жизни со всем семейством, комедиант хотел отпустить его на свободу. Тогда Серапион открыл им тайну своего намерения и возвратил им в целости деньги, которые хранил запечатанными. Напрасно просили его раздать эти деньги бедным, как залог спасения. Серапион отвечал: деньги ваши, я не раздаю нищим чужих денег. Однажды в Афинах, куда он зашел во время странствования, три дня ему никто не подал хлеба, и он оставался без пищи. Наступил четвертый день, и он сильно взалкал. Став на одном холме города, он начал взывать: «Афиняне, помогите! Я впал в руки трех заимодавцев. Из них двое оставили меня, потому что получили долг, а третий не отстаёт, и мне нечем удовлетворить его». Кто же эти заимодавцы? – спрашивают Серапиона любопытные Афиняне. «От юности моей, отвечал Серапион, мучили меня сребролюбие, плотское вожделение и чревоугодие. От двух я освободился – от сребролюбия и вожделения, ибо у меня нет ни золота, ни другого какого-либо имущества, я не наслаждаюсь и удовольствиями, которые поддерживают этот недуг. Но от чревоугодия я не могу освободиться. Вот теперь уже четвертый день я без пищи, и чрево мучит меня, требуя обычного долга и



не позволяя мне жить, если я не заплачу ему». Ему дали златницу. Серапион отнес её в хлебную лавку у, взял хлеб и удалился навсегда из города. Пришедши в Лакедемон, он узнал, что здесь один благочестивый муж заражен был ересью Манихейскою. Серапион продал себя ему и в два года успел своими наставлениями отклонить от ереси его самого и его жену со всем домом его и присоединить их к Церкви. Наставив их в благочестии, он отдал им деньги, а сам сел на корабль, плывший в Рим. Прибыв в Рим, он узнал об одной деве, пребывающей в безмолвии, которая двадцать пять лет жила, заключившись в своей кельи, и ни с кем никогда не виделась. Серапион пришел в дом, где она жила, и сказал прислуживавшей ей старице: скажи девице, что один монах непременно желает с нею видеться. Старица отвечала ему: «Затворница много лет никого не видит». Серапион повторил: поди, скажи, что я должен с нею видеться, ибо меня послал к ней Бог. Но и тут она не послушалась. Только чрез три дня Серапион получил доступ к затворнице. Что ты сидишь здесь? – сказал он, увидав её. – Я не сижу, отвечала она, но иду. – Куда же ты идешь? спросил Серапион. К Богу моему, отвечала девица. – Жива ты или умерла? – Верую Богу моему, отвечала она, что умерла для мира; ибо кто живет по плоти, тот не пойдет к Богу. – Если хочешь уверить меня в том, что ты умерла для мира, сказал на это Серапион, сделай то, что я делаю. – Приказывай, отвечала она, но только возможное, и я сделаю. – Для мертвого, подобного тебе, сказал Серапион, все возможно кроме нечестия, – сойди вниз и пройдишь. – Я не выхожу двадцать пять лет, возразила девица, как же теперь пойду? – Вот, сказал Серапион, не говорила ли ты: я умерла для мира? Очевидно поэтому, что и мир для тебя не существует. А если так, то мертвый ничего не чувствует, и для тебя должно быть все равно – выйти или не выйти. – Девица пошла. Когда она дошла до одной церкви, Серапион сказал ей: если хочешь меня уверить, что ты умерла и не живешь для людей, то сними с себя все платье, как вот я, положи его на плечи и ступай по городу; а я пойду вперед тебя в таком же виде. – Но если, отвечала она, я сделаю это, то многих соблазну таким бесстыдством, и кто-

нибудь скажет, что это сумасшедшая или беснующаяся. – А тебе что за дело, если это скажут, отвечал блаженный Серапион. Ведь ты говоришь, что умерла для людей; а мертвецу нет никакой нужды до того, бранит ли кто его или смеется над ним, потому что он не чувствителен ко всему. – Тогда девица сказала: прикажи мне сделать другой подвиг; теперь я ещё не дошла, а только молюсь о том, чтобы дойти до такой степени. – Смотри же, сестра, сказал ей Серапион, не величайся, будто ты святее всех, и не хвались, что умерла для сего мира. Вот ты узнала, что жива ещё и угождаешь людям. Я могу быть более мертвым, нежели ты, и что я умер для мира, могу доказать делом, – именно тем, что равнодушно взираю на него: ибо, не стыдясь и не соблазняясь, могу сделать то, что приказываю тебе. – Урок блаженного Серапиона научил девицу большому смирennemудрию и тем возвел её к большому совершенству. Серапион скончался на шестидесятом году своей жизни, возвратившись в пустыни Египетские<sup>209</sup>.

История Серапиона показывает, что юродство для мира есть высокая мудрость пред очами Божиими. Юродивые произвольно делают себя презренными по суду мира, дабы воздать Господу славу более чистую и более свободную от всякой собственной выгоды. Добродетели их остаются сокрытыми от взоров человеческих, пока сам Бог не прославляет сих святых. Какому же тяжкому суду должны подвергнуться те, которые принимают вид юродивых не для того, чтобы подвергнуться презрению мира, но чтобы привлечь славу мира, не для того, чтобы скрыть свою добродетель, но чтобы заставить думать о себе более, нежели сколько имеют внутри себя.

Так в пустынниках скитских мы усматриваем примеры самых разнообразных подвигов и добродетелей. Долго было бы исчислять всех знаменитых пустынников Скита. Никогда, пишет Лествичник, у преподобных Тавенисиотов не было столько светильников, как у скитских<sup>210</sup>. Число иночествующих в Скиту было многочисленно ещё около времени кончины Антония Великого (в 355 г.), так что многолюдность Скита заставила Сисоя из Скита уйти в гору Антония. В начале пятого века число

иночествующих в Скитской пустыни простиралось до трех тысяч пятисот<sup>211</sup>. Самая многочисленность иноков, среди которых начали поселяться и очень молодые, служила к ослаблению жизни иноческой. Ещё Великий Макарий говорил ученикам своим: когда увидите келью, построенную близ озера, то знайте, что близко запустение Скита. Когда увидите дерево, то оно у дверей. Когда увидите отроков, то берите милоти и удаляйтесь<sup>212</sup>. Авва Моисей говорил: если мы будем исполнять заповеди отцов, варвары не придут сюда, а если не станем, то место сие опустошено будет<sup>213</sup>. Но уже Авва Пимен говорил: с третьего скитского поколения и со времени Аввы Моисея братья не сделали новых успехов<sup>214</sup>. Иноческая жизнь заметным образом начала ослабевать. В этом ослаблении духа иноческого, не столько во внешних разорениях от вторжения варваров, заключалась причина опустения Скита. Потому-то, вероятно, Арсений Великий, когда Скит был опустошен варварами, сказал: мир погубил Рим, а монахи погубили Скит<sup>215</sup>. Во время неоднократного нашествия варваров некоторые монахи были убиты, другие рассеялись по разным странам Египта. Так и Великий Арсений кончил жизнь свою не в пустыни Скитской.

В шестом веке ересь монофизитов отторгла от православия большую часть иноков Скита. Со времени Юстина 1-го до завоевания Аравитянами Египта Яковитские Патриархи, которым запрещено было иметь храмы и местопребывание в Александрии, поселились в Скитской пустыни. Понятно, какое сильное влияние могли они иметь на отторжение живущих здесь иноков от православия. Большая часть духовных яковитских удалилась туда же после строгих мер, принятых против них Аполлинарием, Патриархом Александрийским<sup>216</sup>.

Север Антиохийский, осужденный на соборе при Юстиниане, бежал в Александрию и там переходил из одного монастыря в другой, проповедуя свое лжеучение своими словами и писаниями. В то же время Юлиан Галикарнасский, противник Халкидонского собора, разослал послания во все монастыри Египетские, где проповедовал свое лжеучение,

которое и принято было с жадностью. В Скитской пустыни осталось семь человек, которые не согласились с ним<sup>217</sup>.

С уклонением от православия иноки Скита уклонились и от прежней жизни. «Не таковы ныне скитские монахи, говорил в начале VII в. Феодор Александрийский, каковы были прежде. Между скитскими иноками была прежде величайшая любовь, подвижничество и дар рассуждения». Стало быть, он не находил уже сих свойств в современных ему иноках<sup>218</sup>. С тех пор и доселе иночество не прекращалось совсем в пустыни Скитской, но, отторгнутое от православия, оно не может иметь места в истории Православного монашества.

## Ликополь

Обозрев главные места иноческой жизни в Египте в обителях Антония и Пахомия, в горе Нитрийской и пустыни Скит, мы проследим приюты иноков среди Египта, известные в христианском мире под именем уединений Фиваидских, начиная с северного предела Тавеннских обителей и спускаясь вниз по течению Нила, дабы изображением иноческой жизни в нижнем Египте заключить историю монашества в Египте. Здесь по берегам Нила от развалин Фив до самого Миниета продолжают те древние каменоломни и гробницы, которые столь долгое время служили убежищем умерших для мира св. отшельников. Там, где в плодородной долине у подошвы Ливийских гор верхнего Египта расположен главный город Сиют или Осиут, находился древний Ликополь. Горы, прилегающие к Сиюту и ограждающие его своими каменными громадами от песков пустыни, изрыты погребальными пещерами Египтян. Спасительное знамение креста, начертанное на многих местах этих пещер, свидетельствует и теперь о пребывании здесь в прежнее время христианских подвижников. Коптские христиане показывают семь пещер, где, по их преданиям, был женский монастырь. Не сохранилось памяти о подвижницах, посвятивших жизнь свою Богу. Но то известно, что в IV в. в Ликополе был свой Епископ и процветали иноческие обители. Великою славою у современников пользовался затворник в Ликополе Иоанн, получивший наименование пророка по дару чудес и предвидения будущего, которым он был украшен.

Сын бедного ремесленника Ликопольского, Иоанн до 25-летнего возраста занимался плотничеством. Но, увлекаемый пламенным желанием посвятить себя на служение Богу, он оставил город и удалился в пустыню. Хотя блага, оставленные им в мире, были незначительны, но можно сказать, что он оставил многое; потому что не сохранил в сердце своем никакой привязанности к миру.

Эту первую жертву он возвысил ещё важнейшею жертвою – совершенным отречением от своей воли. Он отдал себя в

послушание одному пустынножителю и проходил это послушание с такою ревностью, что, не позволяя себе никакого суждения о приказании старца, спешил исполнять их. Так, однажды старец велел ему перетащить в келью камень, который с трудом могли сдвинуть с места несколько человек. Иоанн бросился немедленно к делу и употреблял все усилия, чтобы исполнить волю старца, думая, что если приказал старец, то должно быть исполнено. Около двенадцати лет Иоанн был в послушании у сего старца. После его кончины он прожил около пяти лет в монастыре, уславшаяся в иноческих добродетелях, и потом удалился в пустыню, чтобы жить там совершенным отшельником.

Местом для своего пребывания он избрал гору в четырех верстах от города. На самой вершине горы он построил келью из двух комнат; в одной он молился, в другой работал и принимал пищу; он был сорока лет, когда вступил в свое жилище, и прожил здесь до девяноста лет, никого не впуская к себе. Прислужник чрез окно подавал ему пищу, которая состояла из сырых плодов. С первого года затворнической жизни и до самой кончины ничего вареного, даже и хлеба, он не употреблял в пищу. От строгого поста волосы не росли на его бороде. Непрестанно он упражнялся в молитве и созерцании. Его сердце, свободное от всех земных попечений, возносилось к Богу со всецелою свободою, и, по мере его отчуждения от всего, Бог соединялся с его душою и исполнял ее светом и благодатью.

Жизнь затворническая хотя и ограждает от искушений внешних чувств, но тем сильнее возникает для подвижника борьба внутренняя духовная. То являются образы удовольствий мира, то возникают помыслы гордости, то низлагают душу помыслы уныния. К борьбе разнообразных помыслов, которые тем сильнее воют на душу, чем менее для нее внешнего развлечения, присоединяются самые сильные искушения духов злобы. Потребно постоянное бодрствование над собою, сохранение духа молитвенного, ограждение себя смирением, чтобы не ослабеть среди тяжелой борьбы. Без сомнения, много вытерпел и блаженный Иоанн в первые годы своей

затворнической жизни. После тридцатилетних подвигов самоочищения он получил от Бога дар прозорливости. Посему современные писатели церковные называли его пророком.

Толпами стекались к нему посетители из стран близких и отдаленных. Иоанн, когда считал это нужным, обнаруживал пред ними все, что они почитали сокрытым во глубине своего сердца. Тайные грехи он обличал наедине с ревностью и кротостью, чтобы возбудить грешников к покаянию и исправлению. Иногда предсказывал естественные бедствия и указывал на преступления, которые были причиной гнева Божия. Не раз приходили к нему военачальники просить его благословения и наставления на борьбу со врагами. И если он предсказывал победу, то его слово всегда исполнялось. Император Феодосий двукратно обращался к нему за благословением, выступая в поход против Максима и против Евгения, и, по проречению святого, получил над ними победу. И Император чтит его, как пророка. Иоанн имел и дар чудотворений, но прямо не совершал исцелений, а благословлял елей, который давал больным для помазания, и они получали исцеление.

Женщинам он никогда не позволял приближаться к своей келье. И когда жена одного трибуна выражала неотступное желание видеть Иоанна, побежденный ее усердием, он явился ей во сне, но не позволил ей подходить к пещере.

Чтобы многочисленные посетители не нарушали тишины уединения, Иоанн беседовал с приходящими только по субботам и воскресеньям, а для успокоения приходящих при подошве горы устроена была гостиница. Впоследствии при самой келье Иоанна устроены были просторные сени, в которых могло помещаться более ста человек. Сюда входили посетители по субботам и воскресеньям. Сюда в последние уже годы подвижнической жизни Иоанна приходил Палладий, которому Иоанн предсказал, что если он оставит пустыню, то будет Епископом. Возбужденные рассказом Палладия, отправились из горы Нитрийской Евагрий, Альбин, Аммоний и другие, чтобы видеть этого чудного мужа: при первом свидании он обнаружил и дар прозорливости, и дар чудотворения. Среди

пришедших он назвал одного дьяконом, хотя тот скрывал это от всех; другой, страдавший горячкою, исцелился, помазавшись елеем, благословенным от Иоанна. Сии посетители передали беседу с ними Иоанна. Удивляюсь, говорил им Иоанн, вашему усердию, как вы, презревши столько опасностей, пришли ради назидания к нам, тогда как мы по лености не хотим выйти из своей пещеры. Но сделав это доброе дело, не думайте, что вы все сделали, и не тщеславьтесь тем, что вы видели то, о чем другие только слышали. Тяжек грех гордости и весьма губелен; он свергает души с самой высоты совершенства. Посему его более всего должно остерегаться. Два вида гордости. Иные, в самом начале своего подвижничества показав малое воздержание или истратив несколько денег на бедных, думают, что победили все препятствия, и считают себя лучшими тех, кому давали. Иные, достигнув верха добродетели, приписывают это не одному Богу, но и своим трудам и усилиям, и ища славы от людей, теряют славу от Бога. Посему, чада, убегайте гордости, чтобы не подпасть осуждению дьявола.

Потребно также внимательное бдение над своим сердцем и помыслами. Надобно тщательно наблюдать, чтобы какая-нибудь страсть, какая-нибудь злая склонность, какое-нибудь суетное похотение и все, что не по Богу, не пустило корней в нашем сердце. Из таких корней постоянно произрастают суетные и бесполезные помыслы, и эти помыслы так мучительны, что не оставляют нас во время молитвы, не исчезают из души тогда, как мы предстоим пред лицом Божиим и приносим мольбы о своем спасении; они пленяют наш ум и тогда, как телом мы по видимому стоим на молитве, чувством и мыслью мы блуждаем и носимся по разным предметам. Тот не отвергся мира и дел дьявола, кто устами только отвергается благ и дел века сего, а не отвергся своих пороков, не оставил бесполезных и суетных удовольствий. Это те похоти многи и вреждающыя, которые, по слову Апостола, погружают человеки во всегубительство и погибель (1Тим. 6, 9). Отвергнуться сих похотей значит отвергнуться дьявола и дел его. Ибо чрез порок дьявол получает доступ в наше сердце, поскольку пороки его область, тогда как добродетели от Бога. Потому пороки, когда является



дьявол, дают ему вход, как своему виновнику, и вводят его, как бы в собственное владение. Такое сердце никогда не знает мира и покоя, оно то объемлется суетною радостью, то утесняется бесполезною печалью. Напротив, ум, который истинно отрекся мира, то есть удалил от себя всякий порок, укрощает гнев, обуздывает ярость, бежит лжи, отвращается ненависти и не только не позволяет себе выдумывать, даже мыслить и подозревать злое о ближнем, который радость ближнего считает своею, и скорбь его разделяет, как свою скорбь: такой ум отверзает вход к себе Святому Духу, и в нем являются плоды Святого Духа (Гал. 5, 22).

Есть люди, которые, по-видимому, отвергшись мира, не заботятся об очищении сердца, об истреблении пороков и страстей в душе своей, но только стараются увидеть кого-либо из святых Отцов и послушать их беседы, чтобы рассказывать другим, хвалясь тем, что слышали от того или другого. И узнав только по слуху, хотят быть учителями, и учат не тому, что сами делали, но только что слышали, и этим обольщают многих. Желают вступить в клир, домогаются священства, не зная, что менее достоин осуждения тот, кто, будучи силен в добродетели, не дерзает учить других, нежели тот, кто, сам обремененный страстями, берется других учить добродетели. Не то хочу я сказать, чтобы нужно было непременно избегать причисления к клиру или степени священства, но то, что всего важнее истребить в себе пороки и приобрести добродетели. Суду Божию должно представить избрать кого Ему угодно на служение Себе в священном сане. Не хваляй бо себе сей искусен, но егоже Бог восхваляет (2Кор. 10, 18).

Главное дело монаха состоит в том, чтобы приносить Богу чистую молитву, не имея в совести своей никакой вражды, как и Господь говорит в Евангелии (Мф. 6. Мк. 11). Если бы мы предстояли пред Богом с чистым сердцем и свободны были от пороков и страстей, то могли бы, сколько это возможно, видеть Бога, и во время молитвы возводить к Нему око сердца своего и видеть Невидимого, видеть не чувственно, но мысленно, знанием, а не взором телесным. Никто да не мыслит, что он может созерцать самое Божественное существо, представляя в

уме своем образ, подобный какому-либо телесному виду. Бог не имеет ни формы, ни ограничения; только чувством и умом можно возноситься к Нему, но не постигать Его. Посему к Богу должно приступать с благоговением и страхом, и так устремлять к Нему взор ума, чтобы считать Его выше всего, что ум может представить себе великого и славного. Кто ищет Бога, у того сердце должно быть свободно от всего постороннего, по Писанию: упразднитеся и разумеите, яко Аз есмь Бог (Пс. 45, 11). Когда же познает он Бога, сколько это возможно для человека, тогда получит ведение и о прочих предметах и узнает тайны Божии, и чем чище будет его ум, тем более открывает ему Бог и показывает сокровенное. Ибо он делается уже другом Божиим, как те, о которых говорит Спаситель: не к тому вас глаголю рабы, но други (Ин. 15, 15), и все, что ни попросит, как другу возлюбленному дает ему Бог. Самые силы Ангельские, как други Божии, любят его и исполняют его прошения. Такого не отлучат от любви Божией, яже во Христе Иисусе, ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни начальства, ни власти, ни другая какая тварь (Рим. 8, 38). Посему, возлюбленные, если вы хотите быть угодными Богу, отрекитесь от всякой гордости, от всякого порока, от всех удовольствий телесных. Для подвижника все, что он употребит с жадностью, есть удовольствие. Если он ест хлеб и пьет воду не для того, чтобы удовлетворить требованию телесному, но по желанию, – это уже для него порочное удовольствие. Это уже широкий путь, когда удовлетворяются желания; тесный путь состоит в отвержении своего желания. Много сему способствует уединенная и отшельническая жизнь; ибо частым обращением с братиею ослабляется узда воздержания.

Посему Давид и сказал: *се удалихся бегая и водворихся в пустыни, Чаях Бога спасающего мя от малодушия и от бури* (Пс. 54, 8–9).

Преподав наставления, Иоанн для назидания пришедших, чтобы показать, как опасна гордость, рассказал историю падения одного высокого по жизни подвижника, вследствие обольщения дьявола, и искреннее покаяние одного грешника, смирением получившего прощение во грехах. Более

назидателен третий пример, рассказываемый Иоанном: «Был монах, который жил в дальней пустыне, так повествовал Иоанн, и много лет подвизался в добродетели. Он любил безмолвие и, проводя дни в молитвах, песнопениях и созерцании, имел несколько Божественных видений и в бодрственном состоянии, и во сне. Забыв все земное, он все желание устремлял к Богу, в ожидании часа, когда воззван будет из сего мира. С тех пор, как из мира перешел в пустыню, полный упования на Бога, он не заботился о пропитании телесном. Но всякий раз, как, ощутив в себе потребность пищи, входил в свою пещеру, он находил хлеб, который посылал ему Бог в пищу. После молитвы к Богу подкрепив себя пищею, он опять услаждался песнопениями. Молитва и созерцание были постоянным его занятием. Так он с каждым днем совершенствовался и, подвизаясь в настоящем, постоянным его занятием. Так он с каждым днем совершенствовался и, подвизаясь в настоящем, постоянно ближе становился к ожидаемому будущему, и почти уверен был в лучшем жребии своем, как бы имея уже его в руках своих. Это и было причиною, что он едва не пал от постигшего его искушения. Когда дошел он до уверенности в своем спасении, в сердце его не приметно вкралась мысль, что он выше других. В таких мыслях он стал уже полагаться на себя. Следствием самонадеянности была беспечность. Он уже не с такою бодростью вставал от сна для песнопений, ленивее стал к молитве, и пение его не было так продолжительно; душа захотела покоиться: ум ниспустился долу, и помыслы стали блуждать. Беспечность втайне была уже любима, и только прежний навык, как оплот, несколько останавливал подвижника в этом направлении и охранял его до времени. Входя по вечерам после обычных молитв в пещеру, он находил ещё на столе хлеб, посланный ему от Бога, и питался им; но не изгонял из ума вредных мыслей, и не думал, что невнимательность губит труды, и не старался о уврачевании зла. Небольшое уклонение от обязанностей казалось ему маловажным. И вот похоть страстная, овладев его мыслями, стала увлекать его в мир. Но он ещё противился. Следующий день провел он в обычных подвигах и, после молитвы и песнопения, вошедши в

пещеру, по-прежнему нашел хлеб, впрочем не так чистый, как прежде. Он удивился и несколько опечалился, однако съел его. Настала третья ночь и зло утроилось. Ум его скоро предался любострастным помыслам и воображение представляло ему нечистые мечты так живо, как бы они сбывались на самом деле. Несмотря на то, ещё и на третий день он продолжал свои подвиги – молился и пел псалмы, но уже не с чистым расположением и часто оборачивался и смотрел по сторонам. Доброе дело его прерывали разные мысли. Вечером, почувствовав потребность в пище, взошел он в пещеру и хотя нашел хлеб на столе, но как бы изъеденный мышами. Тогда он начал стенать и плакать. Но покаяние его не было так глубоко, чтобы истребило нечистую похоть. Вкусивши хлеба, он хотел отдохнуть. Тут помыслы с неотразимой силой восстали на него, победили его ум, и, забыв все, он ночью оставил пустыню и пошел в селение. Настал день, а до селения было ещё далеко. Инок, палимый зноем, изнемог и начал смотреть вокруг себя, нет ли где монастыря, в котором бы можно было ему отдохнуть. Вблизи действительно был монастырь. Благочестивые братья приняли его как родного отца, омыли ему лицо и ноги и после молитвы предложили ему трапезу. После трапезы братья просили его преподать им слово спасения: как избегать сетей дьявола и как побуждать нечистые помыслы? Беседуя с ними, как отец с детьми, он поучал их быть мужественными в трудах, уверяя, что они скоро для них обратятся в великое наслаждение. Много и ещё говорил им старец поучительного и назидательного. По окончании наставления он невольно подумал о себе самом и стал рассуждать, как он, вразумляя других, сам оставался невразумленным. Тогда он увидел свое поражение и немедленно возвратился в пустыню оплакивать свое падение. Аще не Господь помог были, говорил он, в мале вселилась бы во ад душа моя (Пс. 92, 17), – совсем было погряз во зле и в мале не скончаша мене на земли (Пс. 118, 87). С того времени он во всю жизнь плакал и, не получая более от Бога пищи, своими трудами доставал себе пропитание. Заключившись в пещере и постлав на полу вретище, он повергся на землю и до тех пор с плачем и рыданием молился

Богу, пока не услышал от явившегося ему Ангела: «Бог принял твое покаяние и помиловал тебя, только смотри не обольщайся».

Рассказав сей назидательный пример, Иоанн прибавил, что все это должно убедить нас в том, как губельна гордость и как спасительно смирение. Посему и Спаситель наш, прежде всего, губельна гордость и как спасительно смирение. Посему и Спаситель наш, прежде всего, блаженство обещает смиренным: *блажени нищии духом, яко тех есть Царствие Небесное* (Мф. 5,3).

Три дня назидал своею беседою Иоанн пришельцев и потом, преподав благословение, отпустил их с миром.

Спустя несколько дней по возвращении своем в пустыню Руфин услышал от братьев, ходивших посетить Иоанна Ликопольского, что он почил с миром. Три дня он провел, не показываясь никому, и, на коленях преклоненный для молитвы, предал дух свой Богу. Кончина Иоанна последовала, вероятно, в марте 395 года<sup>219</sup>.

## Гермополь и Антиноэ

Спускаясь от Сиюта вниз по течению Нила, путешественник встречает остатки и развалины древних монастырей. Так за три часа расстоянием от Ом-ель-Кусура есть два монастыря, один из них Арабы называют Дейр Магарак, т. е. сожженный монастырь, другой Абиссинским. Перед мысом ель-Амарне, на восточном берегу против селения Мазарны, виден близ нескольких хижин Коптский монастырь, называемый Дейр Коссеир. Повсюду обитали здесь в первые времена иночества святые отшельники. Но главный приют иноков был здесь в окрестностях Гермополя и Антиноэ, которые в первые века Христианства составляли одно Епископство. Города разрушились, но пещеры в скалах, окружающих эти города, остались. В них начертано на многих стенах знамение креста, свидетельствующее о существовании здесь церквей и обителей иноков; подземные галереи, где устроены были кельи, идут на далекое пространство. Несколько выше Атмумейка существует доселе у подошвы Ливийского хребта древний Коптский монастырь, называемый Крестным. Все стены этого монастыря покрыты разноцветными изображениями крестов. На большом кресте, который находился на своде алтаря, написано по-гречески: древо жизни.

Из писаний св. Афанасия мы видим, что в половине IV века в Антиноэ было многочисленное общество иноков под начальством мужа прозорливого, который, вместе с Федором Освященным, открыл Афанасию, что погиб в Персии его гонитель Юлиан. Св. Афанасий по сему случаю замечает: думаю, что многие, благоугождающие Богу в монашестве, по большей части остаются в сокровенности; потому что не знают их люди, – таков был маститый старец Паммон<sup>220</sup>.

Руфин и Палладий, посещавшие Гермополь и Антиноэ в конце IV века, нашли здесь многих великих подвижников.

В окрестностях Гермополя на месте, где, по преданию, слышанному ещё Руфином, провела несколько времени Богоматерь с Своим Божественным младенцем во время

бегства своего в Египет, в пещере Ливийских гор подвизался Аполлос. Ещё пятнадцать лет удалился он в пустыню с старшим братом своим, подвижником высокой жизни. После сорока лет, проведенных в трудах и самоумерщвлении, Аполлос услышал голос, призывающий к служению для спасения других. Считая непременно обязанностью повиноваться высшему призыванию, он вместе с тем молил Господа охранять его от помыслов гордости и тщеславия.

Поселившись около Гермополя, он, по уединении и молчанию, ожидал, когда Господь будет чрез него устроить спасение других. Он носил левитон из грубого льна и ещё кукуль на голове; питался одними овощами и не употреблял в пищу ни хлеба, ни бобов, ни плодов древесных и ничего вареного, и эту пищу принимал он только в воскресный день. Главным упражнением его было – стоя на коленях возносить молитву к Богу, сто молитв совершал он днем и сто ночью.

Скоро строгая жизнь и дары благодати сделали славным имя Аполлоса. Все монахи, жившие в окружности по разным местам, стали приходить к нему и вверять его управлению свои души: иных он призывал к созерцанию, других убеждал преимущественно совершать деятельную добродетель. Аполлос учил их, чтобы они ежедневно украшались добродетелями и коварные действия дьявола на помыслы отражали тот час при самом их начале. Когда, говорил он, у змея сокрушена глава, то и все тело его мертво. Господь заповедует нам сокрушать главу змея. Это обязывает нас к тому, чтобы мы не только исторгали из ума своего постыдные мечтания, но и вначале не допускали в душу свою худых и нечистых помыслов. Он учил также, чтобы братья старались превосходить друг друга в добродетелях, дабы никто не показался ниже другого по совершенствам. Свидетельством успеха нашего в добродетелях, говорил он, да будет приобретение бесстрастия и воздержания от пищи, потому что это есть начало даров Божиих. А когда кто получит от Бога силу творить чудеса, не гордись, как бы имеющий уже всего довольно; не надмевайся мыслью, будто ты выше других, и не показывай всем, что получил такую благодать, в противном случае ты обольщаешь себя и, уловленный помыслами,

лишишься благодати. Собственно учеников у Аполлоса было только пять. Но его духовная мудрость и святая жизнь привлекли к нему многих монахов, а его беседы и учение убедили многих и мирян, отрекшись от мира, предать себя его руководству. Таким образом, у него в горе составилось общество до пяти сот братьев, имевших и общежитие и общую трапезу. Казалось, пишет Руфин, это был стройный полк Ангелов, облеченных во все доспехи. Они имели, по слову Апостола, одно сердце и одну душу (Деян. 1, 32). Братья, жившие с Аполлосом, не прежде принимали пищу, как приобщившись Евхаристии Христовой. Это делали они в девятом часу дня. По принятии пищи они садились слушать его, и он поучал их всем заповедям до сумерек. После того одни из них удалялись в пустыню и там целую ночь читали наизусть Священное Писание, другие оставались в монастыре, непрестанно восхваляя Бога песнопениями до наступления дня. Руфин пишет: я сам своими глазами видел, как они начинали с вечера свое песнопение и не преставали петь даже до утра. А многие из них только в девятом часу сходили с горы и, приняв Евхаристию, опять восходили на гору, довольствуясь одною духовною пищею до девятого часа другого дня. Так поступали многие из них в течение многих дней. При всем том они, как можно было видеть, радовались, живя в пустыне; никто не укажет здесь на земле подобной радости и веселья телесного. Между ними никого не было скучного и печального. Если бы кто и показался печальным, того Аполлос тотчас же спрашивал о причине скорби и, открывая то, что таилось в душе, старался возбудить душу его к духовному веселью. Не должно, говорил он, на пути спасения скорбеть тем, которые имеют наследовать Царство Небесное; пусть стенают язычники, пусть плачут иудеи, пусть скорбят грешники, а праведники должны радоваться. И если помышляющие о земном в земном находят радость, как же нам, удостоенным толикой надежды, не радоваться непрестанно, когда и Апостол побуждает нас всегда радоваться, непрестанно молиться, о всем благодарить (1Сол. 5, 18).

Часто наедине беседуя с Руфином и его спутниками о подвижничестве, он увлекал их сладостью своих речей. Он



говорил им: монахи должны, если могут, приобщаться каждодневно Св. Таин потому, что кто удаляется от Святых Таин, тот удаляется от Бога, а кто постоянно приобщается, тот всегда принимает в себя Спасителя; ибо сам Спаситель говорит: ядый Мою плоть, и пияй мою кровь во мне пребывает и аз в нем (Ин. 6, 36). Итак, полезно монахам постоянно вспоминать спасительное страдание и ежедневно быть готовыми удостоиться принятия Святых и Небесных Таин; поскольку чрез сие мы удостоиваемся отпущения грехов. Также говорил он: непозволительно без крайней нужды нарушать общие посты: ибо в среду Спаситель предан, а в пяток распят. Посему кто нарушает пост, тот вместе с врагами предаёт и распинает Спасителя. Если в пост придет к тебе брат, имеющий нужду в успокоении, предложи ему трапезу одному, если же ему не угодно, не принуждай, ибо все мы имеем общее предание о посте. Приходящих братьев Аполлос повелевал принимать со всею любовью, кланяться им. Ибо, говорил он, ты кланяешься не им, а Богу, видя брата твоего, ты видишь Господа Бога твоего, – и это приняли мы от Авраама. Приходящих должно усиленно приглашать к успокоению; сему мы научились у Лота, который принудил Ангелов (Быт. гл. 19). В силу сей заповеди, когда Руфин с братиею приближались к монастырю Аполлоса, иноки, слышавшие от Аполлоса о приходе братии, вышли ему навстречу с пением (так они принимали всех монахов), поклонившись лицом до земли, облобызали их. И одни шли впереди пришельцев, другие за ними и все пели, пока не пришли к Аполлосу. Аполлос вышел навстречу и первый поклонился путникам до земли и облобызал их. Потом ввел к себе, помолился и, своими руками омывши ноги, просил отдохнуть. Так он поступал с всеми странниками.

Не довольствуясь назиданием братий, Аполлос старался слово Евангелия распространять и между окрестными жителями, из которых многие были язычники. То силою чудес, то благодеяниями, то увещаниями он успел сокрушить ос татки язычества. Аполлос скончался в 395 году<sup>221</sup>. Монастырь Аввы Аполлоса процветал ещё и в VI веке<sup>222</sup>.

Неподалеку от монастыря Аполлоса пресвитер Копрей имел монастырь, где жило пятьдесят братий. Он славился и высокою жизнью и даром чудес. И своими чудесами способствовал к распространению Христовой веры между язычниками. Сам он был учеником Мусия или Патернуфия, который, по словам Руфина, первый обитал в пустыне к югу от Гермополя. Он рассказывал, что здесь были и другие великие подвижники: Сурус, Исаия, Павел, Анувий, Еллин. Здесь же подвизались Аполлос, Иоанн и Диоскор, имевший в управлении своем сто братий<sup>223</sup>. Вблизи Гермополя в монастыре Ериши, может быть, у Аввы Диоскора, получил начало иноческой жизни Онуфрий Великий. Вот как рассказывал Онуфрий свою жизнь Пафнутию. Юность свою провел я в благочестивом монастыре Ериши близ Гермополя в Фиваиде. Там обитают сто братий, как единая душа, согласных в великой любви к Господу Иисусу. Там одежда общая, пища общая и безмолвие нарушается только славословием Богу. Там я, ещё почти дитя, изучал уставы монашеской жизни и от св. Отцов назидался в вере и любви к Богу. Там часто слушал я Отцов, беседовавших о св. Илии и св. Иоанне Предтече, подобного которому не было между людьми. Что же, спросил я, живущие в пустыне в совершенном одиночестве больше ли вас пред Богом? Ей, сын наш, отвечали Отцы, они больше нас! Мы каждый день видимся друг с другом; каждый день церковное пение совершаем соборно; если взалчем, находим готовый хлеб; если возжаждем, у нас готова вода; занеможет кто – есть кому утешить. Ибо мы живем вместе, один другому помогаем и служим из любви Христовой. Но живущие в пустыне всего этого лишены. Случится какая печаль, кто его утешит? Заболит – кто послужит ему? Найдет брань от сатаны – кто даст ему совет? И где у него пища? Где вода? Где кров от зноя полуденного? Где риза от холода ночного? Там, о сын наш, там несравненно больше трудов и подвигов, чем в общежитии. Только Бог один видит отшельников и посылает им Ангелов на помощь. И сбываются на них слова Пророка Исаии; терпящий Господа, окрылатеют, аки орли потекут, не утрулятся (40,31). Душа моя горела неведомым дотоле священным огнем, когда я слушал Отцов. Я думал, что

нахожусь в другом мире, и я возжелал пустыни. Встал ночью и пошел. Только, что вступил в пустыню, я увидел луч света, сияющий предо мною. Ужас объял меня, и я хотел возвратиться в монастырь. Но то был Ангел хранитель мой, в виде света указующий мне путь и сказавший: не бойся, я веду тебя. – Провождая меня от шести до семи миль, луч светоносный остановился у одной пещеры и был невидим. Приблизившись к дверям пещеры, я воззвал по обычаю иноческому: благослови. Ко мне вышел муж престарелый, вид его был достопочтенный и священнолепный; на лице и во взорах сияли великая благодать и духовное веселье. – Ты ли это, брат Онуфрий? – сказал старец, поднимая меня и лобзая. – Войди в мою обитель, сын мой, и Бог тебе помощник. Несколько дней провел я с святым отцом – старцем, который показывал мне уставы пустынной жизни, научал подвигам добродетели, открывал способ бороться с темными силами. Однажды он сказал: встань, сын мой, я поведу тебя в другую пещеру, чтобы ты жил там один, ибо для того и послал тебя Господь. Мы шли четыре дня и четыре ночи; на пятый день пришли к уединенному вертепу, и тогда престарелый вождь мой сказал: вот твое место, которое Бог приготовил тебе в мой сказал: вот твое место, которое Бог приготовил тебе в жилище. – Старец пробыл со мною тридцать дней, уча меня святой жизни; потом, поручив меня Господу, возвратился в свою келью. Ежегодно посещал он меня единожды; а там пришел и скончался у меня. Я много плакал над телом умершего, похоронил близ моего вертепа и остался один в целом мире.

Сначала я подвергался таким искушениям, что многократно отчаивался в жизни своей. Изнемогал от голода и жажды; ибо сначала у меня совершенно не было, что есть и пить, – разве где найду, бывало, немного зелия пустынного или соберу несколько капель росы небесной. Был палим зноем солнечным во дни; дрожал от холода в ночи; часто промокала вся плоть моя от росы полуночной. О! сколько я вытерпел! Каких трудов не переносил я в этой непроходимой пустыне! – Но для чего объявлять людям то, что человек должен совершить наедине из любви к Богу? – Благий же Бог, видя, что я весь предался

пустынническим подвигам и соделал душу мою готовою терпеть алчбу и жажду, повелел святому Ангелу пещись о мне и приносить каждый день понемногу хлеба и воды для подкрепления немощной плоти моей. Тридцать лет питался я от Ангела. Потом Бог, на утешение мне, уготовил пропитание ещё обильнее прежнего. Подле моего вертепа потек небольшой источник чистой и прохладной воды: выросло финиковое дерево о 12 ветвях, и каждая ветвь приносит мне плоды ежемесячно. Вкушаю финики, пью воду из моего источника, иногда ем хлеб, приносимый Ангелом, – и все делаю во славу Божию. А всего более насыщаю себя и напоеваю сладостью слова Божию: верую и ежедневно по опыту знаю, что не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе исходящем из уст Божиих (Мф. 4, 4).

После беседы, укрепившей дух и тело мое, пишет Пафнутий, и после трапезы от плодов и от хлеба Ангельского мы провели всю ночь в молитве. К утру лицо праведника изменилось так, что я ужаснулся. «Брат Пафнутий, сказал мне Онуфрий, не бойся; в нынешний день я оканчиваю временную жизнь и отхожу к моему Христу. Бог, милосердый для всех, послал тебя ко мне за тем, чтобы ты предал тело мое погребению». Я пал к ногам святого и плакал и говорил: благослови меня, отец честнейший, и молись, чтобы Господь удостоил меня видеть тебя в будущем веке, как удостоил зреть твою святую в сей жизни. – Онуфрий поднял меня и сказал: «Сын мой Пафнутий, не опечалит тебя Бог, но исполнит твоё прошение; благословит же и утвердит тебя в любви Своей и просветит умные очи твои к Боговедению и избавит тебя от всякого падения и сетей лукавого, и сохранят тебя Ангелы Его во всех путях твоих». После сего дал он мне последнее целование о Господе; начал молиться со многими слезами и воздыханием; преклонив колена, молился довольно, потом возлег на земле и последнее слово сказал: в руке Твои, Боже, предаю дух мой! Тогда осиял великого старца дивный свет небесный, в воздухе послышался глас Ангелов, поющих и благословящих Бога, – и душа праведника вознеслась на небо: мне осталось только тело святое, над которым я рыдал

неутешно, пел надгробные Псалмы и похоронил в каменном гробе. Это было в двенадцатый день июня. Вертеп Онуфрия пред моими глазами обрушился; финик упал и источник мгновенно исчез<sup>224</sup>.

Палладий, проживший четыре года против Гермополя в Антиноэ, пишет, что здесь было до двух тысяч монахов и все они с великою ревностью упражнялись в обязанностях своего звания, доставая себе пропитание рукоделием. Одни из них жили вместе, другие заключили себя в горных пещерах<sup>225</sup>.

Соломон, Дорофей, Диокл и Капитон были знаменитейшими из отшельников. Соломон отличался кротостью и терпением. Пятьдесят лет прожил он в одной пещере, с величайшим терпением перенося все скорби отшельнической жизни. Он знал наизусть все Священное Писание и жил своими трудами. Дорофей за свою неукоризненную жизнь и доброту возведен был на степень священства. Он священнодействовал для братьев, живущих в пещерах. Однажды младшая Меланья прислала этому бессребреннику пятьсот златниц и просила его раздать тамошним братьям. Но он взял три златницы; остальные отослал к Диоклу отшельнику, сказав: брат Диокл умнее меня и с пользою может распорядиться ими, потому что лучше меня знает, кому действительно нужно оказать помощь, а мне довольно и этих.

Сей Диокл в юности учился грамматике, потом философии. На двадцать осмом году оставив мирские науки, предался небесному Христову учению и сделался отшельником. Более тридцати пяти лет провел он в пещере, занимаясь размышлением о Божественных истинах. Он говорил: ум, переставши созерцать Бога, становится или демоном или скотом; потому что или подпадает власти демона похоти, который влечет его к распутству, или злого духа раздражительности, от которого рождаются безумные порывы. В каждой мысли и в каждом деле участвует душа, но с Богом она бывает только тогда, когда благочестно и благоговейно рассуждает о Нем.

Недалеко от Диокла в четырех милях от Антиноэ жил Капитон, из разбойников сделавшийся опытейшим монахом.

Он пятьдесят лет прожил в пещере и не выходил из нее даже к реке Нилу, говоря, что не может встречаться с людьми, ибо враг доселе противодействует<sup>226</sup>.

В той же пустыне был старец Илия. Он был ста десяти лет, когда Руфин посещал его пустыню. Он жил в пещере, на которую страшно было и смотреть. К ней вела тропинка узкая и каменистая. Пещера была закрыта терновыми кустарниками так, что трудно было проникнуть в нее. Здесь-то более семидесяти лет прожил этот старец, вкушая по вечеру три унции хлеба и три маслины. Но и это было для него облегчением в сравнении с первыми его постами; ибо прежде он проводил без пищи целые седмицы. Он получил от Бога дар врачевать всякие болезни<sup>227</sup>.

## Оксиринх

Оксиринх Руфин представляет более монастырем, чем городом. Он считает в нем до десяти тысяч иноков и до двадцати тысяч дев<sup>228</sup>. Древние публичные здания и храмы, посвященные прежде ложным божествам, были теперь обращены в обители иноческие. В нем было более монастырей, чем частных домов. В нем не было, пишет Руфин, ни одной площади, ни одного переулочка, который бы не был обитаем монахами. Они день и ночь во всех сторонах, воспевая хвалы Богу, делали из сего великого города один храм, посвященный Его Божественному величию.

Кроме особых храмов монастырских в нем было двенадцать церквей, где собирались для молитвы миряне. Благочестие иноков имело благодетельное влияние и на жителей. Они имели такую любовь к гостеприимству, что высылали рабов к воротам города смотреть, не пойдет ли какой-либо странник, и завидовали тому, кто приводил их в свой дом. Если же странник был из иноков, они бежали навстречу ему. Каждый влек его к себе; хватались за мантию, за плечи, только бы иметь счастье успокоить его.

Руфин пишет, что в его время в этом городе не было ни одного язычника, ни одного еретика, так что Епископ с такою же свободою мог проповедовать на площадях, как и в церквах. Но во время гонения Ариан при Георгии Феодор Епископ Оксиринха пристал к партии Ариан и увлек за собою часть паствы. Православные отделились от общения с ним, и церковь Оксиринхская несколько времени управлялась пресвитерами. Более других ревности в защищении Божества Сына Божия показал пустынный Павел. Он своими советами и примером утверждал народ в православии. Из слов Руфина видно, что православие одержало совершенную победу над ересью.

Между Епископами Оксиринха был монах Афф. До возведения в сан Епископа он проходил самую строгую жизнь. Но, сделавшись Епископом, не чувствовал уже в себе сил совершать те же подвиги самоумерщвления. Повергшись на

землю, он изливал пред Богом свою скорбь, что не может подвизаться так, как прежде, и в молитве вопрошал Бога: не ужели по причине Епископства благодать Божия оставила его? И он услышал голос, что благодать Божия с ним, но теперь служение пользе ближних восполняет недостаточность его подвигов<sup>229</sup>.

Руфин пишет, что не только в городе Оксиринхе, но в окрестностях его было много иноков, и многие из них украшены различными дарованиями, одни даром назидания и учения, другие подвигами покаяния, иные силою творить чудеса.



## Гераклеополь

Около Гераклеи был монастырь Пафнутия. Жизнь сего подвижника была так свята, что на него смотрели, как на Ангела Божия. Палладий и Руфин рассказывают об нем, что после продолжительного подвижничества он молил Бога открыть ему, кому бы он из современных по святости был подобен. Ангел явился ему и сказал: ты подобен такому-то флейщику, который живет в городе. Поспешно отправился к нему Пафнутий и спросил его об образе его жизни. Флейщик сказал ему, что он человек грешный, нетвердый и развратный и недавно перестал разбойничать. Но нет ли у тебя добрых дел? – спросил старец. Флейщик рассказал, что когда он был разбойником, то избавил от насилия разбойников одну христианскую девицу и проводил до селения. В другой раз женщине, у которой муж заключен был в тюрьму, а трое детей проданы в рабство за долги, он дал триста златниц для выкупа их. Тогда Пафнутий сказал ему: Бог открыл мне о тебе, что ты несколько не ниже меня по добрым делам. Посему когда Бог так печется о душе твоей, не оставляй её в небрежении. Флейщик бросил из рук флейту и, променяв благозвучие музыкальной песни на духовное сладкопение, пошел за Пафнутием в пустыню. Три года подвизался он, проводя жизнь в пении псалмов и молитве, и почил о Господе.

После новых подвигов Пафнутий услышал голос, что он подобен старшине одного селения. Сей старшина тридцатый год, как разлучился с своею женою, прожив с нею только три года и прижив от нее трех сыновей. Никогда он не оставлял страннолюбия, не отпускал странников с пустыми руками; бедным и удрученным подавал утешение, был нелицеприятен на суде, не восхищал себе чужого, старался примирять враждующих. Во всю жизнь никого не осуждал и не огорчал, воспитывал детей в страхе Божиим. Пафнутий его привлек к иноческой жизни.

После ему ещё указан был муж совершенный в добродетели – это был купец Александрийский. Все свои прибытки от торговли он раздавал бедным и монахам. Что же,

сказал ему Пафнутий, ты не примешь нашего имени? Доколе ты будешь заниматься земною торговлею и не примешься за небесную куплю? Я давно этого желаю, отвечал купец, – и нисколько не отлагая, он отдал сыновьям имение и сам удалился в гору, где скоро и преставился. Немного спустя после него перешел к вечной жизни и Пафнутий<sup>230</sup>.

В сих же пределах был монастырь Исидора, имевший тысячу иноков. Он был окружен большою каменною стеною. Никто из монахов не выходил за ворота монастырские, и в него пускали только тех, которые желали оставаться в монастыре до самой смерти. Внутри монастыря были и колодцы и сады и все нужное для жизни. Два только старца, заведовавшие всеми делами братии, выходили за ворота и приносили, если что нужно было для обители. При вратах был приставлен старец, который принимал и угощал странников в небольшой гостинице и, поутру преподав благословение, отпускал с миром. Привратник говорил Руфину, что живущие в обители так святы, что почти все могут совершать знамения<sup>231</sup>.

Обители иноческие в Арсиноэ современны были Великому Антонию. Сохранилось послание Антония Великого к Арсинойским монахам, которое так назидательно, что мы решаемся привести его вполне.

«Антоний возлюбленным детям своим, живущим в Арсинойских монастырях, и всем, кои обратились к Богу всем сердцем своим, желает спасения от Господа.

Дети мои, вы истинные Израильтяне. Благодать, действующая в вас, показывает вам путь к вечному блаженству. Но для получения сего блаженства вы должны непрестанно противиться силе греха, уменьшать и истреблять в себе оную, должны уготовлять себя в жертву чистую и святую Богу, чтобы соделаться достойными милосердия Божия, коим посетил вас Восток свыше (Лк. 1, 78). Духовная природа наша с высо ты славы и достоинства своего ниспала в бездну бесславия и унижения: но милосердый Бог посетил её благостью Своею, дав нам спасительные законы посредством раба своего Моисея и прочих пророков. Особенным и яснейшим образом Бог открыл нам благость Свою в Единородном Сыне Своем, которого Он послал к нам на землю. Сей вечный Сын Божий есть истинный Первосвященник, истинный Врач, который может исцелить все болезни наши. Он облекся в тело наше и за грехи наши предал себя в жертву Богу. Наша немощь была причиною того, что Он принял на Себя образ немощи; наша нищета побудила Его облечься в образ нищеты; наша мертвенность подвергла Его поносной смерти. Он претерпел за нас жестокие мучения, и Его смерть оживила нас. Итак, мы всеми силами должны стараться, чтобы все святые радовались о нас на небе, да и сеяй вкупе радуется, и жнй (Ин. 4, 36). Когда мы бываем безпечны, святые печалятся о нас и воссылают к Богу молитвы о спасении нашем.

Дети мои, я нахожусь в великом безпокойстве по причине вас. Я знаю, что и святые на небе принимают великое участие в вас. Они непрестанно со слезами воссылают молитвы к Богу, чтобы Он укрепил вас в подвигах благочестия. Итак, старайтесь

подражать их земной жизни. Святые видели, что в непостижимом воплощении Сына Божия Бог открыл безконечное милосердие Свое к человечеству, видели все труды, которые подъял Сын Божий для спасения нашего, знали также и все усилия и коварства духовного врага нашего, которые он употребляет к гибели нашей, и потому непрестанною молитвою, бдением и постоянным исполнением заповедей Божиих старались сделаться достойными любви Божией. И вас прошу я, возлюбленные дети мои, рассуждайте о великих благодеяниях, дарованных нам Спасителем нашим. По причине склонности нашей ко греху и согласия нашего с волею врага Божия, отца лжи, мы из существ разумных сделались неразумными; но благодать Божия воз- ставила нас от падения нашего и открыла нам источник мудрости в Духе Божием.

Дети мои, вы должны знать, что злые духи многочисленными и многообразными способами стараются совратить нас с пути добродетели. Но если они видят, что мы уже знаем опасность, проистекающую от греха, не позволяем господствовать над собою страстям своим, предостерегаем себя от тех порочных дел, к которым они стараются привлечь нас, и вообще отвергаем все их губительные внушения; то оставляют нас и не осмеливаются более приступать к нам. Злые духи знают, что когда Бог попускает им искушать преданного Ему человека, чрез то уготовляет им большое наказание. Они уже уверены, что их мучение неизбежно, что их отпадение от Бога и вражда против Него необходимо соделали их наследниками ада. Возлюбленные дети мои, я и днем и ночью молю о вас Господа, чтобы он отверз очи сердца вашего, чтобы вы могли видеть все коварства злых духов и всю их ненависть к вам, чтобы укрепил сердце ваше в духовном бдении, дал вам дух мудрости и научил вас приносить себя Ему в жертву живую, чистую и святую и во всякое время предохранять себя от обольщения и губительных внушений злых духов. Они различным образом стараются привлечь нас ко греху. Они скрывают как ненависть свою к нам, так и враждебные действия против нас, внушают нам богохульные мысли, побуждают сомневаться в истинах веры, чтобы привести

нас к неверию, потемняют разум наш, рождают в сердце нашем порочные желания, повергают нас в уныние и отчаяние, возбуждают в нас гнев, рождают и укрепляют в нас склонность осуждать других, но всегда оправдывать самих себя, научают нас злословить ближних наших, ласково и дружелюбно говорить с теми, к коим мы, по их же внушению, питаем сильную ненависть, показывают нам внешние недостатки ближнего, но скрывают от нас внутреннее наше развращение, производят между нами распри и несогласия, когда мы, по их внушению, почитаем себя лучше других. Сверх сего они побуждают нас предпринимать такие дела, которые превышают наши силы, и отклоняют нас от исполнения того, что для нас и полезно и нужно. Когда мы должны плакать, они побуждают нас смеяться; когда мы должны радоваться, они производят в сердце нашем печаль. Словом, они всегда стараются совратить нас с пути правды и покорить своей власти. Много потребно времени, чтобы исчислить все пороки и все грехи, к которым они стараются привлечь нас; скажу только, что если мы и немного попустим им возобладать над нами, то семя зла, которое они посеют в сердце нашем, укоренится, возрастет и умножится, и мы соделаемся добычею их и приуготовим себе страшное наказание. Итак, мы должны непрестанно прибегать с молитвою к благодати небесного Отца нашего, чтобы Он укрепил нас Своею силою и Своею Божественною помощью содействовал нам во всех наших делах. Ибо злые духи все силы свои употребляют к тому, чтобы погубить нас.

Дети мои, человек, который, видя в себе некоторые совершенства, гордится ими и старается оправдать себя делами своими, далек от Бога. Тщеславие, самонадеянность и самодовольство соделывают человека жилищем духа злобы, который и наполняет его душу порочными мыслями и желаниями и употребляет тело его в орудие греха. Страсти господствуют над гордым человеком, потому что он не отдалил от себя смирением духов злобы, которые возбуждают страсти. Итак, мы должны приобретать познание о враждебных действиях злых духов против нас и при помощи Божией отклонять или уничтожать оные. Искушения, истекающие от

оных духов, тем опаснее для нас, что духи невидимы и действуют не телесным, но духовным образом. Мы не можем видеть их, как видим тело наше, но они видят нас. Когда они всевают в душу нашу богопротивные мысли, то чрез то как бы вселяются в нас и делаются видимыми в теле нашем. Дети мои, не давайте им места в себе и не позволяйте им приступать к вам, чтобы не навлечь гнева Божия на себя и не подать им случая к радости и осмеянию вас. Будьте внимательны к наставлениям моим. Злые духи знают, что взаимное наставление подкрепляет верующих в борьбе с ними. Но искушения от злых духов неизбежны. Ибо мы до совершенного отрешения от тела не можем быть совершенно свободны от склонности ко греху. При том, когда злые духи хотят обольстить нас, мы не можем видеть их перед собою, как видим человека, стоящего пред нами, и потому не можем удаляться от них. Злые духи видимы бывают только в наших грехах. Они существа духовные, но существа, удалившиеся от Бога и получившие различные имена, сообразно беззаконным свойствам и делам их. Имена сии суть следующие: сатана, дьявол, веельзевул, князь власти воздушной, и прочие подобные сим. Но имена небесных Сил следующие: Архангелы, Престолы, Господства, Власти, Херувимы, Серафимы и проч. Имена сии даны сим последним за постоянное и верное исполнение воли Творца их. Подобным образом и люди, которые, телом живя на земле, духом жили на небе, известны под именем Патриархов, Царей, Священников, Судей и Апостолов. Имена сии даны людям за их благочестивые дела и исполнение заповедей Божиих. Но все сии святые люди произошли от одного и того же Адама и имели такое же тело и душу по сущности своей, какие имеем и мы.

Дети мои, все люди произошли от одного начала, и потому кто грешит против ближнего своего, тот грешит против самого себя, кто делает зло ближнему своему, тот делает зло душе своей. Сколько бы велики ни были грехи беззаконного человека, они нимало не нарушают блаженства Божия. Они всегда делают несчастным человека. Также сколь бы велики ни были добродетели человека, они нимало не увеличивают блаженства Божия. Да и могут ли быть столь велики добродетели человека,

чтобы он прославлял ими Бога, соответственно бесконечному Его величию, чтобы приносил Ему почтение и служение, достойное Его святости и благости? Бренность тела нашего препятствует нам служить Богу достойным Его образом. Итак, мы должны все силы свои употреблять к тому, чтобы добрыми делами и любовью друг к другу умножать в себе благодать Божию. Мы не должны любить только самих себя, чтобы не сделаться добычею врага. Мы должны, прежде всего, стараться познать самих себя. Кто имеет правильное познание о самом себе, тот имеет правильное познание и о тварях, которые Бог произвел из ничего; тот знает также и достоинства умного и бессмертного духа человеческого, заключенного на время в бренное тело, дабы в нем усовершенствовать себя в добродетели. Кто ж знает сие, тот знает, что должно любить Бога, а кто любит Бога, тот любит всех. Возлюбленные дети мои, любите друг друга искренно. Тело, в которое вы облечены, соделывайте жертвенником, возлагайте на сей жертвенник все нечистые мысли и, возвысив сердце и ум свои к Богу, просите Его, чтобы Он ниспослал вам свыше свой невестественный огонь и пожег оным все положенное вами на жертвеннике тела вашего. Тогда священники Бааловы побегут от лица вашего, как побегли они некогда от пророка Ильи. Тогда отверзется для вас и небесный Божественный источник, из которого прольется на вас духовный дождь – благодать Утешителя Духа. Когда же вы получите Божественные дары Духа, то не думайте, что приобрели оные собственными своими делами: ибо небесные Силы всегда вспомоществуют вам в ваших благочестивых подвигах.

Дети мои, я прошу вас, не ослабевайте в трудах спасения вашего, чтобы и святые на небе и я, недостойный раб Божий, радовался о вас; ибо и вы, и я, и святые произошли от одного и того же Адама и сотворены одним и тем же Виновником всех тварей. Кто знает самого себя, тот знает, что душа человеческая бессмертна, что Господь наш Иисус Христос есть истинный образ Бога Отца, что по подобию сего вечного образа Божия сотворены все духовные разумные существа. поскольку Иисус Христос есть глава тела, глава церкви, как говорит Апостол Павел (Кол. 1, 12), то все мы порознь члены и все вместе

составляем одно тело во Иисусе Христе. Не может, говорит тот же Апостол, око рещи руце: не тебе ми еси: или паки глава ногам: не тебе ми есте. Аще страждет един уд, с ним страждут вси уди: аще ли славится один уд, с ним радуются вси уди (1Кор. 12, 21. 26). Посему мы, как члены одного тела, должны друг друга любить. Но кто любит брата своего, тот любит и Бога (1Ин. 4, 21), а кто любит Бога, тот любит самого себя.

Дети мои, Бог одарил нас свободною волею; посему Он и попускает злым духам искушать нас, чтобы мы сами могли отражать и побеждать их. Но вы должны помнить, что в Псалме (33, 8) написано: ополчится Ангел Господень окрест боящихся Его и избавит их. Если же человек не боится Бога и не хочет исполнять закона Божия, то злые духи весьма легко покоряют его власти своей, и он, по словам Писания, делается сыном дьявола. Дьявол, будучи низвергнут с неба в ад за гордость свою, всегда ищет погибели тех, кои пребывают верными Господу своему, и старается погубить их таким же образом, как сам погиб, то есть гордостью и славолубием. Злые духи знают, что кто любит брата своего, тот любит и Бога. Посему они возбуждают в сердцах людей взаимную ненависть друг ко другу, так что человек иногда не может терпеть и присутствия другого человека и не может сказать ему ни одного слова.

Дети мои, сказываю вам, что из людей, посвятивших себя служению Богу, были многие, которые уже далеко прошли на пути духовного совершенства, но по своему неблагоразумию пали и погибли. Это не должно быть для вас удивительным, потому что если и вы возгордитесь и будете думать, что добродетели и святость ваша уже великую цену имеют пред Богом, если вы по самопрельщению будете ослабевать в исполнении добрых дел; то впадете в дьявольскую болезнь – в гордость и забвение самих себя; вы будете думать, что вы близки к Богу и находитесь во свете Его, между тем как вы будете находиться во мраке греховном. Дети мои, что как не смирение побудило Господа нашего Иисуса Христа встать с вечери, снять с Себя верхнюю одежду, взять полотенце и препоясаться им, влить воду в умывальницу и умыть ноги ученикам Своим? Смирение есть добродетель, необходимая



для всякого, желающего приблизиться к Богу. Ибо гордость первая породила грех. Она низвергла дьявола с неба и изгнала Адама из рая. Если человек не возлюбит смирения всем сердцем, всеми мыслями, всем духом и всею душою, если не будет выражать смирения во всех делах своих, не наследует Царствия Небесного.

Возлюбленные дети мои, я и днем и ночью молю Творца моего, чтобы Он просветил очи сердца вашего, чтобы познали мою любовь к вам и уверились в необходимости святой жизни ко спасению. Кто имеет правильное познание о самом себе и чувствует нужду в исправлении и усовершенствии себя, тот стремится к приобретению небесной славы. Кто знает свою греховную мертвенность, тот стремится к жизни вечной. Дети мои, я опасаюсь, чтобы на пути к небесным сокровищам не ослабили вас труды покаяния и не истребили в вас надежды к достижению вечных благ. Я желал бы видеть вас и здесь на земле в брэнном теле моем, но я уже ожидаю переселения в те блаженные обители, где нет ни печали, ни стенания, но где все святые непрестанно радуются. Там я надеюсь видеть вас. Ещё о многом хотел бы написать вам, возлюбленные дети мои; но время уже окончить письмо мое и пожелать всем вам спасения от Господа нашего Иисуса Христа. Ему должно быть приносимо славословие во веки веков. Аминь».

Из сего послания видно, что Арсинойские монахи пользовались наставлениями отца иночествующих и его любовью; что может служить свидетельством о цветущем состоянии сих обителей.

Во время посещения Египта Руфином и Палладием в пределах Арсиноэ было много монастырей и до десяти тысяч иноков. Начальником их был благочестивый муж Серапион. Он чрез братию собирал множество хозяйственных припасов; потому что, нанимаясь жать, иноки, которым за труды платили плодами земли, приносили все к нему. Все это он употреблял на вспомоществование бедным, так что никто из окрестных жителей не терпел нужды; хлеб отсылаем был даже бедным в Александрию<sup>233</sup>.

Около Мемфиса и Вавилона, или старого Каира, Руфин видел также бесчисленное множество монахов, украшенных различными добродетелями и дарованиями духовными.

Часто в Трою Вавилонскую и в Теренуф (ныне же Теранне) удалялись после нападения Мазиков на Скит подвижники этой пустыни. Теперь на месте старого Каира, или малого Вавилона, есть два Христианских храма, очень древние. В первом главная церковь в память Успения Богоматери, а другая св. Сергия. Чрез подъемную дверь, сделанную в полу церкви, входят в подземную церковь, образованную сводом пещеры, который поддержан девятью колоннами грубой работы. В это сумрачное святилище стекаются с особенным благоговением христиане, по верованию, что эта пещера служила несколько времени убежищем Пресвятой Богородицы с младенцем Иисусом во время их пребывания в Египте. Над скромным алтарем есть образ, изображающий бегство святого семейства в Египет. Алтарь устроен в нише, который называют колыбелью Божественного младенца: предание прибавляет, что святое уединение Богоматери вскоре привлекло к ней благочестивых еврейских жен, которые впоследствии в память Пресвятой Девы основали здесь женский монастырь с церковью во имя Богоматери. Развалины этой церкви видны ещё и доныне. Женский монастырь существовал ещё в начале прошедшего столетия. В греческом монастыре, довольно огромном, главная церковь посвящена Великомуученику Георгию.

## Александрия и ее окрестности

Первые отшельники в Александрии, как видно из жизни Антония Великого, жили задолго до него. Среди них начал свою отшельническую подвижническую жизнь Антоний. Но число их тогда было ещё невелико. Когда Великий Антоний из глубины своей пустыни просиял своими добродетелями и дарами благодати, иночество развилось и усилилось и здесь, как в других местах Египта. Св. Афанасий Великий, сам проходивший подвижническую жизнь до своего Епископства, был покровителем и распространителем иночества. Двое друзей Афанасия, Драконтий Ермопольский и Серапион Тмуитский, были добрыми настоятелями великого числа иноков. Палладий в конце IV-го века, проживший три года в монастырях около Александрии, пишет, что он видел здесь до двух тысяч великих, весьма ревностных и доблестных мужей, украшенных всякою добродетелью.

Весь нижний Египет, начиная с Западного края – Канопы и до самого восточного – Пелузии, был наполнен обителями иноков.

## Каноп

Город Каноп, лежавший на крайнем мысе залива Канопского, на западном берегу рукава Нила, до времен Феодосия славный языческими храмами, со времен сего Императора по разрушении капищ сделался приютом иноков<sup>234</sup>. Один из самых знаменитых храмов Канопы отдан был инокам Тавеннским, следовавшим уставу Преподобного Пахомия, и назывался Метания, может быть в означение того, что это бывшее гнездо разврата и нечистоты во времена язычества сделалось приютом иноков, которые строгими подвигами своими приносили жертву правды Богу. Блаженный Иероним сделал перевод устава Пахомиева для Латинян, которые приняли иночество в Канопе. Здесь в окрестных местах жили строгие подвижники; почва земли была песчаная, где почти ничего не могло родиться, кое-где росла грубая трава.

Хижины иноков поделаны были из древесных ветвей; таковы же были и храмы, где собирались; совершенное нестяжание и послушание господствовали между ними<sup>235</sup>.

## Панефис

Панефис был прежде одною из плодороднейших стран Египта. Но вследствие землетрясения море разорвало берега свои, разлилось по всем селениям и плодоносную страну обратило в болото<sup>236</sup>. Небольшие селения<sup>237</sup>, оставшиеся на высоких местах подобно островам, по причине соленой воды и вредных испарений были оставлены жителями. Эти места, не имеющие удобств для жизни, избраны были отшельниками, искавшими прискорбной жизни для подвигов покаяния. В сей области, когда посещали её Кассиан и Герман, был Епископом Архебий. Тридцать лет до своего Епископства провел он отшельником в сей пустыни, сияя между иноками святостью жизни. Поставленный в Епископа, он сохранил любовь к уединению. Он жил в пустынной келлии, как инок, не оставляя управления монастырем, в котором он был настоятелем. Возвышение на степень, можно сказать, усугубило в нем чувство смирения. Он думал, что его поставили Епископом не потому, что считали достойным сего сана, но что его, как недостойного, лишили уединенной жизни. И он плакал, что, проживши 30 лет в пустыни, не мог достигнуть чистоты, какой требует сие святое звание. Предлагая Кассиану с Германом посетить отшельников, с чувством глубокого смирения сказал: «Я поведу вас к пустынникам. Они научат вас тому, чему не могу я научить. Они наставят вас на путь благочестия, о котором у меня осталось только воспоминание и вседневная печаль о потере его. Они более примером и делами, чем словами научат вас пути спасения. А я, бедный, могу указать вам только, где найти многоценный бисер Евангельский, которого я не имею и которого вы ищете».

Первый пустынный, которого посетили они, был Херемон – столетний уже старец. Глубокая старость и постоянные наклоны в молитве так сгорбили его спину, что он мог ходить только как младенец, подпираясь руками. Все было в нем немощно, кроме ума. Первые годы своей жизни он провел в Скиту. Несмотря на то, что все тело его высохло, он не

переставал соблюдать строгость прежнего своего воздержания. Несмотря на то, что Херемон состарился в подвигах, он так был смирен, что считал себя неспособным давать наставления. Когда Кассиан стал просить у него наставления, Херемон сказал: «Что могу я сказать вам, чада мои, когда старость, препятствующая мне соблюдать обычную строгость нашей жизни, в то же время отнимает у меня дерзновение говорить об ней другим? Как дерзну я учить тому, что не исполняю сам? Могу ли я побудить кого быть мужественным и пламенным в подвигах, когда сам так слаб и ленив? Посему-то я никогда не решился позволять жить подле меня юным подвижникам, чтобы пример моего расслабления не ослабил ревности и строгости других. Ибо слово без дел не поучительно». Но, убежденный смиренною просьбою странников, Херемон предложил им наставление о совершенстве. Он поставляет сие совершенство в сыновней любви к Богу, по которой мы любим Его ради Его Самого, подобно тому, как сын любит отца и по любви к нему боится огорчить его. Первою ступенью к сему совершенству, по словам Херемона, служит чувство страха адских мучений. Страшась вечных мучений, человек удерживается от греха. Это страх рабский; второю ступенью служит желание благ вечных. Переставая быть рабом, человек становится наемником потому, что ожидает награды. Потом уже переходит к той сыновней любви, которая с полною доверенностью ожидает всего от благости своего отца. Находящийся на первых ступенях нередко по расслаблению духа или увлекаемый удовольствиями мира теряет из виду высшую цель. Но достигшего третьей ступени никакие обольщения чувств, никакие сокровенные помыслы не отвлекут от любви к Богу. Воин, как бы ни был храбр и силен, но пока сражается, не может быть безопасен от ран. Но тот, кто уже выше нападения греха, остается неуязвленным под сенью любви Божией.

Авва Херемон беседовал с Кассианом о чистоте. Средствами к приобретению сей добродетели он поставил: 1) то, чтобы желаниям земным и привязанностям низким противопоставлять желания чистые и привязанности святыя. Изгоним, говорил он, из сердца желания плотские и утвердим на

место их привязанности духовные, дабы ум наш, будучи наполнен ими, с презрением отвергал приманки худых удовольствий ради удовольствия святого и позволенного; 2) Терпение. Ибо чем более человек усовершенствует себя в кротости и внутреннем терпении, тем более успевает он в чистоте и делается тверже в сей добродетели по той мере, как удаляется от страха раздражения. Только постоянным самоумерщвлением, заботливым отвлечением ума и сердца от предметов земных, кротостью и терпением и особенно искренним убеждением в том, что без помощи Божией мы никогда не сохраним сей великой добродетели, мы можем при помощи Божией возвыситься до такой степени, чтобы питать отвращение к нечистым наслаждениям и полагать свою радость в жизни чистой Ангельской.

Старец Херемон окончил многотрудную жизнь свою без болезни и мучений. Сидя на своем седалище с работою в руках, он предал дух свой Богу<sup>238</sup>.

Другой инок, которого посетили Кассиан с Германом, был Нистерой. Он был другом Великого Антония и за свои великие подвиги в добродетели и глубокое знание Св. Писания получил название Великого. Но тем не менее старался избегать всякого повода к тщеславию. Идя с братом в пустыню, он, увидев крокодила, побежал от него. И ты, отец, боишься? – спросил его брат. Нет, сын! – отвечал Нистерой, – я не боюсь, но польза требовала, чтобы я бежал, иначе мне не убежать бы от духа тщеславия. По таковому духу смирения он подвиги отшельников не ставил выше добродетели людей мирских. Один брат спросил его: какое бы доброе дело делать мне? Нистерой отвечал: «Не все ли дела равны? Авраам был страннолюбив, и Бог был с ним; Илья любил безмолвие, и Бог был с ним; Давид был кроток, и Бог был с ним. Итак, смотри: чего желает по Богу душа твоя, то и делай и блюди сердце твое». Нистерой, отличаясь подвигами отшельничества, старался о стяжании и других добродетелей. Один брат спросил его: если нищий попросит у тебя одежды, какую ты ему дашь? Лучшую, – сказал старец. А если он попросит у тебя другой? – Отдам половину другой. – Если ещё попросит? – Раздеру остальное, дам ему

половину, из другой сделаю себе опоясание. – Если кто попросит и опоясание? – Отдам, а сам буду дожидаться, пока Бог пошлет мне одежду, а у другого не попрошу.

В беседе с Кассианом о деятельности и созерцании первым путем к истинному ведению Нистерой поставляет безмолвие. Научись тому, чего сам не изведal. Приобретая духовные познания, нужно приводить их в исполнение, иначе родится пагубное самомнение. Смирение должно быть положено в основание просвещения. Очевидный признак ума холодного и гордого, если он отвращается истин спасения, потому что они часто повторяются. Душа благочестивая с жадностью принимает всякое слово, как бы часто оно ни повторялось. Открывать приобретенные ученьем или опытом истины нужно только душам кающимся, чтобы не была поругана истина, и не из тщеславия<sup>239</sup>.

В шести милях от Нистероя жил Авва Иосиф. Он происходил из знатной Египетской фамилии и считался первым в своем городе Фуивис. Он знал язык Греческий так, что свободно на нем беседовал. Но, презирая земную славу, он ещё в юности удалился в один монастырь, находившийся под управлением Антония Великого. Там как собственным учением, так особенно из наставлений старцев приобрел он глубокое познание Св. Писания. Потом он удалился в уединение. Там около него собралось несколько учеников. Он требовал от них непрекословного повиновения. Чтобы приучить их повиноваться без всякого рассуждения, он давал им иногда странные приказания. Так, одному из своих учеников он приказал в пятницу влезть на смоковницу и есть плоды. Так как это был день поста, то ученик не исполнил приказания Аввы и спросил его, зачем он дает такое приказание. Отцы, отвечал Иосиф, тогда только начинают руководить юных, когда увидят, что они во всем послушны. Обращая внимание на внутреннее состояние учеников, он так мало хотел знать внешние обстоятельства, что не знал имени ученика, который жил у него уже два года.

Однажды его спросили, как принимать приходящих. Должно ли беседовать с ними свободно? – В рубище ли ты одет или в



обыкновенную одежду, ты все тот же; так мы не изменимся, если будем принимать с радушием странников. А когда остаемся одни, будем плакать и плакать постоянно.

Один брат спросил Иосифа, как мне сделаться монахом? Иосиф отвечал: если хочешь найти покой, то говори себе при всяком деле: кто я? и не осуждай никого. Один брат спросил Иосифа: что мне делать? я не могу ни переносить оскорблений, ни работать, ни подавать милостыню. Старец отвечал ему: если все это тебе не по силам, по крайней мере храни совесть свою от всякого зла в отношении к ближним. Так он снисходил к немощным, но когда видел кого-либо ревностным, то побуждал ещё более стремиться к совершенству. Авва Лот, будучи у Иосифа, сказал ему: я по силам исполняю свое малое правило, соблюдая небольшой мой пост, молюсь, размышляю и безмолвствую, и по силе очищаю мои помыслы. Что ещё остается мне делать? Старец встал, простер руки свои к небу, и сделались персты его, как десять огненных светильников. Тогда он сделались персты его, как десять огненных светильников. Тогда он сказал Авве Лоту: если хочешь, будь весь, как огонь. Так его советы всегда были приспособлены к внутреннему состоянию людей, которые просили их у него. Так, Авва Пимен спросил Иосифа: «Что мне делать, когда ко мне приступают страсти, противиться им или дозволить войти? «Иосиф отвечал: дозволь им войти и потом борись с ними. Когда спросил Иосифа другой брат о том же предмете, он сказал ему: не позволяя входить страстям, но тотчас же отсекай. Отчего, – спросил Пимен Иосифа, – ты мне дал одно наставление, а другому брату совершенно иное? Когда войдут в тебя страсти сказал Иосиф, и ты дашь им место и потом будешь бороться с ними, то чрез это делаешься искуснее. Но есть люди, для которых полезно, чтобы и не приступали к ним страсти; таким нужно отсекаать их. Строгий подвижник, Иосиф любил скрывать свои добродетели. Евлогий – пресвитер Александрийский, строгий постник, так что часто по неделе не вкушал пищи, – хотел посмотреть на образ жизни Иосифа. С несколькими учениками своими он пришел к Иосифу в монастырь, Иосиф приготовил для его угощения все, что было у него лучшего. Ученики

Евлогия сказали Иосифу, что их учитель ест только хлеб с солью, Иосиф показал вид, что не слышит этого, и ел все предложенное. Три дня провели гости в монастыре, и ученики Евлогия не видали, чтобы ученики Иосифа пели псалмы или молились. Они тайно совершали свое правило. Не получив назидания, Евлогий возвращался домой. Но Бог, видя втайне, благоволил сделать явным сокровенное подвижничество. Сильный туман совершенно скрыл дорогу, и Евлогий возвратился в монастырь. У ворот монастыря он услышал пение псалмов. Долго оно продолжалось. Когда кончилось пение, Евлогий постучался и был принят, с прежнюю любовью. Евлогий утомился, и ученики предложили ему воды, но она оказалась соленою так, что Евлогий не мог пить. Отчего это, отче, – спросил Евлогий Иосифа, – при нас вы не пели псалмов, а без нас поете, и вода нам подавалась свежая, а теперь мы находим соленую? Брат, вероятно, по ошибке подал воду, – отвечал Иосиф. Но Евлогий хотел прямого ответа, и Иосиф тогда сказал: научись, брат, что лучше скрывать свои подвиги, чем выставлять их на вид.

С Кассианом Иосиф беседовал о христианской дружбе. Основание дружбы полагает Иосиф в сходстве добрых нравов и стремлении к добродетели. Она бывает возможна только тогда, когда души друзей не имеют привязанности ни к чему в мире, отреклись от своей воли, умеют любви и миру жертвовать всем, что считают полезным и необходимым, и твердо помнят, что им нужно умереть прежде, нежели кончится их дружба.

Одобряя христианскую дружбу, Иосиф более всего предостерегает от вражды и гнева. Средством к избежанию вражды и гнева он поставляет – не привязываться к своим мыслям предпочтительно пред мыслями других. Люди самые умные могут ошибаться в своих суждениях и потому должны верить свои мысли мыслями других. Мало того, чтобы в молчании сносить противоречия и обиды, нужно, чтобы при этом и в глубине сердца оставался мир.

Сам Иосиф, скончавшийся уже в глубокой старости, достиг такого бесстрастия, что мог уже пред другими исповедать, что он воцарился над страстями<sup>240</sup>.

## Диолк

Невдалеке от пустыни Панефис, близ одного из семи рукавов Нила, было небольшое селение Диолк. Здесь обитало множество пустынников. Одни из них жили в монастырях по уставу общежительному; другие, усовершенствовавсь в подвигах иночества общежительного, удалялись для совершеннейшей жизни в уединение и там проводили жизнь более небесную, чем земную.

Пустыня Диолк была как бы остров, окруженный с одной стороны Нилом, с другой Парфенейским морем. Грунт земли был песчаный и бесплодный. Свежую воду нужно было привозить верст за десять путем трудным и гористым; только подвижники, ради спасения души готовые на все лишения, могли решиться обитать здесь. Старший и знаменитый из пустынников, здесь обитавших, саном пресвитер и настоятель иноков был Пиаммон. Кассиан сравнивает его с городом, который не может укрыться, стоя вверху горы. Он рассказывает один поступок, свидетельствующий о скромности и смирении сего подвижника. Один брат принес ему гроздь винограду и вино. Пиаммон, 25 лет не бравший в рот вина, предпочел лучше нарушить свое воздержание, нежели дать знать о своем подвижничестве, и выпил принесенное вино. Руфин говорит об нем, что он был удивительный пресвитер, которого смирение и доброта были чрезвычайны, и что Дух Святой открывал ему тайны сердец. Во время гонения Арианского, когда многие пустынножители Египта осуждены были на рудокопные работы в Понте и Армении, Пиаммон посылаем был от верующих Египта с милостынею к ним<sup>241</sup>.

Пиаммон беседовал с Кассианом о различных видах иноческой жизни. Первый вид иноческой жизни представляют киновиты, живущие в монастырях под руководством настоятеля, второй вид представляют отшельники, удаляющиеся в пустыню по пламенному желанию усовершенствовать себя в добродетели. Начало жизни киновитской Пиаммон находит в Церкви Апостольской, в Иерусалиме.

Расслабление, мало-помалу проникшее в совершенное состояние иночества, породило ложный вид иночества, который Египтяне называют Сарабаитами. Это люди, не имея искреннего благочестия, хотят только казаться ревнителями чистоты. Не желая отречься от своей воли послушанием уставу и благочинию монастырскому, не исполняя воли старцев, они удаляются в особые кельи, и всякий принимает на себя заботы о себе самом. Потому их иночество состоит только в одежде и внешнем отречении.

Пиаммон, конечно, не осуждает тех отшельников, которые жили в пустыне; потому что они подчинены были уставу, утвержденному в пустыне, жили под надзором старцев и пресвитера своей церкви, вместе составляли как бы общее собрание и соблюдали крайнюю нищету. Не осуждает он и тех отшельников, которые, после многих подвигов общежития, удалялись в уединение, чтобы жить в большем безмолвии и одним пребывать с единым Богом. Опаснее всего для юных пустынников следовать своей воле и своему рассуждению. С глубоким смирением нужно исполнять наставления старцев. Нужды нет, что иногда непонятною кажется причина их поведения или правил. Тот, кто без рассуждения следует воле и примеру старцев, находит просвещение в самом опыте и исполнении добродетелей.

Постоянный и истинный мир души, говорил Пиаммон, приобретается и сохраняется только глубоким смирением. Для этого нет нужды в отдельной келье или уединении пустыни; ибо он не имеет нужды в помощи и поддержке чем-либо внешним, когда изнутри поддерживается добродетелью смирения, которая производит и сохраняет его. Если мы подвергаемся смущению, когда нападают на нас, очевидно, что основания смирения не утвердились в нашем сердце, и малейшего волнения достаточно, чтобы потрясти все здание нашей души. Невелико терпение быть покойным, когда нет нападений. Но истинное терпение является тогда, когда среди сильных искушений сохраняется мир души. Чем более по-видимому он уступает злу, тем более укрепляется и возвышается, и что по-видимому должно ослабить его, то удваивает его силу<sup>242</sup>.

Невдалеке от Диолка был ещё монастырь Павла, в котором жило 200 иноков, высоких по добродетелям, проводивших жизнь общежительную. В числе сих иноков Кассиан указывает Иоанна, полного глубокого смирения, который затем и удалился в сей монастырь, чтобы жить в совершенном отречении от самого себя и всецелой зависимости от других. Первые тридцать лет после своего удаления от мира он провел в монастыре; потом с позволения своего Аввы удалился в пустыню, где провел двадцать лет, и потом опять возвратился в монастырь<sup>243</sup>. Отчего, – спросили его Герман и Кассиан, – отчего, отец, оставил ты высокую жизнь отшельника и захотел опять подчиниться правилам общежительной жизни? «Оттого, отвечал Иоанн, что почел себя неспособным к жизни отшельнической, недостойным высокого совершенства, и потому возвратился в училище юнейших. Немного испытанная мною чистота отшельнической жизни была возмущаема заботою о земных вещах, посему мне показалось лучшим возвратиться в киновию, чтобы удобнее исполнить легкое возложенное на себя дело, нежели подвергаться опасности быть неисправным в совершении высшего подвига. Ибо лучше быть исправным в низших званиях, нежели, проходя высшее звание, быть неисправным. Я испытал сладость отшельнической жизни. Если были люди, которые, усладившись безмолвием пустыни, забывали всякую связь с людьми и могли сказать с Пророком Иеремию: и дне человека не пожелах: ты веши (Иер. 17, 16), то и я по дару благодати достиг или по крайней мере трудился достигнуть сего. Помню, по благодати Господа Иисуса, часто я приходил в такое восторженное состояние, что забывал, что я облечен бременем немощной плоти. И ум мой, оставляя внешние чувства, совершенно удалялся от всего вещественного. Тогда ни глаза мои, ни уши не видели и не слышали ничего, и дух мой так исполнялся Божественными размышлениями и духовными созерцаниями, что часто повечеру не знал я, принимал ли пишу, и на другой день вовсе забывал, разрешен ли пост или нет, – разве взгляд на корзину с хлебами, данными мне на неделю, напомнит об этом. Пока мало было отшельников в пустыни, мы свободно могли

предаваться духовным созерцаниям без всяких забот. Но когда пустыня начала населяться братьями, от множества посещений и необходимо связанной с сим заботы о гостеприимстве охладел огонь Божественного созерцания, ум связался плотскими попечениями. Тогда я решился лучше оставить эту жизнь, нежели, проходя высокое звание, волноваться попечением о плотских нуждах. Если теперь нет у меня прежней свободы и духовных восторгов, то, чуждый попечения о завтрашнем дне, я утешаюсь тем, что исполняю заповедь Божию, и то, что отнимается у меня от высоты созерцательной, вознаграждается исполнением заповеди послушания. Ибо жалкое дело знать какое-либо искусство и не достигать в нем совершенства. Между тем в общежитии я имел свои удобства для спасения. Тут нет забот о дневной пище, я не разжизался продажей и куплею, не заботился о годовом запасе хлеба, чтобы приготовить необходимое не только для себя, но и для приходящих. А сколько забот встречать, угощать, провожать приходящих, выслушивать беседы часто пустые, а душе не остается покоя. Наконец, нет превозношения похвалою от людей, которая нередко уничтожает великие труды пустыни. Живя в общежитии, если я и утрачу сколько-нибудь чистоту сердца, то исполню заповедь Евангелия – не думать о завтрашнем дне, и повинаясь до конца жизни настоятелю, подражаю в некоторой степени Тому, о Ком сказано: смирил себе, послушлив быв даже до смерти (Флп. 2, 8); и могу смиренно сказать Его слово: яко снисдох, не да творю волю мою, но волю пославшаго мя Отца (Ин. 6, 38) Цель пребывающего в киновии есть та, чтобы умертвить и распять все свои желания и, по спасительной заповеди о Евангельском совершенстве, не помышлять о завтрашнем дне. Этого никто не может достигнуть кроме пребывающего в общежитии. А совершенство отшельника состоит в том, чтобы иметь ум отвлеченный от всего земного и, сколько позволяет человеческая немощь, соединиться со Христом». Редко одно и то же лицо достигает совершенства в обоих родах жизни. Но это не беспримерно – это мы видим в Моисее, в Святом Пафнутии, в двух Макариях. Сии великие пустынники, сохраняя безмолвие пустыни, вместе с сим с

полною любовью принимали всех приходящих, так что трудно решить – величие их духа более ли высказывалось в созерцательной жизни в пустыни, или в подвигах жизни киновитской.

Во всяком случае неочистившемуся от пороков послушанием монастырским опасно удаляться в пустыню. Будучи несовершенны и слабы, они преклоняются туда, куда склоняют обстоятельства. Не имея терпения, досадуют на братьев, прерывающих их занятия, и, находясь в уединении, не сносят пустоты того самого безмолвия, которого ищут; потому что не знают даже и того, для чего должно искать уединения пустыни, и думают, что существенное достоинство сей жизни состоит в том, чтобы, уклоняясь от общества братьев, убегать людей и не видеть их. Если мы уходим в уединение, не уврачевав ещё грехов, то подавляется только их действие, но не истребляется страсть. Ибо ещё кроется в нас и даже разрастается неисторгнутый корень всех грехов. Так, если посещение брата и малейшее замедление его у нас мы принимаем с ка ким-то безпокойством встревоженного сердца, это дает узнать, что в нас есть огонь нетерпения. Если, ожидая прихода брата, мы досадуем на его замедление, и ум наш возмущается заботою ожидания, – это знак, что пороки гнева и печали остаются в сердце нашем. Если кто попросит у нас книгу или какую-либо вещь, и эта просьба опечалит нас, то очевидно, что в нас есть ещё страсти скупости или сребролюбия. Если нечаянная мысль или чтение Писания приведут на память чувственные представления, и мы ощути́м себя в волнении, – это знак, что в нас не погас ещё пламень плотской похоти. Если при сравнении нашей более строгой жизни с слабою жизнью других хотя малейшее возношение коснется нашего ума, нет сомнения, что мы заражены язвою гордости. Хотя в другое время мы и не ощущаем движения сих страстей, но сии опыты должны убедить нас, что в нас нет страсти, а только действия греха. Страсти сии, если придется быть с людьми, вдруг выступая из пещеры чувств, доказывают, что они не рождаются тогда, как проторгаются, а только обнаруживают себя, быв долгое время сокрыты.

Святой инок указывает и способы врачевания себя от искушений пустынного жития – такие способы, которые с пользою могут служить всем, желающим исправлять свои недостатки. Бог, говорит он, никогда не откажется врачевать душу, если она ищет врачевства от своих немощей и если, не оставляя заботы о своем спасении, открывает ему свои тайные язвы, охотно подчиняется покаянию и если, обращаясь к Нему с своими слабостями и пороками, соделанными по неведению, заблуждению или как бы по несчастной необходимости, всего ожидает от небесного Врача, к Которому прибегает со смирением.

При готовности к исправлению, усматривая в себе какие-либо пороки, мы должны упражняться в добродетели противоположной. Так, чувствующий себя подверженным гневу должен сначала часто представлять себе обиды, потери и оскорбления, какие могли бы встретиться с ним со стороны людей, как будто бы они действительно с ним случились, и, мало-помалу приучая свой ум к сим неприятностям, пусть помыслит, с какою кротостью, терпением и смирением должен он решиться все переносить. Потом пусть обратит взор свой на все заушения и мучения, какие терпели святые и Сам Спаситель, и, признаваясь, что страдания их несравненно более его скорбей, пусть приготовит сердце свое ко всем печалям и бедствиям, какие могут случиться. Когда после сего он приметит, что при легком оскорблении возникло в душе его небольшое волнение, пусть тогда строго и неумолимо судит себя; пусть оживит в памяти своей те обиды, которыми он научал себя к терпению. И, вспоминая о сем, пусть с упреком спрашивает себя: я ли это так слаб и ленив? Я ли это, который в тишине моего уединения обещался мужественно терпеть все скорби? Куда же делось это непобедимое терпение, когда я не мог перенести и легкой насмешки? Каким образом душа моя, по-видимому столь решительная и столь хорошо приготовленная к борьбе, положила оружие при малейшем приближении врага или тени его? Полезно будет после сего беспорядочного движения духа нанести наказание телу. Пусть отшельник укрощает его более строгим постом,



продолжительными бдениями и сими подвигами в уединении пустыни восполнит то, что должен был очистить, когда жил ещё в монастыре. Наконец, пусть твердо помнит, что закон Божий не только запрещает мстить за обиды, но и вспоминать об них и никак не гневаться за оскорбление.

Но в случае возникновения нечистых плотских представлений безопаснее тотчас изгонять из ума нечистые образы и всем сердцем отрицаться от них. Ибо может быть вред для души, если мы будем оставаться на таких представлениях, хотя бы под предлогом борьбы.

Таким образом, в совете опытного старца можем усмотреть мы следующие средства к очищению наших пороков: 1) прибегать к Богу с искренним сердцем и справедливым упованием на Его безконечную благодать. И Он, видя наше желание исправиться, поможет нам Своею благодатью; 2) сознавать наши грехи, не ослабевая и не впадая в уныние; 3) возбуждать себя к исполнению добродетели, противоположной нашим слабостям, и противиться порокам; 4) внимательно бдеть над собою, и если мы погрешаем, требовать у самих себя отчета, упрекать себя в слабости и наказывать свою леность подвигами телесного покаяния по наставлениям мудрого руководителя. Поступая так, можно скоро успеть в исправлении своих немощей и утвердиться в противоположных им добродетелях<sup>244</sup>.

Вблизи Диолка в пустыни обитали старцы Макет и Авраам. Ненавидя пустые беседы, Макет испросил себе у Бога дар засыпать тогда, когда начнутся пустые разговоры, и не знать сна во время бесед духовных. Демон, говорил он, ненавидит духовные беседы. Но он чужд был порока осуждения других. Некогда он осуждал братьев за то, что они прибегают к врачам во время болезни, покрываются одеялом и благословляют елей для мирян. Но, по устроению Промысла, подвергнувшись и сам всему этому, научился не осуждать ни в чем.

Авраам, прозванный младенцем за свою простоту и незлобие, строгий подвижник пустыни, был украшен даром чудотворения. Как он понимал обязанности инока, показывает его беседа с Кассианом.

Для инока мало, говорил он, однажды в начале своего обращения отречься от всех вещей, если не будет тверд в сем расположении. До последней минуты нашей жизни мы должны говорить с пророком: дне человека не возжелал: ты веши (Иер. 17, 16), и Спаситель в Евангелии заповедует желающим последовать Ему постоянно нести крест Свой. Вот почему для желающего приобрести чистоту сердца весьма важно выбрать такое место, которое бы не искушало его желанием выходить из своей кельи, дабы прекрасные виды природы не развлекали сосредоточенности его мыслей, не совратили прямого направления его мыслей и не заставили его потерять из виду той цели, которую он всегда должен представлять себе. При всем внимании и бодрствовании нельзя избежать сего, если только не заключены будут душа и тело в стенах кельи, дабы инок, наслаждаясь неземным покоем, упражняясь в рукоделии, мог бдеть над своим сердцем, отвергать худые помыслы и питать добрые. Постоянно пребывающий на сей страже помыслов исполняет сказанное пророком Аввакумом: на страже моей стану и взыду на камень и посмотрю еже видити, что возглаголет ко мне и что отвещаю на обличение мое (2, 1). Правда, это трудно, как свидетельствуют. Но сильно обманываются те, которые в то время, когда леность и малодушие воют на них в кельях, думают облегчить свои скорби, уходя в поле. То, от чего они ожидают врачевства, делается для них причиною большей болезни. Они подобны больным горячкою, которые стаканом воды думают утишить внутренний жар. Но после минутного облегчения болезнь только усиливается. Инок все свои помыслы должен соединять в Боге. Как желающий устроить свод по вернейшему правилу и по науке строения определяет равенство круглоты; так и ум наш, если не будет около единой любви Божией как неподвижно утвержденное средоточие, обводя по всем моментам наших дел и предначинаний верным, скажу так, циркулем любви каждый помысл по его качеству, или замыкать в круг или оставлять вне его; то не совершит благоискусно строения духовного здания<sup>245</sup>. Не думайте, чтобы труден был путь добродетели. Иго Мое благо и бремя Мое легко есть, сказал Спаситель (Мф. 11, 30). Опыт достаточно дает нам

познать истину сего изречения, если мы как должно и по заповеди Спасителя вступим на путь совершенства. Мы испытываем эту благодать и легкость ига Христова, умерщвляя наши желания, отсекая нашу поврежденную волю, отрекаясь не только от благ мира, но и от самих себя. Ибо что может быть трудным и тяжким для того, кто всем сердцем принял на себя иго Иисуса Христа, кто утвердился в совершенном смирении и, помышляя всегда о злостраданиях своего Спасителя, утешается поношениями, какие терпит по примеру Его? Подобно Апостолу Павлу, он радуется среди немощей, обид, нужд, преследований. Какое лишение может огорчить того, кто, не считая ничего своим, с тем же Апостолом говорит: ничтоже принесохом в мир сей, яве, яко ничтоже изнести можем? Какая нищета может ослабить того, кто не имеет ни лишней одежды, ни имущества и славу свою полагает в том, чтобы переносить и холод и голод? Какое приказание начальника может возмутить спокойствие того сердца, которое не имеет своей воли, повинувшись не только с терпением, но и с радостью, что бы ни приказали ему? Если иго Христово кажется нам тяжким, то потому, что не покорны воле Божией и имеем свои желания. Усеявая сами желаниями, как бы камнями, путь наш, мы делаем тяжким стези Спасителя, которые ровны. Мы оставляем царский путь, уравниваемый стопами Спасителя и Его святых, и ищем путей кривых, полных терний и волцев, где мы раздираем брачную одежду, которую получили от Спасителя, когда посвятили себя на служение Ему.

Наконец, если хотите сравнить благоухание девства и цвет чистоты с тиною нечистых страстей; – тот чуждый заботы покой, которым наслаждается пустынник, с опасностями и безпокойствами, коими терзаются люди мирские; – мир, коим сопровождается наша бедность, с безпокойством, какое сопровождает богатство; – вы поймете, что благо иго Христово и легко бремя Его<sup>246</sup>.

## Пустыня Калам, или Порфирион

К городу Панефизу прилежала пустыня Калам. Кассиан пишет, что живущие в пустыне Калам отстояли далее от жилищ человеческих, нежели обитатели пустыни Скитской: потому что они, пройдя семь или восемь дней пути чрез степь, достигали своих жилищ. Иноки не могли добывать здесь себе пропитания плетением корзин, потому что за провоз их дорожке просили, нежели чего они стоили. Потому они занимались земледелием и садоводством.

В числе подвижников Калама Кассиан упоминает об Авве Павле. Живя среди уединения и безмолвия, он, ревнуя о чистоте сердца, не желал смотреть не только на лица, но и на одежды женские. Конечно, забота о чистоте сердца была в основании сего удаления, но вместе с тем его отвращение доходило до излишнего. Потому Господь особыми путями исцелил его от его заблуждения. Однажды вместе с Аввою Архивием, обитателем той же пустыни, он пошел в келью одного старца. На пути им встретила женщина. Авва Павел бросился назад в свою келью и остался там. Но здесь его разбил паралич так, что он не мог двинуться ни одним членом. Необходимость заставила отдать его в киновию жен, чтобы они ходили за ним. Четыре года до самой смерти его они пеклись об нем. Присутствие благодати Божией открылось в нем так, что больные, мазавшиеся елеем, который касался почти бездушного тела, получали исцеление<sup>247</sup>.

## Святой Исидор Пелусиот

Между подвижниками, которые в четвертом и пятом веке украшали Александрийскую церковь, особенным характером и образом деятельности отличался преподобный Исидор Пелусиот.

Несмотря на то, что слава Исидора, по свидетельству Евагрия, повсюду распространена была его словами и делами<sup>248</sup> и на его обширную известность у современников указывают его письма, писанные более нежели к пятистам шестидесяти различным лицам, сведений об его жизни сохранилось весьма мало. Его письма знакомят с духом его, но не с обстоятельствами его жизни.

Исидор был уроженец Александрийский и происходил из фамилии благородной и богатой, бывшей в родстве с Патриархами Феофилом и Кириллом<sup>249</sup>.

Воспитание, полученное им, соответствовало его рождению. Из самых творений Исидора видно, что он был тщательно образован в философии греческой, основательно знал историю, классических ораторов и поэтов. Но не в сем заключалась образованность, его прославившая<sup>250</sup>.

Если из писем Исидора видно его знакомство с греческой литературой, то ещё более видно, что главным предметом его упражнения было Священное Писание. Он осуждал сам, побуждал и других всеми силами противодействовать объявшей всех в его время страсти к изучению исключительно языческой словесности. Сильная страсть к изучению словесности, писал он к Епископу Елафию, объяла в наше время души людей; разумею словесность не ту, которая уцеломудривает, но которая забавляет слушателей, не духовную, но софистическую, не Апостольскую, но демонскую, не пророческую, но любопретельную, не ту, которая может возбуждать душу, но которая обыкновенно ласкает слух, не живую, одушевленную делами говорящего, но принимаемую ради сладкозвучия мертвым слухом<sup>251</sup>. Не пренебрегая мирскою образованностью, Исидор глубоко сознавал безконечное превосходство мудрости

христианской<sup>252</sup>. Не холодным умом, но живым чувством веры он старался усвоить истины веры.

Изучение Священного Писания и деятельное упражнение в заповедях его скоро убедили Исидора в суете всех земных благ. Это убеждение так часто и так живо высказывается в его письмах, что без сомнения оно было глубоко усвоено его сердцем. Непрочно то богатство, на котором нет благословения Божия. Оно часто теряется и погибает вместе с его обладателями, как бесплодное поленое растение, вредное для соседственных с ним деревьев. И мудрость мирская, если не украшается мудростью Божественною, не полезна, как ничем не обузданная. Все непостоянно для тех, которые сами непостоянны для Бога<sup>253</sup>. Ни богатство, ни красота, ни крепость сил, ни красноречие, ни даже самое блистательное достоинство не делают почтенными людей так, как добродетель и любомудрие<sup>254</sup>. Они скоро увядают и исчезают подобно дыму; не безумие ли чем-либо из сего хвалиться и тщеславиться? Всего этого человек лишается и в сей жизни, непременно все это оставит, когда умрет. Хвалиться сим то же, что хвалиться тенями и пустыми сновидениями<sup>255</sup>. Люди, жадные к деньгам и хищению, подобны малым детям, которые небрегут о том, чего действительно надобно бояться, – так что иногда влагают руки в огонь, а пустых призраков ужасаются и трепещут. Ибо бедности, которая ничего в себе не имеет страшного, а ещё учит смиренномудрию, боятся, напротив богатство несправедливое весьма много почитают, – богатство, которого бояться должно больше, нежели огня<sup>256</sup>. Отчего мы враждуем между собою? Оттого что богатству, славе и другим благам настоящей жизни приписываем великую цену. Ибо если бы мы научились почитать их за ничто и презирать, то не объявляли бы один другому непримиримой вражды и войны, а хранили бы между собою мир и любовь, коими прекращаются всякие несогласия и брани<sup>257</sup>. Зная цену истинной мудрости и суету всего земного, Исидор решился посвятить себя Богу. Оставив дом своих родителей и богатое свое наследие, он удалился в северные пределы Нижнего Египта и поступил в монашество. Местом для своего подвижничества он избрал гору, находящуюся близ города

Пелузии при восточном устье Нила, где обитало уже много пустынников<sup>258</sup>. Это та пустыня Лихной, которую после смерти Антония Великого посещал Иларион<sup>259</sup>.

Здесь с ревностью Исидор предался подвигам иноческой жизни и добродетели. Он так изнурял плоть свою трудами и так утучнял душу возвышенными помыслами, пишет Евагрий, что на земле приобщался жизни Ангельской и постоянно был живым памятником монашеского жития и Богосозерцания<sup>260</sup>. Он решился в своей пустыне следовать строгой жизни Иоанна Крестителя. В самом деле он одет был одеждою из жесткого волоса и питался только кореньями и травами. Все его имущество состояло в одной этой одежде, и он был столько доволен своею нищетою, что, когда один из друзей его Зенон прислал ему новую одежду, прося его молитв, он, отсылая ему старую, благодарил его за то, что он доставил ему средство защититься от холода и что исполнил совет Иоанна Крестителя: имея две ризы да подаст не имущему <sup>261</sup>.

Сначала он, сколько возможно было, удалялся от сношений с людьми, чтобы тем ощутительнее вкушать сладость созерцательной жизни. Этому строгому уединению, как сам он признавался, он обязан познанием предметов Божественных<sup>262</sup>.

Строгая жизнь Исидора обратила на него внимание братьев, привлекла их доверенность, и он избран был настоятелем обители и рукоположен был во пресвитера<sup>263</sup>. Как настоятель монастыря он восставал против обычая иноков ходить в город для покупки вещей необходимых, – обычая, по словам Исидора, опаснейшего для подвижников<sup>264</sup>. Он не допускал в свой монастырь людей бродящих, которых только привлекала необходимость, а не любовь к отшельничеству, и изгонял из него порочных, которые не подавали надежды исправления<sup>265</sup>. Скромность в одежде, уединенное подвижничество, добродетель бесстрастия, соблюдение безмолвия, скудость в пище, благотворительность к бедным и успокоение странников – вот сокращение правил, которые Преподобный Исидор внушал своей братии, и в исполнении которых сам всегда служил живым примером. «Изорванная одежда, писал он Пелузийским монахам, не есть, братья, истинный знак подвижничества.

Пребывание в городском шуме не показывает любви к отшельничеству. Никто, сам завязнувший в терниях сладострастия, не проводит бразды Христовой. Не может успеть в мудрости занимающийся словопрением. Кто ищет сладких и приятных яств, тот не способен к воздержанию. Итак, если мы хотим подвизаться должным образом, то будем совершать подвиг добрый скромною одеждою, уединенным бдением, добродетелью бесстрастия, соблюдением безмолвия и скудостью пищи»<sup>266</sup>.

Однажды Исидор, услышав, что некоторые братья часто бывают в городе, ходят в баню и ведут себя безпечно, пришел в собрание и снял с них монашеские одежды. Но после больно стало сердцу его, и он раскаялся. Волнуемый помыслами пришел он к Авве Пимену, неся с собою и левитоны братьев, и рассказал старцу о деле. Старец спросил его: нет ли и в тебе чего-нибудь от ветхого человека? Совлекся ли ты его? Пресвитер отвечал: и во мне есть ветхий человек. Старец сказал ему: вот и ты таков же, как и братья. Если и немного имеешь ветхости, уже подлежишь греху. Тогда пресвитер пошел от старца и, призвав к себе братьев, просил у них прощения (их было одиннадцать), облек их в монашеские одежды и отпустил<sup>267</sup>.

С неутомимою деятельностью занимаясь устройством внутреннего порядка в обители, преподобный Исидор столь же ревностно подвизался для славы и благосостояния всей вообще православной Церкви. От чтеца до епископа, от простого воина до Императора не было ни одного состояния, из которого кто-нибудь не слышал бы его наставления. Ко всем он писал поучительные письма. Одним подавал советы, как друг; иных учил, как отец; одних обличал, как строгий судья; других укреплял словом Божиим, как Ангел Утешитель.

Горестное состояние Церкви и общества были причиною того, что св. Исидор во многих письмах позволял себе строгие и дерзновенные обличения. Догматы веры были извращаемы различными ересями. Тогда, как последователи Монтана, Новата, Ария, Македония, Фотина ещё находили себе многих приверженцев, явилась ересь Нестория, много смущения



произведшая в церкви Александрийской, ещё волнуемой спорами оригенистов и антропоморфистов и враждою некоторых в Александрии против Иоанна Златоустого. Сильное волнение, возбужденное против ереси Нестория, увлекло некоторых противников его в другую крайность и приготавлило почву, на которой быстро должны были возрасти плевелы лжеучения Евтихия. Египет опять под владычеством Фараона, писал Исидор к Епископу Гермогену, не на пришлых сынов Иакова налагает он труды построения городов, но от всех сильных требует подати ересей<sup>268</sup>. В то же время в Церкви явились беспорядки другого рода. Многие за деньги достигали степеней священства и своею жизнью позорили свой сан. Справедливо пишешь ты, говорит Исидор в письме к Епископу Леонтию, что много появилось ныне беспорядков в Церкви. Ибо там, где слышится имя мира, совершаются дела брани. Это произошло оттого, что люди, облеченные достоинством учителей, сами подвержены многочисленным порокам. Я не буду подробно перечислять сих пороков, упомяну только об одном препохвальном, великом и важном деле, которое Апостолов соделало светильниками вселенной и пренебрежение коего произвело столько беспорядков в Церкви. Во времена Апостольские на степень священства возводимы были любители добродетели, а ныне получают оное сребролюбцы. Тогда избираемы были люди, уклонявшиеся сего сана по великой высоте начальства, с ним сопряженного, а ныне домогающиеся его для приобретения способов роскошной жизни; тогда те, которые поставляли себе в честь произвольную нищету, а ныне те, которые, совершенно предавшись любостыжанию, стараются обогатить себя; тогда те, которые непрестанно имели пред очами суд Божий, а ныне те, которые вовсе не помышляют о нем; тогда те, которые охотно переносили всякие оскорбления, а ныне те, кои сами готовы обижать других. Но что много говорить? Очевидно, что ныне звание священное сделалось средством к преобладанию, от смирения перешло к гордости, от воздержания к роскоши, от кроткого попечения о доме к самовластию. Ибо ныне священники не хотят управлять, как домостроители, но

распоряжаются всем как полновластные владыки. Впрочем, и ныне есть такие священнослужители, которые живут по примеру Апостолов, но не смеют открыть уст своих, а потому и они заслуживают укоризну за то, что, боясь толпы развратных, вопреки своему долгу не радят об исправлении столь великого зла<sup>269</sup>. Церковь, пишет в другом письме Исидор, подобна жене, лишившейся своего прежнего благосостояния и имеющей ещё памятники его. Одни дерзают продавать священство, другие покупать. Одни делают то, о чем говорить не смею; другие говорят то, что и думать непозволительно. Посему справедливо Господь и Жених церкви угрожает им: придет господин раба того, и растешет его и часть его с неверными положит (Лк. 12,46). Но они считают эту угрозу за басню, хотя мир уже приближается к концу и готов родить наказание<sup>270</sup>. В таком жалком положении была и Пелузийская церковь, к которой принадлежал Исидор. Во главе её стоял тогда Епископ Евсевий, который своею порочною жизнью произвел крайние беспорядки в Церкви<sup>271</sup>. Украшая по тщеславию храмы, лишал Церковь лучшего ея украшения – мужей достойных и принимал порочных<sup>272</sup>. В наше время, писал по этому случаю Исидор, храмы украшаются сверх потребности, а над церковью шутят. Что касается до меня, то я лучше желал бы быть в те времена, когда храмы не были так украшаемы, а церковь была преисполнена Божественных и небесных даров<sup>273</sup>.

Из клира Евсевия были те люди, против которых так сильно восставал Исидор, именно: Зосима, Марон, Мартиниан, Пансофий, Лукий, Херемон, Евстафий, Палладий<sup>274</sup>. Одни из них получили сан симониею, другие продавали посвящение<sup>275</sup>. Были между ними и такие, которые по своим преступлениям подлежали наказанию по гражданским законам<sup>276</sup>. Худой выбор лиц священных наполнил Пелузийскую церковь такими беспорядками, что даже верующие отдалялись от Церкви, не желая из рук нечистых принимать святыню. Но все эти беспорядки происходили в глазах язычников и Иудеев – врагов христианства. Тогда как язычники, и из числа их особенно знаменитая Ипатия, дочь философа Феона, старались очистить нравственность языческую, чтобы противопоставить свое

неоплатоническое учение христианству, и, указывая на беспорядки христиан, удерживали многих в язычестве; Иудеи, так мало умевшие скрывать свою ненависть к христианству, что в открытом возмущении пытались истребить всех христиан в Александрии, с злобною радостью смотрели на пороки в обществе христианском, за усиление которых св. Исидор упрекал лица священные. Он писал к Нилу схоластику: призванные к тому, чтобы сражаться за Почтившего их честью, делают то, что служит к Его оскорблению. Можно ли не обвинять тех, которые оружие священства вооружают против вооружившего их и тем отверзают неверным уста к злословию?<sup>277</sup>

Недоставало благочиния и в жизни иночествующих. Одни, не занимаясь рукодельем, проводили время в праздности<sup>278</sup>, другие переходили с места на место, ища не назидания, но изысканной пищи, или ходили без нужды в селения<sup>279</sup>, иные позволяли себе щегольство в одежде<sup>280</sup>.

Много беспорядков было и в гражданском обществе. Правители, присылаемые в провинции, смотрели на свою должность, как на средство к обогащению.

В частности, правитель Кирений, принимая доносы, не только не позволял оправдываться обвиненным, но и лишил Пелузийцев права убежища в церкви<sup>281</sup>. Он обременял тяжкими поборами поселян, так что очень многие из них бросили свою страну и бежали из отечества; не только отнимал имущества у частных лиц, но посягал на имения церквей и благотворительных заведений, раскапывал гробы, покушался расторгать союзы супружеские<sup>282</sup>. Много зла причинил Пелузии и Квестор Аспиан, сам воспитанный в Пелузии. Он наклеветал, по словам Исидора, на граждан в уши юного и весьма доверчивого Императора<sup>283</sup>.

Такое состояние Церкви и общества служит самым лучшим объяснением тех резких обличений, которые встречаются в письмах Исидора. Ревность по славе Божией изощряла перо его и поражала пороки без лицепрятия. Все соединилось, чтобы дать ему власть над умами современников: его благородное происхождение, богатства им оставленные, путь

самоотвержения, на который он вступил, строгость его жизни, ученость им приобретенная, редкий дар пользоваться ею с силою и его пламенная любовь к Богу и ближним, которая побуждала его изобличать грехи в знатных и незнатных людях, в высшем и низшем клире, в правителях и начальниках, равно как и в простом народе.

Он писал к Императору Феодосию, убеждая его к кротости и щедрости<sup>284</sup>. Писал и к Антиоху, столь могущественному Евнуху Феодосия. Тебе, постоянно упражняющемуся, как слышу, в чтении Священного Писания, должна быть известна история дивного Даниила, что он среди волн заблуждения не только не сделался пленником страсти, даже не прикоснулся общих брашен, которые не вредили вкушавшим их. поскольку ты не только министр царства, но и управляешь им, как хочешь, то постарайся укрепить справедливость, находящуюся в изнеможении или лучше при смерти, дабы обрести себе благоприятным судилище праведное, хотя теперь ты, может быть, и не часто помышляешь об нем, ослепленный скоропреходящим блеском<sup>285</sup>.

Узнав, что Кирений лишил Пелузийцев права убежища в церкви и не позволял обвиненным от доносчиков оправдываться, Исидор писал к нему: это не только несправедливо, даже нечестиво. Если ты не позволяешь оправдываться и не дозволяешь искать убежища в церкви, то этим поощряются клеветники и умножается число несправедливостей. Как ты сам узнаешь правду? Как спасешь обиженного, который, чтобы не быть жертвою сильного, когда недоступен судья, прибегал к безопасному убежищу церковному? Извиняешься тем, что это служит предлогом к продаже правосудия. Уменьши жестокость, и будет мало продажи<sup>286</sup>. Кирений, оскорбленный письмом, вероятно, советовал Исидору не вмешиваться в его дела. Но это не остановило ревности. И знаю свою меру, писал он Кирению, ещё и призван обличать лукавых. Если ты не хочешь, чтобы говорили о том, что ты делаешь, перестань делать, и не будут говорить. Ибо кто не стыдится делать, не должен огорчаться, когда дело называют по имени. Если одно название считается

обидой, то не тем ли более обида самое дело?<sup>287</sup> Когда внушения Исидора остались бесплодными, он обратился с ходатайством к Руфину, правителю Империи при Аркадии. Грехи ли Пелузийцев или важные дела Римлян, которыми занимаешься, были причиною, что тебе, милостивому благодетелю, осталось неизвестно, как Кирений достиг власти и как жестоко управляет. Ибо взятки тяжкие; бедность великая, несправедливости частые; церковь не может помочь; исчезла справедливость; закон неведом. Или лиши его власти, или вы вместе будете отвечать пред судом Божиим<sup>288</sup>.

Ходатайство Исидора вероятно имело успех. Он с радостью приветствует Пелузийцев с новым правителем. Бог ещё печется о Пелузийцах; семя благочестия ещё действует в них, ещё предстательствуют о несчастном городе покровители – мученики. Идет дивный Симплиций принять над вами начальство. Я благовествую вам другую жизнь. Примите с радостью мужа, откройте ему чистосердечно все скорби. Он имеет и ум мудрый и сердце благочестивое и облегчит ваши труды. Ибо Богом силен он, у него просит и силу сделать добро для многих<sup>289</sup>.

Прежде назначения Симплиция разнёсся было слух, что в Египет назначается правителем опять Кирений, Исидор писал к Синезию, Селевку, Исидору, Флоренцию Архонтию, Катиллиану и Руфину, сильным и знаменитым мужам того времени, чтобы они избавили страну от несчастья иметь такого правителя<sup>290</sup>.

Более чем к сорока высшим лицам гражданским обращены письма Исидора, то содержащие обличение, то наставление в управлении, то научение в истинах веры и нравственности. Претору Диофанту писал он: кратковременна не только власть твоя, но и самая жизнь. Зачем же ты грешишь без конца, в малые часы приготавливая себе вечное наказание? Узнав всю многомятущуюся и скоропреходящую неверность вещей, старайся лучше славиться добрыми делами, за которые и здесь бывает похвала, и будущие награды не пропадают<sup>291</sup>.

В письмах к Префекту Тавру Исидор внушал, что честь начальника состоит в том, чтобы заботиться не о своей пользе, но о пользе подчиненных; чтобы он избирал себе в помощники

таких, которые бы любили истину и не жадны были к деньгам, чтобы во время суда тщательно исследовал дело, выслушивал оправдание и полагал наказание, соответствующее вине<sup>292</sup>.

Но более гражданских дел занимала Исидора судьба Церкви. Опровергая во многих письмах заблуждения язычества и Иудейства, Исидор особенно старался о водворении мира в церкви. По случаю низложения св. Иоанна Златоустого с престола Константинопольского преподобный Исидор сильно обличал Феофила, Архиепископа Александрийского, в несправедливом гонении на сильно обличал Феофила, Архиепископа Александрийского, в несправедливом гонении на сего святого<sup>293</sup>. По смерти Феофила Исидор с большим успехом писал о Златоустом к св. Кириллу Александрийскому. Получив от Кирилла Александрийского письмо, в котором он называл Исидора отцом своим, Исидор, делая применение к сему, отвечал: Меня устрашают примеры Божественного Писания; я по необходимости пишу к тебе то, что нужно. Если я отец твой, как ты сам говоришь, то боюсь казни, какой подвергся Илий за то, что не вразумлял порочных детей. Если же я сын твой, каковым я всегда признаю себя (ибо ты носишь на себе образ великого Марка), страшусь участи Ионафана, не воспрепятствовавшего отцу, когда сей искал чревоушебницы, имея возможность предотвратить преступление; он пал на сражении прежде самого преступника (1 Цар. гл. 28 и 31). Прекрати раздоры, дабы и мне не подпасть обвинению и на тебе не отяготел суд Божий<sup>294</sup>. Вообще Исидор был ревностным защитником Златоустого. Не иначе как с восторгом он отзывался о его писаниях. Писания Иоанна, так он говорит в одном из своих писем, сего несравненно мудрого мужа, распространились повсюду. Слава их проникла во все страны даже до пределов земли. Ибо кто остался бы нетронутым при чтении их? Кто из родившихся после него не почитал своим долгом благодарить Божественное Провидение за то, что родился в такое время, когда мог ими пользоваться? Кто не испытал силы этой Божественной лиры, превосходящей баснословную лиру Орфея? Ибо не бессловесных зверей пленял он своею музыкою, но укрощал людей с зверскими

нравами, переменяя их зверство в кротость, простоту и согласие<sup>295</sup>. Говоря о Златоустовой книге о Священстве, он выражается так: Всякий при чтении её проникается любовью к Богу. Он не только дает понять все величие и достоинство священства и то, как трудно сделаться достойным его, но показывает ещё, сколь святу должно быть, чтобы желать его. Все пресвитеры могут найти в сем сочинении и добродетели, какие им нужно исполнять, и пороки, которых нужно избежать<sup>296</sup>. Говоря о толковании Златоустого на послание Апостола Павла к Римлянам, Исидор замечает, что это толкование преимущественно обогащено мудростью премудрого Иоанна<sup>297</sup>. Убеждения Исидора так подействовали на св. Кирилла, что он включил имя Златоустого в диптихи церковные.

Когда Кириллу Александрийскому надлежало отправиться в Ефес на собор Вселенский, созванный Императором Феодосием по случаю возникшей ереси Нестория, Исидор в кратком письме к св. Кириллу изложил сущность догмата, о котором надлежало рассуждать на соборе, то есть что соединение двух естеств во Христе должно признавать со времени Его воплощения, и одобрил ему в руководство при совещаниях труды св. Афанасия<sup>298</sup>. По сему же случаю писал Исидор и к Императору, прося его или лично присутствовать на соборе для сохранения порядка в оном, или предписать, чтобы чиновники его не вмешивались в рассуждения о догматах<sup>299</sup>.

Не против одной ереси Нестория вооружался Исидор. Все, писал он, к Божественному учению Апостолов примешивающие свои догматы, как-то: Манесы, Симоны, Монтаны, Новаты, Арии, Македони, Фотины и другие подобные, суть корчемницы, по словам Исаии (1, 22), мешающие вино с водою и чрез это делающие его худшим<sup>300</sup>. Христос придет во славе, чтобы заградить им уста<sup>301</sup>. Посему как врагов спасения, как врагов Божиих Исидор сильно обличал Ариан<sup>302</sup>, Савеллиан и Монтанистов<sup>303</sup>, Манихеев и Маркионитов<sup>304</sup>, Новатиан<sup>305</sup> и других еретиков.

Виновных в преступлениях против нравственности, если порок их был гласен для всех, Исидор обличал прямо и сильно.

Свои побуждения к обличению преступлений он так объяснял в письме к Епископу Исидору:

«Часто я предлагаю сам себе такой совет: Исидор! поскольку преступления важные обыкновенно наказываются великими бедствиями, то говори против них с приличным дерзновением. Может быть, те, которые не знают стыда в то время, как грешат, устыдятся твоих слов, и, может быть, ты на них сколько-нибудь подействуешь. Если же и потерпишь от сего какие-либо неприятности, то потерпишь так же, как терпели Пророки, Апостолы и другие святые мужи, к которым тебе, одному из малейших, должно стараться приблизиться, по крайней мере по терпению. Но как ты будешь говорить с дерзновением? Так ли, что при сем будешь пользоваться полною свободою, или будешь умерять оную благоразумием? Ибо я знаю, что некоторые строгим обличением были исправлены, другие же, напротив, чрез сие ожесточились и предались большему нечестию, а некоторые, наконец, смеялись над умеренным, не строгим обличением и считали оное за ничто. Я сказал на это самому себе, что и тебе теперь говорю: если бы только твой труд над исправлением был напрасен, то мог бы ты уклониться от сей обязанности. И Моисей, и Илия, и Иоанн не всех своими увещаниями и обличениями уврачевали; но своих трудов не оставляли. Твоя обязанность – свободу речи растворять кротостью; а дело Божией десницы – подавать исцеление. Злое все люди почти сами собою узнают, доброму же, напротив, и слыша оное от других, не хотят учиться»<sup>306</sup>. «Мы равно виновны, – писал Исидор к Епископу Феоне, – и тогда, когда хотим мстить за наши собственные обиды, и когда не трогаемся оскорблениями, наносимыми Богу. Когда обижают нас, мы должны сносить с кротостью и терпением, а когда оскорбляют Бога, беззаконно сносить это равнодушно; нужно высказывать неудовольствие. Мы так раздражительны, что не хотим простить нашим врагам, а между тем кротки с теми, кои восстают против Бога. Моисей поступал не так.

Хотя он был самым кротким из людей, но предался гневу против евреев, когда они слили тельца; и его гнев в этом случае был святее всякой кротости. Илия восстал против



идолослужителей, Иоанн Креститель против Ирода, а св. Павел против Елимы (Деян. 13, 8–11). И это они делали, мстя за оскорбление, нанесенное Богу, перенося терпеливо обиды личные. Правда, всемогущий Бог может отмстить за Себя, но Он хочет, чтобы и добрые люди гнушались греха и других заставляли гнушаться им. В сем святые поставляли свою добродетель и любомудрие»<sup>307</sup>.

Бесплодность обличений не останавливала ревности Исидора. Обливаясь слезами о нераскаянности виновного, он продолжал свои обличения. «Узнав, – так писал Исидор к Пресвитеру Зосиме, – что тогда, как тебе должно прибегнуть к раскаянию, ты умножаешь прежние беззакония и стремишься к новым преступлениям, я наконец заплакал и сказал сам себе: О Исидор! Что ты напрасно трудишься, сея на камнях? Что стараешься излечить того, кто не хочет лечиться, и неусыпно бодрствуешь, когда тот, для коего прилагается неусыпное бдение, делает тщетным оное, не исполняя внушаемого? Перестань напрасно трудиться убеждать эфиопа, рассекать огонь и варить камень! Когда я сильно жаловался самому себе, опять родилась во мне приятная надежда и снова против воли заставила меня писать сии строки»<sup>308</sup>.

Надобно заметить, что Исидор употреблял резкие обличения только против людей упорных во грехе. «С людьми добрыми, – писал он, – нужно поступать кротко, а против дерзких строже. Первые почитают кротость добродетелью, потому и нужно употребить её для вразумления их. Но последние уважают только силу и смелость, потому нужно показывать твердость, чтобы сокрушить их гордость. Таким благородным обращением поддерживаются одни и смиряются другие. Одними и теми же средствами не приобретем всех; одними и теми же лекарствами не врачуют все болезни; но сколько различных болезней, столько же и различных лекарств»<sup>309</sup>.

Этим объясняется, почему некоторые из друзей замечали в Преподобном Исидоре снисходительность, тогда как другие находили его обличения слишком резкими<sup>310</sup>. Но Исидор, руководствуясь только свидетельством своей совести, не хотел

умерять своих обличений из угождения одним и по страху гонения от других. «Не думай, – писал он к софисту Асклепию, – чтобы я изменил себя и сделался низким ласкателем. Нужно или тебе перестать ко мне относиться с такими советами, или мне исключить тебя из числа друзей»<sup>311</sup>. Когда один правитель сетовал на Исидора за строгость его обличений, Исидор отвечал, что ему нужно осуждать собственные свои действия, а не слова, в которых они названы такими, каковы на самом деле<sup>312</sup>.

Но он сам не одобрял тех, которые неблагоприятно отзывались о других без всякого основания или слишком строго судили ближних. «Ты слишком уже строг в суждении о жизни монахов и священников, – писал Исидор к Агафодемону, – когда требуешь, чтобы они были непричастны никакому греху. Безгрешность свойственна только одному Богу, и из людей ни один не может достигнуть оной. Если ты хочешь знать, что сообразно с силами нашей природы; то, скажу тебе, это состоит в том, чтобы не делать намеренно ничего преступного, чтобы как можно реже впадать в грехи произвольные; и наконец, чтобы не коснеть в прегрешениях. Это состояние хотя несравненно ниже двух первых, но зато доступно для многих»<sup>313</sup>. Военачальнику Леонтию, дурно отзывавшемуся о пресвитере Зосиме, он писал: «Сказанное тобою справедливо и никто тебя не упрекает в клевете. Но не нужно, чтобы твой язык – орган истины осквернялся такими словами. Человек почтенный и украшенный многими добродетелями, подобно тебе, должен к своему венцу прибавить славу терпения»<sup>314</sup>.

Цель обличений Исидора была та, чтобы побудить грешников к раскаянию. Писав обличения, он сам скорбел, плакал втайне о их грехах и всею силою своих молитв старался ускорить их обращение и ввести в сердце их те высокие истины, которые излагал в письмах. Он сам уверял тех, к кому писал письма, что он более пролил слез о них пред Богом, нежели сколько написал слов<sup>315</sup>.

Высшее свое счастье он поставлял в том, если ему удавалось спасти какую-либо погибающую душу. В одном из своих писем он говорит, что, не дерзая сравнивать себя с

Моисеем или Павлом, он желал бы употребить все свои силы для спасения каждого ближнего<sup>316</sup>. Богу угодно было, писал он к одному Епископу, чтобы ты был здесь, дабы участвовать в наших трудах и нашем венце, в похвалах и благословениях, какие воздают нам. Лениость и нерадение расслабили вашего друга и ослабили его любовь к небесной философии. Мы возвратили его на правый путь нашими советами и увещаниями, а ещё более помощью благодати Божией. Теперь мы празднуем и воспеваем песни радости о сей победе и друзьям нашим приготовили духовное пиршество<sup>317</sup>.

Если некоторые, внимая наставлениям Исидора, обратились от пути греховного на путь добродетели; зато со стороны клириков Пелузийских он подвергся открытому преследованию и даже изгнанию. Но вместо того, чтобы огорчаться сим, Исидор радовался, что пострадал за имя Христово. «Ты против своей воли, – писал он главному виновнику своего изгнания, – увенчал меня, и теперь я могу сказать, что Бог дал мне благодать не только веровать в Него, но и пострадать за Него»<sup>318</sup>. Впрочем, притеснение не остановило его ревности. «Я лучше желаю терпеть гонения, делая добро, – писал он к одному своему другу, – нежели получать похвалу, делая зло. Ибо, не говоря о наградах, соблюдаемых добродетели в другой жизни, и о наказаниях, назначенных за нечестие и порок, мне кажется, что добродетель носит с собою награду свою, а грехи наказание. Какие бы клеветы ни возносили на добродетель и какие бы похвалы ни придавали пороку, они не принудят меня оставить первую и последовать второму. Я всегда буду любить добродетель, хотя бы и обремененную поношениями, буду гнушаться порока, хотя бы он и увенчан был славой»<sup>319</sup>. «Я совершенно знаю, пишет Исидор к Феоне пресвитеру, что терпеть обиды для меня славно в сем мире, и ещё большая ожидает за то слава в будущей жизни, и что нужно благодарить оскорбляющего и обижающего, потому что он возводит к высшему любомудрию особенно, когда часто делая это хвалится сим. Но чувствую, что, хотя я могу сносить обиды и оскорбления, но не укрепился до того, чтобы благодарить оскорбляющих и совершенно чисто молиться за

злословящих, особенно, когда они не только не хотят раскаяться, но и смеются над теми, кто за них молится. Таков я. Ибо я (не скрою своей немощи), часто молясь о сделавшихся мне врагами случайно, когда хочу молиться о тех, которые враждовали против меня намеренно и злобно, чувствую, что это делаю одними устами. Не думай, что я не верю достигшим такой добродетели, но сорадуюсь им и желал бы достигнуть такой меры. Ибо не страдаю болезнью многих, которые, не могши сами достигнуть какой-либо добродетели, или не верят достигшим её, меряя других по себе, или, стыдясь признаться в слабости, приписывают себе то, чего не имеют»<sup>320</sup>. Хотя Исидор сетовал, что не может искренно молиться за неисправимых врагов своих, но старался смотреть на них как на своих благодетелей. «Злословие, – писал он, – часто врачевало болезнь души, которой или не примечали, или врачевать не старались. Посему добрым нужны или искренние друзья, или злые враги. Те советом, а сии злословием предотвращают падение. Но поскольку дружба в нынешнее время любит выражаться утонченно, или лучше, остается безгласным для искренних разговоров, неумолкаемо в празднословии и немо для увещания и обличения, то от врагов только можно услышать истину и упрек к исправлению»<sup>321</sup>.

Исидор старался призывать всех к согреванию в сердце своем любви как высшей добродетели. «Для Бога нет ничего возжеленнее любви, – писал он к пресвитеру Евсевию. – Из любви Он и человеком сделался и послушным даже до смерти. Посему и первозванные ученики Его были два брата. Чрез это премудрый Спаситель показал, что Он желает, чтобы все Его ученики были соединены братскою любовью. Итак, мы ничего не должны почитать драгоценнее любви, которая все связывает и содержит в единении и согласии»<sup>322</sup>.

Вообще письма Исидора, даже обличительные, содержат в себе много прекрасных нравственных правил и наставлений о должностях различных званий.

Отвращая от порока, он представляет превосходство добродетели и ее легкость для исполнения. «Одна добродетель, – пишет он, – имеет блистательную и бессмертную

славу. Добродетель не проходит со временем, не подлежит забвению, но всегда удерживает свое достоинство в красоте, цвете и силе. Ее-то преимущественно люди должны приобретать»<sup>323</sup>. «Добродетель гораздо легче нежели порок, – пишет он в другом письме. – Умолчу о том, что добродетель есть дело Божественнейшее, благороднейшее и с природой читателей ея сообразней шее; не буду говорить, что она составляет для них украшение и славу, – в этом согласны все, – я коснусь только того, что показывает легкость добродетели. Что труднее – искать ли несметных сокровищ или довольствоваться тем, что имеешь? Днем и ночью вычислять гнусные прибыли и насильственные проценты или наслаждаться довольством и любовью к ближним? Что труднее – обижать ли всех, или помогать обиженным? Страдать от мучительной болезни сребролюбия или быть свободным от ея свирепства? Сплетать обманы или обращаться с другими честно? Возмущаться против правителей или жить спокойно? Похищать чужое имущество или дарить и собственное? Вмешиваться в чужие дела и злодеяния или не быть причастну таким делам и страху? Что труднее – заботиться ли о многом и несбыточном или одну иметь заботу, как бы не изменить добродетели? Без нужды подвергать себя трудам или наслаждаться покоем? Никогда не знать сытости или не любить того, что возбуждает непрестанно большую алчность? Плавать по морям и терпеть кораблекрушения или оставаться в пристани и спасать погибающих? – Роскошь и сладострастие обольщают многих, будто они легки и приятны: покажу несправедливость и сего. Умолчу о суде, угрожающем роскоши и сладострастию. – Скажу только, что ежели роскошь производит болезнь в ногах и головокружение, и сумасшествие, и расслабление в нервах и другие подобные болезни, от которых и сама притупляется, или лучше сказать исчезает; то как назвать удовольствием страсть, которая есть мать и кормилица столь многих скорбей? Сладострастие есть корень и стыда, и непримиримой вражды, и опасностей, и смертей, и других неисчислимых зол. Можно ли после сего называть удовольствием такую страсть? Если же не остается никакого сомнения в том, что добродетель и легче, и приятнее, и

сообразнее с природою человека; то прилепимся к ней всеми силами и всею душою, прилепимся к той, которая и в настоящей и в будущей жизни ревнителям своим доставляет славу»<sup>324</sup>.

Направляя свои обличения преимущественно против недостойной жизни облеченных саном священства, Исидор предложил много наставлений о должностях сих лиц. «Не все, но очень немногие, – так пишет он к Палладию дьякону, искавшему сана Епископа, – могут принять на себя сию власть, и именно те только, кои столько же, если не более превосходят во всем своих подчиненных, сколько пастухи своих овец. Каковы же те, которые ищут власти превосходящей их силы? Ведут ли они жизнь незасорную? Соблюдают ли такую трезвенность, чтобы душевное око их всегда бодрствовало? Просияли ли таким целомудрием, чтобы не только собственные помышления их были чисты, но чтобы они, не употребляя даже словесных увещаний, возвращали к целомудренной жизни и тех, кои с пламенным порывом стремятся к беззаконным вожделениям? Имеют ли они столько степенности, чтобы взирающие на них боялись самой поступи, взора и голоса их (ибо получившие епископство везде должны представлять собою образец всякого любомудрия)? Столько ли страннолюбивы, что и незнакомых им бедных приглашают в свои дома и насыщают их? Потщились ли сделать беседу свою назидательною так, чтобы открывалась в ней великая благодать и от языка их истекали потоки словес духовных? Отличаются ли они такою кротостью, что уже никогда и никого не раздражают? Столько ли несребролюбивы, что и благоприобретенное имущество свое раздают неимущим? Столько ли терпеливы, что переносят напрасные обиды и поношения? Имеют ли наконец и прочие качества, которые исчислил Апостол Павел, изображая совершенного Пастыря (1Тим. 3, 2–6)? Апостол сказал: аще кто Епископства хочет, но не сказал: пусть всякий ищет Епископства, не заповедал этого, не повелел, не вменил в обязанность. Ибо он видел, что многие, нимало не заботясь о стяжании добродетели, в упоении любоначалия, будут домогаться только власти и не захотят даже и подумать о тех

изнурениях, трудах и опасностях, о тех заботах и бдениях, которые соединены со властью Епископа. На Епископе лежит долг попечения о всех нуждах подчиненных. В чем же состоит сей долг? В том, чтобы испытывать посвящаемых на служение Богу, питать алчущих, одевать нагих, защищать обидимых, печись о тех, кои оплакивают свое сиротство, покровительствовать вдовицам, преследовать судом правды притеснителей, обличать тех, кои употребляют незаконные средства для получения начальства, врачевать больных, восстанавливать падающих во время искушений, печись о содержимых в узах, утешать несчастных, вразумлять согрешающих. Итак, забывая сии и ещё другие многочисленнейшие подвиги, некоторые в епископском сане видят только права власти, свободы и наслаждения и, не испытав сил своих, нисколько не размыслив о важности начальства, домогаются оно. Должность Епископа есть труд, а не отдохновение, забота, а не наслаждение; служение многоответственное, а не начальство, никакому истязанию не подлежащее; попечение отеческое, а не жестокое самоуправство, первенство свойственное управителю, приставленному к дому господина, а не власть безотчетная. Что касается до самой должности Епископа, я хвалю её как Божественную, но не одобряю искательства, как вещи опасной. По моему мнению, и люди опытнейшие не должны питать в душе своей пристрастия к сему сану, но всемерно должны истреблять оное. Посмотри на Апостола, который испытал сей подвиг: он изнурен был безчисленными трудами, терпел раны, удары, клеветы и многократно подвергался опасности жизни для того единственно, чтобы никто из вверенных ему не погиб. Он как бы так говорит: кто желает Епископства, тот пусть воззрит на труды, пусть подумает о том, в состоянии ли он понести их; – пусть обратит внимание на опасности (ибо против облеченных властью Епископства часто ополчаются и невидимые и видимые враги), а не воображает себе одни только почести; – пусть размыслит о бедствиях жизни, а не об удовольствиях; пусть содержит в уме многообразные искушения и заботы, а не думает только о спокойствии; пусть

ведает, что если кто возводится на престол Епископский, то для того, чтобы законно подвизаться, а не безпечно предаваться наслаждениям. Ибо кто пользуется только честью и нерадит об исполнении обязанностей Епископского сана, тот и здесь подвергается безчисленным нареканиям и может даже и вовсе быть лишен высокого достоинства своего, а там, на страшном оном судилище, пред лицом неумытного Судьи, услышит вопли осуждения; тогда алчущие возопиют: «Мы в крайней нужде не имели пищи, а он, предавшись роскоши и любостяжанию, все приносил в жертву своему тщеславию»; нагие скажут: «Этот человек был для нас суровее самой зимы»; немощные скажут: «Он был для нас лютее болезни»; сирые скажут: «Мы не получили от него никакого пособия»; вдовицы скажут: «Нам не произнес он ни одного утешительного слова»; узники скажут: «Для нас не пролил он ни одной слезы сострадания»; несчастные скажут: «К нам не простер он руки помощи». Кратко, все те, для блага коих он был поставлен Епископом, тогда будут свидетельствовать против него»<sup>325</sup>. Епископ, пишет Исидор в другом письме, из самого названия своего может видеть, в чем состоит его обязанность. Он должен надзирать, и его надзору подлежат: нападения врагов тайных и сокровенных, неразумие паствы, нерадение монахов, нечестие развращенных людей, бедствия вдов, бедность сирот, худые нравы служащих, пороки юных, худые советы старцев. Он должен быть оком, на все смотрящим и ничего не опускающим<sup>326</sup>. Тяжек грех частного человека, ещё тяжелее грех облеченного саном священства, но несравненно тяжелее грех, соделанный людьми, возведенными на степень Архиерейства. Ибо чем более кто-либо возвышается пред другими своим достоинством, тем более увеличивается и тяжесть грехов его, так что хотя бы он согрешил и в том же самом, в чем грешат и другие, но его грех тяжелее других, потому что должен быть ценен не по существу своему только, но и по достоинству согрешившего. Законодатель грех первосвященника поставил наравне с грехом целого народа и повелел ему приносить за свой грех такую жертву, какая требуется за согрешение всего народа. Конечно, если бы не



равно опасна была язва, то не нужно бы предписывать и равносильное лекарство<sup>327</sup>.

В высоких чертах представляет Исидор и обязанности священника. «Бог возжигает Священника, как некий светильник, и поставляет его на свещнице своей светоносной кафедры, дабы он в церкви изливал сияние учения и дел, чуждых мрака, и дабы народ, видя лучи животворного света, руководствовался ими и прославлял Отца светов<sup>328</sup>. Для священника вместо богатства служит украшение добродетели, вместо удовольствия чистота, вместо наслаждения умеренность, его радости составляет успех вверенных ему. Кто поступает иначе и между тем тщеславится именем священства, тот не духовный и сана своего недостойн»<sup>329</sup>. Ты назван образом стада и светильником церкви, писал Исидор одному пресвитеру, и будь таким. На пастве твоей необходимо отпечатлеваются твои нравы, как на воске печать. Посему, если хочешь ты быть светом, возненавидь легкомыслие и смехотворство, чтобы не научить многих беспорядочной жизни. Ибо священник есть Ангел Господа Вседержителя. Ангел не знает смеха, со страхом служа Богу<sup>330</sup>. К людям, возведенным на степень священства, Бог взывает сими словами: священницы, глаголете в сердце Иерусалиму (Ис. 40,2). Те, кои учат других только словом, часто обременяют слушателей своим многоречием и нередко делаются даже смешными в глазах их, когда поступают вопреки своему учению. Вот почему Бог требует от учителей добрых дел, пример коих действует на самую душу слушателей. Священник должен заботиться о святости своей; ибо преступно священнодействовать нечистому<sup>331</sup>. Доброе дерево, приносящее обильные плоды и вместе украшенное листьями, и земледельца радует, и зрителей увеселяет, и путникам доставляет отдохновение. Равным образом поставленный на кафедре для проповедания слова Божия, когда украшен добродетелью и вместе блистает красноречием, бывает и Богу угоден и людям полезен. Если же он не будет иметь какого-либо из сих совершенств, то немного принесет пользы внимающим его учению. Честная жизнь необходима для посрамления клеветников, а дар слова потребен для обличения еретиков.

Если, впрочем, могущество красноречия побеждает противников, но с другой стороны бесчестная жизнь помрачает славу победы, слушатели не удостоят своего доверия такого учителя, который сам не исполняет закона. Итак, надобно сиять и словом, и жизнью: иже сотворит и научит, говорит Писание, сей великий наречется в Царствии Небесном (Мф. 5, 19). Если бы дела заменяли собою и учение, как некоторые думают, то Писание, сказав о первых, не упомянуло бы о последнем<sup>332</sup>.

В наставлениях инокам Исидор показывает, в чем состоит иночество и чего должно избегать инокам. Святые основатели и руководители иноческой жизни, писал он к Нилу монаху, сообразно с своими трудами и подвигами оставили нам названия, соответствующие самому делу, оставление всего мирского назвав отшельничеством (ἀναχωρησις) и готовность к повиновению послушанием (ὑποταγή). Научаемые их примером, мы должны исполнять то, что читаем в их деяниях<sup>333</sup>. В другом письме в пример для жизни иноков указывает он на св. Иоанна Крестителя, советуя одеваться власяницею и питаться зельем. Если же это покажется выше сил, то пусть инок заботится о своем преуспеянии, сообразуясь с наставлениями настоятеля<sup>334</sup>. Иноческая жизнь есть исполнение всех заповедей Божиих и как бы вместилище оных. Она должна быть чужда гнева, гордости, сребролюбия, самолюбия, удалена от попечений о теле; уста инока всегда готовы к благодарению Господа и молитве о полезном, неподвижны на злословие<sup>335</sup>.

Жизнь иноческая, писал Исидор к Пахомию, есть Царство Небесное. Она не знает никакой страсти. Мыслит о горнем и творит небесное. Посему внимай, чтобы какое-нибудь падение не сделало тебя рабом и не извергло из царских чертогов. Трудно испавшему из них опять быть призванным туда. Но Бог, отверзающий дверь и именующий Себя дверью, чрез которую входят во спасение, да даст тебе ум твердый и слово чистое, благодать растворенную, посредством коих и настоящая жизнь будет для тебя благополучна, и в будущей ты получишь спасение<sup>336</sup>. Любомудрие, писал Исидор к иноку Фоме, отвращается шума, и иноческое подвижничество совершается вне смятения. Сим-то средством, как бы таинственную

лествицею, которая возвышает нас к совершенству смирения, мы, освободившись от безпокойств мира и опасных случаев, часто встречающихся в обращении с миром, достигаем до забвения о предметах земных и вкушаем духовную сладость нашего уединения. Но если мы думаем, что для последования Ангельскому житию достаточно иметь мантию, носить бороду и жезл, а между тем будем обращаться в толпе народной, слушать беседы мирские: это будет означать, что мы хвалимся победными знаками, уклонившись брани и борьбы, которою приобретается победа<sup>337</sup>. Ту же мысль ещё сильнее высказывает Исидор в письме к Нилу монаху: одежды из овечьих кож как знаки умерщвления весьма приличествуют тем, которые умертвили плоть свою. А кто угождает страстям и между тем является во оружии, которое носит умерщвляющий страсти, тот подобен лицедеям, которые представляют на зрелищах чужие лица: зрители смеются над ними, как над такими людьми, кои совсем не то, чем кажутся по виду<sup>338</sup>.

Исидор поучал, что для инока мало одного удаления от внешнего шума мирского; а нужно, чтобы и внутри души соблюдалась тишина помыслов. Что тебе пользы, писал он к Кириллу монаху, от Иоаннова удаления в пустыню, которому ты прежде со тщанием поревновал, если ты ныне не подражаешь Иоанну, но опять предаешься влечению собственных своих помыслов, если живешь в пустыне, как среди мирского шума, и в уединении, как среди народной толпы? Ибо когда душа при внешней тишине возмущается мятежными помыслами и вожделениями; то такое состояние и в чувствах производит омрачение и совершенные уже подвиги покрывает бесславием, а страстям облегчает победу над духом и вооруженного на битву ратника делает робким беглецом<sup>339</sup>.

Пост и бдение также необходимыми признавал Исидор для инока. Пресыщение, писал он монаху Иоанну, не умеет бодрствовать, гордость не может жить в покое; бдения и кротости требует подвижничество. Если не обуздываешь чрева, то для чего и место занимаешь понапрасну и подаешь соблазн подвижникам<sup>340</sup>.

Но для преуспевания в подвижничестве должно соединять с ним смиренномудрие. Ибо если мы, совершая подвиг послушания, будем прерывать оный надменными помыслами, то это значит, что мы, желая достигнуть спасения, не хотим делать того, что ведет к оному<sup>341</sup>. Кто не назовет тебя безрассудным, писал Исидор к иноку Петру, за то, что ты, сделав отречение от богатства, от своего рода и суетных почестей века сего и указав многим путь к смирению, ныне поработился гордости, забыв Божественный закон, повелевающий унижить себя тому, кто желает возвыситься (Лк. 14, 11)? Итак, если ты не весь погрузился в волны высокоумия, то воспрянь, дабы исполнить свои обеты<sup>342</sup>. Исидор не советует инокам предаваться заботе о внешней образованности. Ты имеешь расположение, писал он к Патриму монаху, учиться тщательно и говорить изысканно. Но путь духовной жизни благословляется преимущественно деянием, а не искусством говорить. Посему если желаешь вечной награды, то красную речь не за великое считай, а упражняйся в делах благих<sup>343</sup>. Он делает ещё сильные упреки монаху Фалалею за то, что тот увлекся чтением языческих писателей. Кто не пожалеет о тебе, писал к нему Исидор, что ты, пребывая в тихом любомудрии учеников Господних, увлекаешься шумом и суетою языческих писателей и поэтов? Скажи мне, что предпочтительного у них пред тем, что есть у нас? Не преисполнено ли ложного и смешного то, чем так усердно они занимались? Не обожание ли у них страстей? Бегай чтения постыдного, чтобы в твоём сердце не раскрылись раны, уже закрывавшиеся, и в твою душу не возвратился враг и не внес в нее гибели страшнейшей и ужаснейшей прежнего нерадения или неведения<sup>344</sup>. Сильно Исидор порицает иноков, часто меняющих свое место. Непостоянные и тебе подобные легкомысленные, писал он к одному монаху, уподобляются праху, возметаемому от лица земли (Пс. 1). Ты часто ходишь по домам не для назидания, но для изысканной пищи. Кто достойно оплачет тебя, когда ты и себя губишь, и вредишь многим, особенно тем, которых юность делает наклонными к соблазну<sup>345</sup>?

Делая сильные обличения тем, которые, утвердившись в иноческой жизни, начинали колебаться в ней, Исидор с участием следит за новопостриженными. Ты, не испытавший доселе ига, писал он к новопостриженному Луке, подчинился тяжкому игу. Опасаюсь, чтобы не ослабел под ярмом плуга Господня и не явился подобным оному, взявшемуся строить дом, не рассчитав наперед своих сил. Если хочешь быть истинным монахом, не угождай своей воле и своему желанию, но подчини свой ум тем, которые и жизнью, и временем, и трудом возделали Божественный виноград: от них ты легко научишься деланию. Ибо если житейские искусства узнаются при помощи учителей, то не безрассудно ли за Божественное любомудрие, как за нечто легкое, братья самим<sup>346</sup>?

Петру, настоятелю одного монастыря, он давал такие правила касательно новопостриженных: новопостриженных как с одной стороны не должно чрезмерно обременять игом устава, дабы тотчас, в самом начале, они не ослабели, так с другой стороны не должно оставлять их без упражнения и труда, дабы они не впали в леность. Надобно постепенно содействовать их преуспеянию<sup>347</sup>. Для утверждения в жизни иноческой Исидор советует вспоминать об обетах, данных при пострижении, и постоянно бдеть над собою, чтобы избежать козней дьявольских. Когда ты приступал к горе высокой жизни, пишет он иноку Лампедию, и, очистив одежду и чувства, приуготовил сердце свое к слушанию Божественного учения; тогда ты решился забыть все дольнее, дабы достигнуть высоты добродетелей. Исполни же обеты, данные тобою Богу, и прилежно возделывай виноград Его. В руке Его мзда, которую каждый получит по мере труда своего<sup>348</sup>. В письме Стратегию монаху Исидор, изъявляя радость о мужестве, с каким он подвизается против дьявола, пишет: враг бесстыден и дерзок; враждебная злоба и хитрость его заменяют для него все оружия. Он нападает во всякое время, не страшась того, что будет побежден, но всегда мечтая одержать победу. Хитрость врага многообразна. Когда он бывает побежден силою целомудрия, то старается уловить сребролюбием. Если и при сем нападении будет поражен, тогда вооружается наветами

зависти. Когда же увидит разрушенными и эти ковы, тогда возжигает брань между друзьями, враг ополчает на человека домочадцев его. Когда же и после сего человек остается непобедим, тогда враг поселяет в него леность. Если же побеждает леность, то враг внушает ему памятозлобие. Но для чего исчислять все стрелы лукавого? Не распространяясь более об них, я скажу тебе одно увещание: мужайся и будь бдителен, потому что враг нападает со всех сторон и направляет стрелы свои особенно в те места, где раны более опасны<sup>349</sup>.

Так поучал Исидор клир и иночествующих, не оставляя без назидания и мирян всякого звания. Всем внушает он любовь к правде, ревность по добродетели, благоговение пред Богом.

Время кончины преподобного Исидора с точностью трудно определить, Евагрий пишет, что Исидор процветал в царствование Феодосия Младшего (408–450)<sup>350</sup>. Из писем Исидора видно, что он пользовался известностью и при Аркадии. Есть два его письма к Руфину, префекту преторианскому<sup>351</sup> († 395 г.). Он жив был, когда Кирилл отправлялся на собор, созванный Феодосием в 431 году, как видно из письма Исидора к Кириллу<sup>352</sup>. Из некоторых писем Исидора, по-видимому, можно заключить, что они направлены против монофизитской ереси, распространившейся при покровительстве Диоскора в Египте. Так, Епископу Гермогену пишет Исидор: опять Египет подпадает власти Фараонов; не на пришлых сынов Иакова налагает он труд построения городов, но от всех сильных требует подати ересей, – смотрите, чтобы кто не обольстил вас, но стойте, как твердое основание. Ибо вочеловечивыйся Бог не претерпел ни изменения, ни слияния, ни разделения, но есть единый безначальный и вечный Сын и прежде вочеловечения и после вочеловечения, так от нас покланяемый<sup>353</sup>. В письме к Константину осуждает его так: ты неистово преследуешь благочестиво чтущих Божество, уча какому-то слиянию и смешению, и изменению Слова Божия в плоть или изменяя Божественное естество в плоть и кости, или отвергая истинность плоти<sup>354</sup>. В письме к Тимофею чтецу Исидор пишет: остерегайся признавать во Христе после воплощения одно естество.

Ибо признающий одно естество уничтожает то и другое или изменяя Божественное, или уничтожая наше<sup>355</sup>. В письме Кириллу пишет: что Истинный и Бог всяческих соделался воистину человеком, не изменившись, чем был, и принял то, чем не был, в двух естествах будучи единый Сын безначальный и бесконечный, присносущный и вечный, не усумнись в сем<sup>356</sup>. К дьякону Феодосию Исидор пишет: хотя Слово соделалось истинною плотию, но Христос не соделался простым человеком, но воплотившись пребывает Сыном Божиим в обоих естествах<sup>357</sup>. Очевидно, что все эти места могут быть употреблены для опровержения ереси Евтихия, как и поступил Леонтий Византийский в своем сочинении против Нестория и Евтихия<sup>358</sup>. Но едва ли можно заключать отсюда, что Исидор имел в виду ересь Евтихия. И прежде Евтихия мнение его встречалось у некоторых писателей. Евтихий уже в старости, именно в 448 году, начал проповедовать свое лжеучение о едином естестве воплотившегося Бога Слова. Уже поэтому в письме к Кириллу, который скончался в 444 году, Исидор не мог иметь в виду ереси Евтихия. Все эти письма, вероятно, относятся к тому времени, когда приверженцы Нестория распространяли свои клеветы против св. Кирилла и говорили, что он проповедует лжеучение Аполлинария. Жалоба Исидора в письме к Гермогену на распространение ереси в Египте не может относиться к Евтихию; потому что Гермоген не дожил до Собора 449, на котором присутствовал уже преемник его Зенон. Если в письме Исидора к Гермогену видеть указание на Диоскора, то Исидор недолго пережил своего друга. В письме к Зенону он успел воздать честь усопшему Епископу, восхваляя его добродетели и убеждая последовать примеру своего предшественника<sup>359</sup>. Но он не дожил до утверждения в Египте лжеучения Евтихия после Собора 449 г. Ибо ни в одном из своих писем он не обличает нечестивых определений епископов, благоприятствовавших Евтихию. Таким образом, милосердый Бог избавил сего ревнителя чистоты веры и нравственности от скорби, какою должно бы терзаться его сердце при распространении ереси Евтихия после принятия Диоскором его лжеучения на Соборе 449 г. Он смотрел на

смерть как на сладкий покой – конец скорбей<sup>360</sup>, тихое пристанище от бурь житейских. Мне приключилась болезнь, писал он однажды Квинциану, постепенно освобождающая меня от бурь и волнений. Но поскольку Бог опять попустил мне оставаться среди волн, то помощи молитвами моему плаванью, чтобы не потерпеть чего-либо противного тишине<sup>361</sup>. Он всегда желал лучше умереть, только бы не впасть в грех, нежели совершив грех избежать смерти<sup>362</sup>. Он успокоился наконец в Боге, перешедши в лучшую жизнь. Враги Православия хотели было нарушить его вечный покой. Север, последователь Евтихия, находя в писаниях Исидора обличение своей ереси, думал обвинить его в 513 году в оригенизме, но так чиста была память Исидора, что он должен был отказаться от своего намерения<sup>363</sup>.



## Писания святого Исидора Пелусиота

Евагрий пишет об Исидоре Пелусиоте, что он много писал весьма полезного<sup>364</sup>. Но из писаний Исидора до нас дошли только его письма, которых в полном собрании его сочинений считается 2012<sup>365</sup>. Такое же число писем Исидора упоминают и современный ему писатель Ириней Тирский<sup>366</sup>, и писатель VI века Факунд Епископ Гермианский (в Африке)<sup>367</sup>. Свидра пишет, что Исидор пресвитер Пелусиот, муж знаменитый, философ и ритор, написал 3000 писем, в которых объяснял Священное Писание, и некоторые другие сочинения<sup>368</sup>. Никифор Каллист пишет, что Исидор написал много исполненного всякой пользы, особенно письма, полные всякой благодати, числом 10000, в которых объясняет Священное Писание и делает всем назидательное наставление<sup>369</sup>. Сам Исидор упоминает о книге своей против Еллинов. Когда комит Гермин спрашивал его: почему бывает, что люди нечестивые и порочные бывают счастливы, а благочестивые подвергаются великим бедствиям? – Исидор отвечает, что этот вопрос он разрешил в слове, написанном против Еллинов<sup>370</sup>. В той же книге, как видно из письма к Гарпократу Софисту, он писал о прорицалищах языческих<sup>371</sup>. Итак, видно, что он написал книгу против язычников. В письме к Гермину Комесу он ещё упоминает о книге своей против судьбы. «Поелику ты написал, – пишет Исидор, – что я недавно составил книжку о судьбе, которая от некоторых превозносится похвалами, и просишь прислать её, то я посылаю тебе»<sup>372</sup>. Из сих слов видно, что это сочинение прежде было неизвестно Гермину, между тем о сочинении против язычников он говорит, как об известном. Между письмами Исидора Пелусиота к Гермину есть одно, в котором он опровергает бытие судьбы<sup>373</sup>. Принимая во внимание, что письмо свое к Евлогию он называет (λογίδιον)<sup>374</sup>, так же как он называет и сочинение свое о судьбе, можем думать, что это и есть сочинение Исидора, которое просил у него Гермин<sup>375</sup>.

Нет достаточных оснований сомневаться в подлинности писем Св. Исидора. Правда, в большей части их нет

определенного указания на время их написания, на отношение их к веку Исидора, многие письма по содержанию своему сходны с мыслями других Отцов и потому представляются как бы извлечениями из них. Но все письма представляют замечательное сходство по языку и по духу. Они отличаются сжатостью слога и полнотою мысли, в них много остроты и живости, без изысканности. Исидор следовал тому правилу, которое он изложил в одном письме: слог писем не должен быть чужд изящества, но без утонченности. Первое полезно, а второе не годится. Умеренное украшение достаточно и для пользы и для приятности<sup>376</sup>. Обличительные письма Исидора, кроме частых указаний в них на современность, доказывающих их подлинность, все сходны по тому смелому голосу истины, каким говорил, можно сказать, один Исидор Пелусиот. В письмах догматического содержания он везде верен Символу Никейскому; в письмах нравственного содержания, он свои наставления основывает на Священном Писании и всегда дает прямые убедительные советы. Письма Исидора до нас дошли не в первоначальном виде, что можно заключить уже из отсутствия приветствий в начале и конце писем. То, что касалось частных его отношений к известным лицам, могло быть исключено, а оставлены только мысли, назидательные для каждого читателя.

В своих письмах Исидор является 1) как защитник христианской веры против Иудеев и язычников; 2) как истолкователь Священного Писания и 3) как учитель православной веры.

## Защитение христианской веры

Знакомство с классической литературой Греции способствовало Исидору бороться с язычниками при защитении Божественности христианской веры: «Ты Еллин, – писал Исидор к схоластику Касию, – и уважаешь писание Еллинов, и потому надобно состязаться с тобою тем же оружием»<sup>377</sup>. И Исидор превосходно пользуется этим оружием. Из нелепости и безнравственности мифологических сказаний Исидор выводит прямое заключение, что боги язычников не стоят никакого почтения<sup>378</sup>. Он рассказывает, к каким обманам прибегают язычники, чтобы придать вид высшего происхождения своим идолам. Так, один из Птолемеев, купив у художника статую Дианы, стал уверять, что она сошла с неба, а дабы сделавший её не обличил его во лжи, коварно погубил его. Злодеяние это сделалось всем известно<sup>379</sup>. Самые книги язычников, рассуждающие о религии, содержат басни, достойные презрения. Между тем Священное Писание исполнено истинных высоких, внушающих глубокое уважение, так что стоит только сравнить священные книги христиан с книгами язычников, дабы убедиться, что вера Христианская есть истинная<sup>380</sup>.

Доказывая язычнику Проксу бессмертие души, Исидор, в опровержение приводимого им мнения Галена, приводит мнения Пифагора, Платона, Гомера, Еврипида<sup>381</sup>. Казия схоластика он опровергает словами Исократа, Аристиды, Епаминонды, Кратеса, Фокиона, Платона и других знаменитых язычников<sup>382</sup>.

Допуская, что у языческих мудрецов есть много доброго и потому признавая полезным знать языческую мудрость<sup>383</sup>, Исидор, впрочем, показывает нетвердость их в решении самых существенных вопросов нравственности: языческие мудрецы, пишет он, хотели решить, что такое справедливое, что приличное, что законное и что честное? Но длинными противоречащими суждениями своими водят как бы в лабиринте читателей своих и оставляют их ещё в больших недоумениях<sup>384</sup>. Сколько учнейший Платон написал разговоров, стараясь

объяснить, что такое справедливость? Однако же не только не убедил никого, но даже сам, лишенный свободы, кончил жизнь. Сколько написал Аристотель против Платона, обращая в шутку мысли его? Но и сам не принес пользы, а только увеличил словопрение. Как много писали Стоики, опровергая Аристотеля, но и их учение пало. Пусть считающиеся мудрыми сравнят со всем этим ясность Божественных словес, и да перестанут пустословить, и да примут учение Божественное, имеющее целью не удовлетворение тщеславию, но пользу слушателей<sup>385</sup>.

Против язычников, отвергавших христианскую веру, потому что Иисус Христос предлагал новый образ жизни и вероучения, Исидор говорил, что, не уча новому, никто не может изменить худых, застарелых обычаев и новость полезная не может быть осуждаема<sup>386</sup>. Против тех, которые отвергали Божественность учения Апостолов по причине простоты их речи, Исидор указывает на суждение Сократа, приводимое Платоном, что украшенная речь недостойна философа, и на слова Гомера, который говорит, что учителям Божественных вещей нет нужды знать человеческую мудрость<sup>387</sup>.

Исидор пользуется и историческими доказательствами Божественности христианского учения. Греческая религия, защищаемая учеными, давно существующая, поддерживаемая силою и оружием, более и более упадает; а вера христианская, проповедуемая простыми и бедными людьми, в короткое время распространилась и покорила себе многих язычников. Причина та, что учение Апостолов состоит из небесных истин, а религия языческая сцеплена из ложных басен<sup>388</sup>. Поэтому не себя ли осмеивают те, которые дерзают смеяться над христианством? Уничжая крест, они сами подвергают себя осмеянию, потому что побеждены крестом. Упрекая в неучености Апостолов, они полагают упрек на мудрейших из своих собратий, которые низложены неучеными мужами. Глумясь над достопоклоняемым гробом Спасителя, они тем яснее делают смешными свои храмы, которые уступили место осмеянному гробу. Пренебрегая Евангелие, унижают все, что у них почиталось важным; поскольку все это покорилося тому, что они почитали неважным<sup>389</sup>.

Защищая учение христианское о Божественном Промысле, Исидор показывает, к каким нелепостям приводит язычников верование в судьбу. Верующие в судьбу одними своими предположениями изощряют язык свой против Божественного Промысла и бросают стрелы в самое небо, другими – изгоняют все, что на земле есть хорошего: философию, медицину и все науки и искусства, упражнение в добродетели и обуздание порока. Ибо если судьба, при самом рождении определенная от тех, коим они преступно воздают Божеские почести (они самые звезды почитают за богов), если, говорю, судьба управляет состоянием человека, то не нужны ни философы, ни законодательство, ни судопроизводство, не нужно лечить больных, ни стараться о науке и художестве, ни размышлять, ни упражняться в добродетели, ни удаляться порока. Все сие ниспровергается мнением о судьбе. Снесет ли это кто-нибудь, если не совсем ещё лишен ума и благоразумия? Кто прельстится сею мечтою и вверит свою участь так называемому благоразумия? Кто прельстится сею мечтою и вверит свою участь так называемому случаю, – случаю, коего суетность желая открыть, писатели и живописцы не довольствовались представить его в образе женщины, но дали ещё ему кормило в руки, подложили под ноги шар и выкололи глаза, дабы чрез это доказать его безумие, безчувственность, слепоту и непостоянство? Кто же, пренебрегши всеуправляющую Десницу, вверит себя слепому, непостоянному и безумному вымыслу? Но говорят: отчего же некоторые обогащаются нечаянно? Отчего некоторые наказываются несправедливо? Я спрошу: отчего одни обогащаются законно, а другие наказываются праведно? А нечестивые, хотя бы в сей жизни избегли наказания, в будущей непременно получают оное. Промысл знает причину всего случающегося с нами и каждому разделяет дары свои так, чтобы и богатый мог испытывать волю свою, и бедный, как злато в горниле искушенный бедностью, удостоился венца<sup>390</sup>.

В борьбе с Иудеями Исидор пользуется не только книгами Ветхого Завета, из которого он объясняет пророчества, относящиеся к Иисусу Христу, но и сочинениями самих Иудеев – Иосифа Флавия и Филона. Из сочинений первого приводит он

свидетельство об Иисусе Христе, а у второго находит учение о Слове. Примером их он также доказывает справедливость преобразовательного истолкования Ветхозаветного Писания<sup>391</sup>.

Для примера приведем, как Исидор опровергает Иудея, утверждавшего, что пророчество Моисея: Пророка от братии твоя, якоже мене, восставит тебе Господь Бог твой (Втор. 18, 15), относится к Иисусу Навину. 1) Моисей, будучи объят Духом Святым, изрек сии слова уже после избрания Иисуса Навина. 2) Если бы сын Навинов превзошел Моисея, то мнение сие было бы несколько вероятнее. Но поскольку он был гораздо ниже Моисея, то и мнение сие не имеет силы. 3) Иисус Навин ничего не прибавил к закону, но сам поступал по его велению. 4) Если бы к нему относилось упомянутое пророчество, то надлежало бы сказать – не воздвигнет, но воздвигнул, и далее надлежало бы сказать: будет всяка душа, яже аще не послушает пророка сего, а здесь сказано: того. В подтверждение своего объяснения Исидор указывает на верование Иудеев, что под Пророком, о котором предсказывал Моисей, разумеется Мессия. «Почему Иудеи посылали к Иоанну, родившемуся спустя несколько веков, спросить: Пророк ли он? и почему Иоанн отвечал: несмы? Потому что хотя он и был Пророк, но не тот, коего посланные разумели. Почему, когда Спаситель пришел на землю, свидетели чудес Его говорили: сей есть воистину пророк, грядый в мир (Ин. 6, 14)? Пусть Иудей внимательно рассмотрит, сколько обстоятельств противоречат его мнению, и пусть лучше поклонится истинному провидцу и Царю»<sup>392</sup>.

Иудеям, глумившимся над безмужним рождением Спасителя, Исидор объяснял оное сотворением первого человека и первой жены<sup>393</sup>. Иудеи, на основании слов Евангелиста Матфея: и не знаяше ея, дондеже роди сына своего первенца (гл. 1, ст. 25), утверждали, что Иосиф после рождения Иисуса имел детей от Марии; посему Исидор писал против них: да знает нечестивый народ, что в Священном Писании слово «дондеже» часто употребляется для обозначения постоянного продолжения времени, напр. дондеже положу враги Твоя подножие ног Твоих (Пс. 109), и не возвратися (вран) дондеже иссиге земля (Быт. 8, 7); дондеже

состареемся, Аз есмь, глаголет Господь (Ис. 46, 4). После рождения Иисуса от нарушения девства Марии предостерегали Иосифа видение Ангела, который сказал, что заимствовавший плоть во утробе Девы родился от Духа Святого, величие и множество чудес, сопровождавших рождение, и девство после рождения, и пение Ангелов, и дары волхвов, и путеводная звезда, и изведение в Египет, и низвержение идолов, и праведность обрученных, засвидетельствованная Священным Писанием. Подтверждает это и последнее завещание Господа, вручающего Богоматерь девственнику Иоанну и соединяющего девство обоих, когда Он на кресте благоволил принять животворящую смерть<sup>394</sup>.

## Исидор как толкователь Священного Писания

Большая часть писем Исидора состоит в истолковании различных мест Священного Писания, и почти из каждой канонической книги Ветхого и Нового Завета он объяснил по несколько изречений<sup>395</sup>. Вообще в его изъяснениях видно сходство с толкованием Святого Златоуста, с тем только различием, что Исидор короче излагает свою мысль. Во многих местах он прямо руководствовался Св. Златоустом. Толкования Исидора были весьма уважаемы: многие даже из епископов просили у него изъяснения трудных мест Священного Писания; в числе сих епископов мы находим имя Григория (с вероятностью нужно полагать) Нисского<sup>396</sup>.

Прежде нежели изложим наставления, руководствующие к истолкованию Священного Писания, и примеры его толкований, представим его мысли о Священном Писании. С древними людьми, пишет Исидор, Бог беседовал не чрез письма, но Сам непосредственно, находя их ум чистым и достойным научения без посредника. Это видно из того, что Он без писем беседовал с Ноем, Авраамом и лучшими из потомков их, равно как и с славным Иовом. Когда коварный народ Иудейский ниспал в самую глубину нечестия, тогда стали необходимы письма и научение посредством их. То же, что было во времена Ветхого Завета, ещё яснее открылось в Новом. Ибо Божественным Апостолам не было дано ничего написанного, но вместо писем им обещана благодать Святого Духа. Той, сказал Спаситель, воспомянет вам вся (Ин 14,21). Если ты думаешь, что писанные законы важнее неписанных, послушай, что говорит сам царь: и завещаю с ними завет нов, дая законы моя в мысли их, и на сердцах их напишу их (Иер. 31,31–34), и будут вси научени Богом (Ис. 54, 13). Посему и Павел, утверждающий, что мы посредством веры приобрели более, нежели сколько открыл Моисей, сказал, что мы получили закон не на скрижалях каменных написанный, но изображенный на скрижалях сердца плотяных (2Кор. 3, 3). Но когда с течением времени одни стали погрешать в догматах веры, другие в



жизни, опять нужно было научение чрез письма. Ибо когда нарушены бывают неписанные законы, желающий привести подчиненного к добродетели издаст писанные законы<sup>397</sup>. Если будешь внимательно читать Ветхий Завет, то откроешь, что в нем предсказано все, содержащееся в Новом Завете. Посему находящимся под законом и почитающим учение Евангелия для них чуждым Спаситель самыми словами закона показывает истину догматов благодати, дабы таким образом они увидели неразрушимое согласие обоих заветов<sup>398</sup>. Исидор говорит, что Сам Господь для того, чтобы показать согласие обоих заветов и что Он Сам дал закон, повелел исцеленному Им прокаженному идти в храм и принести дар<sup>399</sup>. Поэтому Исидор обличает Маркиона в крайнем повреждении Священного Писания, когда он слова: не приидох разорить закон, но исполнить, объясняет так: неужели вы думаете, что я пришел на землю исполнить закон и пророков? Я пришел, чтобы разорить их, а не исполнить<sup>400</sup>. По сей же причине Исидор часто повторяет, что в том и другом Завете проповедуется один Бог, что один и тот же Законодатель обоих Заветов<sup>401</sup>, хотя есть большое различие между обоими Заветами и Новый превосходнее Ветхого<sup>402</sup>.

Закон дан был людям младенчеству<sup>403</sup> и жестоковейным<sup>404</sup>, и Законодатель по Своей мудрости снисходил их немощи<sup>405</sup>. Законы Ветхозаветные даны были для того, чтобы умы людей приготовить к высшим заповедям Спасителя и Апостолов<sup>406</sup>. Так, Моисей определил наказывать только тех, которые совершили грех, а Иисус Христос запрещает самую склонность ко греху и вождение его<sup>407</sup>. Моисей дает правила для действий, а Иисус Христос и для мысли<sup>408</sup>. Закон Евангельский превосходнее и потому, что догматы, которые Моисей в образах и символах темно предал, ясно изложены и возвещены в Евангелии<sup>409</sup>. Наконец, закон Моисеев дан одним Иудеям, а учение Спасителя и Апостолов возвещено всему миру<sup>410</sup>. При появлении света исчезает утренний сумрак, при восходе светозарного солнца скрываются сонмы звезд, с наступлением ясного дня исчезает тень зари. Когда воссияла премудрость Евангельская, тогда сделалось

ненужным руководство закона. Так немым сделался Захария, когда услышал благовестие нового и чудного приветствия<sup>411</sup>.

Все, написанное в Священном Писании – сем небесном учении, для нашего научения написано<sup>412</sup>. Оно внушает прямую, ясную, твердую и непоколебимую веру в Бога<sup>413</sup>. Оно есть правило истины<sup>414</sup>. Учение, которое предал Иисус Христос людям и которое Апостолы словом и письменами сообщили многим, есть лестница, возводящая нас к Богу<sup>415</sup>. Если мы следуем ему, изощряется легкость и быстрота души нашей<sup>416</sup>. Оно доставляет нам в скорби сладкую веру, в несчастий надежду, в печали утешение<sup>417</sup>. Посему для грешника лучшее врачевство денно и ночью упражняться в Священном Писании. Оно есть духовное зеркало, которое не только показывает наши безобразия, но, если мы захотим, изменяет оное в красоту<sup>418</sup>. Оно доставляет врачевство против грехов всякого рода<sup>419</sup>; при его помощи познается и сила болезни и способ врачевания<sup>420</sup>. Священное Писание есть напутствие ко спасению.

Божественное достоинство и душеспасительная польза Священного Писания требуют от приступающего к изъяснению его особенного приготовления. «Приступающий к изъяснению Священного Писания, – пишет Исидор, – должен приготовиться к сему, очистив сердце свое и изгнав из себя страсти и пороки<sup>421</sup>. Ум нечистый не может из Священного Писания получить что-либо себе на пользу<sup>422</sup>. Надобно с осмотрительностью исследовать смысл оного и не касаться дерзновенно непостижимых тайн<sup>423</sup>. Что в Священном Писании есть места неудобопонятные, это есть устроение мудрости и попечения Божия. Ибо если бы все было ясно, то в чем могли бы мы обнаружить свою мудрость, когда бы не нужно было никакого исследования, и если бы все было темно, то как бы стали понимать оное? Ясным объясняется темное, а когда некоторые места встречаются темные, то это смиряет гордость ума человеческого<sup>424</sup>. Читая Священное Писание, не должно ограничиваться только уразумением смысла, но несомненно и на деле исполнять заповеди его<sup>425</sup>. Желаящий изъяснять Священное Писание должен иметь язык простой и степенный, благоговение в душе и следовать за писанием своим умом, а не

приспособлять оное к своей мысли. Ибо неправильно толкующий Священное Писание подвергает опасности спасение своей души<sup>426</sup>. Отдельные слова должно изъяснять по связи мыслей»<sup>427</sup>. Для избежания суемудрого толкования и предохранения себя от губельных заблуждений и ересей Исидор советует руководствоваться указаниями святых мужей и следовать символу веры, изложенному на Никейском соборе; ибо сей собор по внушению Божию изрек истинные догматы<sup>428</sup>. Таким образом, Исидор совокупность истин веры, возвещааемых Церковью, признает за одно из главных руководственных начал при объяснении Священного Писания.

По мнению Исидора, не правы те, которые в Ветхом Завете относят к Иисусу Христу места, не имеющие к Нему приложения. Ибо они сим самым усиливают язычников и не принимающих Ветхого Завета еретиков в борьбе с нами. Принужденно прилагая к Нему то, что не о Нем сказано, они подрывают доверие к тому, что прямо к Нему относится. «По моему мнению, нужно было и не все сказать, и не совершенно умолчать о Нем. Ибо полезно было и не все сказать о Христе для тех людей, которые о Боге Отце сомневались и говорили: сотвори нам боги; и не все умолчать о Нем нужно было для обличения неверовавших Иудеев и укрепления надежды, тех, которые имели уверовать»<sup>429</sup>. В письме к Тимофею чтецу Исидор подробнее раскрывает эту мысль «Божественная и вечная сила, восхотев заключить в древнейших письменах предсказания о будущих событиях, совершила сие дело так премудро, что оно выше всякого описания и хвалы. Ибо если происходило когда-либо такое событие, которое могло служить образом будущих благ, то благодать иное изобразила в нем слабыми очертками, а иное яркими красками так, что живописала светлый образ. Отсюда истекли две величайшие выгоды: первая та, что древние, находя в священных сказаниях много полезного для себя, не почитали оные странными; другая та, что потомки познают из оных непреложность пророчеств. Истолкователи прообразований, если видят, что без принуждения можно изъяснить все части оных, должны делать это с рачением, а если видят невозможность, не должны

усильно усвоить таинственный смысл тем местам, которые не допускают оногo, дабы таким образом не подвергнуться упреку в искажении и тех мест Священного Писания, которые требуют таинственного объяснения, дабы не причинить соблазна Иудеям, Эллинам и еретикам и не отнести ко Христу чего-либо несообразного с Его достоинством. Если же что сказано применительно к современным обстоятельствам, то надлежит прямо указывать сию цель сказаний и не вдаваться в принужденные и неприличные изъяснения»<sup>430</sup>. Чтобы объяснить лучше свою мысль примером, Исидор указывает на 71-й Псалом. Сей Псалом написан о Соломоне. Некоторые стихи его относятся к Соломону, но часть из них и важнейшая к Иисусу Христу. По первому смыслу, по-видимому, воспевается Соломон, но глубочайший и внутреннейший смысл указывает истинного Примирителя, Который был великим Утешением для тогдашних людей и ещё большим для будущих. Ибо слова: и пребудет с солнцем (имя Его) и прежде луны рода родов (ст. 5) и все прочее, приличное Божеству, как высшее не только человека, но и всякой небесной силы, воспевается о Христе. Слова же: и помолятся о нем выну (ст. 15) сказаны о Соломоне. Мы не должны принужденно истолковывать пророчества, ни впадать в странные объяснения для введения единообразного смысла в пророческие места, но с рассуждением уразумевать и то, что сказано исторически, и принимать предсказанное по созерцанию, а сказанного в историческом смысле не относить к духовному, но давать смысл сообразный тому и другому способу речи. Если же найдется какое-нибудь пророчество, содержащее и без принуждения указывающее на духовный смысл, можно пользоваться тем и другим смыслом<sup>431</sup>.

О книге Бытия Исидор замечает, что Моисей хотел предложить в ней не историю только занимательную для души, но поскольку намеревался дать закон, то прежде указывает Творца и Судью всяческих, дабы люди не воздали Божеской почести вещам сотворенным. Потом, показав награды для благочестивых и наказания для грешных, переходит к закону, чтобы на основании того, что случилось, поверили и тому, что будет, и, уверовав, склонились к благочестию и правде<sup>432</sup>.

Из мест книги Бытия, изъясненных Исидором, более примечательно объяснение на слова: сотворим человека по образу нашему и по подобию (гл. 1, ст. 26). Исидор жил в то время, как заблуждение антропоморфистов в Египте было в силе, и сам Исидор, объясняя эти слова, говорит, что вопрос об них весьма часто слышится.

Справедливее поступают те, пишет Исидор, которые изображают Бога, снимая черты с лучшей части человека, то есть с души разумной. Ибо представляющие себе Божество в телесном только образе крайне безумны. Они увлекаются тем, что сказано в переносном смысле и не способны возноситься мыслью к тому, что сообразнее с Божеством. Как можно было бы сказать: в крове крилу твоею покрывши мя (Пс. 16, 8), и семь очес Господних, призирающих на землю (Зах. 4, 10), когда человек не имеет ни крыльев, ни очес? Для чего Апостол Павел сказал, что Божество не подобно даже смыслению человеку (Деян. 17, 29)? Что значат слова Исаии: кому уподобите Господа (40, 18)? Для чего, наконец, Моисей сказал: и снабдите души своя зело, яко не видесте всякого подобия в день, в онъ же глагола Господь к вам (Втор. 4, 15)? Человек – образ начальствования и господствования, а не сущности; а когда делает правду, то и добродетели. Хотя мы почитаем разумную душу также бессмертною, но она не единосущна сей Божественной и безначальной природе; напротив, столько различествует от нее, сколько тварь должна быть отлична от Творца. Слово: по подобию (если кому не покажется однозначущим с предыдущим: по образу) должно изъяснить таким образом: Бог для того вручил власть человеку, чтобы он показал добродетель и чрез то снискал подобие. Первое зависело от творения, а последнее от произволения существа сотворенного. По сей-то, может быть, причине сказано: сотворим человека по образу нашему и по подобию, а после: и сотвори Бог человека, по образу Божию сотвори его (Быт. 1, 27), но не прибавлено: по подобию. Как бы так было сказано: сотворим человека по образу нашему, дабы он собственным произволением достигал подобия. И Единородный Сын Божий, пришедши к нам, говорил: будьте подобны Отцу вашему

небесному, как бы желая показать тем, что человек по сотворению сделанся образом Божиим, а подобием может сделаться только по произволению<sup>433</sup>.

Исидора спрашивали: в каком порядке читать три книги Соломона? Он отвечал: надобно знать, что одна из них учит добродетели нравственной, другая показывает, как суетен труд тех, которые привязываются к земным вещам, третья говорит о душе, научившейся Божественной любви. Посему сначала должна быть читана книга Притчей, потом Екклесиаст и после Песнь Песней. Кто очистил нравственное чувство изучением Притчей, за того можно не опасаться, чтобы, перешедши к Песни Песней, стал мечтать о плотской и чувственной любви; напротив, он воскрилится любовью к чистому и Божественному Жениху, называемому блаженными любящих. Посему я увещаю и учу юношей, чтобы они не прежде касались третьей книги, как изучив первые две<sup>434</sup>.

Представим несколько мест Писания, объясненных Исидором, чтобы яснее видеть способ толкования, им усвоенный.

Ис. гл. 6, ст. 9 и 10. Перемена лиц ясно показывает смысл сказанного. Ибо если бы слова сии должно было относить к народу Израильскому, то сказано было бы так: иди, скажи народу сему: слухом будете слушать, и не уразумеете, глазами будете смотреть, и не узрите: ибо огрубело сердце ваше и ушима тяжко слышите и глаза свои закрыли, да некогда увидите глазами, и ушами услышите, и сердцем уразумеете, и обратитесь и исцелю вас. поскольку же сказано не таким образом, но переменяются три лица, именно от кого, к кому и о ком речь идет; то сила изречения требует такой мысли: иди, скажи народу сему: слухом будете слушать и не уразумеете, глазами будете смотреть, и не узнаете. Потом Пророку, когда он как бы испытывал причину сего, показана была она причина в словах: одевале бо сердце людей сих и ушима тяжко слышат, и очи свои смежиша. А ежели они сами противятся своему спасению, – как бы так сказал Пророк, – для чего же Ты посылаешь меня проповедовать им? Может быть, так отвечает ему Бог (ибо частица *μήποτε*, да некогда, такое здесь имеет

значение): может быть, они узрят очима, и ушима услышат, и обратятся, и исцелю их. То есть частица да некогда (μήποτε) выражает здесь не лишение слуха, но надежду покорности. А что она употребляется и в таком значении, в удостоверение послушай Иудеев, что они говорят о Спасителе.

Не сей ли есть, егоже (Фарисеи) ищут убить? И се не обвиняся глаголет и ничесоже Ему глаголют. Еда како (μήποτε) уразумеша князи, яко сеи есть Христос (Ин. 7, 25–26)? Ученые, в числе коих считается и Филон, часто также употребляют μήποτε вместо ίσως – может быть, или вместо ёσθоте, некогда. Если же сверх сего ты хочешь иметь свидетельство от лица Богодухновенного, послушай Апостола Павла, который пишет: рабу Господню не подобает сваритися, но тиху быти ко всем, учительну, незлобиву, с кротостию наказующу противныя: еда како даст им Бог покаяние в разум истины (2Тим. 2, 24–25). И здесь частица μήποτε употреблена вместо ёσθоте, некогда, или ίσως, может быть; ибо выражает надежду покаяния, а не отриновение. И в другом месте написано: обличи друга, егда ещё (μήποτε) не сотворил (Сир. 19, 13). Если таким же образом будем понимать пророческое место, то и Богу, Который предсказал Свои действия, будет приписано то, что свойственно Его природе. Ибо Он, без сомнения, хочет, чтобы спаслись погрязшие в беззаконии и потому посылает к ним таких людей, которые могли бы врачевать их. Пусть они не оставят своего безумия, но что с Его стороны нужно было сделать, то сделано. Посему и Богу сохранится приличное, и ясно будет, что Пророк не напрасно был послан, не для укоризны, но поставлен служителем здравия и спасения. Ибо цель его посланничества была не та только, чтобы обличить народ, но чтобы, укорив согрешающих и обнаружив беззакония, воззвать их к покаянию, а обращающимся показать способ врачевания<sup>435</sup>.

Прекрасно Исидор объясняет слова: будите мудри, яко змия, и цели, яко голубие (Мф. 10, 16).

Мудрость, соединенная с простотою, составляет что-то Божественное, то есть добродетель всесовершенную. Если же одна от другой бывает отделена, то первая превращается в лукавство, а последняя в глупость: и та способна к совершению

злодеяния, и сия легко обманывается. Посему-то Слово Божие не представило сего под одним символом, (ибо в бессловесных животных нет мудрости с простотою: одни из них хитры, другие управляются бессмысленною простотою) но заповедало: будите мудри, яко змия, и цели, яко голубие. Смысл сего изречения не тот, чтобы мы подражали ядовитости и лютости змия (ибо Иудеям та ставится в порок, когда они называются змиями и порождением ехидны); и не тот, чтобы мы подражали лукав они называются змиями и порождением ехидны); и не тот, чтобы мы подражали лукавству змия и его способности обманывать (ибо подобие берется не в полном объеме, но по частям, иначе оно не было бы уже подобие, а самая вещь уподобляемая); не тот, говорю, но чтобы мы совлекались ветхого человека, то есть зла, как змий сбрасывает кожу свою, и веру хранили так же, как он хранит голову; о теле менее заботились, от всего прочего удалялись; и с сими качествами соединяли простоту голубя, не в подражание его бессмысленности (так Ефрем уподобляется голубю безумному, не имеющему сердца (Ос. 7, 11), но чтобы подражали его простоте и незлобию. Если угодно, я объясню мысль свою и другим примером. В Священном Писании называется львом не только Христос, но и праведник и даже дьявол, впрочем не в одинаковом смысле. Ибо, как я прежде сказал, подобие берется не в полном смысле, но в той только части, которая служит к объяснению речи, все прочее остается без приложения. Так, Христос называется львом относительно к царскому достоинству и силе непобедимой: возлег, уснул еси яко лев (Быт. 49,9). Праведник называется львом по спокойствию и небоязненности: праведник яко лев уповая (Притч. 28, 1). Наконец, дьявол называется львом по отношению к лютости и кровожадности: яко лев рыкая, ходит иский кого поглотити (1Пет. 5, 8). Итак, если Писание от одного животного заимствует различные образы и мы не смешиваем представления, но к каждому приспособляем приличное; то почему же удивляемся, если Павел взял подобие от брения (Рим. 9, 21) не с тем, чтобы опровергнуть свободу человеческой воли, которую он повсюду превозносит, но чтобы, с одной стороны, дать понятие о той покорности, которую праведник



должен иметь к Богу, с другой, чтобы у врачевать безумие тех, которые осмеливались порицать учение чистейшее, и слово и ум превосходящее<sup>436</sup>.

Мф. гл. 11, ст. 11. Большим Иоанн из рожденных женами назван потому, что он ещё в утробе матерней пророчествовал и, будучи сокрыт во мраке, уже знал о Свете грядущем. Выше же всех Пророков Иоанн потому, что видел во плоти Того, Который был предметом пророчеств, Которого все Патриархи и Пророки зрели только в сониях и видениях, видеть же телесными очами не могли<sup>437</sup>. Мний же в Царствии Небесном болий Иоанна есть, значит: совершенный в законе менее того, который крестился в смерть Христову. Ибо в том состоит Царство Небесное, чтобы быть погребенным со Христом, который сошел во гроб для разрушения смерти и, победив её, даровал воскресение. Посему хотя Иоанн был более всех рожденных женами, но был усекнут прежде наступления Царства Небесного, и хотя был безукоризнен по правде законной, но был ниже усовершенных Духом жизни о Христе, прежде их отшедши из сей жизни. Итак, всякий меньший в Царствии Небесном, то есть в жизни о Христе, более совершенного по закону; ибо закон не давал совершенства<sup>438</sup>.

«Заповедь новую даю вам, да любите друг друга» (Ин. 13,34).

Если бы кто сказал, что в Ветхом Завете не говорится: возлюбиши ближнего твоего, яко сам себе; то я отвечал бы, что Сын Божий преимущественно законоположил сию заповедь. Потом, когда явился во плоти, присовокупил к ней нечто более, сказав: заповедь новую даю вам, да любите друг друга, якоже Аз возлюбих вы. Заповедь о любви находится и в Ветхом Завете, но слова: якоже Аз возлюбих вы, Он вновь прибавил. Посему и назвал сию заповедь новою. Ибо иное дело любить ближнего, как самого себя, иное пренебрегать своими выгодами для пользы ближних. Как Он сам имел в виду не собственное достоинство, но пользу человеков, и Себе умалив, не возгнушался зрак раба принять, дабы доставить всыновление рабам; так и каждому из нас заповедал не свою наблюдать выгоду, но пользу ближних<sup>439</sup>.

Заслуживают также особенного внимания объяснения следующих мест Писания: Мф. 5, 20. 19, 11; Ин. 21, 25; Деян. 27, 22–23; 19, 35; Рим. 1, 32; 3, 25; 11, 8; 1Кор. 15, 29. Слова Апостола: аще мертвые отнюдь не восстанут, что и крещают мертвых ради, Исидор объясняет так: если мертвые не воскреснут, то для чего мы веруем, что чрез крещение наши тела делаются причастными нетления и бессмертия? Мы крестимся в надежде измениться в нетление<sup>440</sup>. Из приведенных примеров видно, что Исидор старается объяснять буквальный смысл Писания. В письме к Валентиниану он осуждает тех, которые прибегают без нужды к аллегорическому толкованию<sup>441</sup>.

## Исидор как учитель веры

Чаще других догматов Исидор говорит в письмах своих о Божестве Сына Божия для опровержения лжеучения Ариан. Если Божественный Образ и Слово Отчее произошло во времени, как говорят некоторые, то оно не вечно. Если же напротив вечно, как мы утверждаем, то Оно не произошло во времени. Писание, называя Иисуса Христа сиянием славы Отчей, сим показывает совечность Его Отцу; образом Ипостаси (Евр. 1, 5) личное его свойство; Словом (Ин 1, 1) бесстрастную Его природу, Сыном – сродство и единосущие с Отцом. Таким образом, из всех понятий, какие заключаются под сими наименованиями, мы должны усвоить Божественному естеству только те, которые приличествуют Ему, прочие же оставлять как недостойные Божества. В отношении к вещам сотворенным могут иметь место слова: прежде и после, но в поклоняемой и царствующей Троице ничего нельзя назвать ни первым, ни вторым; потому что Божество выше числа и времени. «Когда Священное Писание, – пишет Исидор в другом письме, – называет рождением безначальное, вечное, невыразимое словом и непостижимое умом происхождение Иисуса Христа от Отца; то оно не приписывает сим Богу ничего страстного, но прямо указывает на единство существа Отчего и Сыновнего. Ибо несомненно, что все рождающееся имеет одну сущность с рождающим. Но дабы кто не подумал, что Слово получило бытие после Отца, Писание говорит: в начале бе Слово. Далее показывает и отношение Слова к Отцу: и Слово бе к Богу, наконец и самое достоинство Слова: и Бог бе Слово. Посему мы из наименования Иисуса Христа Сыном как, с одной стороны, должны уразуметь Его единосущие с Богом Отцом, из наименования Словом – Его бесстрастную природу, из Его бытия в начале – совечность Отцу, из того, что Слово было у Бога, – Его нераздельное единение со Отцем, и наконец из того, что Слово было Бог, – Его высочайшее достоинство; так, с другой стороны, мы должны от каждого из сих наименований отделять все несообразное и неприличное Богу, чтобы по

наименованию Христа Сыном, не подумать, будто Он не безначален; по наименованию Словом, будто не самостоятельно Его бытие. Таким образом, мы должны исповедывать и почитать Его Богом вечным, Единосущным Отцу, непричастным ничего страстного, родившимся от Отца доременно»<sup>442</sup>.

Когда Ариане и Евномииане указывали на слова Евангелиста Марка: о дни же том и часе никтоже весть, ни Сын, точию Отец (Мк. 13, 32); Исидор говорит, что Спаситель отклонял здесь только бесполезные вопросы. Ибо мог ли Творец мира не знать времени кончины его? И тот, кто так подробно указывал знамения пришествия Своего, мог ли не знать, когда оно совершится?<sup>443</sup> Подобным образом объясняет Исидор слова Спасителя: Отец Мой болий Мене есть (Ин. 14, 28). Спаситель сказал это для утешения учеников, смущенных вестью о предстоящих страданиях своего Учителя. Он как бы так сказал: Я иду к Тому, Которого вы считаете большим Меня. Впрочем, Иисус Христос мог назвать Отца большим, как получивший от Него рождение, будучи равен Ему по естеству<sup>444</sup>.

Во многих письмах Исидор излагает учение о падении и восстановлении человека.

Общий всех враг лишил род человеческий совершенств, которые вместе с бытием своим получил сей от Бога, и вовлек людей в жизнь, со сей от Бога, и вовлек людей в жизнь, совершенно противную добродетели. Впрочем, он делал это не без содействия самих людей, которые поработились ему. Дьявол сам по себе не мог бы сего сделать, если бы не помогла ему беспечность обольщенных им людей. Но поскольку человеколюбию Творца угодно было опять облечь род человеческий в оружие добродетели, то Слово Божие и снизошло на землю, покрыло нас любовью, как ризою Ангельскою, и с нею даровало нам все. Ибо все, какие есть виды добродетели, заключаются в одной всеобщей, коей имя любовь<sup>445</sup>.

Следствия грехопадения человека состоят как в болезнях и смерти<sup>446</sup>, так и в нравственном повреждении<sup>447</sup>. Опровергая Новатиан, Исидор пишет Киру: Скажи ученику Новата: Что ты

безумно хвалишься чистотою? Что ты считаешь себя чуждым греха? Исаия называет себя нечистым; Давид называет лживым всякого человека и говорит, что все во грехах зачаты и на свет произошли. Сам Бог свидетельствует, что прилежит помышление человеку на злая, и он нуждается в елее милосердия (Быт. 8,24)»<sup>448</sup>. Если бы мы сказали, пишет Исидор в другом письме, что блажен тот, кто никогда не грешит; то никто не был бы причастен сего блаженства. Ибо кто похвалится, что он имеет чистое сердце? Или кто осмелится сказать, что он чист от греха?<sup>449</sup> Впрочем, природа человеческая не совсем утратила прирожденные семена добра<sup>450</sup>. Она в себе носит точное и неложное судилище (κρίτηριον), правило (κανων) добродетелей, которое Сам Иисус Христос предлагал в виде заповеди: вся, елика аще хотите, да творят вам человецы, и вы творите такожде <sup>451</sup>. Он же говорит, что благий человек от благого сокровища сердца своего износит благое<sup>452</sup>. Это подтверждает и история. Во всякое время были люди, которые, руководствуясь прирожденным законом, творили доброе, каковы Мельхиседек, Иов, Корнелий<sup>453</sup>.

Но большая часть людей, забыв о будущей жизни и мздовоздаянии, совершали тяжкие грехи<sup>454</sup>; подпав власти дьявола, они низверглись во все преступления и дошли до крайнего бедствия<sup>455</sup>.

Поелику ни закон, данный Моисеем, ни увещания Пророков не могли уничтожить язвы греха, распространившейся на всех<sup>456</sup>; то Бог послал Своего Единородного Сына, дабы иметь причину к отпущению грехов. Сын Божий воплотился для того, чтобы сокрушить силу дьявола<sup>457</sup> и примирить людей с Богом<sup>458</sup>.

Объясняя действие крещения, Исидор так излагает свои мысли о благодеяниях, дарованных человеку воплощением и крестною смертью Богочеловека; «Ты просишь меня указать причину, почему крестят младенцев, ещё не знающих греха? Некоторые говорят – для того, чтобы омыть нечистоту, внесенную в естество человеческое преступлением Адама. Веруя, что бывает так, я думаю, что крещением доставляются и многие другие дарования, много превышающие наше естество.

Ибо природа наша получила не то только, в чем она нуждалась для уничтожения греха, но и украшена Божественными дарами. Ибо она не только освобождалась от наказания и совлеклась всего лукавства, но и возродилась свыше пакибытием Божественным и превосходящим слово, и искуплена, и освящена, и удостоена всыновления, искуплена, и освящена, и удостоена всыновления, и оправдана, и соделалась сонаследницею Единородного и единым телом с Ним по участию в священных таинствах, и именуется Его плотью, и как тело соединено с главою, так и она со Христом. Посему Павел сказал: и Того даде главу выше всех Церкви (Еф.1:22), то есть кроме других даров даровал ещё человеческому естеству то, что Христос соделался его Главою. В другом месте говорит: множае паче избыток благодати и дар правды приемлюще в жизни воцарятся (Рим. 5, 17); не сказал: благодать, но: избыток благодати, показывая, что мы не врачевство только получили, соответствующее болезни, как думают некоторые, не понимая щедродаровитости Божией, но и благообразие, и честь, и славу, и достоинство. Потому, возлюбленный, признавай крещение, не очищением только грехов, но и доставляющим всыновление и Божественное сродство и другие безчисленные блага, частью упомянутые мною, частью не упомянутые. Ибо Царь всяческих не только освободил плененное естество человеческое, но и возвел его на высшую честь»<sup>459</sup>.

Спасительные заслуги Сына Божия усвоятся человеку только под условием содействия его Спасительные заслуги Сына Божия усвоятся человеку только под условием содействия его воли. Божественная благодать, в соединении с старанием самого человека, спасает человека. Посему и тот, который имел говорящего в себе Христа, сказал: поспешествуют по предуведению званым (Рим. 8, 28). Ибо не просто звание (потому что все званы и не все повиновались), но изволение званных содействует спасению их. Ибо звание было не с принуждением, но добровольное<sup>460</sup>. Не одинаково раздаяние даров благодати потому, что благодать Божия сначала испытывает свойство сердца и потом уже приступает к самому делу. Ибо хотя она и благодать (дар туне даемый), однако же

изливается не напрасно и не случайно. От тех, которые принимают её, берет она меру и вливает в нее столь много, сколь велика мера. И сия мера есть чаша веры. Если бы она сначала не требовала того, что от нас зависит; то без всякого сомнения изливалась бы равно на всех без исключения. Но поскольку она прежде испытывает волю и расположение сердца и потом уже начинает действовать, посему она на некоторых людей нисходит и остается при них, от других удаляется, наконец вовсе оставляет и никогда уже к ним не возвращается<sup>461</sup>.

В другом месте Исидор высказывает мысль, что духовные дары раздаются людям сообразно с тем, к чему кто из приемлющих предварительно приготовил свою душу<sup>462</sup>. Апостол Павел сравнивает человека с глиною, дабы показать, что всякий должен во всем повиноваться воле Божией. Если кто хочет противиться, Бог не принуждает его к повиновению; поскольку не хочет уничтожить свободной воли человека<sup>463</sup>. Посему не должно удивляться, что Господь Иисус Христос, обладая непобедимою силою убеждения, не склонил Иуду следовать добродетели. Ибо он имел свободное произволение. Сие-то произволение и служит основанием вменения нам поступков наших, так, что человек с одной стороны заслуживает похвалу, когда действует по собственной свободе, а с другой, напротив, достоин порицания и осуждения, когда не следует добрым советам других<sup>464</sup>.

В письмах Исидора есть наставления о почитании креста<sup>465</sup> и св. мощей<sup>466</sup>. У него встречается объяснение некоторых действий Богослужения, например объяснение возгласа Священника: мир всем<sup>467</sup>, значение литона, который постигается под Святыми дарами<sup>468</sup>, омофора Епископов и ораля дьяконов<sup>469</sup>. Находим у Исидора еще указание на дозволение петь женщинам в церкви<sup>470</sup> и на обычай носить при себе малые Евангелия<sup>471</sup>.

## Состояние иночества в Египте с половины пятого века

История иночества в Египте с половины пятого века представляет большею частью грустную картину распространения разного рода ересей. Ещё при Феофиле грубое заблуждение антропоморфистов заразило некоторых простых и необразованных пустынников, а другие не умели отличить истины от лжи при чтении сочинений Оригена и с доверием принимали самые погрешительные его мнения. Это было как бы только вступление к другим ересям, таившимся между иноками и совершенно изменившим вид сих пустынь, освященных таким сонмом верных рабов Христовых. Пока Церковью Александрийскою управлял Св. Кирилл, он умел охранять иноков от ереси Нестория, с которою он так сильно и твердо боролся. Но после смерти его преемник его Диоскор объявил себя ревностным защитником Евтихия, другого ересеначальника, и увлек в его заблуждение множество пустынников. Теперь начали исполняться проречения св. Отцов об упадке иноческой жизни. Однажды в собрании старцев предложен был вопрос: что сделают те иноки, которые будут после нас? Они, сказал Авва Исхорион, исполнят в половину против нас. – А те, которые после них будут? – Люди века того ничего не сделают. Но к ним придет искушение. И те, кои в то время окажутся добрыми, будут выше нас и отцов наших. Нет сомнения, что к сему времени можно применить то, что Бог в Ветхом Завете сказал Пророку Илии, когда он жаловался на нечестие народа Израильского<sup>472</sup>. В числе пустынников Господь сохранил для Себя великое число рабов, которые соблюли Его веру и истинное послушание среди гонений и преследований от еретиков. С великим мужеством противостояли они худым примерам и обольщению и этим стали не ниже первых отцов. Хотя на кафедре Александрийской после смерти Кирилла восседали большею частью недостойные пастыри Диоскор, Тимофей, Петр Монг, но были и православные епископы, которые старались уврачевать бедствия, причиненные ересями,



и привести в лоно Церкви заблудшую часть своей Церкви. Таковы были Св. Протерий, Тимофей, Иоанн и др. Последние двое взяты были из Конопа из Тавеннского монастыря. В горе Нитрийской в начале VI века из двух церквей одна принадлежала еретикам Евтихианам, и один великий подвижник Иаков только по Божественному откровению утвердился в верности Православной Церкви. И в это горестное время большая часть монастырей египетских были в таком положении, что Евлалий Епископ Сиракусский не позволял путешествовать туда благочестивым инокам<sup>473</sup>.

Иоанн Лествичник в своей духовной Лествице представляет вблизи Александрии обитель иноков под управлением превосходного настоятеля, цветущую всеми добродетелями. Иноков было здесь 330 человек. Это было во времена св. Евлогия, 580–606 г. Назидательный пример иноческой жизни и описания темницы или места кающихся можно читать в 4, 5 степенях духовной Лествицы.

Около 607 г. посещали Египет Иоанн Мосх с своим другом и учеником Софронием. Они явились помощниками Иоанна Милостивого в борьбе с еретиками. По словам жизнеописателя Иоанна Милостивого, укрепляемые Святым Духом, они мудростью своею препирались с Северянами и другими нечестивыми еретиками и многие скиты, многие церкви, многие монастыри исхищали из уст зверей сих, как добрые пастыри. В пустынях Египетских они нашли ещё многих добрых подвижников.

В Оазисе Ливийском нашли они инока Льва, отличавшегося смирением, безмолвием, нелюбостыжанием и любовью, которую он имел ко всем. Этот старец не раз повторял странникам: Дети! я буду царствовать. Действительно, он воцарился, положивши душу свою за друзей своих. В то время вторглись Мазики и захватили в плен Авву Иоанна, Евстафия Римлянина и Федора, которые были немощны. Так как варвары требовали за них большой выкуп, которого не было средств выплатить, то они оставались пленными. Взяв восемь золотых у Епископа, Лев пришел с ними в шатры Мазиков и упрашивал их взять его и восемь монет, а пленных иноков отпустить, потому что они

неможны и не могут служить, а он в состоянии работать. Варвары согласились и, отпустив прежних пленников, взяли с собою Льва, но увидав, что он не может быть работником, обезглавили его. Указывая на сей высокий пример любви, св. Иоанн Лествичник говорил: никто да не отговаривается своею немощью исполнять евангельские заповеди; ибо есть души, которые сделали и сверх заповеди. И в сказанном без сомнения убедит тебя Тот, Кто возлюбил ближнего выше Себя и положил за него душу Свою, хотя не имел на то повеления Господня<sup>474</sup>. Они слышали о Данииле Египетском, по слову которого, для уничтожения клеветы, проглаголало дитя 22-х дней от рождения<sup>475</sup>.

В Теренуфе они видели Иринея, который, удалившись из Скита по страху нападения варваров, возвратился опять в пустыню Скита, чтобы не лишиться молитв скитских<sup>476</sup>. Другой инок, Маркелл, услышав, что одному отличному ездоку Филерему, лишившемуся пальмы, друзья его кричали: Филерем (любитель пустыни) не получит венка в городе, удалился в пустыню и там 35 лет прожил безвыходно. Всякий раз, как помысл склонял его выйти из пустыни, он говорил себе: Филерем не получит венка в городе. Захваченный в плен варварами, он, освободившись из плена, поселился в пустыне келлий. «Поверьте, дети мои, – говорил сей старец, – ничто так не возмущает и не тревожит, ничто так не раздражает и не уязвляет, ничто так не ослабляет демонов, как наше всегдашнее упражнение в псалмопении. Ибо мы, поя псалмы, то молимся о себе, то проклиная демонов». Поспешим, говорил он ещё, выйти из плотской жизни, как Израиль из рабства Египетского. Великие и восхитительные блага обещал нам Бог взамен грубого удовольствия мирского. Ничто так не приближает монахов к Богу, как добрая, целомудренная и Богоподобная чистота, которая доставляет честь и делает нас способными предстоять Господу без развлечения. Не удивляйся, что ты, будучи человеком, можешь сделаться Ангелом; ибо одинаковая с Ангелами ожидает слава, которую Подвигоположник обещает подвижающимся. Познай опытом добрую жизнь и не станешь страшиться её, как чего-то невозможного<sup>477</sup>. Иоанн видел

подвижников в Никополе, Антиноэ. Здесь ему рассказали об обращении одного начальника разбойников, Давида, сделавшегося столь великим подвижником, что он удостоился дара чудотворений. В Александрии он встретил великих подвижников Палладия, Мина, Иоанна Евнуха, Феодора и некоторых других.

В Лавре Октодекитской в Александрии нашли они великого старца, который давал им прекрасные наставления. Научи нас, как должно жить? – спросили его странники. Дети! если желаете спасения, удаляйтесь общения с людьми. Сидите в келлии, где вы изберете себе место; тщательно храните молчание и непрестанно молитесь, я надеюсь, что Бог даст вам ведение и просветит ваш ум, если желаете. Увы! Сколько будем плакать и раскаиваться, в чем ныне не раскаиваемся. Когда хвалят нас, не умеем смиряться, а когда поносят нас, не умеем переносить. Первое рождает в нас любочестие, а последнее причиняет нам скорбь. Но где скорбь и тщеславие, там нельзя найти ничего доброго. Будь стражем сердца твоего, чтобы не вошел в него кто-либо чужой<sup>478</sup>.

В 640 г. Египет подпал власти Аравитян. Понятно, что при владычестве изуверных поклонников лжепророка монашество не могло процветать в Египте и без особенных насильственных мер. Но правитель Египта Абаза выдал прямой закон, запрещающий кому бы то ни было, принимать обеты монашества. Один из преемников его, Азама, после 715 г. повторил его закон и кроме того, переписав всех монахов, велел им на правой руке носить железную цепь, на которой находилось имя его дома и год магометанского летосчисления. Те, которые покушались убежать или были находимы без этого знака, лишаемы были языка или глаз. Многие были предаваемы смерти, многие умирали в пытках. Калиф Омар дал приказ, чтобы все исповедующие имя Христово или оставили страну или приняли магометанство<sup>479</sup>. Вследствие таких и подобных мер не только число монахов, но и вообще христиан чрезвычайно сократилось в Египте.

## Заслуги египетского монашества Церкви и обществу

Главная цель, к которой стремились первые подвижники иночества, была, отрешившись от всех забот земных, очищать свою душу и устроить свое спасение. Они отрекались от имущества, от обязанностей семейных и общественных, удалялись в пустыни, чтобы там, не ведомые миру, не тревожимые его волнениями, суетою и скорбями, в беседе с самим Богом могли достигать духовного совершенства. Но несмотря на то, что иноки имели целью только собственное спасение, появление их оказалось благотворным для Церкви и общества. Самый взгляд на отрешенную от всего земного жизнь иноков давал чувствовать мирским людям, чего требует от Христианина его небесное звание, где его истинное отечество, где его истинные радости, как легко без сожаления можно оставить ничтожные утешения мира и какой неисчерпаемый источник блаженства заключается в жизни Евангельской. Живым стремлением к духовному совершенству иночество пробуждало безпечность осуетившихся мирскими заботами и показывало, что значит быть истинным Христианином. Глубокое впечатление произвело на всю Церковь это явление, когда Св. Афанасий изобразил для назидания всех жизнь первого пустынножителя Антония Великого и пред взором изумленного мира открыл новое явление в Церкви Христовой. Слава о жизни св. пустынников привлекала к ним множество людей, ищущих наставления и утешения. Со всех пределов Римского мира стекались ревнители благочестия видеть эту чудную жизнь Египетских подвижников и учиться у них благочестию. Слово Божие, в котором иноки упражнялись день и ночь, умудряло их как в собственное назидание, так было им полезно для научения, обличения, исправления и наставления в нравственности других. Духовные собеседования с своими отцами, старцами опытными в духовной жизни, знакомило их с великою наукою правильно понимать себя и владеть собою. Собственная трезвенность души, постоянная бдительность над

собою, борьба с различными искушениями на пути к духовному совершенству доставляли богатый запас духовной опытности. Но более всего благодать Святого Духа, обильно изливающаяся на усердно работающих Господу, – и отсюда дары сердцеведения, учения и духовного помазания были причиной необыкновенной действенности иноческих наставлений на сердца мирян. Святость жизни, сопровождаемая часто даром чудес, показывая опытное исполнение того, чему учили словом, одобряемая свидетельством свыше, внушала полное доверие к их наставлениям. Потому посетители записывали деяния и слова сих пустынников. Собрания деяний и изречений св. подвижников становились учебною книгою и руководством нравственности для всех Христиан. В самом деле, какой неистощимый запас наставлений заключается в сказаниях о подвижничестве отцов – в собранных Кассианом беседах пустынников Египетских, в сказаниях Палладия и Руфина о подвигах их, в писаниях Макария Великого, Исаии, Исидора Пелусиота.

Помогая духовным нуждам ближних, иноки не отказывались, когда имели возможность, служить и временным нуждам. Собственными трудами добывая себе пропитание, они избытки своих трудов делили с неимущими. «Отцы монастырей Египетских, – пишет Кассиан, – постоянно трудились и исполняли возможные для них труды с терпением и смирением. Плодами от трудов рук своих они не только пользовались сами, но и уделяли их приходящим к ним странникам, рассылали по пустынным и безлюдным местам Ливии. Кроме того, иноки Египта чрез граждан доставляли пищу и одежду тем, которые в городах томились в смрадных темницах, веруя, что такими пожертвованиями они приносят истинную жертву Богу»<sup>480</sup>. Так, в обители Арсинойской, бывшей под управлением Серапиона, иноки, которых было числом до 10 000, зарабатывая каждый по сорока мер хлеба, большую часть из того раздавали бедным. Они питали не только бедных Арсинойской области, но отправляли целые суда с хлебом в Александрию для раздачи находящимся в темницах чужестранцам и бедным<sup>481</sup>. Если и всегда, по словам Палладия, много было в Александрии

имеющих нужду в дневном пропитании и потому милость иноков была великим благодеянием; то особенно важна была помощь их во время общественного голода. Однажды в Фиваиде сделался страшный голод. Преподобный Аполлон разделил бедным жителям, которые с женами и детьми приходили к нему за хлебом, все запасы своего монастыря. Во все время голода он не отказывал нуждающимся, силою молитвы умножая его монастыря. Во все время голода он не отказывал нуждающимся, силою молитвы умножая свои запасы<sup>482</sup>. При монастырях всегда были странноприимницы, где иноки принимали, питали и покоили странников.

Распространение иночества в Египте, способствуя душевному и телесному благу верующих, вместе с тем содействовало распространению веры Христовой и окончательному падению язычества. Высокая жизнь иноков, приводившая в удивление самых язычников, часто сопровождаемая даром чудес, была великим доказательством святости Христианской религии. Так, Великий Антоний, по словам Св. Афанасия, одним появлением своим в Александрии и исповеданием пред народом веры в Господа Иисуса Христа обратил к вере Христовой столько же язычников, сколько в другое время обращалось в год. Макарий Великий кротостью обратил к вере Христовой жреца идольского, а даром чудес жителей целого острова, на который сослан он был в изгнание. Тем же способом Преподобный Аполлоний обратил ко Христу жителей 10-ти селений. Преподобный Пахомий, назидая духовными наставлениями в сельском храме скитающихся пастухов, привлек ко Христу и многих язычников. Евлогий и Протоген, сосланные Валентом из Едессы в Антиноэ, после пламенной молитвы к Богу решились принять на себя апостольский подвиг обращения язычников, которых было там много. Протоген основал училище для детей, учил их чтению и письму и в своих беседах знакомил их с Священным Писанием. Чудо, совершенное им над одним из учеников, приобрело полную веру к святому учению не только в детях, но и в их родителях. Протоген огласил уверовавших во Христа, а Евлогий крестил их и окончательно наставлял в вере и благочестии<sup>483</sup>.

Св. Коприй, живший около Гермополя, своими увещаниями и беседами обратил многих язычников в Христианство. Так иноки, проникая в самые отдаленные и пустынные места Египта, преследовали язычество в самых сокровенных его убежищах, так что власть демонов повсюду была низложена.

Епископы Александрийские, которые первые увидели благотворное значение иночества, приняли его под свое покровительство и почли полезным для себя открыть более обширное поприще для деятельности иноков, возводя их на степени клира церковного.

Первые пустынножители, по духу смирения избегая всякой почести мирской и духовной, не Первые пустынножители, по духу смирения избегая всякой почести мирской и духовной, не желали принимать посвящения в церковные степени. «Не хорошо, – говорил Пахомий своим ученикам, – если иноки ищут власти и чести, особенно в киновии, потому что это в большом обществе иноков может быть поводом ко вражде, зависти, ревнованию и различным разделением. Как искра, брошенная в сжатый хлеб, если не будет скоро потушена, может истребить труд целого года; так причисление к клиру может быть началом помысла любочестия. Гораздо бы лучше нам, смиренно покоряясь Церкви Божией, иметь священнослужителем приставленного отцами нашими Епископами, какой будет на то время. И в Ветхом Завете не весь народ были Левиты. Если же кто из других монастырей поставлен клириком, мы не хотим укорять его в любочестии; но лучше думаем, что он против воли своей из послушания отцу своему епископу принял на себя это звание и есть подражатель святым, если только непорочно совершает свое служение»<sup>484</sup>. Руководствуемые сими мыслями иноки избегали принятия степени священства и для совершения треб обращались к приходским священникам. Но при увеличении числа иноков и пребывании их в местах, отдаленных от жилищ, чувствовалась нужда в священниках из звания иноческого<sup>485</sup>. Шестое правило 4 Вселенского Собора предоставляет монастырям право иметь своих священнослужителей. А потом Император Юстиниан своим постановлением определил, чтобы в их обителях, где есть

храмы, из старшей братии монастырской избирались четыре или пять человек для прохождения священных должностей Пресвитера, дьякона и низших степеней клира<sup>486</sup>. Ещё прежде Император Аркадий определил указом, чтобы при недостатке клириков Епископы поставляли на священные степени из монашествующих<sup>487</sup>. Но пастыри Церкви, зная высокое благочестие иноков, их духовную мудрость, твердость в вере Православной, видя, какое глубокое уважение питает к ним народ, скоро начали возводить их на священные степени не только в сан пресвитерский, но и на епископские кафедры. Первый пример показал св. Александр, который избирал между иноками Пастырей Церкви<sup>488</sup>. Св. Афанасий подражал его примеру тем охотнее, что стесненные обстоятельства Церкви требовали от Пастырей готовности на всякие лишения, и опыты избрания епископов из иноков оказались благотворными. Он старался устранить с их стороны всякий предлог к уклонению. Так, жители малого Гермополя, вблизи Александрии, единогласно избрали в Епископы настоятеля тамошнего монастыря Драконтия. Он пользовался таким всеобщим уважением, что многие язычники обещались принять христианство, если Драконтий будет епископом. Но смиренный инок считал себя недостойным высокого сана; едва принял посвящение, как поспешил скрыться в пустыню. Убеждая Драконтия возвратиться к его служению, Афанасий пишет: «Не ты один поставлен из монахов, не ты один настоятельствовавший в монастыре или любим был монахами. Знаешь, что и Серапион монах, и притом настоятельствовавший над великим числом монахов. Небезызвестно тебе, скольких монахов был отцом Аполлон; знаешь Агафона; не неизвестен тебе Аристон; помнишь Аммония, странствовавшего с Серапионом; слышал, может быть, о Мовите, в верхней Фиваиде; можешь осведомиться о Павле в Латополе и о других. Они, когда были поставлены, не прекословили, но, взяв в образец Елисея, зная, как поступил Илья, наученные примером учеников Христовых и Апостолов, приняли на себя попечение, а не пренебрегли священнослужением и не соделались худшими самих себя, но паче и паче ожидают награды за труд, – и сами преуспевая и



других увещевая к преуспеянию. Сколь многих отвратили они от идолов, сколь многих убедили отстать от сего демонского обычая, скольких рабов представили Господу? Не верь тем, которые говорят, будто бы епископство – повод ко греху и доставляет случай грешить. И быв Епископом можно пребывать в алчбе и жажде, подобно Павлу (2Кор. 11, 27). И ты можешь не пить вина, как Тимофей, и ты можешь часто поститься, как делал Павел, чтобы подобно ему, постясь таким образом, насыщать других словом, и терпя жажду и воздерживаясь от питья, напоевать других учением. Знаем и епископов постящихся и монахов ядущих; знаем и епископов не пьющих вина и монахов пьющих; знаем и епископов, творящих знамения, и монахов, не творящих. Где бы кто ни был; да подвизается везде; венец дается не по месту, а по деяниям». Драконтій повиновался убедительному призыву св. Афанасия. Будучи епископом, он мог удовлетворить своей любви к пустынноческой жизни, так как один из главных приютов иночества, гора Нитрийская – была частью его Церкви. С непоколебимою твердостью защищал он православную веру против Ариан, так что удостоился пострадать за имя Христово. Он сослан был в крепость Теодат близ Клисмы. Здесь утешен был он посещением Илариона Великого и писанием Феодора Освященного, содержащим предсказание о прекращении гонения Ариан. В 362 г. он присутствовал вместе с Афанасием на Соборе в Александрии.

Вообще св. Афанасий в иноках находил самых усердных сотрудников в борьбе с Арианами. У них Афанасий не раз находил убежище от своих гонителей; они подкрепляли его среди скорбей. Арианская ересь, как безнравственная, всего менее могла найти доступ у подвижников благочестия.

Когда после смерти св. Афанасия открылось в Египте гонение на православных, в числе изгнанных за твердость в Православии было до одиннадцати епископов, которые от юности до престарелых лет подвизались в пустыни<sup>489</sup>.

## Правила церковные и законы, касающиеся иноков

Важное значение иночества в Церкви и обществе и самая многочисленность иноков должны были вызвать законоположения со стороны Церкви и со стороны общества гражданского. Немногие правила о подвижниках, посвятивших себя девственной жизни, принятые Церковью в первые три века, не могли быть уже достаточны. Образовав первые общества в пустынях, иноки сами для себя составили первые правила. Видно, что эти правила были столь удовлетворительны, что Церковь только в пятом веке на четвертом Вселенском Соборе (451 г.) сделала первые постановления касательно иночества, и первым правилом было одобрение иноческой жизни: «Истинно и искренно проходящие монашеское житие да удостоиваются приличной чести». Самые правила, постановленные соборами, суть почти только подтверждение правил, установленных настоятелями монастырей.

Приведем в совокупности правила об иноках, постановленные Церковью и гражданской властью.

Время вступления в иночество не везде одинаково было установлено. Общим правилом было только то, чтобы обеты принимать от лиц, уже достигших зрелого рассудка и ясного самопознания, чтобы эти лица по своей доброй воле, а не по воле других давали обеты. Отцы Карфагенского собора определили принимать в монашество не прежде 25-летнего возраста<sup>490</sup>. Св. Василий Великий в своем каноническом послании позволял произносить обеты девства на 17 году даже лицам женского пола<sup>491</sup>. Шестой Вселенский Собор для вступления в монастырь признает достаточным даже десятилетний возраст, чтобы не колебать добрые намерения от медленности в их исполнении. 40-е правило сего Собора определяет: поскольку прилепиться Богу чрез удаление от молвы житейской весьма спасительно, то мы должны не без испытания безвременно принимать избирающих житие монашеское, но и в отношении к ним соблюдать преданное нам

от отцов постановление, и потому обет жизни по Боге должно принимать после полного раскрытия разума, как уже твердый и происходящий от ведения и рассуждения. Итак, намеревающийся подчинить себя игу монашества да будет не менее как десяти лет. Причину уменьшения срока для вступления в иночество Отцы собора представляют ту, что Церковь благодатию Божией прияла уже большую крепость и преуспеяние и верные в соблюдении Божественных заповедей тверды и благонадежны. Но эта причина уже сама в себе предполагает необходимые исключения и силу правила соборного делает не безусловною. Может ли то же правило сохранять силу свою вполне, когда верные в соблюдении заповедей Божиих уже не могут почитаться столь твердыми, как в первые века? Притом на Востоке человек развивается ранее. Собор не безусловно предлагает свое правило и представляет рассмотрению начальствующих, не нужно ли для желающих иночества продолжить время испытания и приготовления к нему, чтобы благонадежнее утвердить их в добром намерении. Гражданские законы Греческой Империи сообразно с церковными правилами постановляли, что достигшие 16 или 17 лет беспрепятственно могут вступать в монастыри и делать распоряжения о своем имуществе. Но десятилетние хотя и могут вступать в монастыри, но не могут делать распоряжений о имении прежде достижения 15-ти лет. Если в продолжение этого времени вступившему в монастырь приключится смерть; то две части его имущества оставляются монастырю, а третья родственникам<sup>492</sup>.

Вступление в иночество было дозволено всякому свободному человеку. Родители не имели права удерживать детей от намерения вступить в монастырь и из-за этого не должны были лишать их законной части наследства<sup>493</sup>. Не позволялось, впрочем, обязанному службою уклоняться от нее поступлением в иночество. Не позволялось принимать раба без согласия господина его<sup>494</sup>. Это требовалось и гражданскими законами и основано на общем и постоянном правиле Церкви, чтобы служение Богу и Церкви всегда было чисто и беспрепятственно со стороны внешних отношений человека к

миру, чтобы никогда не служило оно предлогом к нарушению законных прав и обязанностей в быту общественном. Иначе могло бы быть много злоупотреблений в духовных правах монашества и монашества и нареканий на него в обществе<sup>495</sup>. Впрочем, Юстиниан постановил, чтобы рабы после трехлетнего пребывания в монастырях на испытании были уже свободны от притязаний господ и беспрепятственно поступали в монашество, если господа в свое время не требовали возвращения их к себе<sup>496</sup>. Предшествующая жизнь, какова бы она ни была, не препятствовала вступлению в монастырь. Позволялось христианину постригаться в монашество, если бы он и был обличен в каком-либо грехопадении. Ибо Спаситель, так говорится в 43 правиле 6-го Вселенского Собора, наш Бог рек: грядущаго ко Мне не изжену вон (Ин. 6, 37). поскольку монашеское житие изображает нам жизнь покаяния, то искренно прилепляющегося к оному одобряем; и никакой прежний образ жизни не воспрепятствует ему исполнить свое намерение. Впрочем, Церковь приняла свои меры, чтобы в монашество были принимаемы только люди, имеющие истинное расположение к сему роду жизни. Отцы Двукратного Собора находя, что отречение от мира без рассуждения и испытания много вредит монашескому благочинию, определили: никого не сподоблять монашеского образа прежде, нежели трехлетнее испытание покажет их достойными такого жития; отступление от сего правила дозволялось только тогда, когда приключавшаяся болезнь принудит сократить время испытания или желающий поступить в монашество будет муж благоговейный и в мире проводивший жизнь монашескую. Для такого достаточно шестимесячного срока испытания<sup>497</sup>. Законы гражданские определяли: если во время трехлетнего искуса открывалось, что вступающий в иночество принадлежал к сословию рабов, или наемных, или приписных, или земледельцев, или имел намерение укрыться в монастыре от законного суда за какое-нибудь преступление; то возвращаем был тем лицам, которые объявляли на него свои права<sup>498</sup>.

Такому же трехлетнему искусу определено подвергать тех, которые в городах и селениях хотят уединяться в затворы и в

уединении внимать себе. Они должны прежде вступить в монастырь и там в повиновении у настоятеля три года приучаться к житию отшельническому. После трех лет они еще год должны пробыть вне затвора, дабы яснее открылась истинность их намерения. И, однажды вступив в затвор, не должны оставлять его без особого на то разрешения епископа для какого-либо общественного служения или в случае опасности смерти. Оставляющих самовольно свое уединение повелевается снова возвращать в затвор, даже против воли их. Ибо обет их признается уже невозвратным<sup>499</sup>.

Отцы Двукратного собора<sup>500</sup> постановили: никого не сподоблять монашеского образа без присутствия при сем лица, долженствующего взять его к себе на послушание и иметь попечение о душевном его спасении. Нет ничего опаснее в иночестве как жизнь человека, оставленного самому себе на произвол своих мыслей и чувств или только на одни общие внешние труды монашества, без руководства и ближайшего надзора его внутренней жизни. Для новопоступающего в иночество руководство старца бывает не просто учением, но подвигом духовной жизни, исполнением одного из главных обетов монашества – послушания.

Отцы шестого Вселенского Собора осудили обычай, существовавший в некоторых женских монастырях, приводить дев, желающих постригаться, одетыми в шелковые цветные одежды, украшенными золотом и драгоценными камнями и потом, пред алтарем совлекая эту одежду, облекать в черное одеяние. Ибо неблагоприлично, так рассуждают св. Отцы, чтобы по собственному произволению отложившая уже всякую приятность житейскую, возлюбившая жизнь произволению отложившая уже всякую приятность житейскую, возлюбившая жизнь по Боге, утвердившаяся в оной непреклонными мыслями и так к монастырю приступившая чрез таковое тленное и исчезающее украшение возвратилась к воспоминанию о том, что уже предала забвению, и от сего явилась бы колеблющеюся и возмутилась в душе по подобию волн потопляющих и туда и сюда вращающих, так что иногда и проливая слезы не являет она тем сердечного сокрушения; но если и упадет малая некая

слеза, то и сия видящим возомнится происходящею не столько от усердия к подвигу монашескому, сколько от разлучения с миром и тем, что в мире<sup>501</sup>.

Как мужам, так и женам, избравшим подвижническое житие и определенным в монастыри, не позволено выходить из них. Если же настоит какая-либо необходимая потребность, то это должно делаться по воле настоятеля. Жены могут выходить только в сопровождении стариц и никак не ночевать вне монастыря<sup>502</sup>. Под опасением строгого наказания настоятелю вменяется в обязанность отыскивать иноков, оставивших монастырь, и исправлять их приличным недугу образом. Если монах, оставив монастырь свой, уйдет в другой или поселится в мирском жилище – таковой, равно и принявший сего да будут отлучены от общения церковного, доколе бежавший не возвратится в обитель, из которой удалился. Но если епископ монахов, известных по благочестию и честному житию, захочет перевести в другой монастырь для благоустройства обители, или рассудит послать в мирской дом для спасения живущих в нем, или благоизволит поставить его в другом каком месте, чрез сие не сделаются виновными ни сии монашествующие, ни приемлющие их<sup>503</sup>. Если придет в монастырь монах из другого монастыря, то странноприимство должно быть ему оказано, но принимать его на жительство без воли игумена сего монастыря нельзя<sup>504</sup>. Феодосий Великий дал было указ, чтобы монахи никогда не оставляли своих пустынь, но обитали бы там. Поводом к сему было то, что монахи нередко вмешивались в судебные дела и старались освобождать виновных от наказания. Но в 392 г. сей указ был отменен и монахам дозволено было ходить в города для заступления неправедно обвиняемых судьями, но запрещено было только силою освобождать виновных. Это подтвердил и Аркадий в 398 г.<sup>505</sup> Монахам не дозволялось присутствовать при конских ристалищах и позорищных играх<sup>506</sup>. Вступивший в иночество не мог уже после поступать в гражданскую или военную службу<sup>507</sup>. Отцы 4-го Вселенского Собора определили: монашествующие должны соблюдать безмолвие, прилежать только посту и молитве, безотлучно пребывая в тех местах, где отреклись от

мира; не должны оставлять свои монастыри, вмешиваться ни в церковные, ни в житейские дела и принимать в них участие. Отцы Халкидонского Собора допустили в своем определении исключение только на два случая: когда духовное начальство считает нужным поручить кому-либо попечение о церковных делах по гражданскому ведомству, напр. ходатайство об них пред светским начальством или в гражданских судах, также попечение о сиротах, вдовах, бедных и вообще призреваемых Церковью, что допускалось и гражданскими законами<sup>508</sup>. Но брать на себя лично опеку над малолетними монахам запрещалось<sup>509</sup>. Впрочем, известно, что иноки и особенно настоятели монастырей всегда имели важное значение в церковной иерархии и по обстоятельствам принимали обширное значение в делах Церкви. Так, они участвовали в защите православия против еретиков в избрании Епископов, на Вселенских соборах игумены и Архимандриты участвовали вместе с Епископами в соборных рассуждениях и сами занимали кафедры епископские. Собор, не отвергая сего, пресекает только злоупотребление.

Из 19 правила второго канонического послания, писанного Василием Великим к Амфилохию в 375 г., видно, что монахи не изрекали обетов при вступлении в монашество. Василий Великий изъявляет желание, чтобы предварительно их спрашивали, принимают ли они обет девства. Но и самое вступление в монашество есть уже обязательство. Деве, посвятившей себя Богу, равно как и монахам, не позволялось вступать в брак. Впрочем, отцы 4-го Вселенского Собора прибавили к сему: мы определили местному Епископу иметь полную власть в оказании таковым человеколюбия<sup>510</sup>. 43-е правило шестого Вселенского Собора определяет: монах, обличенный в любодеянии или поемлющий жену в общение брака и сожития, да подлежит епитимии блудодействующих. Для отклонения нареkania и соблазна 47 правилом сего собора постановлено: ни жена в мужеском монастыре, ни муж в женском да не спит. Ибо верные должны быть чужды всякого преткновения и соблазна и благоучреждать жизнь свою сообразно с благоприличием и благоговением к Господу. Отцы

7-го Вселенского Собора подтвердили правила Василия Великого: да не имеют дерзновения беседовать наедине монах с монахиною и да не яст монахиня вместе с монахом наедине. Если что нужно для жизни приносится мужами, то игумения женского монастыря вместе с старицею должна принять за вратами монастыря. Если монах пожелает видеть родственницу, то в присутствии игумении должен беседовать с нею кратко<sup>511</sup>. В 123 новелле Юстиниана говорится: нет у монахов на земле родства, ибо они ревнуют о небесной жизни. Монахи должны избегать всякого общения с мирянами. Те, которых жизнь, говорится в 21 правиле 7-го Вселенского Собора, есть тихая и единообразная, каковы давшие обет Господу Богу взять на себя иго монашества, те да сядут наедине и умолкнут<sup>512</sup> и так да вкушают пищу. Если же случится в путешествии не иметь потребного, и по нужде хочет он отдохнуть в гостинице или в чьем-либо доме, разрешается это; поскольку требует нужда.

Что касается до имущества, то Церковь постановила, чтобы монахи не имели ничего собственного, но все им принадлежащее должно быть утверждено за монастырем. Касательно имущества поступающих в монашество постановлены следующие правила. 1) Если кто из супружества поступил в монашество, не имея детей, то все его личное имущество должно было принадлежать монастырю; если же были дети, то после законного раздела между ними имущества те части, которые отец выделял в свою пользу, поступали в монастырь. Так же, когда вступивший в монастырь умирал, не сделав распоряжения о своем имуществе, дети получали из него свои части, а прочие оставались в пользу монастыря. 2) Дети, получившие от родителей брачное приданое или часть имущества и наследство с какими-либо условиями, напр. вступить в известное супружество или звание, если вместо того принимали монашество, то уже не обязывались прежними условиями и не лишались данной им части имущества, которое как при вступлении в монастырь, так и при выходе из него принадлежало монастырю. 3) Родители не имели права лишать законной части наследства детей, имевших желание принять монашество; так же если бы дети по какой-либо причине были



предназначаемы к лишению наследства, то при вступлении в монашество эта причина теряла уже силу и дети должны были получать свою часть. 4) Монах, переходящий из одного монастыря в другой, должен был оставить все свое имущество первому монастырю. Если же совсем оставлял монашество и переходил в мирское звание то все, что имел или приобретал после того в мире, обращалось в пользу того монастыря, в который он после лишения прав нового звания должен быть заключен. Если же монах принужден был оставить монастырь не по своей воле или вине, то имущества не лишался, но мог его взять с собою. Вообще все пожертвованное монастырю добровольно, или по обещанию или с поступлением в монашество обращалось во всегдашнюю собственность монастыря. Иногда случалось, что и родители, предназначив детей своих к посвящению Богу, сами приносили за них вено или законные их части имущества в монастырь<sup>513</sup>.

Что касается до построения монастырей, то хотя первоначально они устроились самими любителями уединения, но с пятого века Соборы церковные строго подтверждали, чтобы монастыри не были основываемы без дозволения духовного начальства и освящения епископов, надзору которых и подчинялись монастыри<sup>514</sup>. Эти отношения монастырей к епархиальным епископам утверждались и гражданскими законами<sup>515</sup>. Но с VII в. на Востоке являются особые привилегии для некоторых монастырей с правом независимости от местных епископов и самостоятельности внутреннего управления. На Востоке такие монастыри были в непосредственном ведении Патриаршей власти. Основанием таких преимуществ служило водружение Патриархом (а не епархиальным епископом) креста при создании монастыря, что и называлось ставропигиею. По такому праву ставропигии в таких монастырях возносилось на молитвах имя Патриарха, а не местного епископа. Постановление монастырских властей, надзор за управлением обители, суд по делам братии, сбор установленных взносов – все это принадлежало Патриарху, который управлял такими обителями чрез своих наместников или Экзархов<sup>516</sup>. Меньшие права принадлежали Патриархам в тех монастырях, которые

получили кресты не при своем основании, но уже после. Право ставропигии Патриархи имели каждый в своем округе, а Патриарх Цареградский даже и вне своего округа по всему Востоку и Церквам иноплеменным, зависевшим от его кафедры<sup>517</sup>. Но кроме этого строители монастырей и благотворители их вместе с попечением об их благосостоянии получали и особенное влияние на их управление, как то на избрание настоятелей, определение способов их содержания, даже заведывали имуществом монастырским; впрочем, под надзором высшего духовного начальства<sup>518</sup>. Но это право иногда обращалось в злоупотребление. Строители или благодетели священных мест привыкали смотреть на них, как на свою собственность, присваивали себе полное право и власть в управлении ими; даже позволяли себе продавать эти места как недвижимое имущество. По этому поводу Собор Константинопольский IV положил правило, чтобы только с благословением епископа созидался монастырь и пожертвователю без воли епископа не дерзал себя или другого ставить игуменом. Собор находит, что Богоугодное дело – основание монастырей совершается худо, когда некоторые, дав своим домам и усадьбам имя монастыря и обещаясь посвятить оные Богу, пишут себя владельцами пожертвованного. Они ухищренно умыслили посвятить Богу одно наименование; ибо не стыдятся владеть самою вещью и однажды посвященное Богу продают и передают другим.

Еще Отцы 4-го Вселенского Собора<sup>519</sup> постановили, что однажды освященные по соизволению Епископа монастыри должны навсегда пребывать монастырями и впредь не быть им мирскими жилищами. Отцы 6-го Вселенского Собора, подтверждая сие правило, прибавили<sup>520</sup>, что если доселе и случалось сие с некоторыми монастырями, то отнюдь бы не удерживали их.

Как церковные, так и гражданские законы Восточной Империи подтверждают за монастырями право на владение недвижимою собственностью. Все, принадлежащее монастырю, есть неотъемлемая собственность его. Игумен не может что-

либо отчуждать из монастырских угодий, отдавая начальникам светским или другому лицу<sup>521</sup>.

**Приложение. Архимандрит Августин  
(Никитин). Русские паломники у святынь  
Египта**

*«Из Египта воззвах Сына Моего»  
(Осия 11, 1).*

## Предисловие

Каждого, кто прибывает в Каир, поражает количество мечетей – их здесь более пятисот. Но среди многочисленных минаретов, возвышающихся над городом, взгляд без труда отыскивает храмы, купола которых увенчаны крестами. Изображения Спасителя, Девы Марии и христианских святых, иконы в позолоченных киотах можно увидеть в лавках простых торговцев, в витринах фешенебельных магазинов. Все это напоминает о том, что Каир не только один из центров ортодоксального ислама, но также и город, где издревле жили христиане.

Египет был одной из первых стран, где воссиял свет христианства. Труды апостола Марка, который в Египте принял мученическую кончину, принесли богатые плоды: церкви быстро вырастали по всей стране. Множество церквей было в долине Нила, старинные коптские монастыри и церкви сохранились до наших дней.

Коптская Церковь относится к числу древних Восточных Церквей, к которой принадлежат Армянская, Эфиопская, Сиро-Яковитская и др. Эти Церкви называют также «дохалкидонскими», поскольку в период богословских споров они не приняли решений IV-го Вселенского собора, имевшего место в Халкидоне в 451 году. Первоначально Коптская Церковь входила в состав Александрийской Патриархии, но после избрания первого коптского патриарха Феодосия (536–538) окончательно отделилась от нее и стала самостоятельной национальной Церковью, исповедуя монофизитство (или как бы «миафизитство» от μία φύσις – «одна (единая) природа»; подразумевается, естественно, природа воплощенного Бога Слова).

Само название Коптской Церкви говорит о ее древности. Слово «копт» происходит от арабского «кубт» – это искаженное греческое название Египта, Αἰγύπτος. А оно, в свою очередь, восходит к «Ха-Ка-Птах», древнему культовому наименованию Мемфиса. Как отмечал в начале XX в. выдающийся

отечественный востоковед Б. А. Тураев, «около миллиона потомков подданных древних фараонов, единоплеменников свв. Антония и Пахомия Великих, до сих пор с гордостью называют себя «египтяне православные»<sup>522</sup>. В настоящее время число коптов, живущих в Египте, по разным оценкам достигает пяти-семи миллионов человек.

Русские паломники, путешественники, ученые издавна бывали в Египте и знакомились с его христианскими святынями. В Никоновской летописи под 6509 (1001) годом читаем: «Того же лета посла Володимер гостей своих, аки в послех, в Рим, а других во Иерусалим, и в Египет, и в Вавилон, съгледати земель их и обычаев их»<sup>523</sup>. В «Повести временных лет» неоднократно упоминаются Египет (Еюпет), Александрия, Нил (Геона).

К 70-м годам XIV в. относится путешествие на Восток архимандрита Агрефения. Его «Хождение» ценно тем, что он едва ли не первый из русских паломников посетил Египет, города Каир и Александрию и, очевидно, познакомился с христианами-коптами<sup>524</sup>.

Заветной целью русских пешеходцев был Синай, куда они устремлялись, чтобы посетить знаменитый монастырь св. Екатерины и поклониться его святыням<sup>525</sup>. Однако при этом путь паломников нередко лежал через Каир с его древними коптскими храмами и монастырями. В этих обителях в середине XVI в. побывали архидиакон новгородской Софийской церкви Геннадий и смоленский купец Василий Поздняков. В начале XVIII столетия египетские святыни посетили иеромонахи «из Новгородка Северского» Макарий и Селивестр<sup>526</sup>. Заслуживает упоминания и «Путешествие из Константинополя в Иерусалим и Синайскую гору находившегося при Российском посланнике, графе Петре Андреевиче Толстом, священника Андрея Игнатьева и брата его, Стефана, в 1707 году»<sup>527</sup>, в котором автор приводит описание Александрии и ее святынь и дает краткую характеристику коптам.

Первая половина XIX столетия богата путешественниками, посетившими Святую Землю и Египет. Одним из таких странников был Кир Бронников, совершивший «хождение» в 1820–1821 гг. Он посетил Египет и имел возможность

познакомиться там с коптами<sup>528</sup>. Замечательный вклад в паломническую литературу внес А. Н. Муравьев, описавший свое путешествие, предпринятое в 1830 году. Как и его предшественники, он дает описание коптов и указывает на их общественное положение<sup>529</sup>.

Неоценимая заслуга в истории отечественной египтологии и коптологии принадлежит А. С. Норову, совершившему в 1834–1835 гг. долгое и трудное путешествие по Нилу – от Александрии до Нубии<sup>530</sup>. Во второй половине XIX в. – начале XX в. описанию коптских храмов и монастырей уделили внимание такие известные русские исследователи, как архимандрит Порфирий (Успенский), Е. Э. Картавцов, В. Г. Бок, М. И. Ростовцев, Б. А. Тураев и другие. Сопоставляя их записи, можно получить цельное представление об истории христианских святынь Египта – колыбели восточного монашества.

Начать этот обзор можно с Каира, где в 1999 году на окраине египетской столицы протоиерей Димитрий Нецветаев, представитель Русской Православной Церкви при патриархе Александрийском и всея Африки, отслужил первую службу во вновь переданном нашей Церкви храме св. Димитрия Солунского<sup>531</sup>.

## Матария – «отдых на пути в Египет»

В Египте есть несколько мест, освященных пребыванием Святого Семейства. Предание о нем засвидетельствовано в древних коптских источниках. Первое из них – Эль-Ариш; ныне это курортный городок, расположенный на берегу Средиземного моря, неподалеку от границы с Израилем (сектор Газа). «Обратим внимание на сказания библейские и святых отцов о пути Святого Семейства в Египет, – пишет А. С. Норов. – По сказаниям палестинским, Пресвятая Богородица направилась из Вифлеема пустынным путем, ведущим в Газу»<sup>532</sup>.

Отсюда в древности начинался нелегкий путь к берегам Нила – через безводную песчаную пустыню Сур. Нынче автобусы преодолевают ее за несколько часов, доставляя пассажиров в Каир, к площади Рамзеса. (В центре площади – огромная статуя Рамзеса IV-го, перевезенная сюда из Мемфиса в 1954 году.) К северо-востоку от Рамзес-сквер расположен пригород Каира – Гелиополис, а неподалеку от этого древнего города – знаменитая Эль-Матария. Вот что писал об этом месте русский путешественник А. С. Норов, посетивший Египет в 1834–1835 гг.: «Селение Матарие, этот мирный оазис, осененный веселою рощею и цветущий среди безмолвной пустыни, сохраняет глубокие, утешительные воспоминания для христианина. Здесь, по достовернейшим преданиям, Пресвятая Дева с Божественным Младенцем Иисусом, сопровождаемая Иосифом, нашла себе покров после утомительного пути через пустыню»<sup>533</sup>.

В древние времена многие паломники считали свой обет неисполненным, если они по дороге из Палестины не побывали в Матарии. А. С. Норов прибыл сюда, в это селение, с севера, по пути из Александрии в Каир. «Вскоре нам открылись пальмы селения Матарие. Мы сошли отдохнуть в кофейный дом у дороги», – пишет русский путешественник, отмечая при этом: «Мы имеем достаточные основания думать, согласно с местным преданием, что пребывание Пресвятой Богородицы было возле Гелиополиса, ибо тут были колонии еврейские. Святое



Семейство преимущественно могло избрать себе жилище между соотечественниками и предпочесть Гелиополис шумному Мемфису»<sup>534</sup>.

В Нижнем Египте широко известно Матарийское древо Пресвятой Богородицы и источник, у которого отдыхало Святое Семейство. В записках А. С. Норова приводятся подробные сведения об этих реликвиях. «В саду Матарие показывают срубленное фиговое дерево, от которого остался удивительной толщины пень, носящий на себе печать веков, – пишет русский путешественник. – Из вершины этого пня идут теперь в высоту сочные ветви, которые обещают возобновление дерева в прежней красоте; множество надписей, большею частью еврейских, арабских и коптских, перемешанных с красными знаками, испещряют пень. По преданиям, это дерево осеняло некогда своей тенью Святое Семейство. Тут фруктовый сад и светлый источник, которому вместе с деревом приписывают сами мусульмане целебные свойства; возле сада показывают развалины священного жилища Матери Божией: туда иногда приходят служить христианские священники из Каира»<sup>535</sup>.

Русский паломник посетил сад, «прочтя из глубины души на этом месте Богородичную молитву»<sup>536</sup>. Вот еще несколько строк, которые А. С. Норов посвятил святому источнику: «Матарие получило свое арабское название: «свежая вода», от чрезвычайной доброты ее воды, которая славится в окрестности; везде, кроме этого места, она имеет вкус солоноватый, по причине натровых частиц земли. Замечательно также, что доныне арабы называют этот источник «Айн Шемс», т. е. «источники солнца»<sup>537</sup>.

В 1880–1884 гг. в Египте побывал русский путешественник В. Андреевский. Будучи в Каире, он посетил близлежащий Гелиополис, а также то место, где, по преданию, отдыхало Святое Семейство во время бегства в Египет. «Этот эпизод из детства Христа, так часто бывший сюжетом великих художественных произведений, видишь здесь в лицах на каждом шагу, – отмечает гость из России. – Еще на пути к Гелиополису я обогнал женщину, ехавшую на осле и державшую на руках ребенка, прикрывая его от солнца полою своего

широкого синего бурнуса. В нескольких шагах за ними шел, опираясь на палку, человек такого же возраста, какой дают обыкновенно Иосифу, – страница из Евангелия, воспроизведенная кистью Джотто; та же обстановка, тот же костюм, то же небо и пейзаж. По дороге росли пальмы, подобные той, которая, по одному апокрифическому сказанию, наклонила свою верхушку до рук Христа-Младенца»<sup>538</sup>.

И вот русский путешественник у цели. В стороне от дороги, среди большого сада, возвышался громадный сикомор, весь испещренный надписями. В нескольких шагах от него был глубокий колодец с прозрачной водой. «Его вода была прежде горькой и лишь от прикосновения к ней Христа сделалась годной к употреблению и до сих пор славится в Египте как необыкновенно вкусная, – сообщает В. Андреевский. – Под этим деревом отдыхала Пресвятая Дева Мария с Младенцем Христом, под широкой тенью от могучих веток. Теперь от этих веток осталось весьма немного; во-первых, и время наложило на них свою тяжелую руку, а во-вторых, всякий верующий считает долгом отрезать себе на память кусочки дерева или вырезать в коре свои буквы»<sup>539</sup>.

В 1889 году в Матарии сподобился побывать другой русский автор – Е. Э. Картавцов. В его дневниковых записях от 27 марта есть такие строки: «Подъезжаем к саду и выходим из экипажа. Священная смоковница шагах в тридцати-сорока от входа; она обнесена решеткой, дерево великолепное, развесистое; это не то, конечно, под которым покоилось Святое Семейство, но оно идет от тех же корней и ему теперь лет 250–300»<sup>540</sup>.

В книге Е. Э. Картавцова приводятся интересные сведения, не встречавшиеся ранее в записках его предшественников. По словам русского автора, «весь сад со смоковницей еще тридцать лет тому назад принадлежал России, точнее сказать, одному из тогдашних представителей русской дипломатии в Каире; но вместо того, чтобы хранить его или продать русскому правительству, мудрый дипломат преподнес его хедиву Измаилу-паше; тот, конечно, не отказался, а когда приехала в Каир (французская) императрица Евгения, Измаил-паша подарил ей и сад, и священную смоковницу; акт укрепления

совершен был на имя французской империи, в доме поселились католические монахи и владеют всем и до сего дня»<sup>541</sup>.

Сообщив своим читателям об этом некогда «русском участке», тот же автор добавляет: «Дерево, правду сказать, монахи тщательно оберегают и ухаживают за ним. Нам дали по веточке на память»<sup>542</sup>.

А еще почти через сто лет после Картавцова в Матарии побывала группа православных монахинь из русского Горненского монастыря (Иерусалим), посетившая святыни Египта в сентябре 1984 года. Одиннадцать инокинь, во главе с игуменией Феодорой, с волнением подошли к высокой каменной стене. Араб, хранитель святыни, открыл им вход в ограду, и русские монахини ступили на место, освященное пребыванием Святого Семейства. «Земля вокруг древа посыпана песком, – пишет матушка Феодора. – Само дерево относится к породе сикомор, или диких смоковниц (лат. – «фикус сикоморус», а по-арабски «гимыз»). Плоды сикоморы отличаются видом и вкусом от обыкновенных смокв: они совсем круглые, даже несколько сдавленные, розоватые, водянистые, но в жару хорошо освежающие. Ствол дерева очень старый, раздвоенный, одна часть его сильно склонена к земле»<sup>543</sup>.

Сотворив краткую молитву, насельницы Горненской обители направились к деревне Мостброд, месту более ранней остановки Святого Семейства. «Деревня Мостород расположена в четырех километрах от Матарии, здесь находится старинная коптская церковь, ей 1000 лет, – продолжает игумения Феодора. – Осмотрев церковь, по ступенькам спустились вниз к пещере, где отдыхало Святое Семейство. Здесь же колодец, из которого Пресвятая Богородица и праведный Иосиф брали воду...»<sup>544</sup>.

## Старый Каир

### Храм св. Николая Чудотворца

Русские паломники, посещавшие Египет, обычно добирались до Каира из Александрии, вверх по Нилу. В 1704 г. этим путем проследовали два иеромонаха – Макарий и Селиверст – «из монастыря Всеми лостивого Спаса Новгородка Северского». В составленном ими описании путешествия<sup>545</sup> большое внимание уделено святым местам Египта. Во время пребывания в Египте Макарий и Селиверст побывали в Александрии, Розетте и Дамiette, где познакомились с местными достопримечательностями и святынями. По прибытии в Каир они были гостями православных греков, «и тут жили дни три у Святейшего Патриарха во дворе Александрийского, и тут во дворе церковь святого Николая»<sup>546</sup>.

Вот что пишет об этой резиденции архимандрит Порфирий (Успенский), побывавший здесь в середине XIX в.: «Александрийские святители до 1839 года жили в старой патриархии, находящейся в части Каира, называемой Харт-эр-Рум»<sup>547</sup>. Русский автор упоминает и про «малый, узкий и бедный храм во имя святителя и чудотворца Николая», добавляя при этом: «В этой патриархии Александрийские владыки перенесли много скорбей и страданий, но имели много и утешений от Российских венценосцев и вознесли много пламенных молитв о них к Царю царствующим»<sup>548</sup>.

Однако в 1839 году, по словам того же о. Порфирия, «щедротами благочестивейшего Государя нашего Николая Павловича, содействием и пожертвованиями Св. Синода Всероссийского, А. Н. Муравьева, графини Анны Орловой и православных христиан египетских и иных, устроена новая патриархия, почти в средоточии Каира»<sup>549</sup>. Там же был возведен и трехпрестольный храм во имя св. Николая Чудотворца. Отец Порфирий приводит интересные сведения об иконостасе этого храма: «Святые образа местные, писанные в нашем Юрьевском монастыре на иждивение блаженной памяти графини Анны Орловой, замечательны яркостью красок,

прорисованных золотом, красотою ликов и выдержкою православно-догматической непреложности иконописания»<sup>550</sup>.

Вот еще несколько строк из записок русского архимандрита. В книгохранилище Патриархии пытливым исследователем обнаружил «милостынные грамоты Российских государей Алексея Михайловича, Иоанна и Петра Алексеевичей, пожалованные монастырям св. Саввы и св. Георгия, (а также) послание нашего Св. Синода к Александрийскому патриарху Козме 1736 года августа 10 дня»<sup>551</sup>.

О. Порфирий присутствовал в храме св. Николая за пасхальным богослужением, и в своих записках он излагает впечатления об увиденном. «В первый день Пасхи во время вечерни патриарх со своей кафедры раздавал всем христианам свежие розы, – пишет о. Порфирий. – Вручив мне первому прекрасный цветок без шипов в знамение торжества Церкви Российской, он облобызал меня святым лобзанием в виду всех верующих»<sup>552</sup>.

Побывал здесь на богослужении в 1909 году известный русский востоковед (впоследствии академик) Б. А. Тураев. Прибыв в Каир, он отправился на поиски «улицы Натгам, где находится знаменитый кафедральный собор св. Николая Чудотворца, воздвигнутый частью на русские пожертвования и с иконостасом, написанном в Новгородском Юрьевом монастыре»<sup>553</sup>. Гостю из России с трудом удалось отыскать каирскую резиденцию Александрийского патриарха. «Самой церкви ниоткуда не видно; купола на ней нет; стоит она во дворе, окруженная помещениями патриарха, жилыми корпусами, библиотекой и т. п., – пишет Б. А. Тураев. – С правой стороны главного входа помещена на наружной стене памятная надпись о сооружении храма, с именами графа А. Муравьева и графини А. Орловой. В церкви может поместиться около 1500 человек, и она является единственной для всего Каира»<sup>554</sup>.

Подобно о. Порфирию, Б. А. Тураев составил краткое описание чинопоследования богослужения с присущими ему особенностями<sup>555</sup>.

Александрийская Православная Церковь своими корнями восходит к апостолу Марку (1'62 г.), проповедовавшему в

Египте. Она была прославлена трудами святых отцов и учителей Церкви. Об этом свидетельство вали и древние реликвии, хранившиеся в патриаршем соборе св. Николая. «В храме покоятся св. мощи в деревянном ковчеге, украшенном снаружи перламутром, именно, частицы св. Кирилла Александрийского, св. Василия Великого, Григория епископа Неокесарийского, св. Христины, св. апостола Иакова брата Господня, часть главы евангелиста Матфея и перст апостола Фомы»<sup>556</sup>, – отмечал в своих записках о. Порфирий.

## Вавилон

В окрестностях Каира повсюду видны характерные купола коптских церквей, византийские купола греческих храмов, там много церквей других христианских исповеданий. Особый интерес представляет Старый Каир и его квартал Каср-эль-Шама, где находится несколько древних христианских церквей. Одна из них – это коптский храм во имя святых Сергия и Вакха, а неподалеку от него расположен греческий собор во имя великомученика Георгия Победоносца (Мар Гиргис). Из центра города сюда добраться нетрудно: вдоль Нила и канала Эль-Рода, омывающего одноименный остров, проложена линия метрополитена. Выйдя на остановке «Мар Гиргис», паломники оказываются перед руинами древней крепости, носящей название «Вавилон».

Известно, что в древности непосредственно к стенам этой крепости подходил канал, который соединял Нил с Красным морем через города Бубастис (совр. Загазиг) и Кульзум. Страбон, посетивший в 25–24 гг. до Р. Х. Нижний Египет в составе римской экспедиции, искавшей наиболее короткий путь на восток, в Индию, оставил описание канала: «Поднимаясь по реке, попадаем в Вавилон, укрепленный замок, названный так из-за нескольких вавилонян, которые, восстав, завладели этим местом и получили позволение там остаться. В настоящее время он служит местом для размещения одного из трех легионов, которые охраняют Египет. Начиная от этого замка и до Нила имеется обрыв, вдоль которого расположены винты

Архимеда, которые, вращаемые пятьюдесятью пленными, поднимают воду из Нила в Вавилон»<sup>557</sup>.

Сегодня старый и новый Каир соединяет сплошная городская застройка, а в 30-е годы XIX в. картина была иной. Вот что сообщает об этом А. С. Норов: «Несколько ниже острова Руда находится Старый Каир (по-арабски – Маср Фустат); это южная пристань Каира, куда стекаются караванные товары из отдаленнейших пределов Африки. Этот красивый городок, имеющий три тысячи жителей, занимает место Вавилона Египетского, который был основан переселенцами вавилонскими и назван, в память отечественного Вавилона, тем же именем»<sup>558</sup>.

Пересказав Страбона, А. С. Норов объясняет читателям смысл арабского названия Старого Каира – «Маср Фустат», упоминая при этом про арабского военачальника Амру ибн аль-Аса, установившего контроль над территорией Египта в 640–641 гг. «Когда полководец Омаров Амру овладел Вавилоном и разрушил его, то на том месте, где теперь Старый Каир, был разбит его шатер, – пишет русский автор. – На арабском языке шатер значит «фоштад», от того происходит нынешнее арабское наименование»<sup>559</sup>.

Наиболее важные сооружения в Вавилоне связаны с именем самого знаменитого римского архитектора Аполлодора Дамасского. В труде Прокопия Кесарийского «О зданиях», написанном в VI веке, свидетельствуется, что все «строительные дела выполнены Аполлодором из Дамаска». Аполлодор построил в Вавилоне мощную крепость; были воздвигнуты десять крупных башен, но сейчас сохранились только две из них: башня, получившая имя св. Георгия, и отстоящая от нее на расстоянии 15 метров башня Коптского музея. Крепость была окружена рвом с подъемным мостом. Под стеной в юго-западной части находился подземный ход, ведущий к башне. В настоящее время ход, оказавшийся ниже современного уровня Нила, постоянно залит водой и недоступен для ознакомления<sup>560</sup>.

А вот как выглядел каирский Вавилон во времена А. С. Норова: «Самое любопытное место Старого Каира есть квартал

коптов, отделенный от города и обнесенный древними стенами, – пишет русский путешественник. – Некоторые части этих стен принадлежат древнему Вавилону, в них также видны промежутки между двух круглых башен древние ворота, полузаваленные землею и застроенные, которые, судя по дорическим украшениям, принадлежат греческому или римскому построению. Копты по сие время называют часть нового и часть Старого Каира: Боблион, что значит: малый Вавилон»<sup>561</sup>.

В 1943 году в Старом городе, в Вавилоне, были произведены раскопки, обнаружившие остатки римских строений. Большой вклад в исследование римских памятников Вавилона внес русский ученый Г. Лукьянов, в течение многих лет изучавший крепость и собравший интересный эпиграфический материал по ее истории<sup>562</sup>.

### **Дом Пресвятой Богородицы**

В пределах Старого Каира (т.н. Вавилона) располагаются наиболее древние коптские церкви: Сергия и Вакха, св. Варвары и Пресвятой Богородицы. «Всего в Каире и его предместьях насчитывают до двадцати коптских церквей и монастырей. Больше всего их в Старом Каире, – отмечал в 1909 году Б. А. Тураев. – Здесь высокочтимая святыня Абу-Сарга (церковь свв. Сергия и Вакха) с криптой, где, по преданию, пребывало Святое Семейство, и поэтичная уютная «Эль-Моаллака» с чудной резьбой, и св. Варвара, и монастырь Абу-Сафен»<sup>563</sup>.

Русские паломники, бывавшие в Египте, издавна посещали эти храмы. В 1558 году из Новгорода в Москву был вызван архидиакон Софийской церкви Геннадий, и ему было поручено Иваном Грозным «ехати со архимандритом Святогорским во Иерусалим, и в Святую Гору, и во Египет»<sup>564</sup>. В свите Геннадия находился купец Василий Поздняков, родом из Смоленска, оставивший описание своего путешествия<sup>565</sup>. Исключительный интерес в его «Хождении» представляет то место, где Василий Поздняков описывает свое посещение Старого Каира. Он перечисляет здесь храмы, которыми владеют копты, и дает краткое их описание. «А были в Старом Каире церкви



христианские: святых мученик Сергия и Вакха, Успение Пресвятыя Богородицы и святых мученицы Христовы Варвары; а ныне теми церквами владеют кофты (копты – а. А.). А в церквах у кофтей образы и алтарь есть»<sup>566</sup>, – пишет «гость Василий».

Древнее коптское предание повествует о том, что именно здесь находилось жилище, в котором останавливалось Святое Семейство по пути в Фиваиду. Русские иеромонахи Макарий и Селиверст, побывавшие в Старом Каире в начале VIII в., свидетельствуют: «Стена градская местами развалилась, токмо одни ворота стоят целы, в которы въехала Пресвятая Богородица с Христом и Осифом из Ерусалима»<sup>567</sup>.

В эти же годы Старый Каир посетил священник Андрей Игнатьев со своим братом Стефаном (1707 г.). В его записках о Доме Пресвятой Богородицы говорится следующее: «Тамо ж есть пещера Пресвятыя Богородицы, егда избежа из Ерусалима с Предвечным Младенцем и со Иосифом Обручником, и живяше в той пещере несколько лет, и во время державы благочестивых царей над тою пещерою соделана церковь изрядная, и в пещере такожде построена была церковь, аще и невеликая, но весьма была прекрасна, а ныне оную церковь и пещеру держат кофты»<sup>568</sup>.

В записках священника Андрея не указывается, какой именно из храмов, имевшихся в Старом Каире, был воздвигнут над святой пещерой. По словам архимандрита Порфирия (Успенского), «коптские христиане показывают в том же городе убежище Пресвятой Девы Марии и Богомладенца Иисуса, именно, пещеру в Успенской церкви своего монастыря»<sup>569</sup>. Именно здесь в первой половине XVII в. побывал казанский купец Василий Яковлевич Гагара. Во время пребывания в Египте Василий Гагара познакомился с коптами. Он первый из русских путешественников подчеркивает, что они «наша веры». Купец Василий побывал в Старом Каире, куда он «ездил нарочно смотрети и видити и помолитися ... где жила Богородица от Ирода царя с Иисусом и со Иосифом». Гагара побывал в храме «во имя Преставления Пречистой Богородицы», в котором «служат копты»<sup>570</sup>. Эту церковь он

подробно описал, сообщив любопытный факт из ее истории, о котором он мог узнать от самих коптов. В храме Преставления (Успения) находилась доска, на которой учился грамоте отрок Иисус. «За эту доску по многа лета немцы давали казны много, и копты немцом не продали, и немцы тою доску украли и увезли к себе ... А как украдена к тому 15 лет»<sup>571</sup>.

В 1834 году каирский Вавилон посетил Авраам Сергеевич Норов (1795–1869). «В этой древней ограде заключаются два христианских монастыря, очень древние; один коптский, другой греческий, – пишет русский путешественник. – В первом главная церковь в память Успения Пресвятой Богородицы, а другая – св. Сергия»<sup>572</sup>. Далее А. С. Норов переходит к описанию храмов коптского Успенского монастыря. «Главное украшение этих ветхих церквей состоит из деревянного резного иконостаса, потому что резные узорчатые украшения из дерева составляют одну из главнейших принадлежностей роскоши египтян, – отмечает писатель. – Твердое дерево редко в Египте и привозится из-за моря»<sup>573</sup>. Сегодня часть резных украшений в храме отсутствует. Так, кафедра для проповедника из церкви Вакха и Сергия, сделанная из розового дерева и инкрустированная черным деревом и слоновой костью, вернее, ее остатки, перенесена в Коптский музей, расположенный на территории Вавилона. В музее находятся и многие предметы утвари из этой церкви, правда, относящиеся к более позднему времени<sup>574</sup>.

Церковь Сергия и Вакха была основана в VI веке; она является древнейшим памятником коптской архитектуры в Вавилоне. План храма типичен для раннехристианских церквей: трехнефная базилика, средний неф выше боковых, благодаря чему церковь освещается верхним светом. Длина церкви 27 метров, ширина 17 метров, высота 15 метров. Нефы разделены двенадцатью колоннами с коринфскими капителями. Колонны, перенесенные из римских храмов, высечены из белого мрамора, лишь одна – из красного асуанского гранита. Пол церкви выложен из серого известняка. В нартексе имеется резервуар для освящения воды во время праздника Крещения<sup>575</sup>.

Этот храм и его крипта пользуются у паломников особым почитанием. «Через подъемную дверь, сделанную в полу церкви, входят в подземную церковь, образованную сводом пещеры, который поддержан девятью колоннами грубой работы, – пишет А. С. Норов. – В это сумрачное святилище стекаются с особенным благоговением христиане, по укоренившемуся поверию, что эта пещера служила несколько времени убежищем Пресвятой Богородице с Младенцем Иисусом, во время их пребывания в Египте»<sup>576</sup>.

Крипта находится на десять метров ниже современного уровня улицы и сегодня выглядит следующим образом. Внизу, под алтарем, находится пещера, в которую надо спуститься по ступенькам, – это место самого жилища: две комнатки. В одной устроена как бы часовенка, в другой – водоем, где Пресвятая Богородица купала Младенца Христа. На этом месте, по преданию, совершал литургию и проповедовал евангелист Марк<sup>577</sup>. А вот как подземная крипта представала взору паломников во времена А. С. Норова: «Над скромным алтарем есть образ, изображающим бегство Святого Семейства в Египет; ландшафт изображает Нил и пирамиды; этот образ, укрытый пещерой, пробуждает воспоминания евангельского события. Алтарь устроен в нише, которую называют колыбелью Божественного Младенца. С левой стороны этой ниши показывают купель, в которой был омываем Иисус, а справа – колодезь, или глубокий источник, который имеет сообщение с Нилом. При полноводии этой реки священная пещера наполняется водою»<sup>578</sup>.

Как следует из приведенных свидетельств, большинство паломников, посещавших Старый Каир, осматривали пещеру Святого Семейства в Успенском коптском монастыре. Однако ради объективности следует упомянуть о том, что в пределах Старого Каира имеется православное (ныне – мельхитское) кладбище, где был возведен храм в память Успения Божией Матери. Вот что пишет об этой церкви о. Порфирий (Успенский): «Стихомерная надпись над храмом гласит: «что древле на месте его стоял бедный дом, в котором скрывался Христос Младенец от гонений Ирода, и что цари создали тут всечестный

храм, в котором всякий верующий исполнял свои обязанности в отношении к Создателю своему. Но время, этот великомощный разрушитель всего земного, обратило и его в кучу развалин. Однако священная ревность Иерофея, славного архипастыря египтян, опять воздвигла его своими и посторонними средствами и прилежным старанием тезоименитого ему архимандрита». – Надпись заключена воззванием: «Ты убо странник, празднуя Успение Девоматери, молись о здателях и радуйся о Господе. 1832 года апреля 15»<sup>579</sup>.

Русский исследователь должен был сделать выбор в пользу одной из версий – коптской или греческой. И о. Порфирий, не отвергая начисто коптское предание, тем не менее, склонялся в пользу греческого: «Вышеописанное предание православных приемлется охотнее как потому, что греческим царям от Александрийских святителей известно было истинное место пребывания Господа Иисуса и Пречистой Матери Его в Египте; так и потому, что оно назначается в доме, а не в пещере, в которую вливается вода Нила»<sup>580</sup>.

Однако, как бы то ни было, Старый Каир стоит на земле, освященной пребыванием на ней Святого Семейства. Именно здесь исполнилось ветхозаветное пророчество: «Из Египта возвах Сына Моего» (Ос. 11, 1).

#### **Собор св. великомученика Георгия**

Неподалеку от церкви свв. Сергия и Вакха находится самый чтимый из греческих храмов египетской столицы – собор во имя великомученика Георгия Победоносца (Александрийский Патриархат). Церковь названа так в честь мученика и проповедника христианства. Он погиб во время преследования христиан императором Диоклетианом между 303 и 305 годами.

В 1704 году этот храм посетили русские иеромонахи Макарий и Селиверст. Как отмечали они в своих записках, «в Старом Египте (Каире – а. А.) большая церковь есть святого Победоносца Христова Егория, и по правой стороне написан образ Георгия медяны; много знамения и исцеление бывает от того образа не только христианам, но и туркам и арапам»<sup>581</sup>.

А в 1834 году в этом храме побывал А. С. Норов. Вот что повествует он про обитель, духовным центром которой является

этот храм: «Греческий монастырь довольно огромен, и нестройная масса его господствует над богатою окрестностью. Множество пристроек в несколько этажей, соединенных бесчисленными темными переходами, делают из этого здания нечто необыкновенное»<sup>582</sup>.

Еще несколько строк, относящихся к истории храма св. Георгия, приводит все тот же любознательный путешественник. По словам Норова, когда-то на месте этого храма была «церковь во имя Иоанна Крестителя; она теперь обращена в придел; часть святых мощей Крестителя привлекала усердное поклонение самих неверных, которые в празднество великого Предтечи присоединялись к торжественному ходу христиан; ход направлялся от этого монастыря к другому, также во имя Предтечи и находившемуся неподалеку от Старого Каира»<sup>583</sup>.

Что касается описания интерьера храма, то Норов предельно краток: «Теперь главная церковь греков, во имя св. Георгия: там показывают руку св. великомученика и колонну, к которой он был привязан»<sup>584</sup>.

Сообщения А. С. Норова дополняет начальник Русской Духовной Миссии (Иерусалим) архимандрит Порфирий (Успенский), который побывал в Старом Каире в 1850 году. Он уделил особое внимание монастырю св. Георгия. «Три дня (13, 14 и 15 апреля) провел я в монастыре св. Георгия, что в Старом Каире, – пишет о. Порфирий. – Здание монастырское осмотрено подробно; вид его нарисован спутником моим П. А. Соловьевым; все надписи прочтены и сняты; святые иконы рассмотрены внимательно»<sup>585</sup>.

В записках архимандрита Порфирия содержатся сведения о тогдашнем состоянии этого древнего церковного сооружения. «Георгиевский монастырь, частью, сооружен на широком основании городской стены в уровень с кирпичною и каменною облицовкою ее, частью – заключается в круглой каменной башне сей стены и обращен лицом к Нилу и к трем большим пирамидам, кои ясно видны из окон тамошних патриарших покоев, – продолжает о. Порфирий. – Как только войдешь в ворота монастырские, устроенные в толще той же стены, видишь просторный двор, на котором стоит конюшня

патриаршая. Сделав несколько шагов по сему двору направо вдоль стены городской (она же монастырская), подходишь к крытой каменной лестнице, ведущей в помянутую башню»<sup>586</sup>.

Пытливый исследователь подробно описывает архитектурную композицию монастыря, отличающуюся чрезвычайной сложностью. Подводя итог сказанному, о. Порфирий так отзывается об осмотренном им шестиярусном сооружении: «Это необыкновенно вычурное строение столько же мудрено описывать и рисовать, сколько трудно обозреть»<sup>587</sup>.

Так же сложно было определить время возведения Георгиевского монастыря. Русский исследователь смог сделать это лишь по косвенным данным. «Первое письменное свидетельство о сем монастыре открыто было мною в деревянной часовенке, устроенной подле придела св. Димитрия, у иконы св. Георгия, изображенной на стене, – пишет о. Порфирий. – Тут надпись гласит, что эта икона была написана по молитвенному желанию Александрийского патриарха Иоакима в 7009 году от Адама, или в 1501-й по Р. Х. Итак, монастырь уже существовал в ХУ-м веке»<sup>588</sup>. (Наиболее древние постройки обители датируются ХІІІ в.)

В монастырском архиве о. Порфирий обнаружил «милостынные грамоты наших государей, жалованные ему», и это помогло русскому исследователю составить краткую летопись древней обители<sup>589</sup>. Завершая свой рассказ об обители св. Георгия, о. Порфирий сообщает, что этот монастырь был обновлен в 1779 году «старанием игумена Анфима и иждивением кир Антония священника. А церковь в нем с основания перестроена была блаженнейшим папою и патриархом Александрийским Парфением Пакбстою в 1799 лето Господне»<sup>590</sup>.

И, наконец, последнее замечание о. Порфирия – о статусе Георгиевской обители. В его время там, как в богадельне, содержались вдовы, сироты и убогие.

«Монашествующих в ней нет, кроме одного архидиакона Дионисия, – сообщает о. Порфирий. – Так как в наш век жили

там сами патриархи, то игуменов не было. Монастырская церковь есть вместе (с тем) и приходская»<sup>591</sup>.

В начале XX в. церковь св. Георгия была перестроена, и об этом пишет Б. А. Тураев, побывавший здесь в 1909 году. «Большая круглая церковь св. Георгия, с высоким куполом, недавно отстроена на месте прежней, виденной и изображенной преосвященным Порфирием, – пишет Тураев. – Работы в ней еще не окончены, но служба уже идет. Иконостас здесь своеобразный, – имеются всего две наместные иконы – Спасителя и Божией Матери; вместо других изображен просто Крест; чудотворная икона св. Георгия великомученика помещается особо у левой стены. Вокруг церкви идет открытая галерея с красивым видом»<sup>592</sup>.

В настоящее время в здании собора сохраняется усыпальница Александрийских патриархов. При входе в храм установлен бюст патриарха Александрийского Христофора II (1939–1967). В 1984 году здесь побывала группа монахинь из русского Горненского монастыря (Иерусалим). «При входе, под особой сенью, – святыня храма – большой чтимый образ великомученика Георгия, – пишет игумения Феодора. – В храме много замечательных икон, в них отображена история греческой Церкви. Напротив собора великомученика Георгия, на другом берегу одного из рукавов Нила, находится знаменитый Ниломер, возле которого, по преданию, Моисей был спасен из воды дочерью фараона»<sup>593</sup>.

В одном из тупичков, слева от бывшего монастыря, устроена часовня св. Георгия, где помещена икона великомученика. Паломники, входящие под своды этого сооружения, видят висящие здесь цепи, а рядом, на стене, цитату из книги Деяний апостольских: «Бог же творил немало чудес руками Павла, так что на больных возлагали платки и опоясания с тела его, и у них прекращались болезни, и злые духи выходили из них» (Деян. 19, 11–12).

«Апостол языков», как известно, в этих землях не бывал, но, тем не менее, эта надпись помещена в часовне не случайно. Вот что сообщает спутник о. Порфирия – Петр Соловьев, побывавший здесь в 1850 году: «Как христиане, так нередко и

мусульмане в этот монастырь к заветной святыне приводят своих больных, одержимых умопомешательством и падучей болезнью. Страждущих своих привязывают они цепью к мраморной колонне пред часовенью и, после молебна великомученику, оставляют их там на несколько дней. Узники изредка приходят в сознание и поправляются без всяких лекарств»<sup>594</sup>.

О таких случаях сообщал и сам о. Порфирий. В его записках тоже есть упоминание о том, что возле часовенки св. Георгия стоит мраморная колонна и что «к ней прибита длинная цепь железная с кольцом, которое обыкновенно надевают на шею исступленных и сумасшедших. Недавно таким образом исцелена была одна девица из Суэса. Потом она вышла замуж и поныне здорова, – пишет о. Порфирий. – При мне (14 апреля) один умалишенный армянин сидел мрачно в этой цепи, а на другой день уже ходил весело. Св. Победоносец помиловал его»<sup>595</sup>.

И доныне эта традиция еще не забыта. Разувшись при входе в часовню, паломники подводят к цепи своих детей и прикладывают ее конец к их головам, шее и глазам. Поток молящихся этой часовне не иссякает, но в середине XIX в. это было далеко не так. По словам о. Петра Соловьева, «монастырь великомученика Георгия в Старом Каире (Эскы-Мъсыр) редко бывает посещаем путешественниками и даже местными христианами-арабами»<sup>596</sup>. Поэтому сведения, приведенные членами Русской Духовной Миссии, представляют сегодня значительный интерес.

В Старом Каире соседствуют коптские и греческие храмы; те и другие находятся в мусульманском окружении. Это издавна сближало представителей обеих Церквей, что и было отмечено в конце XIX в. на страницах журнала «Христианское чтение». «В настоящее время копты держат себя к грекам весьма близко, – пишет один из русских авторов. – В греческом монастыре св. Георгия в Старом Каире (близ древней церкви Абу-Серге) коптов вы видите и в церкви, и в устроенном при монастыре убежище (богадельне – а. А.) наравне с греками. Богослужение греческое копты посещать любят и много из него воспроизводят



в своих храмах. Еще с большим благоговением относятся копты к совершенно неизвестным им, отдаленным «московам». Но полнейшее отсутствие у нас каких бы то ни было сношений с Востоком, отсутствие церковного представительства на Востоке не дают возможности привести эти инстинктивные родственные симпатии восточного народа в какую-либо осязательную и более пригодную для их самосохранения житейскую форму»<sup>597</sup>.

Русские паломники, бывавшие в Египте, стремились посетить монастырь св. Георгия, но иногда некоторые из них оказывались здесь не по своей воле. Об одном таком случае рассказал читателям всё тот же о. Петр Соловьев, которому, в свою очередь, эту историю поведал в Каире местный священник. Оказывается, при этой обители в 30-х годах XIX в. подвизался наш соотечественник по имени Андрей. Вот его краткое жизнеописание.

Родился Андрей в казачьей станице, где в те годы то и дело случались схватки с черкесами. Юный Андрей был захвачен в плен, после чего продан на корабль турецкого работоторговца. Его привезли в Стамбул и перепродали египетскому эфенди. Андрей жил в доме вельможи в качестве слуги, и тот пытался обратить Андрея в ислам, но русский юноша был тверд в православной вере. Начались притеснения, и в конце концов эфенди продал Андрея своему приятелю-мусульманину. Русский юноша претерпел непосильный труд, побои, пытки от «зверонравного своего владельца». В конце концов Андрея из рабства выкупил местный армянин, который вел денежные дела с его хозяином. Он же сообщил об Андрее греческому Александрийскому патриарху, и тот обещал, по выздоровлении, отправить юношу в Россию. Но Андрей отказался вернуться на родину, так как был очень болен. Тогда патриарх поместил его в богадельню при монастыре св. Георгия.

Андрей стал прислуживать в храме св. Георгия и наблюдал за порядком в часовне, где находилась чудотворная икона великомученика. Он постоянно присутствовал за богослужениями и прожил в Старом Каире двенадцать лет. Перед смертью Андрей исповедался у духовника и приобщился святыми Христовых Таин. Скончался Андрей в начале 1840-х гг. и

был похоронен в Старом Каире на православном кладбище. «Смиренный раб Божий, изможденный варварскими пытками, он никому не поведал о прошедших своих страданиях: знал о них только Господь, за святое имя Которого он страдал, да бедный священник, нашедший себе приют в Георгиевской богадельне, духовный отец покойного Андрея», – пишет о. Петр Соловьев, завершая рассказ об Андрее такими словами: «Это был редкий образец христианского смирения и непоколебимой твердости в вере»<sup>598</sup>.

### **Церковь Богоматери «Подвешенная»**

Неподалеку от греческого монастыря св. Георгия расположена коптская церковь Богоматери, известная под названием «Аль-Моаллака» («Подвешенная»). Ее западные и восточные части воздвигнуты на двух бастионах римской крепости, и центральная часть оказалась как бы подвешенной между ними. Как и в большинстве раннекоптских церквей, фасад этой церкви был позднее переделан.

Вот что сообщалось об этом храме в отечественной печати в конце XIX в.: «Церковь эта принадлежит к числу древнейших христианских храмов. Некоторые ее части относятся к VI веку, о других же есть основание думать, что древность их восходит до IV и даже III века христианской эры. Находится она внутри Вавилона, разрушенного покорителем Египта Амр-ибн-аль-Асом, между двумя бастионами крепости, к которым непосредственно примкнута. Основание ее покоится на аркадах, чем и объясняется ее название Ал- Муаллака, что значит «висящая»<sup>599</sup>.

Церковь Богоматери сильно пострадала в 830–849 годах, в период мусульманского гонения на христиан в Египте, когда были разрушены многие коптские храмы. Раскопки 1960 года, проводившиеся в саду Коптского музея, выявили базиликальный план церкви<sup>600</sup>.

Этот храм издревле пользовался особым почитанием верующих. Как повествует древнее коптское предание, здесь Пресвятая Дева во время бегства в Египет в первый раз вкусила пищу – плод финиковой пальмы – и воскликнула:

«Боже, как это хорошо!»<sup>601</sup>. Именно в этой церкви, по старинной традиции, каждый новоизбранный коптский патриарх совершает в Каире первую торжественную литургию<sup>602</sup>.

Этот храм является духовным центром каирских коптов. Посетители, поднимающиеся по лестнице, видят перед собой большую карту с надписью: «Святая дорога в Египет». Здесь обозначен путь Святого Семейства, спасавшегося от гонений Ирода. Паломникам как бы предлагают повторить этот маршрут и посетить места, памятные для каждого христианина: Эль-Ариш, пустыню Вади-аль-Натрун, Эль-Маттарию, Меру, Дейр-эль-Мухаррак... Вверху надпись из книги пророка Осии: «Из Египта возвах Сына Моего» (11, 1).

### **Церковь св. Варвары. Коптский музей**

В Старом Каире, в той его части, которая носит название Вавилон, есть очень интересная по своей архитектуре коптская церковь св. Варвары. Она была сооружена в V в., перестроена в X столетии. Колонны с резными капителями делят внутреннее пространство церкви на три нефа, которым соответствуют три алтаря. По сторонам боковых нефов расположены хоры. Замечательная утварь, некогда украшавшая церковь, в настоящее время выставлена в Коптском музее, находящемся под эгидой Коптской Церкви.

Коптский музей был основан Марком Симайка-пашой как музей Коптской Патриархии в 1908 году. Сюда были свезены памятники из коптских монастырей и церквей. В 1910 году для музея выстроили специальное здание; в дальнейшем оно было расширено несколькими пристройками. В 1939 году Коптскому музею была передана коллекция коптских памятников из Египетского музея, а после второй мировой войны площадь музея снова была увеличена за счет нового большого флигеля. Для пополнения своих коллекций музей проводит постоянные археологические экспедиции.

В настоящее время коллекция музея насчитывает свыше пяти тысяч памятников, происходящих из различных мест Египта. При музее – библиотека древних рукописей. Памятники коптского искусства относятся в основной своей части ко

времени между IV и X веками, но имеются и более поздние. Среди памятников коптской коллекции большой раздел составляет каменная скульптура – капители колонн, резные алтари, надгробные стелы.

Копты были необыкновенно искусны в резьбе по дереву. Капители колонн, резные потолки и двери церквей свидетельствуют о большом мастерстве создавших их резчиков. Особенной известностью пользуется дверь, перенесенная из коптской церкви св. Варвары, на которой вырезаны Христос и апостолы. В музее сохранилось много бронзовых церковных предметов – кадила, светильники, лампы, кресты. Гордостью Коптского музея является собрание памятников письменности: молитвенники, жития святых, древнейшие списки Евангелия и Библии. Иллюстрирующие их миниатюры поражают богатством красок и разнообразностью сюжетов<sup>603</sup>.

### **Церковь св. Семаана Кожевника**

Несмотря на то, что копты составляют меньшинство в своей собственной стране, их церковная жизнь не угасает, но, напротив, даже активизируется. Открытие, сделанное в 1991 году в египетской столице, послужило толчком для строительства крупнейшего коптского храма. 4 августа 1991 года рабочие, реставрировавшие древнюю коптскую церковь в Старом Каире, наткнулись на склеп с останками одного из наиболее почитаемых египетскими христианами святого – Семаана Кожевника.

По церковному преданию, в 979 году, когда Египтом правил халиф Муиз, по молитве Семаана произошло чудо, благодаря которому коптская община была спасена от физического уничтожения или насильственной исламизации. Некий иудей обратил внимание халифа на отрывок из Евангелия, в котором Христос говорит: «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «Перейди отсюда туда», и она перейдет» (Мф. 17, 20). Мусульманский властитель решил испытать веру своих подданных-христиан, требуя от них чуда и угрожая, в противном случае, жестокой расправой.

В сонном видении тогдашнему коптскому патриарху предстала Богородица, указавшая ему на безвестного кожевника Семаана. Когда в назначенный час копты собрались под гору Мукаттам, Семаан встал за спиной патриарха... Христиане начали молиться, и тут – к ужасу их противников – раздался страшный грохот и от горы отвалился огромный кусок.

Рационалисты склонны истолковывать чудо св. Семаана как очередное «совпадение» – просто в этот момент, говорят они, произошел мощный тектонический сдвиг... Но копты не забыли своего святого, и поэтому, как только были обнаружены его мощи, было принято решение о строительстве в недрах той самой горы Мукаттам огромного пещерного храма, посвященного св. Семаану. В 1996 г. работы в соборе были близки к завершению. В огромной пещере амфитеатром разместились ряды сидений для двадцати тысяч молящихся, а колокольни храма были увенчаны крестами<sup>604</sup>.

## Фаюмские обители

Фаюм – город, лежащий близ берега Нила, в ста километрах к югу от египетской столицы. От каирской площади Рамзес-сквер туда регулярно отправляются автобусы. А в XIX веке русские паломники добирались до этого города на больших лодках, которые местные жители называли «дахабии». В 1845 году подобное путешествие по Нилу предпринял архимандрит Порфирий (Успенский), начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Он нанял такое судно и, поднимаясь вверх по Нилу, посетил целый ряд древних коптских монастырей. «Я посвятил свою дагабию св. Николаю и назвал её его именем», – отмечал о. Порфирий в своих записках<sup>605</sup>.

В дневниковых записях русского паломника сначала упоминаются те обители, которые были основаны к югу от Фаюма. Так, близ деревни Сермент-эль-Гебел он посетил монастырь св. Георгия, «перестроенный коптами и заваленный разными хлевами и хижинами»<sup>606</sup>. Вот как выглядел в те годы интерьер храма этого монастыря. «Церковь в нем довольно светла; свет падает из купола; церковь высока; в ней есть две мраморные колонны, коих верхняя половина отбита, а прочие колонны по обе стороны церкви двойные, т. е. две круглые колонны тонкие стоят рядом и тесно друг подле друга на одном базисе; на сих колоннах покоятся арки, – пишет о. Порфирий. – Иконостас деревянный, чистый; храмовая икона большая – св. Георгия на белом коне, в большом киоте с колонночками на левой стороне церкви. Священников двое. К монастырю принадлежит ближняя деревня»<sup>607</sup>.

К юго-западу от Фаюма находится древний монастырь Алнаклун, основанный, по преданию, в VII веке. В обители есть две старинные церкви, а позади монастыря имеются несколько пещер, в которых когда-то жили местные насельники. Архимандрит Порфирий посетил этот монастырь – «Богородицкий, близ деревни Лязеп, на Фаюмском поле». В большой церкви он видел «девять колонн, по три в ряду». В обители в те годы был один священник; незадолго до визита

русского гостя монастырь был восстановлен из развалин. «Через двор – другая церковь, во имя Макария абу-Сифет, вновь сделана 19 лет назад», – сообщает о. Порфирий, добавляя при этом: «Близ сего монастыря есть много древних катакомб или подземелий; ибо они устроены в подземной скале, покрытой песком и поверхностью почти равняющуюся Фаюмскому полю. В этих катакомбах похороняются копты»<sup>608</sup>.

Близ Фаюма находятся еще два старинных коптских монастыря: Эль-Азаб и Эль-Моллак. Дейр-эль-Азаб находится в восьми километрах от Фаюма и доехать туда можно на микроавтобусе. Основанный в XIII веке, он находится в деревушке Эль-Азаб, отсюда и его название. Здесь сохраняются мощи местного подвижника – св. Авраама, скончавшегося в 1914 г.

Для того, чтобы добраться до обители Эль-Моллак, нужно из Фаюма доехать до деревни Айзбет-аламша. Здесь довелось побывать архимандриту Порфирию, и он посетил в этой деревне монастырь Архангела Гавриила. «Сей монастырь при деревне мусульманской Эзбет-Амбеша, а из Фаюма ходят сюда христиане», – сообщает о. Порфирий<sup>609</sup>. В записках русского паломника приводится описание убранства монастырского храма: «В церкви шесть тонких колонн, по три на стороне, с коринфскими капителями, а за аркою пред алтарем и за двумя столбами две колонны мраморные, тонкие, с капителями, одна капитель в виде корзинки, плетеной из соломы, а другая коринфская в виде листьев. Иконостас деревянный. Есть иконы»<sup>610</sup>.

Еще несколько строк о. Порфирий уделяет устройству этой обители: «С южной стороны церкви – келлии в два этажа и смежно с южною стеною и северною вверху келлии, – из них видно чрез окна в церковь; вообще кругом церкви есть келлии ... Монастырь построен при скалах в песчаной пустыне и обнесен низкою оградой, которая перестроена»<sup>611</sup>.

В записках о. Порфирия упоминается еще несколько обителей. «В Фаюме кроме означенных монастырей есть еще три: св. Феодора и архангела Михаила внутри сей провинции, устройством похожие на первые, и третий, оставленный в

пустыне, недалеко от Еллахуна; виден у подошвы горного хребта»<sup>612</sup>. Архимандриту Порфирию не пришлось посетить обитель близ «Еллахуна», а между тем ныне этот монастырь часто навещают коптские паломники.

Близ деревушки Айзбет-аламша, у развилки, начинается дорога, ведущая в пустынную местность, где и расположен этот монастырь, основанный, как и Эль-Азаб, в XIII веке. Расстояние до обители не «пешеходное», и остается уповать на оказию. Молодой копт-мотоцикл-лист любезно приглашает одинокого странника занять место позади него. Наш «экипаж» преодолевает холмы и низины, всё дальше удаляясь от найденных дорог. В голове одна мысль: как добираться обратно? Ведь день на исходе, а встречного транспорта что-то не видно.

Миновав селение Эль-Лакхун («Еллахун»), мы подкатываем к самым воротам монастыря. Он обнесен обширной каменной оградой. Старец-монах неспешно прогуливается вдоль нее, перебирая четки. В монастырском дворе еще есть посетители, здесь же стоит их пикап. В храме полумрак; старинные иконы, гробницы с мощами, – всё это переносит паломников в атмосферу средневековья.

Во дворе журчит источник, и можно испить кружку воды. Старец читает молитву, возложив руки на головы коптских паломников. Получив благословение, они идут к микроавтобусу. Там есть еще одно местечко, и, как само собой разумеющееся, они приглашают «безлошадного» странника в салон. Через полчаса мы возвращаемся в Фаюм, где творится что-то необычное. На набережной канала прогуливаются нарядно одетые горожане. В кузове грузовиков – веселящиеся арабы, в руках у них барабаны и трубы. Слышны звуки музыки. «Завтра у мусульман начало рамадана», – объясняют мои спутники.

#### **ПОДВОРЬЕ МОНАСТЫРЯ СВ. АНТОНИЯ ВЕЛИКОГО**

Автобус, который отправляется из Фаюма вдоль Нила на юг, доставляет путников в Бени-Суэйф через два часа. А когда-то на это требовался не один день. В 1834 году здесь побывал А. С. Норов; он проехал верхом встречным путем – от Бени-Суэйфа до Фаюма. Вот что сообщает русский писатель о своем



посещении коптской обители: «На этом пути я остановился на восточном берегу Нила у коптского монастыря или подворья св. Антония Великого (Мар Антониос уль Бар). Это малое убежище служит сообщением между берегом Нила и знаменитым монастырем сего имени близ Чермного (Красного – а. А.) моря; оно построено на голом песке, где братия с трудом могли вырастить несколько тощих пальм; со всем тем они обложены податью»<sup>613</sup>.

Эти строки были написаны А. С. Норовым на обратном пути, когда он возвращался в Каир из Фиваиды. А ранее, при его плавании вверх по Нилу, русский путешественник упоминал про другой путь, ведущий к легендарным обителям. «Через полчаса плавания (вверх) от Бенисуэфа, на восточном берегу, видно селение Баядие, откуда ведет пустынная дорога мимо подошв гор Джебель-Буш к монастырю свв. Антония и Павла, на берег Чермного моря. Тут всегда собраны верблюды для проезда через пустыню», – отмечает Норов<sup>614</sup>. Таким образом, если верить записям нашего паломника, к древним обителям св. Антония и св. Павла в те годы от правого берега Нила вели два пути, и обе караванные тропы смыкались, по-видимому, в одну за Бени-Суэйфом.

А. С. Норов не имел возможности совершить столь трудное путешествие. (Участник Отечественной войны 1812 года, Авраам Сергеевич потерял ногу под Бородино.) Поэтому он уделил внимание описанию Антониевского подворья, где он нашел приют у братии. Вот как выглядела эта обитель с фелюги, идущей по Нилу. Пред взором путешественника «тянутся, как бы укрепления, сделанные руками человеческими, хребты скал Аравийских. ... Эти горы называются Джебель-Абу-Нур. Против них, на восточном берегу Нила, построен коптский монастырь, во имя св. Антония, о пяти небольших куполах, обнесенный стенами. Он стоит совсем без приюта на узкой полосе плодоносной земли; возле растут несколько тощих пальм, спереди песчаный берег Нила, а сзади обширная пустыня до самых гор»<sup>615</sup>.

Вот еще несколько строк, посвященных этой обители. «Церковь состоит из небольшой ротонды с куполом,

поддерживаемым несколькими колоннами грубой отделки, с коринфскими капителями, – продолжает Норов. – Здесь считают всего десять братий: они, вероятно, принадлежат белому духовенству, потому что я тут видел жен и детей»<sup>616</sup>.

Побывал в этой обители и архимандрит Порфирий (Успенский). Его визит в этот монастырь имел место 30 марта 1845 года. К этому времени здесь мало что изменилось. «В монастыре живут феллахи семьями», – пишет о. Порфирий<sup>617</sup>, подтверждая сообщение А. С. Норова. Русский архимандрит дополняет зарисовки своего предшественника, относящиеся к внутреннему убранству храма. «Купол покоится на четырех колоннах-монолитах тонких с коринфскими капителями. Вместо четвертой колонны поставлен столб. Во всей церкви пол из скалы, но стены ее кладены из красного кирпича», – пишет о. Порфирий<sup>618</sup>. Он также отметил, что в храме «иконостас деревянный. Икона св. Антония в киоте. Он изображен в фелони, – в одной руке крест, в другой – посох»<sup>619</sup>. «Напротив сей церкви – другая, во имя Абу-Сифше (т. е. Макария), малая», – так заканчивает о. Порфирий свои заметки об этом подворье<sup>620</sup>.

Возвращаясь к запискам А. С. Норова, можно отметить, что русский автор приводит краткие сведения монастырях св. Антония и св. Павла, каждый из которых «отстоит почти на два дня пути отсюда, чрез ущелья скал»<sup>621</sup>. Ведь до того времени ни один русский паломник еще не бывал в этих обителях, и А. С. Норов знакомил своих читателей с древними обителями, пользуясь сообщениями, почерпнутыми из записок европейских путешественников. Завершая свое повествование, русский автор замечает: «Я очень жалел, что не успел посетить эти вдохновительные святыне уединения»<sup>622</sup>.

И лишь через пятнадцать лет это довелось осуществить архимандриту Порфирию, который не побоялся бросить вызов жаркой и безводной пустыне.

## Монастырь св. Антония Великого

Удаленный от берегов Нила, монастырь св. Антония Великого всегда был труднодоступен для посещения, и русские паломники не бывали там вплоть до середины XIX века. Первым гостем из России, переступившим порог этой обители, стал начальник Русской Духовной Миссии (Иерусалим) архимандрит Порфирий (Успенский).

О. Порфирий намеревался побывать в этой прославленной обители, а также в расположенном неподалеку монастыре св. Павла Фивейского еще в 1845 году, во время своего первого путешествия по Египту. В тот раз он посетил тридцать четыре коптских монастыря, расположенных в более доступных местностях. Однако ему тогда не удалось посетить обители свв. Антония и Павла, поскольку он должен был ехать в знаменитый Синайский монастырь, а оттуда – в Иерусалим. И вот еще через пять лет у неугомонного архимандрита появилась новая возможность, «чтя память св. Антония, именем которого назывался первый начальник монахов в России, ублажая и преподобного Павла, посетить места их подвигов удивительных и провести там четыре дня в богомолье»<sup>623</sup>.

В своей книге, озаглавленной «Путешествие по Египту и в монастыри святого Антония Великого и преподобного Павла Фивейского в 1850 году» (Спб. 1856), архимандрит Порфирий отмечает: «Из русских я первый еду в пустыню, в которой спасались Павел и Антоний»<sup>624</sup>.

Архимандрит Порфирий отправился в трудное путешествие, заручившись рекомендательными письмами от коптского патриарха Петра и благословением патриарха Александрийского Иерофея. Путь русского паломника начинался из Каира, от Булакской пристани. Его судно (канджа) медленно начало подниматься вверх по Нилу под парусом. Неспешное плавание позволяло замечать то, что не увидишь нынче из окна автобуса. «Вот на правом берегу Нила одиноко стоит обитель коптов Дер Маклер Хабйра и смотрится в реку, а

из десяти окон ее не выглядывает ни один монах», – пишет о. Порфирий<sup>625</sup>.

До Бени-Суэйфа о. Порфирий добрался на третий день плавания. Еще несколько дней русскому архимандриту понадобилось для того, чтобы подготовиться к отправке с караваном из близлежащего селения Буш в долгий и трудный путь по пустыне. Для этого пришлось нанимать «бедуинов и верблюдов, которых потребовалось осмнадцать»<sup>626</sup>. За это время о. Порфирий смог посетить подворье монастыря Св. Антония, где за пятнадцать лет до этого гостил другой русский путешественник – А. С. Норов. «Оно вновь построено недавно. В нем есть церковь, – сообщает о. Порфирий. – К нам пожаловали почетные копты в шелковых одеждах и монахи из обителей свв. Антония и Павла в суконных темно-синих рясах и подрясниках с черными завивалами (тюрбанами) на головах. После взаимных приветствий я поведал им, что благоговение к памяти Антония Великого и пламенное желание видеть место его дивных подвигов привели меня в Египет с отдаленного севера. Тогда миряне промолвили: «Мы живем недалеко от Антониевой обители, а не бывали в ней. Ваше благочестие назидательно для нас»<sup>627</sup>.

В этом подворье о. Порфирий принял участие в богословской дискуссии; разговор шел о Божественной и человеческой природе Спасителя. Тем временем бедуины готовились к путешествию. Их «шейх» получил в задаток восемьсот пиастров и «обещался привести горбатых животных на другой день рано утром»<sup>628</sup>.

3 мая 1850 года архимандрит Порфирий отправился в путь. Рано утром он и его спутники переправились в лодке через Нил, «прямо против Буша». «Верблюдов навьючили, – пишет о. Порфирий, – мы сели на них, перекрестились и двинулись, за два часа до полудня»<sup>629</sup>. Вот основные этапы этого пути. В течение шести с половиной часов паломники «поднимались от Нила постепенно в направлении к юго- востоку-востоку по Ажбейской долине и взобрались на равнинную высь Аравийскую, вдоль разграниченную низким гребнем Баракатским ... всего сделали около 40 верст»<sup>630</sup>. Так прошел

первый день пути, и вечером, помолившись, о. Порфирий «заснул сладко и крепко на Аравийской горной выси, в таборе бедуинском, под небом открытым»<sup>631</sup>.

4 мая. Через два часа после отъезда с места ночлега путешественники преодолели хребет Баракат; «по другую сторону его ясно обозначилась вправо гора св. Антония, – записывал о. Порфирий, – она длинна, как молитва сего угодника Божия»<sup>632</sup>. После нескольких часов пути, вспоминал о. Порфирий, «наш поезд (караван – а. А.) остановился на ночлег в пустом месте, которое бедуины называют Абурийш»<sup>633</sup>.

5 мая. «В восемь часов мы достигли Уади Ахедыр и по этой ложбине, имеющей дождевое русло, потянулись в направлении к юго-востоку-востоку, понижаясь неприметно» – продолжает о. Порфирий<sup>634</sup>. А еще через два часа ветер-хамсин, проникавший до костей, превратился в вихрь. Минул полдень, а «хамсин так и воет, и ревет, и ходенем ходит по пустыне, песок мечет в небо, пламень льет на землю, мраком повивает горы», – сетовал о. Порфирий<sup>635</sup>. Это задержало продвижение каравана, и, как продолжает русский паломник, «в два часа и тридцать минут поезд наш тронулся с места и в половине пятого остановился на ночлег в широкой долине Эль-Араба»<sup>636</sup>.

6 мая. Рано утром «четвероногие корабли понесли нас поперек открытой долины Эль-Арабы, направляясь к юго-востоку-востоку, – пишет о. Порфирий. – Сидим на них и качаемся. У нас четки в руках, молитва в устах, пустыня перед глазами»<sup>637</sup>. Во время долгого перехода у паломников случилось несчастье. Это произошло около девяти часов утра, когда караван миновал Уади-эль-Буэрат. «Иеродиакон наш вздремнул на верблюде и, упав с него, вывихнул кисть правой руки, – жалуется о. Порфирий. – Здоровый и сильный, он скоро перемогся и продолжал путь. А то пришлось бы бедствовать с ним в пустыне, где нет костоправов»<sup>638</sup>.

И только во второй половине дня вдали, у подножья горы, показалась «обитель первого христианского подвижника» – монастырь св. Антония Великого. Итак, преодолев многочисленные трудности, архимандрит Порфирий сумел достичь желанной цели, о чем писал в своем путевом дневнике:

«Поминутно мы приближаемся к монастырю св. Антония, и он постепенно вырастает перед нами, отделяется от смежной горы и обозначается в полном составе своем. Вот видна ограда монастырская. ... Главных зданий внутри еще нельзя различать, потому что они тонут в зелени разных деревьев. Мы еще ближе, и вот видно: монастырь стоит на равнине Арабайской у подошвы высокой и крутой горы; за ним белеет небольшая полоса земли, как будто там пролито верблюжье молоко ... из-за ребристой ограды желтого цвета выказываются зубчатая башня, полукуполы церквей и верхи прочих строений»<sup>639</sup>.

Одной из особенностей тогдашней монастырской жизни коптов была постоянная опасность вооруженных нападений бедуинов. Архимандрит Порфирий отметил это в своих записях: «Мы спешили и стали в тени, отбрасываемой высокими стенами, сложенными из тесаных камней. Ворот в них нет. Монахов и пришельцев поднимают на веревке»<sup>640</sup>.

Насельники обители не ожидали приезда русских паломников, а постучаться в дверь было невозможно. Наконец гости были замечены. «Монахи появились на стене у навесного подъема и тотчас спустили к нам толстую веревку с петлею на конце, – пишет о. Порфирий. – Наш переводчик, первый, ступил в эту петлю левою ногою, схватился обеими руками за веревку и так на одной ноге был поднят вверх воротом, утвержденным на толстой стене под навесом. Потом таким же способом подняли дружину мою и наконец меня»<sup>641</sup>.

Это был исторический момент: впервые в истории русско-коптских связей православные паломники из России посетили древнюю обитель св. Антония Великого. Дорогим гостям была устроена торжественная встреча, и о. Порфирий подробно описывает ее в своих заметках. Вот как происходило это чинопоследование.

У ворота стоял игумен с братиею и было поставлено церковное кресло для меня. Как только я переоделся пристойнее и сел на приготовленное седалище, мне и о. Феофану дали в руки по медному кресту, потом окадили всех нас по чину храмовому, и затем начался крестный ход. Все монахи в темно-синих рясах и черных завивалах на голове, с

предлинными ветвями масличными и финиковыми, пошли вперед попарно и, спустившись со стены по уступам лестницы, продолжали шествие до церкви, воспевая какой-то священный стих. За ними и мы в облаках фимиама, воскуряемого молодыми иподиаконами, шли между тесными зданиями монастырскими. Когда крестный ход наш приблизился к церквам, начали благовестить в колокол. От чистых звуков его зазвучала в нас чистая радость. Нас привели сперва в древнейший храм св. Антония, а потом в смежный с ним собор, прямо в алтарь. Тут все мы обошли кругом престола, целуя углы его, и, вышедши из царских врат, продолжали шествие по всему собору около стен, снова входили в алтарь, опять лобызали четыре угла престола и еще раз прошли по всей церкви.

После сего меня посадили на убранный шелковыми пеленами кресло пред алтарем на левой стороне и дали мне в руки возжженный трикирий. Монахи же столпились предо мною, кадили меня поочередно, целовали мои руки и пели, ударяя медные блюда одно о другое, звоня в колокольчик и стуча в стальной треугольник. ... Наконец один иеромонах спросил мое имя и, разогнув большую книгу, начал читать приветствие на арабском языке. Из всего я понял только часто повторяемые слова: «радуйся, авва Порфирие». Слышно было, что они ублажали меня разными приветиями...

Приветствием кончился обряд принятия поклонников, и я успокоился в палатке, поставленной в саду под огромными финициями близ собора, после забот о несчастном иеродиаконе, который много страдал от ушиба и от растирания вывихнутой кисти ручной над парами. Пред захождением солнца, по желанию моему, принесли мне список помянутого приветствия <sup>642</sup>.

В середине XIX столетия в монастыре св. Антония числилось сто тридцать монахов, но только тридцать четыре из них жили здесь, а остальные находились либо на монастырском подворье на берегу Нила, либо в Каире и Иерусалиме, а часть из них постоянно странствовала по Египту. За несколько дней, проведенных здесь, архимандрит Порфирий присутствовал за

коптской литургией<sup>643</sup>, осмотрел древнюю обитель и составил подробное описание этого монастыря. «Все здания в нем так же, как и в прочих обителях египетских, расположены в одном углу северо-западном, – так начинает о. Порфирий свое повествование. – Остальное же место внутри обширной ограды занято садом. Кроме келлий монашеских ... главные здания суть: соборная церковь с примыкающим к ней храмом св. Антония, ризница и вместе книгохранилище в зубчатой башне, братская трапеза (столовая – а. А.) и келарня в три яруса вышиною, домик для патриарха, отдельная церковь во имя св. Марка в северо-восточном краю сада и водоем»<sup>644</sup>.

Осмотрев соборную церковь во имя свв. апостолов Петра и Павла, русский паломник отметил в его убранстве интересные подробности. Наряду с иконами, помещенными в храме, здесь находилась картина, подаренная монастырю каким-то католическим паломником. Это был «образ Божией Матери и св. Иосифа Обручника итальянской живописи, – отмечает о. Порфирий. – Сие Святое Семейство отдыхает на пути в Египет. Иосиф принес в платке разные плоды и, развернув его, подает их Предвечному Младенцу, Который простер к ним свою ручку и смотрит на них весело, стоя у колена Пречистой Матери Своей»<sup>645</sup>.

Особый интерес для русских паломников представлял небольшой храм св. Антония; он «по коптскому обычаю разделен на три части каменными стенками, кои возвышаются от полу не более как на два аршина», – пишет о. Порфирий<sup>646</sup>. В его дневнике находим важное замечание, относящееся к истории древнего монашества: «Во второй части храма под тремя ступенями, по коим восходят в предалтарное отделение, будто находится гробница св. Антония, по словам коптов. Но сами они не знают, есть ли в ней мощи сего угодника Божия»<sup>647</sup>.

Что касается алтарной части древнего храма, то в середине XIX столетия она представилась взору русских паломников в таком виде: «Самый алтарь, малый и темный, разделен на три части каменными стенами, в коих проделаны ходы для сообщения, – пишет о. Порфирий. – Он весьма слабо освещается чрез маленькие и тусклые окна в небольшом



куполе. Почти весь храм этот расписан в разные времена. На стенах и под арками его видны почернелые лики пророков, апостолов, преподобных и мучеников на конях. ... По местам начертаны коптские надписи. Монахи говорили мне, что сей храм древле освящен был во имя Панагии, т. е. Всесвятой»<sup>648</sup>.

Отец Порфирий признавал, что его записи, посвященные колыбели древнего монашества, представляют огромный интерес для православных читателей в России. Поэтому он уделяет несколько строк и архитектурному устройству храма св. Антония. «Первые два отделения его и алтарь вывершены тремя куполами, которые точь-в-точь походят на опрокинутую воронку, – продолжает русский исследователь. – На крыше храма они заострены, но подняты не более как на два аршина от уровня ее, внутри же его утверждены, каждый, на широком каменном обруче, в котором проделаны маленькие окна с оконницами, составленными из стекольчатых кружков. Алтарный купол менее других. В первый раз в жизни я видел здесь воронкообразные куполы»<sup>649</sup>.

В настоящее время бытует мнение, что этот небольшой храм был построен самим аввой Антонием<sup>650</sup>, поскольку так гласит коптское предание<sup>651</sup>. Однако у о. Порфирия на этот счет было собственное мнение. «В житии сего великого угодника Божия не сказано, чтобы на том месте, где он подвизался и умер, была какая-нибудь церковь во дни его, – размышлял о. Порфирий. – Думать надобно, что помянутый храм построен был вскоре по смерти его, последовавшей в 17 день января 356 года, и освящен во имя Божией Матери»<sup>652</sup>.

Во время своего пребывания в обители св. Антония о. Порфирий сумел познакомиться с монастырской ризницей и книгохранилищем: «Из числа книг, хранящихся в шести сундуках, замечательны две огромные рукописи на коптском языке, содержащие пасхальную службу (они тщательно берегутся в пристойных футлярах деревянных), словарь Нового Завета коптско-арабский в лист, рукопись драгоценная, и летопись на арабском языке от создания мира до седьмого вселенского собора. ... На одном ее поле замечено: «Доселе (то есть до Халкидонского собора) составлена сия летопись святым

Иоанном Златоустом». Стало быть, она переведена по-арабски с греческого языка. Прочие рукописи суть Евангелия, Апостолы, Псалтири, Часословы, Минеи, жития святых и т. д.»<sup>653</sup>.

Интерес русского ученого-паломника к древним восточным рукописям не был случайным и праздным. Благодаря трудам о. Порфирия отечественная наука обогатилась неоценимым по своей исторической значимости материалом. Рукописи, вывезенные им с Ближнего Востока, впоследствии стали предметом целого ряда исследований и монографий. Незадолго до своей смерти он передал С.-Петербургской императорской Публичной библиотеке все свои рукописи. Сам о. Порфирий на основании своих архивов написал целый ряд научных трудов, не потерявших своей ценности и до настоящего времени.

Вечерние часы о. Порфирий проводил в беседах с местным священником – отцом Даудом (Давидом). Один из вопросов, заданных русским ученым о. Дауду, представляет особый интерес для истории восточного монашества. Вот отрывок из книги о. Порфирия:

Скажи нам, отче, где родился св. Антоний?

В принильском селении Гемйне эль-Арусе, которое отстоит от Буша на три часа пути, ниже по течению реки.

Мы знаем житие и наставления его, но нам неизвестна история монастыря, носящего имя его. Пожалуй, поведай нам всё, что знаешь о нем.

Св. Антоний построил здесь небольшой монастырь с церковью для учеников своих. По смерти его он, мало-помалу, увеличивался в течение столетий, не от царских щедрот, а от подаяний христиан благочестивых. Мусульмане пощадили его. Султан Эль-Хакем Лагер, разрушивший весьма многие обители (в начале XI в. – а. А.), не коснулся его. Триста пятьдесят лет назад наш монастырь был разорен и в течение семидесяти лет оставался в запустении. Но 91-й патриарх Гавриил принудил нитрийских монахов обновить его и поселиться в нем, напомнив им, что они – духовные потомки св. Антония. Эти чернецы неохотно перешли сюда и даже прибили Гавриила, так что он скончался от их побоев. Но с тех пор поныне сей монастырь

постоянно был обитаем и процветал молитвами великого угодника Божия <sup>654</sup>.

Собеседник о. Порфирия поведал русскому архимандриту об уставе монастыря и о тогдашнем состоянии египетского монашества<sup>655</sup>.

Высоко на горе, за стенами монастыря, находится пещера, где св. Антоний прожил некоторое время, прежде чем обосновался у подножия хребта. Неутомимый архимандрит решил посетить эту древнюю святыню. Местные игумены Дауд и Павел вызвались сопровождать гостей из России; они взяли с собой трех коптов-монахов и четырех бедуинов-арабов с ослом. «Он первый спущен был со стены в веревочной сети; и его навьючили мехами с водою, – пишет о. Порфирий. – За ним спустились мы благополучно и пошли вдоль западной ограды монастырской к крутой горе»<sup>656</sup>.

Через полчаса паломники достигли склона горного отрога, где, по коптскому преданию, подвизался ученик св. Антония – Павел Простый. «Мы остановились на этом месте у огромного камня, когда-то отвалившегося от горы, – пишет о. Порфирий. – Сей камень и приложенная к нему маленькая ограда из дикого камня обозначают жилище преподобного простеца»<sup>657</sup>.

Немного передохнув, русские паломники продолжили свой путь на восток. Еще с дороги коптские иноки показали о. Порфирию пещеру св. Антония. Но добираться туда было непросто, и о. Порфирий упоминает о тех испытаниях, которые при этом выпали на его долю: «Чем ближе мы подходили к колыбели монашества, тем круче и стропотнее становилась стезя, ведущая к ней. Во многих местах надлежало взлезать с уступа на уступ и цепляться руками. Я четыре раза немного отдыхал на камнях ... Не понять бы мне, как столетний старец Антоний сходил и восходил по такому стропотному месту, если бы вера не сказала мне, что его носила всемогущая благодать Божия. Ровно полчаса я поднимался до пещеры от разрушенной кельи преподобного Павла»<sup>658</sup>.

Достигнув наконец желанной цели, о. Порфирий выяснил, что «у св. Антония были две пещеры, одна побольше и ниже, а другая рядом выше и меньше»<sup>659</sup>. В нижнюю пещеру о.

Порфирий прошел через «междустение, искусно иссеченное в горе, длиною в шестнадцать шагов». «Пещера с первого взгляда показалась мне естественною, – отмечает о. Порфирий. – В середине ее сложен из диких камней круглый престол низменный для богослужения. На нем нет ни доски, ни одежд. Окрест его можно ходить. Тут я преклонил колена мои и, прикивши челом к святой трапезе (престолу – а. А.), помолился Богу о царе и отечестве, о матери и о себе, о мире всего мира и благостоянии святых Божиих церквей и поручил всех и вся и себя самого предстательству св. Антония. В душе моей царствовало неизреченное веселие – это знамение нашей близости к Богу и к святым угодникам Его»<sup>660</sup>.

Совершив молитву, о. Порфирий осмотрел «священную колыбель монашества», после чего составил подробное ее описание<sup>661</sup>. «Слой горы в этом месте состоит из стекловидного хряща, похожего на белый мрамор, – сообщает о. Порфирий. – Все мы отбили тут по куску мрамора с намерением сделать из него образ св. Антония в память посещения места дивных подвигов его»<sup>662</sup>.

Рядом с этой пещерой, немного выше и правее ее, находится другая, малая. О. Порфирий с трудом добрался до нее, прижимаясь спиной к отвесу горы. «Пещерка сия так низка и узка, что в ней можно только сидеть и спать, а стоять нельзя, – пишет он. – Из нее видна долина Арабайская с противоположным хребтом горным»<sup>663</sup>.

После осмотра места молитвенных подвигов св. Антония о. Порфирий здесь же, сев на камень, записал в своем дневнике следующие строки: «Истинно предание, которое указывает, здесь в горе и у подошвы ее, два места подвигов св. Антония. Ибо они точно таковы, какими их изобразили древнейшие писатели жития сего великого угодника Божия. По словам блаженного Иеронима, «Антоний, когда услышал на берегу Нила некий голос, повелевавший ему идти с сарацинами вглубь пустыни, через три дня достиг того места, которое Бог назначил ему в обитание». И мы дошли сюда в три дня. – «Преподобный муж поселился у каменистой горы, из подошвы которой вытекала вода и образовала ручеек». – Она струится оттуда и

ныне. – «Около сего ручейка росло много фиников, которые делали место удобным для жизни и приятным». – Эти пальмы красуются тут и теперь. – «Близ их Антоний поселился в такой малой пещере, что в поперечнике ее заключалось столько пространства, сколько может занять человек, протянув свои ноги». – На месте ее, вероятно, стоит церковь Панагии-Всесвятой. – «Подвижник насадил виноград и разные деревья, воспитывал овощи и сам выкопал водоем для поливки своего огорода». – Водоем его существует и теперь. – «Кроме помянутой пещеры были еще две, иссеченные в горе у вершины ее; и туда всходил с величайшим трудом по извилистой и стропотной стезе». – То же и ныне. – «В одну из них святой удалился, когда узнано было подгорное жилище его у потока; но и там он не укрылся от чад своих духовных». – сия пещера цела и теперь»<sup>664</sup>.

Предаваясь размышлениям у пещеры св. Антония, о. Порфирий вряд ли мог предположить, что за несколько столетий до него здесь молился другой подвижник, которому впоследствии суждено было принять Православие. Речь идет об известном коптском реформаторе по имени Марк-ибн-аль-Канбара (1137– 1208). Он жил в XII веке и получил сан при патриархе Коптской Церкви авве Иоанне (1147–1167)<sup>665</sup>.

Отец Марк был сторонником обновления духовной жизни Коптской Церкви. Он хотел исправить или даже упразднить те обряды, которые утратили свой смысл и противоречили духу христианского учения. Так, он выступал против обрезания младенцев прежде их крещения, рассматривая этот обычай как влияние ислама. Талантливый проповедник, он переводил церковные книги с забытого коптского языка на разговорный арабский, считая, что смысл богослужения должен быть понятен каждому христианину. Но тогдашнее церковное руководство не готово было принять эти начинания, и в начале 1174 г. о. Марк, под конвоем патриарших слуг, был отправлен в заточение в монастырь св. Антония<sup>666</sup>.

Это произошло уже при следующем патриархе; им был авва Марк (1167–1189), соименник опального священника. Патриарх предписал настоятелю монастыря привести о. Марка

на то место, где покоятся мощи св. Антония, и потребовать, чтобы на этих святых мощах и на Евангелии о. Марк поклялся в том, что не будет повторять своих прежних поступков. Свобода могла быть возвращена ему лишь при условии подобной клятвы. Прошло некоторое время, и о. Марк исполнил требуемые от него предписания, после чего был отпущен из обители. Однако, вернувшись на берега Нила, он продолжил реформаторскую деятельность, за что был извержен из сана и отлучен от Коптской Церкви.

В то время в Египте имелись общины мельхитов – христиан, сохранявших верность Православию. «Мельхиты» – арабизированная форма от сирийского «малканийе», что, в свою очередь, является переводом с греческого «базиликон» – «императорский», «царский» – и в данном случае означает «сторонников царя». В период христологических споров, которые проходили в Византийской империи в IV-VI вв., часть христиан-сирийцев, в отличие от сирийцев-монофизитов, признала постановления Халкидонского собора 451 года, решения которого осуждали монофизитское вероучение. Сирийцы-христиане, сторонники этого собора, фактически признавали власть византийского императора, и поэтому они стали называться мельхитами или царскими христианами (православные). Унию с Римско-Католической Церковью они заключили только в середине XIX века<sup>667</sup>.

Отец Марк долго колебался, не желая порывать со своей Церковью. Но, как сообщал его биограф, «кончилось всё это тем, что он перешел в общину мельхитов и исповедал две природы и две воли (Иисуса Христа – а. А.), и мельхиты его приняли»<sup>668</sup>. Вместе с о. Марком в Православие обратились и многие его последователи.

Мельхитский патриарх дал о. Марку в управление монастырь св. Иоанна Колова («Малорослого»), известный под арабским названием аль-Кусаир, близ Каира<sup>669</sup>. Эта обитель считалась одной из самых значительных в истории восточного монашества. Предание связало этот монастырь с именем знаменитого подвижника – св. Арсения, учителя императора Аркадия. Мощи святого покоились под алтарем церкви,

сооруженной в его память. Вблизи монастыря имелись высеченная в скале пещера и камень, который служил ему подголовьем. Из числа украшавших монастырь десяти церквей две были особенно богато убраны. Близ одной из них был погребен монах Иоанн, строитель каирских стен и ворот; мраморная доска отмечала его могилу<sup>670</sup>.

Но во второй половине XII века монастырь аль-Кусаир пришел в упадок, многие здания разрушились, и в обители жило всего пять монахов. Сюда-то и был назначен настоятелем о. Марк; он управлял монастырем последние двадцать лет своей жизни (†1208). Именно в эти годы в обители развились традиции старчества...<sup>671</sup>

...Вернувшись в монастырь, гости из России узнали, что после вечерни будет совершен «обряд увещания двум молодым коптам, приготовленным к принятию ангельского образа». Этот обряд состоял в том, что сподоблявшиеся монашества ссылались на свою молодость и неопытность, а старцы говорили им: «Мы будем учить и руководить вами»<sup>672</sup>.

Но усталость помешала о. Порфирию присутствовать при этом обряде – ведь на следующий день он должен был продолжить нелегкий путь по пустыне. И, отходя ко сну, он записал в своем дневнике: «Господи! Сподоби их достигнуть вечного спасения, а наши стопы направи завтра в обитель св. Павла»<sup>673</sup>.

...Архимандрит Порфирий и его спутники были едва ли не единственными из россиян, побывавшими в обители св. Антония (и св. Павла) в XIX веке. А в следующем столетии, после социальных потрясений, имевших место в России, колыбель восточного монашества стала еще более труднодоступной для русских паломников. Возобновление наших связей относится к 1984 году, когда группа православных насельниц из русского Горненского монастыря (Иерусалим) совершила паломничество к святыням Египта. В один из сентябрьских дней автобус доставил одиннадцать русских монахинь к стенам древней обители. Заметки игумении Феодоры, настоятельницы Горненского монастыря, посвященные этому визиту, отличаются краткостью: пребывание

женщин в мужской обители не могло быть продолжительным. И, тем не менее, они представляют большой интерес – ведь эти строки написаны спустя сто тридцать четыре года после того, как здесь побывал о. Порфирий.

«Стены монастыря преподобного Антония белеют у подножия цепи гор, из-за стен поднимаются зеленые кроны деревьев, высятся две белые колокольни. Святой Антоний прожил здесь семьдесят лет, – пишет матушка Феодора. – В монастыре около ста человек братии. Нас радушно встретили, предложили трапезу, и затем один из монахов предложил нашей группе осмотреть обитель. Сначала мы прошли в маленькую древнюю церковь, построенную святым аввой Антонием<sup>674</sup> в честь Пресвятой Богородицы. На стенах остатки фресок, писанных еще при жизни основателя монастыря. Направо – маленькая часовенка, где молился святой Антоний. Стены ее расписаны великолепными фресками в византийском стиле, хорошо сохранившимися. Большой храм – во имя святых апостолов, ему более шестнадцати столетий – воздвигнут учениками преподобного. Мы зашли в церковь святого Марка Малого, который после преподобного Антония прожил здесь сто двадцать лет. Далее нас проводили к источнику святого Антония. Мы омылись этой священной водой, испили ее и взяли с собой в дорогу. Пропев тропарь и молитву святому, мы поблагодарили гостеприимных монахов этой древнейшей обители и направились дальше – в близлежащий монастырь преподобного Павла Фивейского...»<sup>675</sup>.



## Монастырь преп. Павла Фивейского

Эта древняя обитель, расположенная сравнительно недалеко от прославленного монастыря св. Антония Великого, издавна вызывала интерес у русских паломников. В 1835 году А. С. Норов намеревался отправиться туда от нильских берегов, но не смог осуществить задуманное. Тем не менее в своей книге он приводит краткие сведения об этой колыбели восточного монашества. «Монастырь св. Павла находится ближе к Чермному (Красному) морю на горе Холзим, на расстоянии не более четырех верст в прямую линию от монастыря св. Антония, но отделен столь высокою и крутою скалою, что обход вокруг нее очень продолжителен, и потому св. Антоний употребил почти два дня, чтобы достигнуть уединения св. Павла, – пишет Норов. – Вид и построение этого монастыря почти подобны первому. Там показывают доселе пещеру св. Павла. Монахи обоих монастырей ведут жизнь самую строгую и порабощены молчанию. В обоих монастырях не более сорока братий. Между ними есть схимники»<sup>676</sup>.

Эти сведения А. С. Норов заимствовал из книг европейских путешественников, сумевших побывать в обители св. Павла в конце XVIII – начале XIX вв. А в середине XIX в. архимандрит Порфирий (Успенский), первый из русских паломников, смог посетить эту обитель.

Отец Порфирий и его спутники отправились туда из монастыря св. Антония.

Утром 9 мая 1850 г. их караван потянулся вдоль горного кряжа в направлении к Красному морю. Спустя четыре часа по выезде из монастыря путники достигли глубокого сухого русла Аррижбэ, которое пересекает Арабайскую долину и тянется к морю. Еще через два часа пути паломники повернули на юг, и их взорам открылось Красное море. «Голубою лентою оно извивалось между Синайским полуостровом и Африканским материком, – пишет о. Порфирий. – Лазуревая синева его приятна была очам, утомленным угрюмою пустынею»<sup>677</sup>.

Путники заночевали неподалеку от высокой и крутой горы Фразель Ахмар. Отец Порфирий сел на берегу; волны, освещенные лунным сиянием, докатывались до его ног. «Я сперва погрузился в безотчетное созерцание велелепия природы, потом воспел «Тебе Бога хвалим» и по окончании сего песнопения укрылся в палатке» – записал о. Порфирий в своем дневнике<sup>678</sup>.

Утром 10 мая караван продолжил свой путь вдоль моря и достиг долины Уади Дер (Вади-Дейр), то есть «монастырской». Продвигаясь по этой долине к монастырю, о. Порфирий размышлял о судьбах основателей восточного монашества. «От сует и соблазнов сего мира Павел ушел сюда для покаяния и молитв в предощущении явления мира нового. Выбор сего места обнаруживает наклонность души его к самоотвержению и уединению глубокому, – записывал о. Порфирий в своем дневнике. – Св. Антоний водворился на лучшем месте, с которого видны Чермное море, Арабайские потоки и кочевья арабов, и имел учеников. А преподобный Павел, один, безмолвствовал в ущелии самом диком и угрюмом, из которого ничего отрадного не видно»<sup>679</sup>.

Русские пешеходцы продвигались к обители св. Павла, следуя по пути, который когда-то проделал св. Антоний. Когда преп. Антоний был уже стар, по откровению Божию он узнал, что невдалеке спасается в совершенном уединении другой отшельник, и предпринял путешествие к нему. И хотя их пещеры находились по разные стороны не очень высокого горного массива, который теперь монахи пешком преодолевают за семь-девять часов, авва Антоний потратил на путешествие два дня: вероятно, он обошел массив кругом. Святой Антоний по просьбе старца – преподобного Павла – пришел к нему и во второй раз, но застал его мертвым, застывшим в молитве. Преподобный Павел преставился ста тринадцати лет, из которых девяносто один год прожил в пустыне<sup>680</sup>.

В отличие от обители св. Антония, которая издалека открывается идущим к ней паломникам, монастырь св. Павла показался русским пилигримам лишь тогда, когда они подъехали к нему довольно близко. «Сперва открылась вся

южная стена его с келейками на ней, словно птичьими клетками, потом обозначилась восточная сторона его с подъемом между двумя маловыступными башенками четверугольными», – пишет о. Порфирий<sup>681</sup>. Путешественники спешили у стен монастыря за час до полудня. Как и в обители св. Антония, здесь не было монастырских ворот «из-за опасения от грабежа бедуинов».

Вот как происходила встреча россиян с местными насельниками: «Монахи явились у подъема на стене и спустили к нам толстую веревку, запетлеванную в конце. – Я велел поставить палатки немного ниже обители у источников сланой воды, приосененных дикими финичиями, переоделся и после переводчика первый был поднят на высокую стену. За мною втащены были спутники мои. После обычных взаимных приветствий коптские отцы с финиковыми ветвями в руках начали сходить попарно в монастырь, при благовесте в колокол, и, по желанию моему, провели нас в облаках фимиама в пещеру преподобного Павла, обращенную в церковь. Тут мы поклонились гробу его и прошли в приемную горницу для вожделенного отдыха»<sup>682</sup>.

После вечернего богослужения о. Порфирий осмотрел весь монастырь и составил его краткое описание. «Монастырь преподобного Павла Фивейского стоит при высокой и дугообразной горе, которой отвесная вершина кажется угрюмою крепостию, немного пошатнувшеюся и подпертую частыми пирамидальными откосными устоями», – так начинает он свое повествование об этой обители<sup>683</sup>.

Вместе с о. Порфирием можно совершить мысленный обход монастыря и ознакомиться с его внутренним устройством. «Спустившись с подъема внутрь обители, вступаешь на длинную площадь, обставленную с обеих сторон сплошными зданиями. Она чем далее тянется, тем уже становится, – сообщает о. Порфирий. – По левую сторону ее к южной ограде примыкают монашеские кельи, а по правую стоят также келии, и среди их, но в связи с ними, высится соборный храм»<sup>684</sup>.

Собор во имя Св. Иоанна Предтечи с приделом Архангела Михаила был возведен здесь в 1727 году по благословению

105-го коптского патриарха – аввы Иоанна. Об этом упоминалось в арабской надписи на одном из столпов храма, и о. Порфирий не замедлил занести эти сведения в свой дневник. «Сей храм, по коптскому обычаю, разделен сквозными перегородками на три части; алтарь же его отгорожен глухим деревянным иконостасом кровавого цвета, – продолжает русский пешеходец. – Размеры сего святилища – средние. Наилучшим украшением его служит образ евангелиста Марка, писанный в Европе художною кистью. Сей провозвестник спасения в Египетской стране сидит и размышляет. У ног его лежат две книги в пергаминах переплете. Вдали видна пирамида»<sup>685</sup>.

В северо-восточном углу монастыря св. Павла имеется небольшая церковь во имя «Двадцати четырех Апокалипсических старцев» (Откр. 4, 4 и 10). Сюда русские паломники сошли через паперть, по каменной многоступенчатой лестнице. «Паперть – выше самой церкви несколькими ступенями, – уточняет о. Порфирий. – Когда сойдешь по ним и переступишь за решетчатую перегородку, то едва при свете возжженных свечей заметишь расположение святилища. Оно длинно и узко, но довольно высоко. В алтаре его, отделенном каменным иконостасом, на котором видны лики святых, за престолом высоко на стене изображен стоящий Спаситель»<sup>686</sup>.

Непосредственно к этому храму примыкает пещера, в которой спасался преподобный Павел. Она отделена от церкви решеткой. «Когда переступишь за нее и ошупью пройдеши шагов двенадцать, очутишься у каменной раки сего первого отшельника, – повествует о. Порфирий. – Она под скалистым навесом пещеры стоит вдоль южной стены и мало возвышается над уровнем пола. Облицовка ее известковая. Ничего нет на ней, ни покрыва, ни креста. Не горит пред нею и лампада. Тут на левой, или восточной, стене изображен преподобный Павел, во весь рост, в финиковом хитоне; руки его воздеты к небу; ворон несет ему круглый хлебец, а два льва лижут его стопы. Из пещеры входят прямо в алтарь, освященный во имя сего угодника Божия. Низкий, малый, длиною в пять шагов, шириною же в четыре, почти весь занятый св. трапезою (престолом – а.

А.), он сообщается с побочным алтарем посредством двери. В нем темно, как в гробе; купола нет, потому что пещеру оставили неприкосновенною»<sup>687</sup>.

Отец Порфирий подробно описывает эту пещеру, так как она представляет наибольший интерес для читателей, интересующихся историей восточного монашества. Весьма кратко он упоминает про другие монастырские постройки: это церковь св. Меркурия, колоколенка, трапезная, башня. «С сей башни хорошо видны прибрежные высоты Синайского полуострова и остроконечная вершина тамошней горы, носящей имя. св. Екатерины», – замечает русский архимандрит<sup>688</sup>.

11 мая гости из России присутствовали в соборной церкви на литургии св. Василия Великого, по чину Коптской Церкви. По окончании богослужения о. Порфирий беседовал с местными старцами и почерпнул много ценных сведений о литургических традициях Коптской Церкви. «Взаимно старцы узнали от меня число наших литургий и наши водосвятные дни», – пишет о. Порфирий, замечая при этом, что далее разговор зашел об иконопочитании. При этом один из старцев поведал, что «он, в бытность свою в Иерусалиме, видел св. образа, писанные в России, и восхищался нашею церковною живописью»<sup>689</sup>. По словам наместника обители, здесь в то время подвизались тридцать два монаха, «да в сборах труждаются шестьдесят старцев»<sup>690</sup>.

Будучи пытливым исследователем, о. Порфирий сопоставил увиденное с теми сведениями, которые содержались в житии св. Павла Фивейского. Вот что пишет о. Порфирий по этому поводу:

В помянутом житии сказано, что Павел на шел у одной горы пещеру, которой устье заслонено было ветвями дикого финичия, и что она находилась близ родника воды, протекавшего малое пространство и терявшегося в земле недалеко от своего истока. В самом деле, естественная пещера, включенная в монастырский храм апокалипсических старцев, находится возле скудного источника. Дерево у ней срублено, но зато другие дикие финичья, закрывающие своими верхними и нижними ветвями другие соседние источники вне обители, живо

напоминали нам, что подобным образом приосенялась и заслонялась и пещера Павлова.

В житии преподобного Павла упомянуто, что когда св. Антоний, по откровению свыше, пошел из своей пещеры отыскивать жилище сего праведника, то достиг до него в два дня. И мы оттуда же доехали сюда в два дня <sup>691</sup>.

Своими мыслями по этому поводу о. Порфирий поделился со своим спутником по паломничеству – о. Феофаном. «Сличение этого места с житием сего угодника Божия поселяло в обоих нас твердую уверенность, что мы видели и почтили первую колыбель монашества, – пишет русский архимандрит. – Нам приятно было находиться на этом месте; и радость наша увеличилась еще более, когда над самым теменем соседней горы увидели две звезды рядом. Они напоминали нам Павла и Антония. Любуясь ярким светом их, мы говорили друг другу: и в нас должен сиять свет Христов»<sup>692</sup>.

Вот еще несколько строк, в которых о. Порфирий выражал свои чувства по поводу свершившегося в его жизни события: «Достиг я своей цели: видел первейшую колыбель монашества, укрытую в скалистых горах, далеко, весьма далеко от Петрополя, где в Академической церкви облекли меня, еще молодого, в мантию, куколь и сандалии. Светло мне было у этой колыбели»<sup>693</sup>.

А 12 мая рано утром паломнический караван двинулся в обратный путь. «Прохладный ветер дул нам с севера; и в нем каждый из нас ощущал родное веяние, кто костромское, кто орловское, кто петербургское...»<sup>694</sup>.

...Современные коптские иноки поддерживают древние традиции в монастыре св. Павла. Паломники, изредка посещающие эти суровые места, по-прежнему пользуются гостеприимством местных насельников. Скалистый извилистый путь ведет на запад от Суэцкого залива через безводные ущелья, пока вдруг резко не появятся на вершине обрыва очертания монастыря св. Павла. Его высокие стены почти незаметны на фоне бледно-коричневых отвесных песчаных скал, в которых в древности были выкопаны пещеры отшельников.

Двадцать монахов, живущих в монастыре св. Павла, встают в три часа утра для совершения утреннего богослужения и присутствуют на литургии, а затем возвращаются в свои кельи и снова молятся. После завтрака каждый монах выполняет свои послушания: одни выпекают просфоры, другие строят стены в кельях, готовят пищу, переписывают книги. Заботливо ухоженные деревья в саду дают братии время от времени финики, апельсины и лимоны. Овощи растут на участке земли, который монахи обрабатывают сами. Этот участок находится в ста шестидесяти километрах на запад, недалеко от города Бени-Суэйф на Ниле.

За последние годы жизнь насельников обители стала несколько легче благодаря использованию современной техники. Имеющиеся в монастыре два передвижных электрогенератора позволяют время от времени использовать в ночные часы искусственное освещение. Доставка продовольствия с помощью автотранспорта из Бени-Суэйфа теперь занимает несколько часов по сравнению с прошлым, когда караван верблюдов покрывал это расстояние почти за неделю.

В сентябре 1984 года у стен древней обители снова можно было услышать русскую речь. Сюда с паломническим визитом прибыли насельницы Горненского Иерусалимского монастыря во главе со своей игуменией. «Монастырь преподобного Павла Фивейского расположен на высоте тысячи пятисот метров над уровнем моря, окружен каменными стенами. Через несколько минут после того, как мы через довольно большие ворота вошли в монастырь, к нам подошел игумен и повел нас в храм поклониться могиле преподобного Павла, – пишет игумения Феодора. – Монахи считают, что этому храму тысяча шестьсот семьдесят лет. Могила преподобного – под землей, на ней большое мраморное надгробие. С возжженными свечами мы преклонили колена перед могилой, облобызали надгробие, пропели тропарь святому и осмотрели церковь. В монастыре имеются еще три церкви, более поздней постройки. Мы сердечно поблагодарили игумена монастыря и, простившись с обителью, поспешили в обратный путь, в Каир...»<sup>695</sup>.

## Дейр-Мариам – монастырь Пресвятой Богородицы

Русские путешественники, посещавшие Нижнюю Фиваиду, обычно останавливались в Бени-Суэйфе, чтобы пополнить запасы воды и продовольствия, а затем продолжали свое плавание вверх по Нилу. На следующий день перед ними представляла во всей красе гора Джебель-эль-Тейр (Птичья), увенчанная коптским монастырем во имя Пресвятой Богородицы.

В 1834 году здесь побывал А. С. Норов. В своих записках он уделил внимание этому живописному месту. «Нил прорыл глубокие пещеры в подошвах этих живописных скал; сверх того множество глубоких трещин раздирают стены, и стаи птиц с криком беспрестанно влетали туда на ночлег, оправдывая тем название горы, – пишет русский автор. – Она раздвоена на два уступа; на самой высоте видно строение; кирпичный купол выглядывает из-за ограды земляных стен. Это коптский монастырь, посвященный Пресвятой Богородице (Дёр-Мариам). Сюда вначале уединился святой Антоний»<sup>696</sup>.

А. С. Норов намеревался посетить эту обитель на своем пути к нильским порогам, но эта попытка оказалась неудачной. Вот что пишет по этому поводу сам русский путешественник: «Несколько братьев, сопровождаемых верною собакою, приветствовали нас с грозных вершин и знаками приглашали под свой кров. В самое это время солнце погружалось за беспредельную степь Ливии, и ветер нас оставлял; я велел повернуть к монастырским скалам, но мы нигде не находили приюта для нашей дагабии по причине их крутизны. Отшельники, заметив наше намерение, с радостью начали спускаться со скал к нам навстречу. Мы хотели пристать к тому месту, где видны идущие от верху до половины скалы высеченные в камне ступени, но копты нам закричали, что тут нет никакой возможности подняться от подошвы иначе как на канатах, и приглашали нас к другому месту. Пристав туда, мы увидели, что и тут доступ почти столь же труден и даже опасен, особенно ночью. В обуви этот всход невозможен, и сами



отшельники советовали нам дожждаться дня. Дорожа временем, я обещал им на возвратном пути посетить их»<sup>697</sup>.

Тем не менее А. С. Норов и его спутники провели это время не без пользы. Русский путешественник пытался выяснить у местных насельников, кто был основателем этого монастыря. Один из священников ответил ему, что обитель была основана святым Авраамом Сирийским. «Желая увериться в этих словах, я заставил его несколько раз повторить себе то же самое и ясно слышал: «Ембабе Ибрагим Суриани», – пишет А. С. Норов<sup>698</sup>.

Те же иноки советовали русскому путешественнику на обратном пути пристать к берегу с северной стороны, около селения Серарие, «куда обещали выслать ослов, как скоро завидят наш флаг»<sup>699</sup>. И вот, возвращаясь из долгого путешествия к нильским порогам, дагабия, на которой находился Норов, вновь подошла к отвесному склону...

Как и было обещано, насельники помогли гостю из России добраться до их обители. Вот как это происходило. «Копты нас увидели и знаками рук показывали на северный мыс горы, куда мы и направились, – пишет А. С. Норов. – Вместе с тем, два монаха спускались по ребрам скал, и мы не могли понять, как они могли преодолевать такие страшные крутизны; мы опасались за них, как вдруг, достигнув крайнего уступа, но еще довольно высокого, они бросились в Нил – исчезли, опять появились и уже плыли к нашей дагабии; мы тотчас поворотили к ним, вскоре приняли их на борт и прикрыли утомленных нашими плащами; я заметил знамение креста, выжженное на их руках. По их указаниям, после дальнего обхода, мы пристали к низменным скалам»<sup>700</sup>.

Езда на лошади по безжизненным скалам заняла полчаса, и наконец русский путешественник спешил к вратам обители. «Нас ожидала у дверей толпа монахов, не привыкших видеть посетителей на этих грозных высотах, – продолжает Норов. – Настоятель повел меня в церковь. Мы должны были спуститься на несколько ступеней в глубину пещеры, иссеченной в скале; в этой пещере, как сказывают, жил некогда св. Антоний Великий, и тут теперь устроена подземная церковь, имеющая шагов около двадцати квадратного пространства; она украшена двумя

колоннами коринфского ордена (ордера), которые отделяют паперть от самой церкви»<sup>701</sup>.

В храме, по просьбе русских паломников, была отслужена вечерня, и А. С. Норов подробно изложил ее чинопоследование в своих записках<sup>702</sup>. Беседуя с наместником обители, русский исследователь еще раз пытался выяснить время ее основания. Однако ничего нового тот сообщить не мог, и русский ученый снова называет имя «Авраама Сирианина, вероятно того самого, который был после св. Марка 62-м патриархом Александрийским, около 977 года. Его жизнь описана на арабском и сирском языках. Александрийская Церковь причла его к лику своих святых»<sup>703</sup>.

А. С. Норов и его спутники имели достаточно времени, чтобы осмотреть монастырь и полюбоваться с прибрежных скал на открывающуюся панораму. «С запада горизонт исчезал в необъятной пустыне ливийских песков, а с востока, от самого монастыря, хребты безжизненных гор с песочными насыпями тянутся к берегам Чермного (Красного) моря, – пишет Норов. – Кругом монастыря – мертвенность невообразимая, – здесь нет ни одного растения, ни одного источника; монахи достают воду дальним обходом с Нила или спускаясь с большой опасностью с отвесных скал; ужасная бедность царствует в обители»<sup>704</sup>.

На самом краю обрыва остатки древних строений служили парапетом, а под ним, высеченные в скале, виднелись ниши – могилы для усопших отшельников. Казалось бы, жизнь местных иноков была полна лишений и забот. Однако, как отмечает Норов, «святый Антоний, поселившийся здесь сначала, нашел это место слишком роскошным, по причине близости Нила, и укрылся в горах, между этим берегом и Чермным морем»<sup>705</sup>.

Жизнь древних отшельников представляла собой образец совершенства, и Египет по праву считается колыбелью восточного монашества. Подводя итог своим размышлениям на эту тему, А. С. Норов пишет: «Св. Василий из далеких стран прибыл назидать себя жизнью египетских отшельников. Св. Кассиан, рожденный в Скифии, пробыл семь лет в изучении их жизни. Св. Иларион передал правила их монашеской жизни в Сирию, откуда они перешли на берега Чермного моря чрез

другого сподвижника Христова, св. Василия, епископа Кесарийского, что в Каппадокии»<sup>706</sup>.

Словно продолжая дело своего предшественника, в 1845 году Птичий монастырь осматривал архимандрит Порфирий (Успенский). 4 февраля он сделал в дневнике такую запись: «Сравнялись с монастырем. Монахи смотрят на нас. Один спустился за милостынею. Но лодка наша идет скоро без паруса (парус подвязан). Монах бежит впереди. Монастырь не имеет никакого вида – это кучка убогих зданий. В третий раз догнал нас тот же араб – старый, седой, все тело покрыто волосами; получил шесть пиастров и взял их в рот, ибо мы приблизились к левому берегу»<sup>707</sup>.

Из дальнейших слов о. Порфирия следует, что ему не удалось выйти на берег близ этого монастыря – ведь еще А. С. Норов красноречиво описывал все трудности, которые было необходимо преодолеть для этого. Поэтому русский архимандрит мог лишь с борта дагабии созерцать открывшуюся перед ним панораму: «Солнце ярко освещает Птичью гору. Она меловая, состоит из горизонтальных пластов. Выше, за монастырем, есть кусок земли у подошвы горы во всю длину; он принадлежит монастырю. Мы идем без паруса около левого берега; ветер слаб. Монахи забегают далеко вперед»<sup>708</sup>.

Еще через полчаса в дневнике того же путешественника появляется очередная запись: «Поставили парус. Нагнал нас монах нагой по берегу левому бегом, бросился в воду и вошел в лодку, потому что мы плыли близ берега. По его словам, двадцать монахов в монастыре»<sup>709</sup>.

В начале 1880-х гг. по Нилу уже регулярно ходили пароходы. На одном из них мимо Птичьей горы (Джебель-эль-Тейр) следовал русский путешественник В. Андреевский. Он не смог посетить обитель Пресвятой Богородицы, но в своих записках приводит интересные сведения о ее тогдашнем состоянии. «На самом верху одной из скал приютился коптский монастырь Дейр-эль-Бакара, – сообщает русский автор. – Бакара – значит блок; такое имя дано этому монастырю потому, что обитатели его не иначе могли достигнуть его, как будучи поднятыми в корзинке по веревке, перекинутой через блок. В

настоящее время монастырь этот, кажется, заброшен; прежде же, лет десять тому назад, ни одна дахабия, ни одна барка не проходила мимо, не отдав известной дани его монахам. Эти отшельники проводили все свое время в наблюдении за проезжающими по Нилу и, бывало, едва только заметят приближающееся судно, бросались в воду с криками: «бакшиш!», плыли за проходящей баркой, провожая ее до тех пор, пока им не кидали несколько монет, которые они ловили с необыкновенной ловкостью»<sup>710</sup>.

В монастырь Пресвятой Богородицы (Дейр-эль-Адра), стоящий на отвесном берегу Нила, можно добраться из Эль-Миньи. Этот крупный город расположен на берегах Нила в трехстах километрах к югу от Каира. Однако для начала – небольшая цитата из газетной периодики: «22 июля 1997 года в Минье мусульманские террористы убили шестерых полицейских, несмотря на то что в начале июля заключенные члены командования вооруженных групп призвали своих соратников к прекращению огня. За пять лет мусульманского терроризма и борьбы с ним в стране погибло около тысячи двухсот человек»<sup>711</sup>.

Паломники, прибывающие в Эль-Минью, попадают «под колпак» местных спецслужб не сразу. Сначала обычное размещение в обычной гостинице. Можно пройтись по городу, с набережной полюбоваться Нилом в его среднем течении. Вечером советуюсь с менеджером отеля: как добраться до монастыря Дейр-эль-Адра? Ведь, по преданию, он был основан на том месте, где останавливалось Святое Семейство во время бегства в Египет. А в Минье несколько площадок, откуда автобусы идут в разных направлениях.

Утром спускаюсь вниз и приветствую дежурного по гостинице. У него для меня сюрприз. Сейчас придет провожатый – он поможет добраться до нужного автобуса. Благодарю за любезность, отказываться неудобно, за человеком уже послали. «Человек» появляется через четверть часа. Это скромный копт, в длинной серой галабии. Просто, без затей, сообщает, что он – из полиции и что мне с ним будет надежнее.

Всё в открытую, честно, и это располагает к нему. Мы идем через весь город, пересекаем какие-то площади, кривые улочки и наконец выходим к нашей стоянке микроавтобусов. Без гида действительно пришлось бы нелегко. Он сажает меня в «мукробас», идущий до местечка Самалют, а там – пересадка. Но на этом его миссия не заканчивается. Он записывает номер автобуса и долго говорит с водителем.

Полицейский, встречающий пикап в местечке Самалют, уже ждет гостя из России. Мы добираемся на машине до берега Нила, где действует регулярная переправа. Мы садимся не в обычную лодку, а в фелюгу под парусами и, «поймав ветер», переправляемся на другую сторону. Неподалеку от обрыва, на котором высится монастырь, «действующие» каменоломни. Для жителей прибрежной деревеньки это единственный источник заработка, и обтесыванием каменных глыб занимаются все – от мала до велика. Потом эти блоки грузят на фелюги и развозят по нильским городам. При обители – коптская деревенька, но мы следуем прямо в полицию. Там мне выделяют местного полицейского в чалме, галабии и с бамбуковым посохом. Свою берданку он оставляет в дежурной комнате – видимо, повстанцы здесь тихие.

Асуанская плотина понизила уровень Нила, текущего на север от нее. Но и сегодня его вид не менее прекрасен, чем во времена А. С. Норова: «Нил, между двумя лентами яркой зелени лугов и пальмовых рощей, извивается по неизмеримому пространству в обе стороны, отражая лучи заходящего солнца»<sup>712</sup>. Монастырь закрыт ввиду «чрезвычайных обстоятельств», и его можно осмотреть лишь снаружи.

На обратном пути в фелюгу набивается много народа. Крестьяне достают из своих баулов нехитрую снедь и приступают к трапезе. Молодая женщина протягивает одинокому страннику кусок брынзы. У нее темные от загара натруженные руки. Вежливо отказываюсь, не потому, что брынзу придется брать из руки – на Востоке к этому быстро привыкаешь. А просто нынче жарко, хочется пить, а брынза соленая. Но это трудно объяснить, и пытаюсь отделаться шуткой: «Рамадан!», то есть нельзя вкушать пищу до заката

солнца. Но мой «тонкий юмор» до селян не доходит. Их лица вытягиваются, и они с опаской смотрят на меня, а кто-то шепчет: муслим! Особенно встревожен мой охранник: неужели «казачок засланный»? До меня доходит, что деревня-то коптская и жители пребывают в постоянном страхе за свою жизнь. На Востоке с этим не шутят, и, чтобы «закрыть тему», я беру кусок брынзы и подношу его ко рту. Мои попутчики облегченно улыбаются: свой, ортодокс!

На обратном пути в Эль-Минью прощаюсь с сотрудником, встречавшим меня в Самалюте. Но он явно не хочет здесь оставаться и занимает место в автобусе. Значит, охраннику дали команду не спускать глаз с подопечного. У Эль-Миньи – толчок в бок: на выход! Оказывается, страж должен оформить мое возвращение в полиции и передать паломника под расписку: сдал-принял. Показываю конвоиру визитку с адресом своего отеля: еду прямо туда, а выходить на окраине и не подумаю. Водитель нетерпеливо ждет, все смотрят на нас. Шевеля губами, полицейский читает название гостиницы, переписывает адрес и медленно покидает салон.

В гостиницу прихожу не рано – после прогулки по городу. Портье озабочен: уже звонили, и не один раз... Спрашиваю его: в чем причина такой заботы? Ведь персональная охрана влетает казне в копеечку, а деньги в Египте считать умеют. И почему плотная опека именно здесь – ведь в других городах ты никому не интересен?

Дежурный, неизменно восседающий за гостиничной стойкой, – копт, и он радушно относится к гостю из России. Вот что сообщалось сто лет назад в русской печати о коптах: «В настоящее время копты держат себя к грекам весьма близко. Богослужение греческое копты посещать любят и много из него воспроизводят в своих храмах. Еще с большим благоговением относятся копты к совершенно неизвестным им, отдаленным «московам»<sup>713</sup>.

Гостиничный копт доверительно рассказывает «москову» про местную обстановку. Никакой шпиономании в Эль-Минье нет, но здесь действуют фундаменталисты. Братья-мусульмане считают, что страна должна идти своим путем, наособицу. Они

против «тлетворного влияния Запада». С весны 1992 г. они убили тридцать иностранных туристов. Самый «урожайный» теракт был осуществлен 18 апреля 1996 г., когда были убиты восемнадцать греческих туристов<sup>714</sup>. А еще через год последовал расстрел туристского автобуса в долине царей... Каждый раз в мировой печати поднимается большой шум, западные турфирмы немедленно отменяют чартеры в Египет, и страна несет громадные убытки. Именно поэтому и введено сопровождение туристов-одиночек в районе Эль-Миньи, Асьюта и Маллави – ареале обитания боевиков.

С вечера готовлюсь к завтрашнему отъезду из Эль-Миньи. Мне предстоит дальнейшее путешествие по пустыне, вдали от дельты Нила с его фундаменталистами...

## На пути в Фиваиду

Эль-Минья – город, лежащий на левом берегу Нила в его среднем течении. В 1845 году в этом городе побывал архимандрит Порфирий (Успенский). В его дневнике под 25 марта есть такая запись: «Минье. Кафедральная церковь во имя св. Георгия; священников четыре. Церковь довольно хороша; завесы на царских вратах бархату зеленого и шелковые. Четыре иконы в киотах»<sup>715</sup>.

В окрестностях Минии о. Порфирий посетил монастырь Абагур, «четверть часа езды на восточной стороне Нила, внизу горы, в катакомбе. Христиане посещают его»<sup>716</sup>.

Русские путешественники, продвигавшиеся от Миньи на юг, вверх по течению, могли знакомиться со старинными коптскими монастырями, возведенными близ нильских берегов. Вот что сообщал об одной акой обители А. С. Норов в 1834 году: «Я расспрашивал о монастыре Аббата Гора, который должен быть близ Саади, но никто не мог мне показать его; меж тем, проходя очень близко от берега, я открыл в зрительную трубу развалины этого монастыря на самой вершине скал; стены обширны и в иных местах зубчаты. Нам сказали, что этот монастырь еще не упразднен»<sup>717</sup>.

Эль-Минья – своего рода пограничный город. К югу от нее, пишет А. С. Норов, «начинаются те древние каменоломни и погребальные пещеры, которые столь долгое время служили убежищем умершим для мира святым отшельникам. Эти места прославились в христианском мире под названием «уединений Фиваидских», хотя собственно Фиваида начинается еще несколько далее»<sup>718</sup>.

Миновав селение Бени-Хасан с его всемирно известными древнеегипетскими гробницами, дагабия русского путешественника достигла селения Календул, все жители которого «сидели семейными группами под тению дерев, дыша бальзамическим воздухом»<sup>719</sup>. На противоположном, восточном, берегу скальные обрывы были изрыты пещерами – когда-то здесь были каменоломни древнеегипетского города



Бессы. «От обоих городов остались только эти каменоломни и гробницы, которые долго укрывали в своих недрах святых отшельников, – пишет Норов. – Спасительное знамение креста, вычеканенное на многих стенах, свидетельствует о существовании здесь церквей и пребывании чистейших душ, приуготовивших себя в этом ужасном уединении созерцательною жизнью к вечности; подземные галереи, где устроены были их келлии, идут на далекое пространство»<sup>720</sup>.

Немного выше, на левом берегу, стоит селение Аш-мунейн. Когда-то к югу от него, у подножия Ливийского хребта, был основан коптский монастырь, названный Крестным. Однако местные арабы называли его Абу-Фуне, т. е. аббата Стефана. Церковный писатель Руфин (345–410) составил житие этого подвижника, который провел шестьдесят лет в пустынном, уединении. «Все стены этого монастыря покрыты разноцветными изображениями крестов. На большом кресте, который находится на своде алтаря, написано по-гречески: «древо жизни», – пишет Норов, добавляя при этом: «Коптские монастыри Св. Иоанна и так называемый Амба-Бишой, находившиеся по ту сторону близ Шех-Абаде, разрушены»<sup>721</sup>.

Продвигаясь на юг вдоль нильских берегов, А. С. Норов и его спутники миновали городок Малави (Маллави) и мыс Эль-Амарне, близ которого лежат развалины Ахетатона – столицы Египта при Аменхотепе IV (XIV в. до н. э.). Отметив, что немного выше по течению был виден коптский монастырь Дейр Коссеир, Норов пишет: «Несколько поодаль видно значительное селение Коссеир», а «за три часа расстояния есть два монастыря: один из них – Абиссинский»<sup>722</sup>.

К сожалению, русский путешественник не смог посетить эти обители, и его дагабия проследовала дальше – к Сиуту (совр. – Асьют), городу, где в те годы было «около двадцати тысяч жителей; в том числе много коптов, у которых три церкви»<sup>723</sup>.

## Аль-мухаррак – благословенная обитель

Многие великие художники прошлого вдохновлялись сюжетами, почерпнутыми из Евангелия. «Бегство в Египет» была одной из любимых тем таких мастеров, как Джотто, Ван Дейк, Пуссен, Мурильо. Вот что сообщает евангелист Матфей: «Ангел Господень является во сне Иосифу и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его и беги в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе; ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его. Он встал, взял Младенца и Матерь Его ночью и пошел в Египет. И там был до смерти Ирода» (Мф. 2, 13–15).

В Евангелии не упоминается о том, где именно провело опасное время Святое Семейство. Однако в среде египетских коптов-христиан издавна сохраняется предание о том, что праведный Иосиф и его семейство обосновались в Среднем Египте, близ того места, где ныне расположен город Асьют.

А. С. Норов, побывавший в этом городе в 1834 году, сообщает своим читателям, что «в Сиюте было некогда епископство; один из его епископов, по имени Иона, известен по сочиненному им описанию жизни некоторых святых»<sup>724</sup>. Тот же автор упоминает и о том, что в окрестностях Асьюта (Сиута) «коптские христиане показывают семь пещер, где, по их преданиям, был женский монастырь; они даже утверждают, что там несколько времени укрывалась Пресвятая Богородица с Младенцем Иисусом во время Ее пребывания в Египте»<sup>725</sup>.

Эти сведения представляют особый интерес, поскольку, согласно коптскому преданию, Святое Семейство, бежавшее от Ирода, обосновалось в землях, лежащих к северо-западу от современного Асьюта – там, где впоследствии была основана древняя обитель Аль-Мухаррак. Ранее в своих записках А. С. Норов упоминал об этом: «О пребывании Святого Семейства в Египте предания различны; мы полагаем, согласно с Епифанием и с Торниеллием, что это пребывание не продолжалось более двух лет с несколькими месяцами»<sup>726</sup>.

А. С. Норову не довелось побывать в Аль-Мухарраке; он лишь упомянул о нем в своей книге («Дейр-Магарак, т. е.

сожженный монастырь»)<sup>727</sup>. А в 1845 году эту обитель сподобился посетить архимандрит Порфирий (Успенский). 22 марта он сделал в своем дневнике такую запись: «Магарака. Пять церквей – одна во имя Богоматери. Здесь была Богоматерь. Сто двадцать монахов живут; пятьдесят собирают деньги, но платят подать (за) четыреста федданов, по пятьдесят грошей за феддан. Пятнадцать мужиков обрабатывают их»<sup>728</sup>.

В своей книге о. Порфирий приводит план этого монастыря<sup>729</sup>, а также сообщает дополнительные сведения об этой знаменитой обители: «Монастырь платит тридцать мешков паше. Паша знает, что монастырь есть, но числа монахов не знает. Монастырь построен был каким-то патриархом на месте посещения Богоматери»<sup>730</sup>.

Сегодня эта обитель занимает почетное место в ряду прославленных коптских монастырей, и ныне туда стекаются паломники со всего Египта, а также из-за границы. В рекламном буклете кратко упоминается о монастыре Аль-Мухаррак, основанном на том месте, где, по преданию, обосновалось Святое Семейство. Судя по приложенной схеме, от Асьюта предстоит еще двигаться на север вдоль берега Нила. Поезд до Асьюта идет медленно. Вагон третьего класса набит пассажирами, но здесь, на удивление, почти тихо. Идет мусульманский третьего класса набит пассажирами, но здесь, на удивление, почти тихо. Идет мусульманский пост – рамадан, и мальчишки-торговцы не бегают с криками по вагонам. А на пустой желудок разговаривать не тянет, так что многие правоверные просто дремлют.

Близ железнодорожного вокзала расположены площадки, откуда отправляются в разные стороны множество автобусов. Судя по карте, от Асьюта до монастыря – километров пятьдесят, а здесь на такие расстояния ходит микроавтобус («мукробас»). Вот площадка северного направления, где можно спросить водителей-арабов об Аль-Мухарраке. Но, оказывается, они ничего не знают про этот монастырь. Это неудивительно, ведь они мусульмане, а святыня – христианская.

Здесь «концов не найти», и, значит, надо идти в местный христианский храм. Уж там-то наверняка расскажут, как добраться до чтимой обители. А вот и коптская церковь: белый купол храма увенчан четырехконечным крестом. До вечерней службы еще далеко, и ворота на запоре. Но на одной из боковых улочек виднеется вывеска с надписью: «Миср Трэвел» (Египетское туристическое агентство). Дверь конторы открыта, за стойкой сидит юноша. У него в руке телефонная трубка, а на запястье вытатуирован небольшой крестик – давняя коптская традиция.

Закончив разговор по телефону, он с удовольствием объясняет, как добраться до обители. Он пишет название городка, где нужно сделать пересадку, – арабскими и латинскими буквами – Осайя. Называет и примерную стоимость проезда на «мукробасе» – всего полдоллара. А из Осайи ходит маршрутный пикап – прямо в «Дейр» (по-арабски – монастырь).

Микроавтобус быстро заполняется, и через двадцать минут водитель заводит мотор. Дорога идет вдоль берега Нила. За окном тянутся зеленые поля, пальмы. На дорожных указателях мелькают цифры: расстояние до Каира – больше трехсот километров. А до Осайи – лишь шестьдесят. При въезде в городок водитель останавливает свой экипаж у площадки с пикапами. Показывая на один из них, уже стоящий «под парами», он произносит: «Дейр!»

В салоне есть одно местечко. Теснота страшная, но ехать недалеко, можно и потерпеть. Снова мелькают пальмы, ухоженные поля, буйволы, каналы и крестьяне, восседающие на осликах. Наверное, на таком ослике бежало в эти края Святое Семейство. Колокольня монастыря возникает внезапно, после очередного поворота. И вот наш пикап разгружается: паломники один за другим тянутся к воротам обители.

Здесь особая духовная атмосфера: невидимая черта отделяет обитель от натиска нахрапистых «сарацин». Ведь копты-христиане – это коренное население Египта. Арабы начали завоевывать эти земли лишь с VII века. И копты постепенно стали этническим и религиозным меньшинством на своей собственной родине. По своему вероучению Коптская

Церковь близка к Армянской Апостольской и Эфиопской Церквям.

Территория обители разделена на три части. Первая, при въезде, предназначена для паломнического транспорта. Ведь копты-пилигримы едут сюда со всего Египта, чтобы побыть хотя бы несколько дней в стенах благословенной обители. Здесь и частные автомобили, и автобусы, арендованные для перевозки паломников. Вторая часть монастырских земель отведена для паломников-мирян. Здесь и странноприимный дом, где размещают пилигримов, и монастырская школа, куда благочестивые родители стараются поместить своих детей на обучение и воспитание в христианском духе. Так что по монастырскому двору бегают ребятя, и во время перерыва между уроками монастырские стены оглашаются щебетом нескольких сотен голосов. Здесь высится новый храм, пол которого выложен черным полированным мрамором.

Собственно монастырские строения находятся в третьей, самой дальней части обители. Привратник, сидящий у входа, объясняет, как пройти к чтимым монастырским святыням. При входе, над воротами, надпись по-арабски и на английском. Вот что она гласит: «Во время бегства в Египет Святое Семейство благословило это место. Древнейшая церковь на территории монастыря датируется I-м веком по Р. Х. Сама же обитель основана в IV-м веке по Р. Х. Часовня в честь Архангела Михаила основана в VI-VII вв.; остальные храмы возведены сравнительно недавно».

Храм Святой Девы Марии – тот самый, что возведен в I-м веке; он небольших размеров, и паломники, входящие под его своды через низенькие ворота, оставляют обувь при входе, по восточному обычаю. Как известно, в исламской традиции не поощряется изображение живых существ; копты, с УН-го века вынужденные жить бок о бок с мусульманами, не могли развивать искусство иконописи, чтобы не провоцировать иноверцев на агрессию. Поэтому в коптских храмах нынче преобладают иконы греческого письма; есть и западного, «фряжского» стиля. Копты открыты к восприятию религиозной живописи как Востока, так и Запада, и нередко в коптских

храмах можно увидеть уменьшенную копию знаменитой «Тайной Вечери» Леонардо да Винчи. Так что древний храм Святой Девы Марии украшен иконами сравнительно новыми. Таков же интерьер храма св. Георгия, который паломники также посещают без обуви.

К паломнику из России подбегают ребяташки. За время, проведенное в Египте, на это уже выработалась привычная реакция: сейчас будут просить «бакшиш».

Однако здесь всё наоборот: они дарят гостю бумажные иконки, ничего не прося взамен. Вспоминаются слова Иисуса Христа: «Блаженнее давать, нежели принимать» (Деян. 20, 35). Раздаю ребяташкам календарики с изображением старинных русских храмов. Они сопровождают странника до врат обители. Судя по всему, обитель имеет где-то неподалеку земельные наделы. Зачем иначе одному из насельников, облаченному в рясу, разъезжать у стен монастыря на колесном тракторе?

Насельники, несущие послушание при храмах, вежливо встречают гостей, пытаюсь связать фразы из английских слов. Но мы и без этого понимаем друг друга: «христианин», «ортодокс» (православный) – вот два слова, сближающие нас с коптами. Известно, что в середине XIX века выдающийся русский церковный деятель – архимандрит Порфирий (Успенский), начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, предпринял ряд шагов по сближению Коптской и Русской Православной Церквей. И лишь начавшаяся в 1853 г. Крымская война помешала его дальнейшим усилиям в этом направлении...

## Белый и красный монастыри

Белый монастырь (Дейр-эль-Абиад) находится в десяти километрах к северо-западу от города Сохаг, на краю Ливийской пустыни. Это один из древнейших памятников христианской архитектуры Египта. Он был построен в начале V-го века одним из знаменитейших святых Коптской Церкви – архимандритом Шенуди, творения и жизнеописания которого сохранились во многих древних рукописях на коптском, сирийском, арабском и эфиопском языках.

Когда авва Шенуди умер, тело его было перенесено учениками в Белый монастырь. Коптская легенда утверждает, что тело святого было обернуто частью нешвенного хитона Господня, которую принесли сюда ангелы<sup>731</sup>. (Однако, по свидетельству одного из коптских агиографов XIII века – Абу-Салиха, могила св. Шенуди находилась в монастыре, стоявшем на вершине горы Атрибиса, и была разорена во время вторжения мусульман около 1168 года<sup>732</sup>.)

Различные рассказы о жизни св. Шенуди содержат ценные сведения об истории монастыря. Поначалу обитель и церковь имели небольшие размеры, но когда число братии умножилось (под правлением св. Шенуди жило 2200 монахов и 1800 монахинь, не считая послушников и рабочих), то помещения стали тесными. По словам самого святого, Сам Христос, явившись ему однажды, велел увеличить церковь и построить монастырь. Недостававшие для постройки средства явились из клада, который был найден в пустыне самим Шенуди. Было собрано большое число каменщиков, каменотесов, плотников и других мастеров. Все они принялись за работу, которая, под руководством сподвижника св. Шенуди – Висы, продолжалась шесть месяцев. Когда постройка была закончена, главный каменщик весь свой заработок отдал на изготовление прекрасного венца, который он водрузил над престолом, а его брат сделал украшенный золотом и серебром крест и подвесил его к середине двускатной крыши церкви.

Так был построен Белый монастырь, который сам Шенуди называл одной из величайших базилик мира. Он давал ему иногда также имя Иерусалима, призывая туда на поклонение всех тех, кто не мог отправиться в настоящий Иерусалим<sup>733</sup>.

Громадное четырехугольное здание, наклоном своих стен напоминающее храмы Древнего Египта, было сложено из тесаного местного известняка и с XIII века носит народное прозвище Дейр-эль-Абиад, то есть Белый монастырь, в отличие от соседнего кирпичного монастыря – Дейр-аль-Ахмар, то есть Красного.

В начале XШ в. в монастыре, по сообщению Абу-Салиха, почивали тела апостолов Варфоломея и Симона Кананита; тот же Абу-Салих рассказывает, что в начале XII века в монастырь поступил монахом визирь халифа Аль-Хафиза, армянин Бахрам, после того как лишился своего места (в 1137 г.). Этот факт интересен в связи с присутствием в монастыре армянских надписей на фресках начала XII в.<sup>734</sup>

Позднейшая история монастыря не так хорошо известна. Лишь с XVII века на него было обращено внимание европейских путешественников. Первоначально это были католические миссионеры.

В 1673 году французский исследователь христианских памятников Египта о. Ванслеб посетил Белый монастырь и оставил тщательное его описание. Впоследствии описание этой обители было составлено о. Сикаром, а в 1737 году монастырь был описан английским исследователем Пококом. В 1759 г. о. Виталиан Донати сообщал, что в монастыре находилось много рукописей. Однако эта богатая библиотека постепенно разошлась отдельными листами по различным европейским собраниям; ее остатки были найдены в монастыре в 1883 году<sup>735</sup>. Со времени французского похода в Египет Белый монастырь посещали многие западные исследователи. Однако в эти годы он претерпел беды. Белый монастырь разрушался мамлюками и в 1798 г., и около 1812 г.

А. С. Норов, путешествуя в 1834–1835 гг. по Нилу, был вблизи обоих монастырей, но, к сожалению, не смог их посетить. В своих записках он ограничивается лишь кратким



упоминанием об их местоположении. «Возле Саувача, на западном берегу, пролегает дорога вдоль нового канала к двум монастырям, из которых первый называется Красным, а второй Белым, – пишет русский автор. – Они находятся недалеко один от другого и построены, по свидетельству коптов, во времена святой Елены; эти монастыри, в своем разрушении, замечательны строгим зодчеством, напоминающим египетские построения, что самое уже показывает их древность»<sup>736</sup>.

В 1845 году Белый и Красный монастыри посетил архимандрит Порфирий (Успенский). В его записках об этих обителях упоминается предельно кратко. Белый монастырь он называет «Амба-Шнуда» – по имени основателя этой обители. «Белый монастырь на запад от Сугача (Сохага – а. А.) с малою выступкою на север, в расстоянии 1У<sub>4</sub> часа. Красный монастырь 1 ч. 35 мин. от Сугача на северо-запад»<sup>737</sup>. Вот и всё, что можно прочесть у о. Порфирия о Белом монастыре. В его книге помещен план обеих обителей, либо составленный его помощником, либо заимствованный из какого-либо западного сочинения. Так что вновь обратимся к запискам А. С. Норова, который кратко упоминает про архитектурное устройство этих монастырей: «Они представляют вид четырех египетских пилонов, соединенных в параллелограмм, который, на половине своей высоты, опоясан двумя рядами окон. Первый монастырь построен из кирпичей, а второй из тесаного камня. Оба эти монастыря были сожжены во время французской экспедиции»<sup>738</sup>.

Восполнить пробелы в исследованиях своих предшественников довелось русскому востоковеду Владимиру Георгиевичу Боку. Выпускник С.-Петербургского университета, он в 1888–1889 гг. совершил свою первую поездку в Египет, откуда вывез коптские узорчатые ткани, пополнившие собрание Эрмитажа. В 1897–1898 гг. В. Г. Бок предпринял вторую поездку в Египет. Там он занимался раскопками древних христианских монастырей, сделал множество снимков и обогатил Эрмитаж памятниками коптского искусства.

Посетив Белый и Красный монастыри, В. Г. Бок составил описание этих обителей и привез в Россию множество

фотоснимков. В его сочинении «Материалы по археологии христианского Египта» (Спб. 1901), изданном посмертно, опубликовано по пять фотоснимков Белого и Красного монастырей<sup>739</sup>. Но это лишь выборка из фотоархива русского исследователя. Описательный текст посмертного издания основан на кратких черновых заметках самого В. Г. Бока. (Владимир Георгиевич проводил раскопки в Ахмиме, Накаде, Самайне и Фаюме. Едва ли не единственный из русских ученых XIX в., он посетил Большой оазис в Ливийской (Западной) пустыне. Здесь, в пяти километрах к северу от городка Эль-Харга, находится Эль-Багауат – обширный коптский некрополь IV-VI веков. Описание и фотографии этого раннехристианского сооружения заняли достойное место в книге В. Г. Бока<sup>740</sup>.)

В середине 1880-х гг. В. Г. Бок был назначен хранителем Отделения Средних веков и эпохи Возрождения императорского Эрмитажа, и в этой должности он состоял до конца жизни. Кроме того, с 1891 г. и до самой кончины В. Г. Бок исполнял обязанности хранителя музея Русского Археологического Общества. Владимир Георгиевич Бок скончался 4 мая 1899 г. в Берлине, на 49-м году жизни...<sup>741</sup>

Недалеко от рыночной площади Сохага стоят микроавтобусы. Достаточно сказать: «Дейр-эль-Аби-ад», и тут же вам укажут пикап, идущий к Белому монастырю. У врат обители дежурит солдат, но не с автоматом, как в Сохаге, а с винтовкой. Здесь сельская местность, и всё по-простому, по-домашнему. Однако приходится охранять эту древнюю обитель от посягательства исламских фундаменталистов.

Нынче обитель отреставрирована, но печать былых разрушений всё же лежит на ее постройках. Как и в древности, внутри монастыря помещаются и церковь, и кельи монахов. Во дворе сохранился колодезь, выкопанный еще по повелению Висы. Когда-то здесь было одиннадцать печей, в которых пекли хлебы для братий, и подземные хлебные склады, один из которых назывался «сокровищем благословения». Но теперь всего этого здесь не увидишь.

Сняв, по старинному обычаю, обувь, можно посетить древний храм, где днем всегда молятся копты-паломники.

Когда-то ризница монастыря славилась своим богатством. Здесь хранилась «серебряная трапеза для получения благословения», в середине которой было вырезано имя Шенуди. Возможно, это был небольшой переносной престол или же, скорее, поднос или блюдо, которое употреблялось при богослужении. В этом монастыре хранился также жезл, которым святой Шенуди творил чудеса и карал грешников. Еще в начале XIII века в монастыре показывали деревянный, выложенный слоновой костью ящик с тремя полками, на которых лежали книги, в которые св. Шенуди записывал пожертвования, стекавшиеся отовсюду в пользу монастыря<sup>742</sup>. Но нынче, в условиях постоянных межрелигиозных столкновений, насельники монастыря предпочитают не афишировать его сокровища, и простому страннику ознакомиться с ризницей нельзя.

Красный монастырь находится от Белого монастыря сравнительно недалеко: в часе ходьбы. Оставляю свою котомку у гостеприимных стражников и отправляюсь в Дейр-эль-Ахмар налегке. Чужестранец неизбежно привлекает внимание местных жителей; зарубежные гости здесь большая редкость. Ко мне в попутчики напрашивается местный учитель-копт, и путь вдоль арыков, обрамленных пальмами, за беседой проходит незаметно. Вот несколько строк, которые В. Г. Бок посвятил Красному монастырю: «В пяти километрах к северо-западу от Белого монастыря находится другое древнее здание, сходное с описанным выше монастырем св. Шенуди: это Дейр-эль-Ахмар, «Красный монастырь», прозванный так потому, что внешние стены его сложены из красного кирпича. Монастырь этот носит имя Св. Бишай, учителя св. Шенуди»<sup>743</sup>. (Архимандрит Порфирий (Успенский), побывавший здесь в 1845 году, так и называет эту обитель: «Амба-Бшай»<sup>744</sup>.)

Красный монастырь, как и Белый, под охраной «человека с ружьем». Истоки межрелигиозной вражды здесь давние. Так, католический священник Ванслеб, побывавший в этом монастыре в 1673 г., еще видел там все колонны, стоявшие на своих местах в два ряда, и отметил их единообразие и красоту. Однако о. Порфирий (Успенский) эти колонны в Красном

монастыре уже не застал; они были увезены мусульманами для постройки мечети в Сиуте (Асьюте)<sup>745</sup>.

В записках В. Г. Бока приводится детальное описание Красного монастыря<sup>746</sup>. «Красный монастырь весьма сходен планом своим с Белым монастырем, – пишет исследователь. – Существеннейшим отличием является четырехугольная пристройка к южной стене монастыря в виде особой башни, внутри которой находится колодец, и значительное число различных позднейших построек»<sup>747</sup>. К тому времени, когда В. Г. Бок побывал в Красном монастыре, перед паломниками там открывалась такая картина: «Все пространство первоначальной базилики застроено теперь жалкими лачугами теперешних обитателей монастыря, которые мешают ясно распознать прежнее устройство базилики», – пишет тот же ученый<sup>748</sup>. Сегодня монастырские постройки выглядят более достойно; они очищены от поздних «наслоений».

На обратном пути забираю свою поклажу из Белого монастыря и на попутном автобусе возвращаюсь в Сохаг. Иду по набережной Нила. Останавливаюсь у парапета, чтобы полюбоваться закатом. Заодно нужно занести в путевой блокнот впечатления от только что увиденных древних обитателей.

## Русские паломники у святынь Фиваиды

Фивы – один из крупнейших центров Древнего Египта; этот город был столицей Египта в 21 и в 17–7 вв. до н. э. Фивы были расположены на обоих берегах Нила; на их территории сохранились грандиозные храмовые ансамбли. Наиболее известные из них – на восточном берегу – в Карнаке и Луксоре. На западном берегу возводились заупокойные храмы фараонов и некрополи. К Нилу шла аллея сфинксов, два из которых теперь украшают Университетскую набережную. Они символически соединяют воды Нила и Невы в С.-Петербурге.

Побывать в Фиваиде было заветной мечтой знаменитого русского философа Владимира Соловьева. Осенью 1875 года он посетил Египет и, остановившись в Каире, готовился к путешествию на юг страны. В своем письме к матери от 18 ноября В. Соловьев повествует: «Я осмотрел здесь почти всё замечательное. Влезал на пирамиду Хеопса (100 саженей высоты) и спускался в подземные гробницы, причем несколько десятков саженей нужно было пролезать ползком в совершенном мраке; купался в Ниле, видел настоящую сфинксу; всё это находится в 10 верстах от Каира по превосходной дороге. В самом Каире спускался в колодезь Иосифа, тоже около 100 саженей глубины, осмотрел главные мечети, великолепный музей египетских древностей и т. д.»<sup>749</sup>.

А еще через несколько дней, в очередном письме матери, отечественный мыслитель сообщал: «Я в пустыню удаляюсь от прекрасных здешних мест. Когда вы получите оное (письмо), я буду в Фиваиде, верстах в 200 отсюда, в месте диком и необразованном, куда и откуда почта не ходит, и ни до какого государства, иначе как пешком, достигнуть нельзя»<sup>750</sup>.

В. Соловьев предполагал пробыть в Фиваиде «с месяц»; однако намерениям путешественника не суждено было осуществиться. В отличие от более опытных паломников, избравших водный маршрут, В. Соловьев решил добраться до Фиваиды наземным путем. Результат оказался печальным. «Путешествие мое в Фиваиду, о котором я писал в прошлом

письме, оказалось невозможным, – жаловался матери «блудный сын». – Отойдя верст 20 от Каира, я чуть не был убит бедуинами, которые ночью приняли меня за чорта, должен был ночевать на голой земле etc., вследствие чего вернулся назад»<sup>751</sup>.

Будучи «существом отвлеченным», отечественный мыслитель потерпел фиаско, соприкоснувшись с объективной реальностью, в то время как прочие паломники-россияне преодолевали многочисленные препятствия на пути в Фиваиду, в том числе и «мусульманский фактор».

На пути к Фивам русские путешественники посещали древний Абидос – один из древних городов Верхнего Египта, считавшийся по великолепию вторым после Фив. В 1880-х гг., когда по Нилу уже ходили пароходы, русский востоковед В. Андреевский писал: «Абидос стоит на левом берегу Нила, на половине пути между Асуаном и Каиром, верстах в двадцати от местечка Белиане, где обыкновенно останавливаются пароходы, чтобы заправиться углем»<sup>752</sup>.

А в те годы, когда «эпоха пара» еще только начиналась, в местечке Белиане (Белиене) довелось побывать другому русскому путешественнику – А. С. Норову. В ожидании попутного ветра протекали часы, и неутомимый путешественник отправился в близлежащий коптский монастырь. «Я нашел там только пять братьев, – отмечал А. С. Норов. – Вход в монастырь мало отличается от арабских хижин. Церковь находится в подземных сводах; она покрыта шестью малыми куполами, по три в ряд, и поддерживается двумя колоннами. Тут устроены три придела. Иконостасы, как во всех коптских церквях, из резного дерева; некоторые образа писаны в Иерусалиме»<sup>753</sup>.

Здесь монахи показали русскому гостю старинное Евангелие XV в., «писанное на бомбицине». Несмотря на то, что этот монастырь неоднократно разрушался мусульманами, он снова каждый раз возрождался к жизни. Норов замечает, что в те годы в нем даже была школа для детей<sup>754</sup>.

В другом из близлежащих коптских монастырей довелось в 1909 г. побывать известному русскому востоковеду Б. А. Тураеву. «Из монастырей-пустыней мы имели возможность

посетить только маленький, расположенный около древнего Абидоса, – пишет отечественный ученый. – Снаружи обычные стены и линия куполов, церковь в пять престолов. Иконостас обычный резной. Икон почти нет. Из братии умеют читать по-коптски только один монах и два послушника. Они пропели нам несколько стихир из «Псалмодии»<sup>755</sup>.

За столетия исламского господства в Египте число мусульман в Фиваиде постоянно увеличивалось, и это отмечает в своих записках А. С. Норов. Так, проходя мимо города Кена на борту дагабии, русский путешественник заметил, что «у пристани стояло много судов с поклонниками в Мекку»<sup>756</sup>.

Приближаясь к Фивам, Норов и его спутники проследовали мимо местечка Некаде, лежащего у подножия горы. «Тут есть коптский монастырь, а в окрестности развалины других древних монастырей», – пишет он, добавляя при этом: «Я намеревался посетить это место на обратном пути моем»<sup>757</sup>. И действительно, на обратном пути – из Нубии в Нижний Египет – русский путешественник смог побывать в Некаде, где у него была встреча с католическим миссионером. «Я расспрашивал его о монастырях, которые находились некогда между Некаде и Фивами, – пишет А. С. Норов. – Они были основаны святыми Палемоном и Пахомием в середине IV века. Из этих монастырей три существовали еще в прошедшем (XVIII) веке. Первый назывался Дер-Салиб или Святого Креста, второй – Дер-ель-Мегма или Синод, третий – Дер-Мари-Поктор или св. Виктора»<sup>758</sup>.

Однако сведения, полученные Норовым от католического священника, были неутешительны. «Миссионер сказал мне, что все они разрушены, но что по праздничным дням копты ходят туда служить обедни», – отмечает русский автор<sup>759</sup>. Осмотрев местный католический храм и поблагодарив миссионера за гостеприимство, А. С. Норов продолжил свое плавание.

Путешественники, попадающие в Фивы, спешат осмотреть знаменитые древнеегипетские храмы. Однако здесь – как в Луксоре, так и в Карнаке – живет немало коптов, но их церкви как бы теряются на фоне монументальных сооружений – таких, как храм бога Амона-Ра, храм богини Мут и др. Но в

близлежащих окрестностях не угасала жизнь в коптских обителях, и русские паломники в своих записках свидетельствовали об этом. 4 марта 1845 года в Луксор прибыл начальник Русской Духовной Миссии (Иерусалим) архимандрит Порфирий (Успенский).

На следующий день, рано утром, он отправился в Коптский монастырь Амба-Бахум-Аббиширке, лежавший в часе пути от Луксора. Отметив, что в те годы к этой обители были приписаны две деревни, о. Порфирий занес в свой дневник краткие сведения: «Три священника; пять престолов в линию. А вся церковь состоит из трех параллельных линий; в каждой линии множество куполов. Куполы покоятся на приземистых арках»<sup>760</sup>.

7 марта русский пешеходец переехал на западный берег Нила, где на просторной равнине, раскинувшейся вокруг Фив, возвышаются «колоссы Мемнона» – две гигантские статуи двадцатиметровой высоты. О. Порфирий осмотрел также расположенный неподалеку храм Рамзеса III в Мединет-Абу<sup>761</sup>. В те годы там еще сохранялись следы коптского влияния. «В Мединет-Абу, в большой четырехугольной зале, алтарь, обращенный на север; на стоящих колоннах, не египетской работы, кресты коптские со словами «Иисус Христос Господь» (по-греч.). Есть подобные слова на одной лежащей колонне. Тут была церковь. Да и в середине древнего храма и окрест его едва ли не монастырские келлии?» – такое предположение высказывал русский исследователь<sup>762</sup>.

Упомянув про Мединет-Абу, о. Порфирий сообщает читателям о близлежащей коптской обители: «Направо, за развалинами, вдали дорога как канал, вблизи – маленький храм; назади, на песках, монастырь коптский новый Деир-Махареб (а по словам Трианда-фила – древний св. Феодора Стратилата)»<sup>763</sup>.

9 марта неутомимый паломник взошел на гору близ селения Гурна, где осмотрел развалины древнего монастыря. «Монастырь на горе. Вид из него восхитительный на Канал, Луксор, Мединет-Абу, – Колоссы; поле зеленое с Нилом окаймлено горами. Под монастырем катакомба», – пишет о. Порфирий<sup>764</sup>. Вот несколько строк, которые русский



архимандрит уделил описанию остатков коптской святыни. «Обитель велика. С южной стороны видны еще десять келлий направо, а противоположные налево развалились. Средину занимала большая церковь; остатки капителей валяются. На северной стороне были также келлии, – одна видна. В юго-западном углу нашел я гранитный гроб без крышки и три камня небольших с иероглифами»<sup>765</sup>.

С вершины, увенчанной монастырскими развалинами, в те годы можно было видеть остатки еще двух коптских обителей: «один ниже на холме, другой – на самом темени горы»...<sup>766</sup>

Записки о. Порфирия имеют особую ценность, поскольку его преемники, посещавшие Фивы, ограничивались лишь краткими сообщениями о местных коптских церквях. Так, Б. А. Тураев в своих заметках лишь бегло упомянул о том, что в 1909 году ему «из провинциальных (коптских) храмов пришлось видеть Луксорский и Асуанский. Оба снаружи несколько похожи наши, имея спереди высокую колокольню, а над самой церковью круглый купол»<sup>767</sup>.

Гости из России часто общались с местными христианами в этих шумных туристических центрах. В своих записках русский востоковед Е. Э. Картавцов повествует о подобной встрече, имевшей место в 1889 году в одной из луксорских гостиниц.

– Слуга спросил: «Москов? Москов?!», а затем бил себя в грудь и говорил; «Копт! Крестос, копт! Крестос!» Я понял, что ему нужно; поднялся, перекрестился и, показав на себя, сказал: «Москдв», а затем, упирая ему в плечо, – «копт».

Копты пришли в восторг. Быстро на левой руке засучили они до плеча рукава одежды и показывали татуированный ниже плеча большой православный крест. Ударяя по нему и целуя его, они повторяли: «Москдв, копт. Крестос, ами, ами!»<sup>768</sup>.

Так излагает русский путешественник свои впечатления от состоявшегося разговора, а затем продолжает: «Большинство сельчан Верхнего Египта – копты-христиане, в городах же – мусульмане. Здешнее христианство – дело проповеди, трудов и мученичества великих фиваидских отшельников; оно уже со времени женитьбы Иоанна III на Софии Палеолог стало видеть в

Москве своего защитника; победы Екатерины над турками еще более укрепили эту мысль»<sup>769</sup>.

## Христианские святыни верхнего Египта

Для многих русских путешественников, поднимавшихся вверх по Нилу, Фиваида была конечной целью их паломничества. Однако некоторые из них упорно продвигались далее, на юг, и на этом пути посещали городок Эсне. Здесь сохранился храм, посвященный Хнуму, переделанный из древнеегипетского в эпоху Птолемеев. Неподалеку от Эсне когда-то был коптский монастырь Мучеников, но к XIX веку он уже опустел.

Среди египетских христиан весьма распространен культ мучеников. Согласно церковной традиции, копты ведут свое летоисчисление с 284 года по Р. Х., когда в Риме воцарился император Диоклетиан и начались усиленные гонения на христиан. Александрийские христиане начали новое летоисчисление, назвав его «эрой мучеников». Это особое летоисчисление появилось у коптских христиан в VI в., а в VIII в. стало общепринятым. (Современные копты в своей гражданской деятельности пользуются обычным григорианским календарем.)

В феврале 1845 г. монастырь Мучеников (Деир-Шугаде) посетил архимандрит Порфирий (Успенский). В то время коптская епархия Эсне простиралась до Асуана, по левому берегу Нила, а в самом Эсне проживало около двухсот пятидесяти коптских семей. «В Эсне есть три учителя для христианских мальчиков, – один из них слепой; мальчик каждый платит учителю своему по десять паричек, по двадцать в неделю; смотря по состоянию», – пишет о. Порфирий<sup>770</sup>. При этом он добавляет, что «пять епископов погребены в сем монастыре: Губриан, Матфей, Михаил, Бедаба»<sup>771</sup>; имя пятого русский автор не приводит.

Завершая краткое повествование об этой обители, о. Порфирий замечает: «Монастырь Мучеников посещается два раза в год ...; он имел 40 федданов земли, но паша отнял их»<sup>772</sup>. В 1898 году в этой обители побывал известный русский востоковед В. Г. Бок. В его записках приводятся сведения,

дополняющие и уточняющие то, что несколько десятилетий ранее представилось здесь о. Порфирию. «Находящийся на краю пустыни, на расстоянии приблизительно одной мили к югу от г. Эсне, коптский «монастырь Мучеников» (Дейр-эш-Шуххад), который, по преданию, построен был св. Еленой, не раз был описан европейскими путешественниками, – отмечает В. Г. Бок. – Теперь монастырь покинут и монахов в нем нет. Богослужение же совершается в церкви его лишь по некоторым дням»<sup>773</sup>.

Сделав целый ряд фотоснимков обители Мучеников, В. Г. Бок, по возвращении в Россию, пополнил собрание Эрмитажа богатыми материалами<sup>774</sup>.

Если продвигаться вверх по Нилу, то следующим после Эсне городом, лежащим на западном берегу Нила, будет Эдфу. Городок Эдфу вошел в египетскую историю благодаря своему храму, посвященному богу Хору (эпоха Птолемеев). Здесь в 1845 году побывал архимандрит Порфирий (Успенский), и его внимание привлекла местная коптская обитель. «В Эдфу, внутри сего города, есть монастырь, называемый Амба-Бахум, – сообщает русский паломник. – Прежде в нем были монахи, ныне один священник. В Эдфу не более восьми-девяти домов или двадцать-тридцать душ. В сем монастыре, под церковью, есть комнаты. Близ, в горе, есть иноческие пещеры в гробах древних»<sup>775</sup>. При этом православный архимандрит, сочувствовавший коптам-христианам, замечает: «Причина бедной обстановки внешности монастырей – боязнь издерживать деньги пред властью»<sup>776</sup>.

В записках о. Порфирия, которые он вел в хронологическом порядке, имеется временной перерыв. Так, упомянув про свое пребывание в Эдфу под 13 февраля 1845 г., он возвращается к своему дневнику только 3 марта и описывает обратный путь – к Луксору и далее – вниз по течению Нила. Из этого можно сделать вывод о том, что русский путешественник не добрался до Асуана, – ведь в противном случае он не преминул бы посетить там знаменитый монастырь св. Симеона и отметить это в своих записках. Но позднее другие отечественные исследователи проделали этот путь.

Одним из них был В. Г. Бок; известный востоковед, прибыв в Асуан, посетил древний монастырь св. Симеона и запечатлел его живописные развалины<sup>777</sup>. Вот что сообщалось в тогдашней русской печати о древних обителях, некогда основанных близ Сиены (Асуана): «Эта отдаленная египетская провинция в христианскую эпоху была поприщем иноческого подвижничества. Около Асуана было три монастыря: один, не обозначенный по имени, совершенно разрушенный; другой – во имя св. Лаврентия, еще обитаемый монахами, и третий – запустевший с XIII века, но до сих пор настолько сохранившийся, что по уцелевшим остаткам можно видеть, что принадлежал он к обширнейшим обителям Египта. В народе он известен под названием Дер Амба-Самаан (Симеон – а. А.). Он стоит на скалистом левом берегу Нила»<sup>778</sup>.

Заметка эта была опубликована в 1894 году, и за истекшее столетие в этих краях произошло много изменений. Монастырь св. Лаврентия, как и другие, опустел, а в 1904 г. на первом пороге Нила была построена плотина. В 1909 году здесь побывал известный русский востоковед Б. А. Тураев; он кратко упоминает лишь о знаменитой обители св. Симеона: «Посещенный нами монастырь уже с XIII века не имеет обитателей. ... Эти почтенные развалины с их надписями и остатками фресок были неоднократно предметом (иностранных) описаний»<sup>779</sup>.

Современный Асуан высится на месте бывшего базара города Абу, который греки называли Элефантиной, что значит «остров слонов». В бытность Б.А. Тураева в Асуане русскому исследователю, к его удивлению, довелось встретиться в этом городе с «новыми греками», которые образовали здесь небольшую православную общину. «Недавно (греки) на набережной устроили себе молитвенный дом, а в ближайшем будущем надеются воздвигнуть и настоящую церковь, так как их уже теперь в Асуане сто пятьдесят человек, – сообщает Б. А. Тураев. – Этот молитвенный дом, находящийся на берегу Нила, против знаменитого острова Элефантина, я отыскал. Он почти всегда открыт, так что с улицы видны царские врата. Налево от входа живет священник-старичок, говорящий по-русски и очень

приветливый. Какое это производит трогательное впечатление под тропиками и в виду Нубии!»<sup>780</sup>.

## На пути к Нубии

Первый нильский порог находится в нескольких километрах к югу от Асуана: это широкое пространство бурлящей воды и водоворотов между многочисленными скалами и островами. Русские путешественники, совершавшие свои вояжи в Нубию, должны были преодолевать эту преграду. В записках А. С. Норова, относящихся к 1834–1835 гг., об этом говорится следующее: «Меня уведомили, что губернатор прислал мне четырех лошадей для моего проезда берегом на ту сторону порогов. Надобно было также переносить из дагабии (лодки) всё мое имущество и отправлять вперед на верблюдах, потому что переправа через пороги не всегда безопасна»<sup>781</sup>.

Любознательный путешественник проделал этот путь по берегу, двигаясь по направлению к острову Филе. «От этого места начинается Нубия, – пишет А. С. Норов. – Блеснул несравненный Нил и развернулся волшебный остров Филе, названный арабами, по разительному великолепию его храмов, «островом храмов» (Джезирет-эль-Бирбе)»<sup>782</sup>.

На фоне гранитных скал вздымал свои колонны и пилоны храм богини Исида, дошедший до нашего времени от эпохи Птолемеев. После постройки в 1904 году первой плотины на первом пороге Нила храм этот был затоплен водой большую часть года. Его можно было посетить только в августе – единственный период, когда открывались все шлюзы, чтобы не допустить слишком большого паводка. При строительстве большой Асуанской плотины потребовалось разобрать храм, перенести на 150 метров севернее на остров Эджелика. И хотя на новом месте храм был восстановлен в точности, ныне уже не увидеть тех надписей и росписей, о которых сообщал в своих записках А. С. Норов.

«Велико было мое удивление, когда, подойдя к дверям этого прекрасного здания, я прочел глубоко врезанную надпись (на латыни): АЛЕКСАНДР I. Со славой и благополучием царствовал над россиянами 25 лет»<sup>783</sup>. Эта надпись, начертанная на латыни, умилила отечественного

путешественника: «Так сладостно для русского найти отголосок в память благословенного монарха своего даже у пределов Нубии!» – восклицает Норов<sup>784</sup>.

Интерьер святилища Исиды и Осириса привлек внимание наблюдательного автора, и он обращает взгляды своих читателей на те символы, которые еще сохранялись в этом храме. «Слабый свет проникает туда через узкое боковое отверстие, едва позволяя различать мифические изображения, которыми покрыты стены ... Но сердце христианина подвигнуто сильными ощущениями, когда он видит, тут же, торжествующее знамение креста, вычеканенное и нарисованное в разных местах, – знамение, перед которым пали идолы и, вслед за тем, все эти великолепные капища запустели! – пишет А. С. Норов. – Храм Филе был обращен на некоторое время в церковь Христову; доселе свидетельствует о том один гранитный кубический камень с крестным изображением, служивший престолом, и сверх того греческие надписи, где именно говорится о сооруженной здесь церкви при некоем епископе Феодоре»<sup>785</sup>.

Далее А. С. Норов высказывает предположение о том, что этим епископом был Феодор Мопсуестийский (ок. 350–428), родом из Антиохии. Он был современником св. Иоанна Златоуста и под его влиянием предался подвижнической жизни. Когда в Мопсуестии (Киликия) освободилась епископская кафедра, Феодор занял ее около 392 года и пребывал на ней вплоть до самой кончины, последовавшей в 428 году. «Известно, что он посещал и назидал самые отдаленные церкви», – пишет Норов<sup>786</sup>.

Русский исследователь высказывает еще одно интересное предположение. «Заметим, что остров Филе означен у пророка Исаии под именем Фул или Пул, – продолжает Норов. – Эти остатки христианской церкви, эти многочисленные крестные знамения явно показывают совершившееся пророчество: «И положу на них знамение и пошлю из спасенных от них к народам: в Фарсис, к Пулу и Луду на дальние острова, которые не слышали обо Мне и не видели славы Моей, и они возвестят народам славу Мою» (Ис. 66, 19)<sup>787</sup>.



Русский путешественник провел целый день на о. Филе, созерцая «таинственные храмы Исиды». И уже в темноте он устроился на ночлег «в пристроенных к гордому языческому храму скромных монашеских кельях»...<sup>788</sup>

Асуан, первый нильский порог – это были те пределы, где заканчивались маршруты большинства россиян, путешествовавших вверх по Нилу. И лишь немногие из них, подобно А. С. Норову, отваживались продвигаться далее вдоль пустынных нубийских берегов.

Знакомясь с описанием странствий россиян по Верхнему Египту, можно проследить, как один за другим они «сходят с дистанции» и отправляются в обратный путь – в Каир и Александрию. А между тем записи их неосуществленных наблюдений сегодня представляли бы большую ценность для истории восточного монашества. Ведь после возведения второй Асуанской плотины (1964 г.) уровень Нила начал подниматься, и в результате было создано искусственное водохранилище – озеро Насера – пятьсот километров длиной, объемом сто пятьдесят семь миллиардов кубометров воды.

Во время строительства Асуанской плотины археологи находили в зоне будущего водохранилища сильно разрушенные коптские храмы, укрытые в подземельях от постороннего взора. И в настоящее время большинство из них затоплено. А. С. Норову довелось осмотреть некоторые из них, и в записках русского автора можно почерпнуть сведения об этих утраченных святынях.

Выше острова Филе взору путешественника открылось величественное сооружение – древний храм Калабша, дошедший, к счастью, до нашего времени. Когда-то здесь процветал город Тальмис, а ныне водохранилище поглотило земли, на которых он располагался. «При полном попутном ветре мы пронеслись мимо», – пишет Норов<sup>789</sup>, не предполагая, какие открытия ожидали бы его здесь. Однако этот пробел можно восполнить, обратившись к запискам другого российского автора – Осипа Ивановича Сенковского. Современник А. С. Норова, Сенковский осуществил путешествие по Египту и Нубии в 1820–1821 гг., опередив своего собрата по перу на

четырнадцать лет. Но, в отличие от А. С. Норова, Сенковский опубликовал лишь отрывки из своих дневниковых записей, и сведений о коптах-христианах в его книге весьма мало. Но один из отрывков как раз и посвящен тому храму, мимо которого пронесло дагабию Норова.

Отбыв с о. Филе 3 апреля 1821 года, О. И. Сенковский продолжил свой путь вверх по Нилу, и вскоре его судно причалило к берегу близ храма Калабша. «Келявши, древний Тальмис, почитается одною из самых живописных развалин, – пишет Сенковский. – Несколько колонн, величественно возвышающихся из середины развалин ..., напоминают шесть главных колонн Бальбека (Гелиополя)»<sup>790</sup>. В первые века христианства этот храм был превращен в церковь, и тогда его стены были расписаны изображениями святых. «До сих пор голова св. Иоанна видна на последней стене храма, возвышающейся в середине строения», – сообщает тот же автор<sup>791</sup>.

Поднимаясь вверх по Нилу, Сенковский и Норов записывали увиденное; их сообщения о христианских памятниках, ныне скрытых водами Нила, удачно дополняют друг друга. Так, А. С. Норов лишь мимоходом упоминает о селении Дакке, близ которого возвышались два массивных пилон – остатки храма, воздвигнутого «богу Фоту, Гермесу, этому покровителю наук»<sup>792</sup>.

В записках Сенковского также говорится про «прекрасный храм древнего селения Псельцис, ныне называемого Дакке». «Это здание посвящено было Тоту, Меркурию древних египтян, – пишет Сенковский. – После жили (здесь) набожные монахи, начертавшие в этих сокровенных убежищах знамение святого креста, драгоценный залог их надежд, облегчавший их тяжкие страдания. Храм сей был некогда христианской церковью, что доказывает штукатурка, покрывающая прежние баснословные изображения»<sup>793</sup>.

Христианская тема вновь появляется только лишь в самом конце путешествия Сенковского, когда он достиг «границы страны, собственно называемой Нубиею»<sup>794</sup>. Но, как и ранее, ему на помощь приходит А. С. Норов. Продолжая плавание до

больших порогов Нила, 9 февраля 1835 года он увидел на берегу развалины храма Амады. «Это здание есть одно из древнейших в Нубии: оно воздвигнуто фараоном Мерисом, – сообщает Норов. – Арабский купол венчает эту нестройную грудку; здесь была некогда коптская христианская церковь, и в первые века христианства эти пустыни осенены были спасительным знамением креста»<sup>795</sup>.

Дагабия пытливого русского странника упорно продвигалась вверх по Нилу: «Большие пороги Нила находились не более как в пятидесяти верстах»<sup>796</sup>. Вскоре судно поравнялось со скалой Абагуда, «в которой видно несколько погребальных пещер»<sup>797</sup>. Как порой бывало и ранее, Норов решил посетить это живописное место на обратном пути. А вскоре на восточном берегу Нила показалось несколько селений. «Последнее из них называется Уади-Гальфа; вдали виден хребет скал, которые представляют преграду к плаванию по Нилу; там столь знаменитые большие пороги», – сообщает Норов<sup>798</sup>.

Для того, чтобы полюбоваться большими порогами, русскому исследователю пришлось проделать небольшое путешествие на верблюде. «Арабы называют эти большие пороги Дженадель. Местах в трех или четырех быстрота Нила ужасна и от сопротивления камней поднимается водяная пыль», – пишет Норов<sup>799</sup>, замечая при этом, что с юга Нил заслонен скалами и что между ними виднеются развалины греческого монастыря<sup>800</sup>.

Размышляя о причинах распространения христианства в столь далеких и пустынных землях, русский автор пишет: «При византийских императорах Нубия была совершенно забыта или, лучше сказать, доступ в нее был тщательно охраняем от всех покушений иноземцев. В начале седьмого столетия Нубия еще посылала вспомогательное войско в Нижнюю Фиваиду, христианам-грекам; вскоре после того арабы нахлынули на Египет. Все жившие там христиане, которых число было весьма велико, укрылись от гонений в Нубию и распространили там свет христианства. ... Этому времени бегства христиан из Египта должно приписать основание церквей в Нубии; но после

того, по покорении Египта арабами, начались вторжения исламов в Нубию...»<sup>801</sup>.

Вернувшись в селение Вади-Хальфа (Уади-Гальфа), А. С. Норов «вкораблится» в дагабию, и на следующее утро попутное течение вынесло путников к живописным скалам Абагуды. «Пройдя скалы, увенчанные разрушенным городом, мы пристали к той, которая почти отвесно сходит в Нил и в которой чернеет гробовая пещера, – это «спэос» времен фараонов», – пишет Норов<sup>802</sup>. За время своего путешествия по Египту неустомимый исследователь видел немало таких захоронений. Но здесь его ждал приятный сюрприз. «Как я был поражен при первом вступлении туда, увидев перед собою храм Христа Спасителя! – восклицает очарованный странник. – Не могу выразить моего восторженного ощущения, когда мой первый взгляд остановился на изображении благословляющего Искупителя»<sup>803</sup>.

Из всех виденных им древних христианских изображений это было наиболее сохранившееся. И поэтому А. С. Норов уделил его описанию довольно много места. Вряд ли эта живопись дошла до нашего времени, и поэтому строки, посвященные интерьеру храма, представляют большой интерес. Это изображение находится на потолке, – пишет А. С. Норов. – Христос представлен стоящим, в ризе червленной. Лицо написано по облику Нерукотворного образа; тройное сияние главы разделено на семь лучей; десница благословляет; шуйца, приложенная к груди, держит Евангелие. Обратясь к входу, вы видите на том же потолке изображение одного святого угодника, также во весь рост, но весьма поврежденное в лице и в стопах. Глава украшена тройным сиянием; висон белый, а риза червленная; в правой руке венец, а в левой крестный посох; правая нога наступает на пламень. Я полагаю, что это Иоанн Креститель. На потолке, который над дверью, находится, в кругу, поясный образ Спасителя. По обеим сторонам двери стоят, уже почти изглаженные, облики ангелов в белых ризах, с крыльями: они держат в правой руке, вместе с сосудом, крестный посох, а в левой венок или шар, что трудно уже распознать.

На правой стене видны три изображения великомучеников на конях, из которых один – св. Георгий, а на левой и на главной стене видны стоящие изображения святых угодников, едва уже заметные. Эта главная зала поддерживается четырьмя египетскими колоннами. Из средней стены есть вход в небольшую комнату или нишу, где, тотчас при вступлении, видно в полу могильное отверстие. В этой нише, должно полагать, стоял алтарь, ибо в каждой стене видны небольшие углубления, как бы места для святых сосудов. Вдоль стен большой залы выделаны каменные скамьи.

Справа и слева главной залы есть еще по одной комнате, которые, вероятно, служили кельями для отшельников. Живопись всех этих альфресков носит характер древнейшей византийской живописи. Изображенные на образах облачения принадлежат Православной Восточной Церкви. Это легко поясняется тем, что мы сказали выше. Основатели этой церкви и других подобных ей в Эфиопии были первые египетские христиане, укрывшиеся сюда от нашествия арабов и принесшие, в дар за гостеприимство, свет Христов сидящим в стране и сени смертной <sup>804</sup>.

«Церковь, находящаяся в скале Абагуды, судя по оставшимся в ней иконам, конечно должна быть причислена к числу церквей православных», – такой вывод делает русский исследователь, завершая свое повествование <sup>805</sup>.

В отличие от А. С. Норова О. И. Сенковский смог добраться до самой границы Нубии, туда, где ныне начинается территория Судана. Он был едва ли не единственным русским путешественником XIX в., посетившим знаменитый храм Абу-Симбел, что в трехстах двадцати километрах к югу от Асуана. Посвященный триаде богов Амон-Ра, Хармакису и Птаху, этот храм был полностью высечен в скальном массиве. После сооружения высотной Асуанской плотины возникла угроза затопления храмового комплекса водами Нила. В 1965 году, при содействии ЮНЕСКО, этот храм, распиленный на блоки, был демонтирован и заново воссоздан на площадке, расположенной на более высоком уровне.

Сегодня сюда можно добраться автобусом из Асуана и, осмотрев этот шедевр, в тот же вечер вернуться обратно. Близ Абу-Симбела имеется аэропорт, и состоятельные туристы с комфортом добираются сюда из Каира чартерными рейсами. Но ни один из них уже не сможет увидеть то, что смог созерцать здесь наш предшественник из России. «В нескольких десятках шагов от этих великолепных подземных зданий находится другой храм, состоящий из четырех различной величины комнат, также иссеченный в скале и посвященный египтянами Исиде, а христианами – св. Иоанну», – пишет О. И. Сенковский<sup>806</sup>, приводя бесценные сведения из истории восточного монашества в Египте.

## Древние обители Нитрийской пустыни

Египет взрастил многих великих подвижников христианства. В древности здесь возникали монастыри, кипела духовная жизнь, трудами монашествующих среди бесплодных камней и песков вырастали оазисы. Монастыри, как и прежде, играют ключевую роль в жизни Коптской Церкви. Наиболее доступные из них находятся в Нитрийской пустыне, расположенной приблизительно в девяноста километрах к северо-западу от Каира, на полпути между ним и Александрией.

Нитрийская пустыня (по-арабски Вади-эль-Натрун) входит в северо-восточную часть Сахары и представляет собой равнину, лежащую ниже уровня моря. Это бывшая лагуна с отложениями селитры и других солей, которые разрабатываются и сегодня. Невысокие, мягко очерченные холмы, засыпанные мелким желтым песком, низкие плато, редкие оазисы по окраинам – вот характерный ландшафт Нитрии. В далекие времена, когда не было дорог, когда жизнь сосредоточивалась только по берегам Нила и его рукавов, Нитрия была надежно изолирована от мира.

Нитрийская пустыня была покрыта сетью монастырей, окруженных труднопроходимыми болотами, которые в прошлом защищали их от набегов кочевников. В конце IV в. в Нитрии подвизалось более двух тысяч монахов. Из многих стран мира приезжали и приезжают паломники в Нитрийскую пустыню. Издавна стремились сюда и русские пешеходцы.

В 1834 году близ этих мест побывал А. С. Норов. Его судно (дагабия) поднималось вверх по Нилу – из Александрии в Каир. Примерно на полпути перед взором русского паломника, на западном берегу Нила, предстал хребет Джебель-эль-Натрун, а вскоре его дагабия бросила якорь у местечка Терране. «В этом местечке, порядочно обстроенном из кирпичей и где живут несколько европейцев, производится значительная торговля натром, по близости натровых озер, которые не истоцились до сих пор от самой глубокой древности, – пишет русский автор. – Эти озера отстоят на четырнадцать часов пути от берегов Нила,

на запад, – и находятся в обширной пустыне, которая носила название «нома» или провинции»<sup>807</sup>.

Русскому путешественнику не довелось побывать в Нитрийской пустыне, однако он сообщает своим читателям о ее прославленных обителях. «Эта пустыня драгоценна для христиан; в первые века Церкви в ней укрывалось бесчисленное множество отшельников, и она прославилась именами блаженных Павла, Мелании, Аммона, Ефрема, Моисея Араба, Аполлона, Серапиона, Памбона, Пимена, Иоанна, Даниила, Макария и многих других, – продолжает А. С. Норов. – Их уединенные скиты превратились со временем во столько же монастырей, которых число возросло с лишком до ста»<sup>808</sup>.

На рубеже IV-V вв. Египет стал колыбелью монашества, а в V-VI вв. в Нитрийской пустыне количество насельников исчислялось тысячами. С той далекой поры многое изменилось на древней египетской земле, и ко времени приезда А. С. Норова в Египет местное монашество, подвергавшееся преследованиям со стороны мусульман, переживало тяжелые времена. «Развалины этих священных обителей разбросаны теперь по далекому пространству безжизненной пустыни, – с горечью сообщал русский автор. – Из них остались теперь только три бедных приюта, называемые монастырями, где живут несколько греческих и коптских монахов; ближайший из них носит имя св. Макария»<sup>809</sup>.

Однако слава о знаменитых обителях не изгладилась из памяти коптских христиан, и, как писал Норов, «монахи греческие и коптские, в память их святых основателей, ходят на развалины, часто весьма далеко, через знойные пески, нередко с опасностью для их жизни от зверей и зноя, – служить обедни в празднуемые Церковью дни»<sup>810</sup>.

### **Монастырь св. Макария**

1845 год является важной вехой в истории русско-коптских церковных связей. Именно в этом году начальник Русской Духовной Миссии (Иерусалим) архимандрит Порфирий (Успенский) отправился в долгое путешествие по Египту, в ходе которого он посетил тридцать четыре древние обители. 1 июня



1845 года он записал в своем дневнике: «Иду в Нитрийскую пустыню, где древле подвизались облагодатствованные мужи, дабы в сердце своем запечатлеть правое учение их и поревновать святому житию их. Боже, дивный во святых Твоих, благослови странствие мое!»<sup>811</sup>.

Добравшись до селения Грее, о. Порфирий переправился на противоположный берег Нила. Здесь, в деревне Дрис, он познакомился с игуменом монастыря св. Макария, чью обитель он намеревался посетить. «О. Михаил присматривал за уборкою хлеба, недавно сжатого с нанимаемых им тут нив, – пишет о. Порфирий. – Узнав мое желание побывать в нитрийских монастырях, он тотчас озаботился приисканием надежных проводников и приготовлением нам съестных припасов. А готовяли их копты»<sup>812</sup>.

И вот караван, к которому были «приписаны» отважный путешественник и его спутники, потянулся по зыбучим пескам, и вскоре перед ними открылась бескрайняя Ливийская пустыня. Стараясь скрасить монотонный путь, о. Порфирий вел долгие разговоры со своим слугой Иваном, рассказывая ему о древних обителях и их насельниках. Вот отрывок из их беседы.

Как называется эта пустыня?

Нитрийская, потому что в ней прежде добывали и теперь добывают нитр, по-нашему – нашатырь. Мы увидим место зарождения его.

Какие святые там жили?

Их было очень много. Знаменитые же из них были: два Макария, Памва, Моисей Мурин, Арсений, Пимен.

Когда они жили?

Спустя триста, четыреста и пятьсот лет после Рождества Христова.

Ужели и теперь находятся там монастыри?

До сих пор уцелели четыре. В них живут коптские монахи.

Ужели кто-нибудь кроме Вас ездил сюда?

Из русских ты первый идешь здесь подле меня. А прежде нас многие предпринимали сюда путешествие из самых дальних стран <sup>813</sup>.

Архимандрит Порфирий прочел своему спутнику целую лекцию об истории нитрийского монашества; ее содержание он также занес на страницы своего дневника<sup>814</sup>. Завершая свой рассказ, о. Порфирий сделал такую запись: «Продолжительный разговор утомил меня. Я сел на осла и велел арабам погонять верблюдов, дабы засветло поспеть в монастырь св. Макария, до которого было еще далеко»<sup>815</sup>.

Лишь к вечеру усталые путники увидели стены древней обители. «Прямо против нас вдали стоял монастырь св. Макария, – пишет о. Порфирий. – В сумраке он казался как большое черное пятно на бело-желтоватой покатости земли»<sup>816</sup>. Но было уже слишком поздно, и ворота монастыря были закрыты. Было решено заночевать в походной палатке, поставленной прямо на песке. «Луна осветила долину и монастырь св. Макария, – вспоминал русский пешеходец. – Я прочитал пятидесятый псалом и сладко заснул на рубеже священной пустыни»<sup>817</sup>.

Утром 4 июня странники двинулись по направлению к монастырю. Вот как описывает о. Порфирий прибытие каравана к воротам обители св. Макария: «Ровно в шесть часов поезд (караван – а. А.) мой остановился не у ворот, а у малого отверстия в нижней части высокой стены монастырской. Я перекрестился и возблагодарил Бога, безопасно приведшего меня на место духовных подвигов св. Макария и преподобных собратий его. Погонщики тотчас развьючили верблюдов, поджали им колени и в этом положении потянули за повод каждого из них в узкое и низкое отверстие стены. Эти животные охотно ползли туда на коленях, нагнувши свои головы»<sup>818</sup>.

Насельники приветствовали первого из русских паломников, прибывшего в их обитель, и поздравили его с благополучным приездом. О. Порфирий вручил наместнику рекомендательное письмо от коптского патриарха Петра и просил приюта на несколько дней. С монастырской колокольни раздался благовест; монахи вошли в церковь, и начался обряд приветствия паломников. Вот как описывает о. Порфирий это чинопоследование:

Мне дали в руки крест и возжженный трисвещ ник (трикирий), оба медные, и повели меня в алтарь, а оттуда, после троекратного обхождения святой трапезы (престола – а. А.) с целованием углов ее, провели подле стен всей церкви и посадили на кресло против иконостаса, немного левее царских врат.

Передо мной полукругом выстроились двенадцать монахов, в сандалиях на босу ногу, в черных рясах и тюрбанах на голове, наискось ребристо обвитых тонкими складками черного платка, а направо от них стали певцы, держа в руках медные тарелки, колокольчик и стальной треугольник. Началось пение под нестройные звуки этих металлических вещиц.

Спустя несколько минут первый из двенадцати монахов подошел ко мне с ладаницею и кадилом, попросил меня вложить в него фимиам, поцеловал мою руку и покадил меня девять раз. После него то же делали второй, третий и все прочие монахи <sup>819</sup>.

По окончании этого обряда о. Порфирий перешел в малую церковь св. Харона и в ее западной части, отделенной перегородкой, разместил свою поклажу. «Добрые пустынники сами указали мне на это место как удобное для спокойного пребывания в монастыре их на короткое время, – пишет о. Порфирий. – Этим не нарушалась пристойность. Ибо звание и сан мой давали мне доступ в самый алтарь, где совершаются Божественные тайны»<sup>820</sup>.

На этом записи, относящиеся к посещению нитрийских обителей, прерываются. Лишь 20 июня 1845 года о. Порфирий занес в свой дневник благодарение: «Величаю Господа, возвращающего меня из Египта в нерушимом здравии»<sup>821</sup>. Русский путешественник почерпнул много сведений как об истории монастыря, так и о древних коптских традициях. Впоследствии всё это вошло в его книгу «Вероучение, богослужение, чиноположение и правила церковного благочиния египетских христиан (коптов)» (Спб. 1856).

С этого времени прошло больше столетия, и за это время монастырь св. Макария пережил падение и взлет. Основанная в 360 году преподобным Макарием Египетским, эта обитель была

заново отстроена и расширена в новейшее время, в период с 1969 по 1979 гг. Восстановителями или, лучше сказать, новооснователями монастыря явились двенадцать отшельников, прежде подвизавшихся в пустыне Райан, расположенной в пятидесяти километрах к юго-западу от Фаюма и в ста пятидесяти километрах к юго-западу от Каира. Жизнь их там была подобна житию первохристианских подвижников, известному нам по святоотеческой литературе<sup>822</sup>.

Духовным отцом этих подвижников был о. Матта Эль-Мескин (то есть Матфей Бедняк), продолживший на новом месте духовное руководство братии. Они с большой печалью и неохотой покинули свои кельи, когда тогдашний патриарх Коптской Церкви Кирилл VI попросил их перейти в Нитрийскую пустыню и заняться восстановлением ее разрушенных монастырей, в частности монастыря св. Макария. «Мы плакали, покидая ради послушания нашу пустыню», – вспоминали отцы. Теперь в Райанской пустыне никто не живет: трудность обитания там оказалась не под силу другим. А те двенадцать монахов, которые вышли из Райана во главе с о. Маттой Эль-Мескином, и составили ядро новой общины, которая из года в год пополняется новыми насельниками<sup>823</sup>.

В декабре 1976 года монастыри Нитрийской пустыни посетила делегация Русской Православной Церкви во главе с митрополитом Ленинградским и Новгородским Никодимом. Гости из России молились у святынь обители св. Макария Великого. «В монастырях имеются постройки, относящиеся к VI веку, а также идет строительство новых зданий, келий, возводятся сооружения, охраняющие от песчаных бурь, – сообщал один из членов паломнической группы. – Здесь же руками монашествующих устроены большие водоемы, посажены плодовые деревья и овощи, необходимые для пропитания. Христианские паломники постоянно приходят к этим великим святыням, к этому благодатному источнику живой воды»<sup>824</sup>.

В последующие годы в стенах этой обители изредка слышалась русская речь. В августе 1980 года в монастыре преп. Макария Великого побывала представительница русского

Зарубежья Е. Демина, живущая в Дании. «Я стала собираться туда после лекции в Оксфорде, посвященной возрождению коптского монашества, с показом цветных диапозитивов возводимого в Нитрии монастыря и его старца», – пишет она на страницах «Вестника Русского христианского движения»<sup>825</sup>.

Ко времени приезда русской паломницы в обитель св. Макария число тамошних монахов выросло до восьмидесяти человек. «Большинство из них – молодые люди с университетским образованием, владеющие достижениями современной науки и техники, – отмечает Е. Демина. – Среди них есть врачи, учителя, агрономы, фармацевты, архитекторы и инженеры, находящие применение своим знаниям и опыту в обширной практической и научной деятельности монастыря. Говоря о любом аспекте монастырской жизни – будь то устав или разведение огорода, духовные ли каноны, эстетика построек или просветительская работа, приходится упоминать о вдохновителе всех начинаний и опытным, одаренном руководителе – о. Матте Эль-Мескине»<sup>826</sup>.

По образованию фармацевт, о. Матта покинул любящий круг родных и друзей на тридцатом году жизни; десять лет провел в разных монастырях и пустынях, десять лет подвизался в Райанской пустыне и с 1969 года возглавил общину монастыря св. Макария. Примечательно, что в обители нет устава, как не было его во времена его основоположника, преп. Макария Великого. Однако существуют неписанные правила, выявляемые скорее в действии, чем в теории.

В своем очерке о современной жизни обители Е. Демина отмечает, что сельскохозяйственная техника подарена монастырю различными почитателями: коптами, немцами, шведами. Некоторые виды животных и растений получены из европейских стран и США. Денежные средства поступают как пожертвования главным образом от христиан-коптов. Рабочие нанимаются преимущественно в бедном Верхнем Египте, откуда они приезжают с целой стаей детей-подростков, которых монахи, помимо содержания, обучают общим предметам, дают навыки труда, а детям-христианам – еще и религиозное образование<sup>827</sup>.

Важное место в жизни монастыря занимает просветительская деятельность. Помимо устных бесед с приезжающими за советом или утешением, духовное просвещение подается через ежемесячник «Св. Марк», издаваемый в типографии монастыря, оборудованной современным печатным станком и компьютером. В каждом номере помещаются статьи, проповеди и беседы о. Матты, который является плодовитым писателем. Им написаны сотни статей, помимо пятидесяти крупных названий.

Одной из очень популярных его книг, оказавшей влияние на многих молодых людей в выборе монашеского пути, является антология о молитве. В нее включены слова о молитве известных христианских писателей. Большое место в ней занимают русские церковные писатели: свт. Тихон Задонский, преп. Серафим Саровский, св. прав. Иоанн Кронштадтский, свт. Феофан Затворник, свт. Игнатий Брянчанинов. Эти писатели, как и некоторые наши современники – Н. Бердяев, прот. Г. Флоровский, митрополит Антоний Сурожский, старец Силуан Афонский, с которыми монахи имели возможность познакомиться через переведенную литературу, пользуются у них чрезвычайным уважением. Более того, изыскиваются пути тесного духовного общения с Русской Православной Церковью как наиболее родственной по духу и исторически нейтральной в многовековых испытаниях Коптской Церкви<sup>828</sup>. (Еще архимандрит Порфирий (Успенский) писал: «Коптские архиереи и монахи, которых я видел в Фиваиде и в Нитрии, напрашиваются на покровительство России».)

Чтобы иметь доступ к мировой литературе, насельники изучают иностранные языки, которые им преподают добровольцы из различных консульств и учреждений в Каире. Постоянно ведутся курсы английского, французского и немецкого языков, а также предполагается изучение древнегреческого, чтобы иметь возможность переводить подлинники древних текстов, вывезенные из Египта и хранящиеся в знаменитых библиотеках мира. Благодаря знанию европейских языков некоторые отцы предполагают вести миссионерскую работу в африканских странах<sup>829</sup>.

На территории монастыря обнаружены и бережно собраны фрагменты построек и сосудов, датируемых IV-м веком и позже. На базе этих находок развивается археологическая деятельность и строится музей. К юго-западу от монастыря, в «горе», недавно обнаружили и откопали келью самого преп. Макария Великого, с длинным узким ходом, ведущим во внутреннюю келью, куда он удалялся от наплыва посетителей. Таким образом удалось установить гору преп. Макария, упоминаемую в житийной литературе. А к северу от монастыря видны развалины женской обители IV-V веков, где под престолом церкви покоились мощи преп. Иларии, дочери византийского императора Зенона, которая подвизалась в Макариевом монастыре под именем евнуха Илария<sup>830</sup>.

Таковы сведения, собранные русской паломницей из Дании, побывавшей в обители преп. Макария Великого в 1980 году. Перу Е. Деминой принадлежит еще ряд статей на ту же тему, опубликованных на страницах «Вестника РХД»<sup>831</sup>. Этот журнал постоянно уделяет внимание истории Коптской Церкви и ее подвижников<sup>832</sup>.

В сентябре 1984 года Нитрийские обители посетила группа насельниц Горненского монастыря в Иерусалиме. В настоящее время монахи живут в четырех монастырях Нитрийской пустыни – преподобного Ефрема Сирина, преподобного Псоа, монастыре Барамус и в монастыре святого Макария Великого. Вот как добирались сюда русские инокини. «Кругом расстилается пустыня. Кое-где попадаются пучки бурьяна, а по краям солончаковых болот – даже приземистые пальмочки, – пишет игумения Феодора. – Вокруг монастырей – Селитровая долина, в которой еще со времен фараонов добывают соль и селитру. Камни, гипс и другие материалы, необходимые для строительства, монахи берут здесь же, в пустыне»<sup>833</sup>.

Время пребывания инокинь в нитрийских обителях было ограничено, и они смогли посетить только две из четырех. «Монастырь преподобного Макария Великого – первый на нашем пути. Он стоит в пяти километрах от шоссе Каир-Александрия и хорошо виден проезжающим, – продолжает матушка Феодора свое повествование. – Монастырь, которому

свыше полутора тысяч лет, окружен двойными стенами. Самая старая из монастырских церквей, а их здесь семь, построена во времена преподобного Макария. В монастыре свыше ста монахов. Это один из наиболее известных коптских монастырей в настоящее время. Мы поблагодарили игумена монастыря за добрый прием, сделали запись в книге посетителей и, попрощавшись, направились в соседний монастырь Барамус»<sup>834</sup>.

## **Монастырь Барамус**

Монастырь «Барамус» в переводе значит «Совещание». Здесь во времена преп. Макария Великого происходили совещания об общих делах монастырей пустыни. Обитель вырастает среди однообразия песков как крепостная стена округлых очертаний. Вдоль стен, внутри которых расположены кельи монахов и помещения для посетителей, в два яруса идут квадратные окна-иллюминаторы – символика корабля спасения, Ноева ковчега, а практическое назначение их – вентиляция помещений и защита от солнечных лучей. Внутренние окна келий выходят в сад. Все постройки отличаются простотой и удобны по своему практическому назначению. Новозаветная символика и образы древней веры египтян в их новозаветной интерпретации украшают церкви и фасады некоторых зданий<sup>835</sup>.

В сентябре 1984 года в этой обители побывали насельницы Горненского русского монастыря (Иерусалим). «Монастырю Барамус принадлежит первая христианская церковь в Нитрийской пустыне – во имя Пресвятой Богородицы, ей тысяча шестьсот лет. В другой, более поздней церкви почивают мощи преподобных Моисея Мурина и его ученика Исидора, – пишет игумена Феодора. – Мы приложились к мощам святых угодников Божиих, пропели тропарь, помолились, поставили свечи и в сопровождении настоятеля обители игумена Даниила осмотрели древние строения монастыря: трапезную, хозяйственные строения. По ступенькам мы поднялись на довольно широкие монастырские стены. Со стен нам открылся обширный чудный вид на пустыню и два других монастыря, виднеющихся вдали. Игумен Даниил сказал, что эти два



монастыря – святого Ефрема Сирина и преподобного Псоа – расположены совсем близко один от другого»<sup>836</sup>.

А в 1990 году древнюю обитель преподобного Макария и монастырь Барамус посетила небольшая группа паломников, совершавших путешествие к Святой Земле на парусной ладье «Надежда». За четыре месяца плавания православные мореходы проделали водный путь от Петрозаводска до Святой Земли, а затем отбыли в Александрию, где и была завершена эта паломническая экспедиция. Вот каким предстал перед ними монастырь Барамус.

Над монастырскими строениями возвышаются две одинаковые колокольни, увенчанные четырехконечными крестами. Этот монастырь, как и обитель Аба-Бишо, был основан в IV веке. В его соборной церкви сохраняются древние фрески, датируемые X-XIII веками. Сегодня здесь подвизаются около девяноста иноков, и один из них показал нам монастырские святыни. В храме мы приложились к мощам древних подвижников веры и благочестия – св. Моисея Мурина и св. Исидора. Здесь мы увидели те нехитрые инструменты, которые сопровождают коптские песнопения, отличающиеся своеобразием. «Привели трех певцов, и они начали петь; прочие же копты мерно ударяли в два медных блюда, в колокольчик и стальной треугольник. Их пение, не похожее ни на греческое, ни на армянское, весьма уныло», – писал архимандрит Порфирий (Успенский) в середине XIX века<sup>837</sup>.

### **Монастырь св. Ефрема Сирина и обитель преп. Псоа**

Монастырь Аль-Сурьяни и обитель преп. Псоа (Паисия) расположены в пределах видимости от обители Барамус. Аль-Сурьяни получил свое название «Монастырь сирийцев», поскольку именно здесь подвизались преп. Ефрем Сирин и его соотечественники. Обычно паломники проезжают мимо этой обители и посещают расположенный поблизости монастырь Аба-Бишо (преп. Псоа), а между тем в книгохранилище Аль-Сурьяни имеются древние свитки. Именно в этой обители

английский ученый Кэрзон нашел ценные коптские и сирийские рукописи, хранящиеся ныне в Британском музее в Лондоне.

По своему устройству Аль-Сурьяни похож на другие нитрийские обители. «Все эти монастыри построены, как укрепления; они обнесены высокими квадратными стенами, имеющими сажень по тридцати в сторонах, и с парапетами или террасами, – пишет А. С. Норов (1834 г.). – На дворе возвышается четверосторонняя башня с церковью; сверх того, тут же видны остатки двух или трех других церквей; кельи расположены вокруг стен; на каждом дворе колодезь для ключевой, а другой – для дождевой воды»<sup>838</sup>.

Нитрийская пустыня занимает особое место в истории Коптской Церкви. Патриарх Шенуда III молодые годы провел в одном из монастырей пустыни Вади-Натрун, где постился двести дней в году. А в 1980 году, когда христианско-мусульманские отношения в Египте обострились до предела, напряженная обстановка вынудила патриарха Шенуду III удалиться в монастырь Аба-Бишо (Аввы Псоа). Большинство коптских епископов также нашли тогда временное пристанище в нескольких древних монастырях, сохранившихся в Египте до настоящего времени.

После гибели Анвара Садата (1981 г.) пост египетского президента занял Хосни Мубарак, и одним из его указов было освобождение из-под ареста коптского патриарха Шенуды III<sup>839</sup>. Но это не значит, что древняя обитель полностью отгородилась от мира и может служить лишь местом изгнания и ссылки. Монастыри по-прежнему играют ключевую роль в духовной жизни Коптской Церкви. И неслучайным является тот факт, что именно в обители Аба-Бишо в мае 1979 года состоялась международная конференция на тему «Место монашества в рамках свидетельства Церкви сегодня», в которой приняли участие сорок представителей из четырнадцати православных и дохалкидонских Церквей, членов Всемирного Совета Церквей, а также наблюдатели из других Церквей и монашеских общин. Патриарх Шенуда III предоставил для проведения конференции этот монастырь, являющийся одной из древнейших египетских обителей. Работа симпозиума осуществлялась по программе,

намеченной комиссией Всемирного Совета Церквей «Всемирная миссия и евангелизация»<sup>840</sup>.

В то время советско-египетские отношения были практически заморожены, и представители Русской Православной Церкви не смогли приехать в монастырь Аба-Бишо. А в 1990 году паломникам из России довелось посетить эту обитель. Вот их впечатления от монастыря Аба-Бишо.

Нас поразила ширина и массивность стены: неприступная крепость. В течение многих столетий одной из особенностей тогдашнего уклада монастырской жизни коптов было постоянное опасение вооруженных нападений со стороны бедуинов, что привело к практически полной изоляции местных насельников от внешнего мира.

Сегодня врата монастыря Аба-Бишо, основанного в IV веке, широко открыты для паломников. Входим во двор обители. Внутри нас встретил чудесный сад: финиковые пальмы, цветы, огород, – все это содержится в чистоте и порядке. Дорожка ведет к храму. Нас встретил игумен монастыря – молодой копт. Он повел нас в храм, который весь украшен почерневшим от времени резным деревом – царские врата, иконостас, иконы. Древние иконы, массивные лампы. На каменном полу отделанные овечьи шкуры. Слева в нише – гробница св. Бишоя (преп. Псой, IV век.).

Нас повели в парадные покои, богато обставленные. На подносе подали кофе и напиток, пахнувший розами. Потекла неторопливая беседа, в ходе которой узнаём много интересного о духовной жизни здешних насельников, число которых достигает ста пятидесяти человек, включая шестнадцать послушников. Духовные наставники определяют монастырский уклад жизни, не навязывая своей воли. Духовная свобода включает в себя добровольное посещение церкви, а также образ и время личной молитвы. Старец дает совет и благословение, сообразуясь с личными особенностями каждого, с его творческой одаренностью и практическими занятиями в монастыре, причем всё направляется на духовное возрастание монаха. Насельники, достигшие в меру созерцания, исполняют молитвенное делание в келье и в церковь собираются по

воскресеньям и праздникам, то есть когда совершается Божественная литургия. Литургия коптов представляет собой один из ранних вариантов православной литургии св. Василия Великого и носит его имя. В обычные дни, когда нет всенощного бдения, совершаемого вместе с литургией с 10 часов вечера до 6–7 часов утра, в церкви поется коптская полу-нощница, состоящая из псалмов, гимнов и молитв (с 4 до 7 утра), и краткая вечерняя служба (с 5 до 5.30 часов вечера). На келейную молитву колокол будит в 3 часа утра <sup>841</sup>.

В 1976 году обитель Аба Бишо посетила делегация Русской Православной Церкви во главе с митрополитом Ленинградским и Новгородским Никодимом. А осенью 1991 г. в монастыре св. Бишо (Псоа) побывал Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Здесь он молился у мощей нашего общего святого – преп. Псоа (Паисия) <sup>842</sup>.

В конце 1970-х гг. перед насельниками древних обителей Нитрийской пустыни возникла угроза. Тогдашнее египетское правительство приступило к рассмотрению проекта – основать новый город «Садат-сити» в непосредственной близости от пустыни Вади-Натрун, что могло бы нарушить покой ее монастырей. Однако впоследствии, с изменением внутривосточной обстановки, этот проект был пересмотрен. Сегодня, как и раньше, актуальными остаются слова, сказанные одним из западноевропейских исследователей, занимающихся изучением египетского христианства: «Чтобы достичь сердца Коптской Церкви, необязательно идти в собор, но необходимо отправиться в пустыню».

## Александрия

Основанная Александром Македонским в 332–331 гг. до Р. Х. на побережье Средиземного моря, Александрия издревле была центром богословской учености. Именно здесь в III в. до Р. Х. с древнееврейского на греческий было переведено Пятикнижие, а к середине II в., по-видимому, и весь Ветхий Завет – так называемый перевод семидесяти двух толковников. А. С. Норов упоминает об этом в своих записках. Ссылаясь на свидетельство Иосифа Флавия, он пишет: «Деметрий Фалерский проводил их (семьдесят два толковника) по длинной плотине о семи стадиях и по мосту, который соединяет остров (Фарос) с твердою землею, в здание, находящееся на берегу моря, на северной стороне, столь отдаленное от всякого шума, что ничто не могло их развлекать среди трудов, требовавших самого внимательного прилежания». Далее сказано, что они «каждое утро приходили приветствовать царя и потом принимались за труд, обмыв руки в море»<sup>843</sup>.

По древнему преданию, Церковь в Египте основал апостол и евангелист Марк, открывший список патриархов Александрии. И снова можно обратиться к запискам А. С. Норова, где он, ссылаясь на Филона, Евсевия и других писателей, говорит о возникновении христианства в этом городе. «Апостол и евангелист Марк первый основал христианскую церковь в Александрии, оттуда он распространил свет своего евангельского учения в дальние пределы Африки ... Ананий наследовал св. Марку, кончившему жизнь в Александрии», – пишет А. С. Норов<sup>844</sup>, замечая при этом, что «перевод Библии, который со времени Птолемея находился в руках многих ученых мужей, – и изучение творений Платона приуготовили здесь, более чем где-либо, принятие христианства»<sup>845</sup>.

Александрия в первые века по Р. Х. была одним из основных духовных центров богословской мысли. «Имена, украшавшие патриарший престол и церковную школу Александрии, блистают неувядаемой славой, – пишет А. С. Норов. – Св. Пантений, некогда стоический философ и

обратившийся в христианство, был преемником учеников св. Марка в Александрии. Этот самый Пантений проник в дальние пределы Эфиопии для распространения слова Христова»<sup>846</sup>.

Из Александрии вышли такие выдающиеся церковные деятели, как Климент (конец II – начало III в.), Ориген (ок. 185–253), Афанасий (293–373), Кирилл **(1–445)**. «Школа Александрийская, – продолжает Норов, – была управляема избранными мужами, каковы Климент, прозванный Александрийским, Ориген, светозарный слепец Дидим ..., Афанасий, Кирилл и другие»<sup>847</sup>.

Русские паломники, посещавшие этот знаменитый город, находили пристанище в монастыре св. Саввы Освященного, при котором находилась и резиденция патриархов Александрийских. В 1704 году здесь радушно были приняты гости из России – иеромонахи Макарий и Селиверст, насельники «монастыря Всемилоственного Спаса Новгородка Северского». «Пришли до Александрии месяца июня 27-го дня, – повествуют российские пилигримы. – А во дворе Святейшего патриарха церковь святого Саввы Освященного великая, по правой стороне придел святого великомученика Георгия Победоносца, по левой стороне – святой великомученицы Екатерины придел»<sup>848</sup>.

Интересно замечание российских паломников о той реликвии, которая сохранилась в этом храме. «В приделе святой великомученицы Екатерины есть стол- пик невеликий мрамуровый белый, до которого каме- ня главу втято великомученице Екатерине. Еще же и доныне есть многим видети на столпику святой великомученицы кровь, и тут вернии кланяются и целуют тот столпик», – пишут иноки<sup>849</sup>, добавляя при этом: «Так же и нам Бог сподобил видети кровь святой великомученицы Екатерины и знаменоватися»<sup>850</sup>.

Можно было бы предположить, что подробные сведения об этой обители приведет в своих записках А. С. Норов. Однако он ограничивается кратким замечанием: «Скромный греческий монастырь во имя св. Саввы заменяет теперь знаменитую патриаршую церковь Александрийскую»<sup>851</sup>. При этом русский путешественник с сожалением отмечает: «Я не мог там быть по

причине чумы, которая обнаружилась в стенах этого монастыря»<sup>852</sup>.

Большое место истории этой обители уделил на страницах своих книг архимандрит Порфирий (Успенский). В первый раз он посетил эту обитель в 1845 году. В дневнике под 30 января он привел план монастырской церкви св. Саввы, а также отметил, что «возле монастыря св. Саввы находится больница для православных. Она состоит из двух отдельных домов, в два этажа каждый. В первом вверху пять комнат для больных; во втором шесть-семь комнат; внизу помещаются бедные. При больнице есть большие дворы с огородами и сад»<sup>853</sup>.

Во время своего второго пребывания в Александрии о. Порфирий уделил обители св. Саввы гораздо больше внимания. «Монастырь св. Саввы, который я мельком видел в первое путешествие мое по Египту, обозрен был мною сегодня подробно», – записал русский автор в своем дневнике 29 марта 1850 года<sup>854</sup>. Во-первых, о. Порфирий указывает на местоположение этого монастыря: «Он находится в конце Александрии, напротив так называемых игл (obelisks) царицы Клеопатры у новой пристани, в недалеком расстоянии от них. Из окон его видны эти гранитные и узорчатые иглы, синее море и остров Фарос со старинною зубчатою крепостью»<sup>855</sup>.

Подробно описав внутреннее устройство обители, о. Порфирий отмечает, что в храме «сохраняются частицы мощей св. Василия Великого, св. Иакова и св. Марины»<sup>856</sup>. Особое внимание русский паломник уделил местной святыне – это камень, на котором была усечена честная глава св. Екатерины. «В приделе царственной великомученицы стоит беломраморный налой чет- вероугольный, иссеченный из цельного куска с колоннами по углам и с четвероконечными крестами на трех лицевых сторонах его. Вверху есть круглое углубление для водружения креста или толстой свечи. ... Впоследствии его обделали в таком виде, в каком он теперь находится. Христиане лобызают его с благоговением»<sup>857</sup>.

Архимандриту Порфирию довелось отслужить литургию в монастырской церкви св. Саввы – это было 2 апреля 1850 года. «В ней было много православного народа, – пишет о.

Порфирий. – Даже копты, армяне и сириане приходили видеть священнодействие мое и слушать наше церковное пение. Небесный Вертоградарь да привьет эти отломившиеся ветви к плодоносной маслине, к Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви!»<sup>858</sup>.

О. Порфирии сообщает своим читателям о своем посещении новой церкви, которая была заложена в 1847 году «самим патриархом Иерофеем, при многочисленном стечении народа и в присутствии российского генерального консула Г. Фока»<sup>859</sup>. Отметив, что «нет средств к окончанию храма», о. Порфирий продолжает: «Очи всех обращены к России. Подумывают послать в Москву архиерея за сбором милостыни. В Египте со времени Александрийского патриарха Паисия, пользовавшегося богатыми щедротами царя Алексея Михайловича, памятно благочестивое усердие русских, с каким они всегда готовы помогать угнетенному православию на Востоке»<sup>860</sup>.

Весной 1909 года Александрию посетил Б. А. Тураев. Он давно хотел побывать в Египте – «в стране святых Пахомия, Антония и Афанасия Великих». Особенно его интересовала Александрия – «град св. Афанасия». Русский путешественник нанес визит в Александрийскую Патриархию, которая «оказалась известным монастырем св. Саввы Освященного». С тех пор, как здесь побывал о. Порфирий, Александрия сильно разрослась; по словам Б. А. Тураева, «тогда обитель была за городом, едва ли не в пустыне, среди фиников; теперь же среди европейских оживленных улиц»<sup>861</sup>.

К началу XX в. здесь уже была открыта типография. Тураев присутствовал в греческом храме за богослужением в Великий понедельник на всенощной, «которая у греков называется «Последование Жениха». В заметках Б. А. Тураева, посвященных церковной жизни Александрии, можно найти описание греческого богослужения от Великого понедельника до Великой пятницы включительно<sup>862</sup>.

В отличие от удаленной Синайской обители, монастырь св. Саввы Освященного посещался русскими паломниками гораздо чаще. Один из таких визитов состоялся в 1984 году, когда в



Египет прибыла из Иерусалима небольшая паломническая группа монахинь Горненского русского монастыря. «В Александрии у собора в честь Благовещения Пресвятой Богородицы нас встретил епископ Нил (Александрийский Патриархат), – пишет игуменья Феодора. – По приглашению преосвященного Нила мы осмотрели здание Патриархии и храм во имя преподобного Саввы Освященного. Здесь, в храме, стоит невысокая четырехугольная мраморная колонна, на которой была усечена глава великомученицы Екатерины»<sup>863</sup>.

Неподалеку от храма св. Саввы Освященного находится коптский монастырь святого апостола и евангелиста Марка. Главный храм монастыря стоит на месте мученической кончины и погребения святого апостола. «Коптская церковь в Александрии еще древнее греческой, она посвящена св. евангелисту Марку», – подчеркивал А. С. Норов<sup>864</sup>.

Подробные сведения об этом храме содержатся в записках архимандрита Порфирия. Здесь о. Порфирий бывал дважды – в 1845 и 1850 гг. Во время своего первого посещения этого храма русский автор в своем дневнике уделил место его описанию. «Генваря 31. Утром обозревал церковь коптов во имя евангелиста Марка», – так начинает о. Порфирий описание этого храма<sup>865</sup>. «В правом приделе копты показывают гроб евангелиста у восточной стены алтарной. Гроб состоит из четырех беломраморных досок. На нем нет никаких украшений и писем. Копты знают, что в гробе нет мощей и что они увезены»<sup>866</sup>.

Здесь речь идет о том, что в 811 году мощи св. Марка были перенесены в Венецию, вследствие чего св. Марк был объявлен покровителем этого города. (Во время восстания 1848 г. против Австрии венецианцы объявили свой город независимой республикой св. Марка.)

Вот еще несколько строк, посвященных коптской церкви св. Марка в Александрии: «В сей церкви, направо, находится подземельная усыпальница коптских архиереев. Копты говорят, что там похоронены семьдесят три архиерея. – Вместо иконостаса – узорчатая перегородка без пилястров, без колонн. По правую и левую сторону царских врат два малые

четвероугольные задвижные окошка для пропуска света в алтарь. Иконы поставлены весьма высоко; их очень мало, и те – старой живописи. Церковь мала и убога. По виду и архитектуре – новейшего произведения. Но около нее валяются мраморные и гранитные колонны»<sup>867</sup>.

Осенью 1960 года, во время паломнической поездки на Восток, Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексий I и его спутники посетили этот храм. Здесь они приложились к святыне – главе св. апостола Марка и «вместе с братьями-коптами вознесли совместную молитву о соединении святых Божиих Церквей»<sup>1</sup>. А еще через тридцать с лишним лет – осенью 1991 года – коптский собор св. апостола Марка посетил Святейший патриарх Алексий II. Здесь ему вынесли для поклонения частицу мощей св. апостола Марка<sup>868</sup>.

\* \*

Духовные связи России и Египта не прерывались на протяжении столетий. Русские паломники, поклонявшиеся христианским святыням близ берегов Нила, всегда помнили о своей родине, и об этом хорошо сказал А. С. Норов. Осматривая в Александрии «колонну Помпееву», стоявшую на краю пустыни и мертвого озера Мареотийского, он сделал в своем дневнике такую запись: «Я невольно сравнил это запустение с тем торжеством, которого я был так недавно свидетелем, когда на берегах Невы подобный колосс, но еще более величественный, воздвигся в память Александру Благословенному»<sup>869</sup>.

Примечательно, что именно в этот торжественный день, когда на Дворцовой площади был воздвигнут Александрийский столп, русский писатель отправился из Петербурга на поклонение христианским святыням Египта. Созерцая это величественное зрелище, А. С. Норов сложил четверостишие, и эти бесхитростные строки могут завершить данное повествование. «Прощание мое с родиной обратилось к кресту и Ангелу этой колонны, – пишет Норов, – и я невольно произнес четыре стиха, которые доверил тогда только своему дорожному портфелю:

Сей Ангел и хоругвь Мессии Меня в тот путь благословят,

Куда кресты родной России С высот святых церквей  
глядят»<sup>870</sup>.

---

## Примечания

- <sup>1</sup> - Hier. Epis. 27.
- <sup>2</sup> - Палладий. Лавсаик, гл. 7.
- <sup>3</sup> - Hieron. Elog. Pavlae. Они указывали на слова Иеремии, 2, 22.
- <sup>4</sup> - Сократ. Церковная история. Кн. 4, гл. 23.
- <sup>5</sup> - Палладий. Лавсаик, гл. 8, с. 26.
- <sup>6</sup> - Rosw. vitae PP. Lib. I. p. 184. Acta S. Frontoni Revar. de vita Monast. L. 4. §1, n.1.
- <sup>7</sup> - Vita Sanc. Pach. Bolland. Maji. 14.
- <sup>8</sup> - Сведения об Аммоне Нитрийском встречаются у Сократа. Церковная история. Кн. 4, гл. 23. Созомен. Кн. 1, гл. 14. Kassiod. Histor. trip. Lib. I, p. 11. Палладий. Лавсаик, гл. 8.
- <sup>9</sup> - Поучения преп. Аммона Нитрийского часто встречаются в славянских рукописях. Латинский перевод их издал Воссий в приложении ко второму тому сочинений Ефрема Сирина. Colonid Agrip. 1675 an. pag. 499–503. Под заглавием: Sancti Abbatis Ammoni capita paraenetica decem et novem. Воссий не находит никакого сомнения приписать ему их.
- <sup>10</sup> - Ликон есть глубокий рукав Нила. Палладий говорит, что ему и в лодке было страшно переправиться чрез него. Лавсаик. Гл. 8, с. 28.
- <sup>11</sup> - Афанасий в жизни Антония Великого. Отсюда видно, что Аммон скончался прежде Антония. Тильмон полагает его кончину между 340–345 гг. Том 7, с. 158.
- <sup>12</sup> - Epist. Ammon ad Theoph. P. 21.
- <sup>13</sup> - Lucae Holsten. Cod. Reg. Tom. p. 11–14.
- <sup>14</sup> - Rufin. Hist. Eccl. Lib. II. с. 28.
- <sup>15</sup> - Rufin. Hist. monach. C. XXI. Созомен. VI, 3.
- <sup>16</sup> - Epist. 22 ad Evstoch. p. 33–37.
- <sup>17</sup> - Hist. monach. с. XXI.
- <sup>18</sup> - Rufin. Hist. Eccl. Lib. II. с. IV. Сократ. Церковная история. Кн. 4, гл. 24. Созомен. Церковная история. Кн. 6, гл. 20.

- 19 - Феодорит. Церковная история. Кн.4, гл. 21.
- 20 - Так объясняют это дело Сократ (Кн. 4, гл. 7), Созомен (Кн. 8, гл. 11–19), Исидор Пелусиот (Lib. I, с. 152).
- 21 - Созомен. Церковная история. Кн. 8, гл. 15.
- 22 - Curs. Patr. Compl. Т. 22, р. 756, ер. 89.
- 23 - Epist. ad Rust. monach. 125, n. 14.
- 24 - Epist. 108.
- 25 - Палладий. Лавсаик, гл. 11, 74. 75. Созомен. Кн. VI, 20.
- 26 - Палладий. Лавсаик, гл. 10.
- 27 - Достопамятные сказания о подвижничестве... 226–229. Лавсаик, гл. 10–15. Сократ. Кн. 6, гл. 23.
- 28 - Достопамятные сказания о подвижничестве... 183–185, 229.
- 29 - Палладий. Лавсаик, гл. 7. Rufin. Hist. mon. с. XXI.
- 30 - Сократ. Церковная история. Кн. 4, гл. 13. Созомен, Кн. 3, гл. 14. Hier. ер. 108.
- 31 - Созомен. Кн. 3, гл. 14.
- 32 - Правила св. Макария Александрийского для иноков приводятся у Венедикта Апианского. Holst. Cod. Regul. Tom 1. р. 11–14.
- 33 - Сведения о жизни Макария Александрийского находятся у Палладия в Лавсаике, гл. 19, 20. Rufin. Hist. mon. с. XXIX. Сократ. Кн. 4, гл. 23. Созомен. Кн. 3, гл. 14. Достопамятные сказания о подвижничестве... 175. Макарию Александрийскому приписывалось слово о исходе души, но в лучших списках оно встречается с таким надписанием: Τοῦ ἁγίου Ἀλεξάνδρου τοῦ ἁσκήτου λόγος, περὶ ἐξόδου ψυχῆς, или ἐκ τῶν ἐρωτησέων τοῦ Μακαρίου Ἀλεξάνδρου πρὸς τῶν ἐυσέβων Ἀλεξανδρίας. Flossi Macar. epist. 1830. Bonud. р. 242–244. Следовательно, сие слово принадлежит не Макарию, но Александру.
- 34 - Палладий. Лавсаик, гл. 9. Созомен. Кн. 6, гл. 29.
- 35 - Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 77.
- 36 - Cass. Collat. 2, с. 13.
- 37 - Житие Паисия Великого в рукописи славян.
- 38 - Лавсаик, гл. 22.

<sup>39</sup> - Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 281–288.

<sup>40</sup> - Достопамятные сказания о подвижничестве... 150. 30. 36.

<sup>41</sup> - Он упоминает о мнениях мирских мудрецов (Беседы 14, 7); знает Аристотеля, Платона, Сократа (42, 1); знает о грамматиках, риторках, стихотворцах, софистах (45, 2); в беседе 15 показывает, в каком порядке следовали предметы учения в училищах: чтение, латинский язык, грамматика, правоведение (40). Множество уподоблений, заимствуемых из области природы и художеств, свидетельствуют, по-видимому, о знакомстве его с науками естественными и условиями жизни общественной. Самое знание греческого языка, на котором дошли до нас его писания, также указывает на то, что он не чужд был научного образования.

<sup>42</sup> - Достопамятные сказания о подвижничестве... 153. 36.

<sup>43</sup> - Достопамятные сказания о Макарии Египетском, 1.

<sup>44</sup> - Constantin Fischendorf. Reise in den Orient, 1846. Т. 1, р. 110.

<sup>45</sup> - Rufin. Histor. monach., с. 29. Cassian. Collat. 10, с. 2.

<sup>46</sup> - Сократ. Церковная история. Кн. 4, гл. 23, с. 354.

<sup>47</sup> - Pallad. Hist. Laus., cap. 19, 1. Sosom. Lib. III, cap. 14.

<sup>48</sup> - Pallad. Hist. Laus., с. 19, 7. Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 140, 2.

<sup>49</sup> - Сведения о Макарии Египетском встречаются у Палладия (Hist. Laus.), Руфина, Кассиана, Сократа, Созомена и в Патерике Скитском. Тщательно собраны все сведения о Макарии Египетском Флоссом: Macarii Aegiptii epistolae, homiliarum loci, praeces, ad fidem Vaticani, Vindobonensium, Beroli-Bonnae Bruxellis. В рукописях коптских (Egypte sous les Pharaons descript. géographique. Tom 2, р. 160) и в славянских встречается житие Макария Египетского, составленное Серапионом, который именуется учеником Антония Великого. Хотя оно и содержит некоторые новые сведения в сравнении с упомянутыми нами источниками и составлено, как видно, в Египте, но гораздо

позднее, чем как показывает надписание, и во многом не согласуется с более верными известиями.

- <sup>50</sup> - Беседа 37, 10.
- <sup>51</sup> - Беседа 24, § 2.
- <sup>52</sup> - Беседа 31, § 2–4.
- <sup>53</sup> - Беседа 21, § 3–4.
- <sup>54</sup> - Слово о возвыш. ума, § 21.
- <sup>55</sup> - Беседа 23, § 3.
- <sup>56</sup> - Беседа 27, § 20, 21.
- <sup>57</sup> - Беседа 32, § 7, 9.
- <sup>58</sup> - Беседа 47, § 12, 13.
- <sup>59</sup> - Беседа 29, § 2.
- <sup>60</sup> - Беседа 3, § 4.
- <sup>61</sup> - Беседа 37, § 9.
- <sup>62</sup> - Беседа 26, § 21, 22.
- <sup>63</sup> - Беседа 26, § 14, 24, 25.
- <sup>64</sup> - Беседа 38, § 4.
- <sup>65</sup> - Pall. Hist. Laus., cap. 19.
- <sup>66</sup> - Socrat, lib. 4, cap. 23.
- <sup>67</sup> - Достопамятные сказания о подвижничестве... 146, 21.
- <sup>68</sup> - Там же, 145, 12.
- <sup>69</sup> - Там же, 144, 10.
- <sup>70</sup> - Vit. Patr. Rosv. L.III, cap. 189, p. 528. Подобные наставления даны им Авве Исаие и Авве Аио. Достопамятные сказания о подвижничестве... 146, 26 и 153, 40.
- <sup>71</sup> - Там же, 146, 16.
- <sup>72</sup> - Там же, 281.
- <sup>73</sup> - Там же, 146, 18 и 153, 39.
- <sup>74</sup> - Там же, 149.
- <sup>75</sup> - Там же, 144, 11 и 153, 34.
- <sup>76</sup> - Достопамятные сказания о подвижничестве... 132, 2.
- <sup>77</sup> - Rosveid. Vit. Patr. L.III, p. 513. L. VI, p. 651.
- <sup>78</sup> - Достопамятные сказания о подвижничестве... 142, 2.

- <sup>79</sup> - Беседа 16, § 12.
- <sup>80</sup> - Беседа 10, § 4.
- <sup>81</sup> - Беседа 15, § 23.
- <sup>82</sup> - Достопамятные сказания о подвижничестве... 150, 31.
- <sup>83</sup> - Беседа 15, § 8.
- <sup>84</sup> - См. наставление его братии в беседе 3-й.
- <sup>85</sup> - Достопамятные сказания о подвижничестве... 144, 8.
- <sup>86</sup> - Там же.
- <sup>87</sup> - Там же, 146, 17.
- <sup>88</sup> - Там же, 147, 21.
- <sup>89</sup> - Там же, 140, 21.
- <sup>90</sup> - Достопамятные сказания о подвижничестве... 154, 38.
- <sup>91</sup> - Там же, 148, 23.
- <sup>92</sup> - Там же, 147, 20.
- <sup>93</sup> - Там же, 141, 27.
- <sup>94</sup> - Там же, 153, 35.
- <sup>95</sup> - Там же, 146, 19.
- <sup>96</sup> - Rufin. Vit. Patr., с. 18. Sozom. Lib. III, cap. 14. Pallad. Hist. Laus. с. 19. Достопамятные сказания о подвижничестве... 143, 7.
- <sup>97</sup> - Socrat. Hist. Eccl. L. 4, cap. 24.
- <sup>98</sup> - Pallad. Hist. Laus. cap. 19.
- <sup>99</sup> - Описание таких состояний можно видеть в беседе 18, 7 и след.
- <sup>100</sup> - Беседа 16, § 12.
- <sup>101</sup> - Достопамятные сказания о подвижничестве... 152, 33.
- <sup>102</sup> - Беседа 25, § 7,8.
- <sup>103</sup> - Время кончины св. Макария Египетского определяется на основании слов Палладия. Он пишет о Макарии: я не видел сего святого; ибо за год до моего прихода в пустыню почил этот победитель безумных страстей (Палладий. Лавсаик. С. II. Б. 1850, с. 55). Палладий пришел в Александрию во второе консульство Феодосия Великого (Палладий. Лавсаик, гл. 1, с. 7), то есть в 388 году (L'art certif. des dates II Part. T. IV, p. 161),



пробыл у пустынника, вблизи Александрии, около трех лет (Лавсаик, гл. 7, с. 21) и отправился в гору Нитрийскую. Вероятно, этот приход свой в гору Нитрийскую и в пустыню Келлий, лежавших подле нее, понимает Палладий, когда говорит, что Макарий Египетский за год до его прихода в пустыню Келлий скончался. Посему кончину Макария Египетского мы должны отнести к 390 г. января 17, когда празднуется его память.

<sup>104</sup> - Первое издание бесед Макария было в Париже в 1559 году. Лучшим считается издание Прициево 1714, хотя оно и требует еще исправлений. Котельер, сличив только некоторые места бесед Макария с лучшими списками, указывает некоторые чтения более исправные (в примеч. ко тт. 2 и 3 его издания: *Eccles. graec. monum.*). Флосс (*Macarii Aegyptii epistolae, homiliarum loci et caet.* Henr. Josephus Floss. Coloniae 1850), сличив Прицием изданные беседы Макария с списками Ватиканской, Венской, Берлинской и других библиотек, нашел также много неисправностей в печатном тексте и напечатал довольно обширное, доселе неизданное, место из 5-й беседы Макария и конец 50-й беседы. Из бесед Макария 3-я «о том, что братия между собою должны жить искренно», и 48-я «о совершенной вере» встречаются также между сочинениями Ефрема Сирина (по русс. перев. ч. 5, с. 13. Слово 115, и ч. 3, с. 115. Слово 15); только беседа Макария о вере составляет половину Слова Ефремова. Есть предание, что Ефрем был в горе Нитрийской и беседовал с пустынниками (см. прибавление к Творениям св. Отцев в русс. перев. 1848 г. Ч. 11. С. 64–67); поэтому и он мог принести с собою поучения Макария, и его поучения могли остаться в Египте и войти в число бесед Макария. Так и находящееся в 8-й беседе Макария, по некоторым рукописям греческим, приписывается преп. Марку подвижнику (см. Восторгнутые класы в пищу души 1849, с. 159). Беседа 37 о рае и законе духовном также приписывается Марку. В сирских рукописях встречается еще между сочинениями сего подвижника слово, сходное с 5 беседою Макария (*Assem. Biblioth. Orient. Tom. 111, p. 44*). Беседы св. Макария в древних славянских рукописях вполне не встречаются. Но из них

приводят уже некоторые места Пр. Нил Сорский в своем уставе (гл. 2, с. 50 и сл. 10, с. 136. М., 1849) и Иосиф Волоколамский в духовной грамоте (гл. 6.). Перевод бесед Макария на славянском языке издан в печати в первый раз в Вильне в 1627 г. и перепечатан в 1634 г. в Киеве. Новый перевод сделан был при Славяно-Греко-Латинской Академии иеромонахом Моисеем (после Епископом) в 1782 г. Сей же перевод без изменения перепечатан в 1839 г. Москв. Син. Тип. В Христианском чтении переведено на русский язык 30 бесед с 1821–1837 гг. В 1855 г. при Московской Духовной Академии издан новый перевод слов и бесед преп. Макария Египетского.

<sup>105</sup> - Слово 46 по славянскому переводу, 49-е по греческому изданию: об истинном ведении и «об искушениях».

<sup>106</sup> - Assem. Biblioth. orient. Tom III, p. 501.

<sup>107</sup> - Cotel. monum. graec. Eccles. Tom I, p. 11, 333.

<sup>108</sup> - Barb. Biblioth. Tom 8, p. 363. Maii. Collect. Ver. Auct. Tom 4, p. 191, 192, 1831. Romae.

<sup>109</sup> - В первый раз семь Слов Макария изданы Поссаром (1683 г. Filosae); их внес потом в свое издание Приций и поместил Голланд в Библ. древних Отцев. На славянский они переведены Германом (С.П.Б. 1775 г.). Четыре Слова, именно: 1, о возношении ума, 2, о любви, 3, о свободе ума, 4, о хранении сердца, в 1821 г. переведены на русский язык в Христ. чтении. Из самого содержания сих Слов видно, что они выбраны из бесед Макария. В одном из списков Венской библиотеки встречаются главы Макария с следующим надписанием: κεφάλια τοῦ ἁγίου Μακαρίου μεταφρασθέντα παρὰ Σιμεῶν τοῦ Λογοθέτου, 109. О них упоминает Лев Алляций, исчисляя ученые труды Симеона Метафраста. Из сих глав Макария приводили свидетельство Отцы Собора, бывшего против Варлаама и Акиндина, для опровержения их ереси (Leo Allat. diatr. de Symeon, p 132, et Lamb. Comment. V, 121 и дал.). Флосс, рассматривавший эту рукопись, нашел, что упомянутые 150 глав из бесед Макария заключают именно те слова, которые изданы Поссином, исключая слово «о хранении сердца» (Floss, p. 236). Но и это слово очевидно также выбрано из бесед

Макария, стоит только сравнить сего слова гл. I, II, VI, X, XII, XIII, XIV с беседами XVII.15, XV.39, VII.8, XL. 12, XVI.2, XXXVII.10, XIX. Если немногие места из сих слов не находятся в беседах, можно отыскивать в посланиях Макария. Глика в своей летописи приводит такие слова «из писем» (ἐν ἐπιστολαίς) Макария Великого, которые читаются во 2-й гл. 4-го слова (Fabr. Bibl. gr. Tom 8, p. 363). В списке церковных писателей Авдиуса Митрополита Низивийского Макарию Египетскому приписываются три книги о подвижничестве (Assem. Biblioth. orient. Tom III, p. 14). Неизвестно, что должно разуместь под сими книгами. На сирском языке встречаются в рукописи три слова Макария и восемь писем, а в другом пять слов и десять писем. В арабских рукописях есть сборник, содержащий 26 писем и слов Макария к инокам и его слово о молитве и письмо к инокам (Assem. Biblioth. orient. Tom III, p. 44). Судя по приведенным Анжело Майо первым словам сих бесед, мы находим в сем арабском списке следующие греческие беседы: 1–5, 7, 8, 10, 11, 12, 15, 17, 18, 19, 40. Прочих одиннадцати бесед по начальным словам не усматривается между изданиями греческими (Maii. Collect. Ver. Auct. Tom 4, p. 191, 192).

<sup>110</sup> - Первое послание напечатано на латинском языке. Оглавляется оно так: *incipit epistola sanctii Macarii ad filios Dei*. Напечатано оно по трем спискам – Ватиканскому XIII в., Тревисскому XV в. и библиотеки Гимназии XV в. Другое послание имеет надписание: *τοῦ αὐτοῦ ἁγίου Μακαρίου Ἐπιστολή μεγάλη καί πάνυ ὀφελίμος*. Оно напечатано по рукописи Берлинской XII или XIII века (Floss. *Macarii Aegyptii epistolae, homiliarum loci et caet.* 1850. Colon, p. 191–220).

<sup>111</sup> - *De scriptor. Eccl.*, cap. 10.

<sup>112</sup> - Исаака Сирина слово 46-е по славянскому переводу.

<sup>113</sup> - Беседа 1 § 10, 11.

<sup>114</sup> - Слово о любви § 12.

<sup>115</sup> - Беседа 11, § 1.

<sup>116</sup> - Беседа XXV, § 12.

<sup>117</sup> - Беседа 1, § 5. Беседа XXIV, § 4,5.

- 118 - Беседа XLVI.
- 119 - Беседа XXXVII, § 7, ср.; Беседа XLIV, § 5, XLI, § 2.  
Слово о свободе ума, § 24. Слово о хранении сердца.
- 120 - Беседа XX, § 8.
- 121 - Беседа XX, § 1.
- 122 - Беседа 1, § 9.
- 123 - Беседа 11, § 2.
- 124 - Беседа 11, § 3. Ср.: Беседа XX, § 3 и др. Слово о хранении сердца, § 14.
- 125 - Слово о свободе ума, § 19. Беседа XIX, § 6.
- 126 - Беседа XV, § 25.
- 127 - Беседа XXIX, § 1, 2, 3 и др.
- 128 - Беседа XLI, § 1, 3.
- 129 - Беседа I, § 6.
- 130 - Беседа XVIII, § 29.
- 131 - Беседа II, § 5.
- 132 - Слово о возвышении ума, ср.: Беседа IV, § 13, 14.
- 133 - Слово о любви, § 22.
- 134 - Беседа XV, § 40.
- 135 - Беседа XLVI, § 34.
- 136 - Беседа I, § 2.
- 137 - Слово о любви, § 8.
- 138 - Беседа VIII, § 6.
- 139 - Беседа VIII, § 2, 3. Ср. слово о любви § 9, 10.
- 140 - Беседа VIII, § 5.
- 141 - Слово о возвышении ума, § 14, ср.: Беседа XXXVIII, § 4. Беседа XVII, § 4. Беседа XVI, § 4, 6.
- 142 - Беседа XV, § 54.
- 143 - Беседа XV, § 40.
- 144 - Беседа XXXVII, § 10.
- 145 - Слово о возвышении ума, § 3.
- 146 - Беседа XXXII, § 10.
- 147 - Слово о свободе ума, § 19. Беседа XIX, § 6.

- 148 - Беседа XXVI, § 5.  
149 - Беседа XV, § 18, § 2.  
150 - Беседа XV, § 34.  
151 - Беседа XV, § 14.  
152 - Беседа XXVII, § 10, 11.  
153 - Слово о возвышении ума, § 16. Беседа XVII.  
154 - Беседа XV, § 17.  
155 - Беседа XXXVII, § 7.  
156 - Скит, на коптском языке Schiet, значит просторная равнина.  
157 - Lucae. Holst. Cod. Red. Tom 1, p. 11.  
158 - Достопамятные сказания о подвижничестве... 121.  
159 - Collat, с. XXI, с. 1.  
160 - Достопамятные сказания о подвижничестве... 15.  
161 - Достопамятные сказания о подвижничестве... 194, 22.  
162 - Достопамятные сказания о подвижничестве... 39.  
163 - Достопамятные сказания о подвижничестве... 106.  
164 - Луг духовный, гл. 53.  
165 - Там же, с. 225.  
166 - Там же, с. 96.  
167 - Cass. Coll. 2, с. 17–22.  
168 - Достопамятные сказания о подвижничестве... 196.  
169 - Cass. Coll. 8, с. 1.  
170 - Луг духовный, гл. 112.  
171 - Достопамятные сказания о подвижничестве... 277.  
172 - Cass. Coll. 1, с. 23.  
173 - Rosweid. Oct. P. Pp. 584, n. 19.  
174 - Ibid, n. 20.  
175 - Cass. Coll. 9, с. 5.  
176 - Rosw. p. 634, n. 20.  
177 - Достопамятные сказания о подвижничестве... 40.  
178 - Cass. Inst. L 10 с. 24.  
179 - Достопамятные сказания о подвижничестве... 134.

- 180 - Достопамятные сказания о подвижничестве... 260.
- 181 - Cass. Coll. L. 9. 3.
- 182 - Cass. Coll. 9. с. 25, 27.
- 183 - Достопамятные сказания о подвижничестве... 214, 219.
- 184 - Cass. Coll. L. 9. с. 30.
- 185 - Cass. Coll. 10, с. 2, 3.
- 186 - Достопамятные сказания о подвижничестве... 196.
- 187 - Достопамятные сказания о подвижничестве... 158.
- 188 - Достопамятные сказания о подвижничестве... 14.
- 189 - Cass. Coll. L. 6, с. 15.
- 190 - Rosw., р. 608.
- 191 - Cass. Coll. 2.
- 192 - Достопамятные сказания о подвижничестве... 265.
- 193 - Достопамятные сказания о подвижничестве... 104.
- 194 - Достопамятные сказания о подвижничестве... 156, 231.
- 195 - Rosw., р. 634.
- 196 - Достопамятные сказания о подвижничестве... 90, 91,
- 96. Cass. Coll. L. 10, с. 2, L. 18, с. 15.
- 197 - Cass. Coll. L. 3.
- 198 - Лавсаик, гл. 80.
- 199 - Достопамятные сказания о подвижничестве... 235.
- 200 - Лавсаик, гл. 21.
- 201 - Достопамятные сказания о подвижничестве... 156–162.
- Лавсаик, гл. 21, ч. II.
- 202 - Достопамятные сказания о подвижничестве... 12–27.
- 203 - Достопамятные сказания о подвижничестве... 27–35.
- 204 - Достопамятные сказания об авве Пимене, 131, 64.
- 205 - Достопамятные сказания о подвижничестве... 186–225.
- 206 - Достопамятные сказания о подвижничестве... 51–54.
- Лавсаик, гл. 101.
- 207 - Евагрий. Церковная история. Кн. 1, гл. 21.
- 208 - Исаака Сирина Сл. II. С. 62, 63.
- 209 - Лавсаик, гл. 69–72.

- 210 - Ст. 27, с. 32.
- 211 - Луг духовный, гл. 112.
- 212 - Достопамятные сказания о подвижничестве... 142.
- 213 - Достопамятные сказания о подвижничестве... 155.
- 214 - Достопамятные сказания о подвижничестве... 221.
- 215 - Достопамятные сказания о подвижничестве... 16.
- 216 - Renaudot. Hist. Patriarch. Alex., p. 122, 134.
- 217 - Ibid., p. 132.
- 218 - Луг духовный, гл. 53.
- 219 - Tillem. Т. 10, п. 5, p. 720. Сведения об Иоанне Ликопольском у Палладия в Лавсаике, гл. 39–42. Rufin. Hist. Mon., с. 1. Созомен. Церковная история. Кн. 6, гл. 28. Кн. 7, гл. 22.
- 220 - Творения Св. Отец в русском переводе, 1853 г. Ч. 1. С. 413.
- 221 - Rufin. Hist. monach., сар. 7. Палладий. Лавсаик, гл. 47. Созомен. Церковная история. Кн. 6, гл. 29. Никифор. Кн. 6, гл. 34.
- 222 - Луг духовный, гл. 182.
- 223 - Лавсаик, гл. 49–57. Rufin. Hist. mon., с. X, XV, XVI. Созомен. Кн. 6, гл. 34. Кассиод. Hist. 1, L. VIII, с. 1.
- 224 - Veter. Patr. Analecta njva. Venet. 1781, p. 122–127.
- 225 - Палладий. Лавсаик, гл. 81.
- 226 - Палладий. Лавсаик, гл. 82, 83, 84.
- 227 - Rufin. Hist. mon., с. XII. Sozom. L. VI, с. 28. Niceph. L. II, с. 34. Cassiod. Hist. Trip. L, с. 1.
- 228 - Rufin. Hist. mon., с. V. Aegypt. monach. Hist. in Eccles. graecae monument. Tom III, p. 173. Оксирих теперь почти совершенно засыпан песками. Description de l'Egypte publiee par Panekoveke. Tom IV, p. 391.
- 229 - Достопамятные сказания о подвижничестве... 47. Rosv. opp. Lib. V, с. 15, п. 13.
- 230 - Rufin. Hist. mon., с. XVI. Палладий. Лавсаик, гл. 57.
- 231 - Rufin. Hist. mon., с. XVII.

<sup>232</sup> - Древний Крокодилаполис, ныне Фигом. L'Egypte sous les Pharaon, tom 1, p. 233–327.

<sup>233</sup> - Rufin. Hist. mon., с. XVIII. Палладий. Лавсаик, гл. 67.

<sup>234</sup> - Eonap. in aedes. P. 73, 75.

<sup>235</sup> - Sulp. Sever. dial. 1, n. 2, 5, 15.

<sup>236</sup> - Cass. Coll. 11, с. 3.

<sup>237</sup> - Ptol. Geogr. 1, 4.

<sup>238</sup> - Cass. Coll. 11.

<sup>239</sup> - Cass. Coll. 15. Достопамятные сказания о подвижничестве... 177, 178.

<sup>240</sup> - Cass. Coll. 16. Достопамятные сказания о подвижничестве... с. 112–115.

<sup>241</sup> - Coll. 18, с. 1.

<sup>242</sup> - Cass. Coll. 18.

<sup>243</sup> - Cass. Coll. 19, cap. I-VI.

<sup>244</sup> - Cass. Coll. 19.

<sup>245</sup> - Coll. 24, с. VI.

<sup>246</sup> - Cass. instit. L. V. Collat. 24.

<sup>247</sup> - Cass. Coll. XXIV, с. 4. De coenob. inst. Lib. X, с. 24. Coll. III, с. 5. Collat. VII, с. 26.

<sup>248</sup> - Ruf. Hist. mon., с. XII. Sozom. L. VI, с. 28. Niceph. L. II, с. 34. Cassiod. Hist. Trip. L, с. 1.

<sup>249</sup> - Hist. Eccl. L. 1, с. 15.

<sup>250</sup> - Историк Никифор называет Исидора Пелусиота учеником святого Иоанна Златоустого, вероятно потому, что Исидор усердно изучал творения сего вселенского учителя, от чего в истолковательных письмах Исидора встречаются не только мысли, но и выражения, сходные с Златоустовыми; а может быть и потосу, что Исидор лично слышал несколько поучений и наставлений св. Иоанна или в церкви, или в домашних беседах. В сем последнем смысле и блажен. Иероним называл себя учеником св. Григория Богослова.

<sup>251</sup> - Lib. V, ep. 201.

<sup>252</sup> - Lib. IV, ep. 114, 122, 140.



253 - Lib. V, ep. 172.

254 - Lib. III, ep. 251.

255 - Lib. V, ep. 3.

256 - Lib. II, ep. 257.

257 - Lib. IV. Ep. 70

258 - Hieron vita Hilarionю Что Исидор жил не в саморм городе Пелузии, видно из письма его к Евсевию, Пелузийскому Епископу (Lib. I, ep. 39), где Исидор пишет: ты строил, как сказывают, церковь в Пелузии.

259 - Hieron. vita Hilar.

260 - Евагр. Церковн. Истор. Кн. I. гл. 15. Спб. 1853.

261 - Lib. I, ep. 216, 475.

262 - Lib. I, ep. 402.

263 - В письме к Теразию Исидор называет себя учителем Церкви, поставленным от самого Бога (Lib. I, ep. 388). Архимандриту Луке он пишет, что если он будет держаться ереси Манеса, то никто из его монастыря (ημετέρας μονδρας) не разделит с ним трапезы (Lib. I, ep. 52). В письме Дидиму пишет, что клеветников он будет отлучать от общества (Lib. II, ep. 182). Все это показывает, что он был настоятель монастыря. Никифор называет его Предстоятелем (καθηγησάρχης) горы Пелузийской. У древних писателей он называется пресвитером и настоятелем (Sermondus ad. facundi. trium. cap. definsi. Lib. II, c. 4, opp. vol. 11, p. 458. Var. part. epp. edita a Christiano fupo. Cap. VI, p. 22). Правда, что в письме 121-м кн. 1-й Исидор упоминает о настоятеле монастыря Пелузийского, отличном от него, но это было, вероятно, в то время, как Исидор от гонений удалился в пустыню, или писал это письмо тогда, как сам не был в обители.

264 - Lib. I, ep. 220.

265 - Lib. I, ep. 262, Lib. II, ep. 182.

266 - Lib. I, ep. 220.

267 - Достопамятные сказания о подвижничестве... 230, 11. Хотя Пресвитер Пелузийский и не назван по имени, но, соображая современность пребывания Пимена в Нижнем Египте

с настоятельством в монастыре Пелузийском преп. Исидора: и то, что он в письмах своих восставал против указанных здесь обычаев, и принимая во внимание, что сей Пресвитер, по-видимому, пользовался великим уважением, можем признать вероятным, что это был Исидор.

268 - Lib. I, ep. 419.

269 - Lib. V, ep. 21.

270 - Lib. III, ep. 408.

271 - Lib. I, ep. 28, 29. Лекен называет Евсевия еретиком.

Oriens christ. T. II, p. 533.

272 - Lib. I, ep. 177.

273 - Lib. II, ep. 246.

274 - Lib. I, ep. 121.

275 - Lib. III, ep. 30, 177, 331.

276 - Lib. II, ep. 37, 127.

277 - Lib. V, ep. 272.

278 - Lib. I, ep. 49, 298.

279 - Lib. I, ep. 41, 173, 314.

280 - Lib. I, ep. 498.

281 - Lib. I, ep. 174.

282 - Lib. I, ep. 487, 490.

283 - Lib. I, ep. 275.

284 - Lib. I, ep. 35.

285 - Lib. I, ep. 36.

286 - Lib. I, ep. 174.

287 - Lib. I, ep. 175.

288 - Lib. I, ep. 178

289 - Lib. I, ep. 226.

290 - Lib. I, ep. 483, 484, 485, 486, 487, 489, 490.

291 - Lib. I, ep. 31.

292 - Lib. III, ep. 194, 365. Lib. V, ep. 40.

293 - Lib. I, ep. 152.

294 - Lib. I, ep. 370.

- 295 - Lib. 4, ep. 224.  
296 - Lib. I, ep. 150.  
297 - Lib. V, ep. 32.  
298 - Lib. I, ep. 323.  
299 - Lib. I, ep. 311.  
300 - Lib. I, ep. 162.  
301 - Lib. III, ep. 168.  
302 - Lib. I, ep. 422. Lib. III, ep. 51, 6, 8, 149, 354, 355, 51, 33,  
4, 3.  
303 - Lib. I, ep. 67, 138, 242, 245, 409, 500. Lib. III, ep. 149.  
304 - Lib. I, ep. 52, 102, 133, 245, 371, 413.  
305 - Lib. I, ep. 100, 338, 339.  
306 - Lib. III, ep. 397.  
307 - Lib. V, ep. 237.  
308 - Lib. I, ep. 67.  
309 - Lib. V, ep. 251.  
310 - Lib. II, ep. 21. Lib. V, ep. 358, 379, 466.  
311 - Lib. III, ep. 23.  
312 - Lib. I, ep. 175.  
313 - Lib. I, ep. 435.  
314 - Lib. III, ep. 229.  
315 - Lib. V, ep. 569.  
316 - Lib. III, ep. 273.  
317 - Lib. III, ep. 366.  
318 - Lib. V, ep. 131.  
319 - Lib. V, ep. 223.  
320 - Lib. V, ep. 398.  
321 - Lib. III, ep. 280.  
322 - Lib. I, ep. 10.  
323 - Lib. II, ep. 286.  
324 - Lib. II, ep. 240.  
325 - Lib. III, ep. 216.  
326 - Lib. I, ep. 149.

- 327 - Lib. III, ep. 15.
- 328 - Lib. I, ep. 32.
- 329 - Lib. III, ep. 354.
- 330 - Lib. I, ep. 319.
- 331 - Lib. II, ep. 130.
- 332 - Lib. II, ep. 235. 251, 275.
- 333 - Lib. I, ep. 1.
- 334 - Lib. I, ep. 5.
- 335 - Lib. I, ep. 278.
- 336 - Lib. I, ep. 129.
- 337 - Lib. I, ep. 92.
- 338 - Lib. I, ep. 427.
- 339 - Lib. I, ep. 25.
- 340 - Lib. I, ep. 130.
- 341 - Lib. I, ep. 468.
- 342 - Lib. I, ep. 15.
- 343 - Lib. I, ep. 14.
- 344 - Lib. I, ep. 63.
- 345 - Lib. I, ep. 173.
- 346 - Lib. I, ep. 260.
- 347 - Lib. I, ep. 258.
- 348 - Lib. I, ep. 13.
- 349 - Lib. III, ep. 228.
- 350 - H. E. Lib. I, ep. 15.
- 351 - Lib. I, ep. 176, 489.
- 352 - Lib. I, ep. 310.
- 353 - Lib. I, ep. 419.
- 354 - Lib. I, ep. 498.
- 355 - Lib. I, ep. 192.
- 356 - Lib. I, ep. 323.
- 357 - Lib. I, ep. 403.
- 358 - Maxima Bibl. VV. PP. Tom. IX, p. 681–683.
- 359 - Lib. V, ep. 468.

<sup>360</sup> - Lib. III, ep. 311.

<sup>361</sup> - Lib. I, ep. 224.

<sup>362</sup> - Lib. I, ep. 52.

<sup>363</sup> - Phot. Bibl. cod. 232. Память Преподобного Исидора Пелусиота празднуется Церковью 4 февраля.

<sup>364</sup> - Hist. Eccl. L. I. c. 15.

<sup>365</sup> - Полное собрание писем Исидора состоит из пяти книг. В первой книге содержится 500 писем, во второй 300, в третьей 413, в четвертой 230, в пятой 569. Три известных издания полного собрания писем Исидора Пелусиота: Парижское 1638 г., Римское 1670 г., Венецианское 1745 г. Мы пользовались первым изданием. Из помещенных здесь писем Исидора некоторые разделены на два; напр. Lib. IV. ep. 206 и 207 и Lib. I. ep. 271 и 272. Некоторые приводятся по два раза; так, Lib. V. ep. 239 и Lib. VI. ep. 56 одно и то же письмо. То же должно сказать о письмах Lib. V. ep. 91 и Lib. IV. ep. 147; Lib. V. ep. 138 и Lib. IV. ep. 190; Lib. V. ep. 43 и Lib. IV. ep. 199; Lib. V. ep. 139 и Lib. IV. ep. 122; Lib. V. ep. 187 и Lib. IV. ep. 124; Lib. V. ep. 324 и Lib. I. ep. 233; Lib. V. ep. 116 и Lib. II. ep. 162; Lib. V. ep. 24 и 567; Lib. V. ep. 374 и Lib. II. ep. 116; Lib. II. ep. I и 39; Lib. I. ep. 29 и Lib. IV. ep. 188; Lib. I. ep. 303 и ep. 271 и 272; Lib. IV. ep. 180 и Lib. II. ep. 185; Lib. I. ep. 4 и Lib. IV. ep. 195; Lib. V. ep. 221 и Lib. III. ep. 203. Все эти письма или буквально сходны между собою, или не многим различаются. Посему число писем Исидора, дошедших до нас, сокращается до 1997.

<sup>366</sup> - Varia Patr. Epist. per. Christ. Lupum Ispens. editae Lovanii 1682. cap. VI. p. 22. «Has omnes beati Isidori, presbyteri et abbatis Pelusiotae excepsi et transtuli ex epistolis ejus duobus millibus, quae sunt per quingentinae distributiae in Acoemetensis monasterii codicibus quatuor. Cp.: Balusii Nova Collect. Consil. T. I. p. 693.

<sup>367</sup> - Isidorus presbyter Aegyptius Pelusiota. quem duo millia epistolarum ad edificationem Ecclesiae multi scripsisse noverunt. Sirmond. op. Tom. II. p. 336.

<sup>368</sup> - Svida sub voce Ἰσιδωρος.

<sup>369</sup> - Hist. Eccl. Lib. XV. c. 53.

<sup>370</sup> - Lib. II. ep. 137.

371 - Lib. II. ep. 228.

372 - Lib. II. ep. 253.

373 - Lib. II. ep. 154.

374 - Lib. IV. ep. 163.

375 - Упоминаемые Евагрием сочинения Исидора Пелусиота у Кириллу без сомнения означают письма его. Гардт в своем каталоге рукописей Баварской библиотеки указывает на неизданное сочинение Исидора Ἰσιδώρου του Πηλουσιώιου ἐροτήσεις καὶ ἀποκρίσεις. Но это вероятно извлечения из писем Исидора.

376 - Lib. V. ep. 133. Фотий называет образцовыми письма Исидора, о котором он отзывается так: ἡμετέρας αὐλῆς Μούσα Ἰσίδωρος, ὡς ὥσπερ λόγων οὕτω δέ καὶ ἱερατικῆς καὶ ἀσκητικῆς πολιτείας κανὼν ἐστὶ χρηματίζειν ἀξιόχρεως. Ep. 207 ad Ampiloch.

377 - Lib. II. ep. 146.

378 - Lib. II. ep. 92. Lib. IV. ep. 194.

379 - Lib. IV. ep. 207.

380 - Lib. I. ep. 54.

381 - Lib. IV. ep. 125.

382 - Lib. II. ep. 146.

383 - Lib. II. ep. 3. Lib. III. ep. 37.

384 - Lib. IV. ep. 127. Lib. V. ep. 28.

385 - Lib. IV. ep. 91.

386 - Lib. II. ep. 46.

387 - Lib. IV. ep. 30.

388 - Lib. I. ep. 270.

389 - Lib. IV. ep. 76, 27.

390 - Lib. III. ep. 154.

391 - Lib. IV. ep. 225. Lib. II. ep. 111. Lib. III. ep. 19.

392 - Lib. III. ep. 34.

393 - Lib. I. ep. 141.

394 - Lib. I. ep. 18.

395 - Из канонических книг Ветхого Завета не встречается в письмах Исидора мест из книги Руфь, Пророков Наума и

Софронии. Из книг Нового Завета не встречается указаний на Послание Ап. Павла к Филимону и на три послания Иоанна Богослова.

<sup>396</sup> - Lib. I. ep. 125. Из письма к Григорию Епископу видно, что Григорий жил в стране, отдаленной от обители Исидора, и пользовался великою славой.

<sup>397</sup> - Lib. III. ep. 106.

<sup>398</sup> - Lib. I. ep. 107, 458.

<sup>399</sup> - Lib. I. ep. 146.

<sup>400</sup> - Lib. I. ep. 374.

<sup>401</sup> - Lib. I. ep. 146. Lib. II. ep. 133.

<sup>402</sup> - Lib. I. ep. 494. Lib. III. ep. 53.

<sup>403</sup> - Lib. I. ep. 445. Lib. IV. ep. 11.

<sup>404</sup> - Lib. 4. ep. 203.

<sup>405</sup> - Lib. II. ep. 133.

<sup>406</sup> - Lib. IV. ep. 133.

<sup>407</sup> - Lib. I. ep. 458.

<sup>408</sup> - Lib. II. ep. 243. Lib. III. ep. 254. Lib. IV. ep. 209.

<sup>409</sup> - Lib. I. ep. 401, 494. Lib. IV. ep. 157.

<sup>410</sup> - Lib. III. ep. 53.

<sup>411</sup> - Lib. I. ep. 257.

<sup>412</sup> - Lib. I. ep. 126. Lib. I. ep. 467.

<sup>413</sup> - Lib. II. ep. 299.

<sup>414</sup> - Lib. IV. ep. 114.

<sup>415</sup> - Lib. I. ep. 360.

<sup>416</sup> - Lib. II. ep. 106.

<sup>417</sup> - Lib. II. ep. 299.

<sup>418</sup> - Lib. II. ep. 135.

<sup>419</sup> - Lib. V. ep. 376.

<sup>420</sup> - Lib. V. ep. 257.

<sup>421</sup> - Lib. IV. ep. 133.

<sup>422</sup> - Lib. I. ep. 304.

<sup>423</sup> - Lib. I. ep. 24.

- 424 - Lib. IV. ep. 82.  
425 - Lib. IV. ep. 33.  
426 - Lib. III. ep. 292.  
427 - Lib. III. ep. 136.  
428 - Lib. IV. ep. 99 и Lib. I. ep. 51.  
429 - Lib. II. ep. 195.  
430 - Lib. II. ep. 63.  
431 - Lib. IV. ep. 203.  
432 - Lib. IV. ep. 176.  
433 - Lib. III. ep. 95.  
434 - Lib. IV. ep. 40.  
435 - Lib. II. ep. 270.  
436 - Lib. I. ep. 175. ср. Lib. IV. ep. 137. 228.  
437 - L. I. ep. 33.  
438 - Lib. I. ep. 68.  
439 - Lib. III. ep. 410.  
440 - Lib. I. ep. 4221.  
441 - Lib. IV. ep. 107.  
442 - Lib. IV. ep. 142.  
443 - Lib. I. ep. 117.  
444 - Lib. III. ep. 334.  
445 - Lib. IV. ep. 15.  
446 - Lib. IV. ep. 204. 141.  
447 - Lib. III. ep. 162. Lib. IV. ep. 124. Lib. III. ep. 195. διά τήν παραβασιν του Αδαμ δια δοθεντα τή φύσει ρυπόν.  
448 - Lib. I. ep. 100.  
449 - Lib. IV. ep. 101.  
450 - Lib. II. ep. 2. Lib. IV. ep. 53.  
451 - Lib. IV. ep. 53. 54. Lib. II. ep. 72.  
452 - Lib. III. ep. 107.  
453 - Lib. IV. ep. 61.  
454 - Lib. IV. ep. 146.  
455 - Lib. III. ep. 329.



- 456 - Lib. IV. ep. 100.
- 457 - Lib. IV. ep. 64.
- 458 - Lib. IV. ep. 10.
- 459 - Lib. III. ep. 123. О предложении хлеба в таинстве Евхаристии Исидор выражается так: ἐπί τῆς τραπεζῆς τῆς μυστικῆς τὸν ἀρτὸν κοινὸν σῶμα ἰδικόν τῆς αὐτοῦ σαρκώσεως ἀποφαίνον (το πνεῦμα παναντίοον). Lib. I. ep. 109.
- 460 - Lib. IV. ep. 54.
- 461 - Lib. III. ep. 271.
- 462 - Lib. II. ep. 70.
- 463 - Lib. II. ep. 175.
- 464 - Lib. II. ep. 129.
- 465 - Lib. IV. ep. 32. Lib. V. ep. 367.
- 466 - Lib. I. ep. 55. Lib. II. ep. 5.
- 467 - Lib. I. ep. 122.
- 468 - Lib. I. ep. 123.
- 469 - Lib. I. ep. 136.
- 470 - Lib. I. ep. 90.
- 471 - Lib. II. ep. 150. Об этом упоминает и Златоуст. Hom. XIX ad pop. Antioch.
- 472 - Достопамятные сказания о подвижничестве... 119.
- 473 - Surii vitae Sanctorum M. Jannarius p. 15.
- 474 - Ст. 26. 12.
- 475 - Луг духовный, гл. 115.
- 476 - Там же, гл. 54.
- 477 - Луг духовный, гл. 150. 151.
- 478 - Renaudot. Hist. Patvn. Alex. p. 191.
- 479 - Els
- 480 - Cass, de coenob. inst. Lib. X. c. 22. Collat. XVII. c. VII.
- 481 - Sozom. His. Ecel. I., VI. c. 28. Палладий. Лавсаик. 21.
- 67.
- 482 - Палладий. Лавсаик, гл. 52.
- 483 - Феодорит. Церковная история. Кн. IV, гл. 15. Созомен. Кн. VI, 33. 34.

- 484 - Boll vita Pach. n. 18.
- 485 - Кир. Алекс. Послание к епископам в Ливии и Кентаполе.
- 486 - Basil. Lib. IV. Titul. I. Lex. XVIII.
- 487 - Codex. Theod. Tom. VI. Lib. XVI. Lex. XXXII.
- 488 - Апол. Св. Афан. к Императору.
- 489 - Феодорит. Церковная история, IV, 22.
- 490 - Карф. 140.
- 491 - Прав. 18.
- 492 - Imper. Leonis novella 6.
- 493 - Basil. Lib. 4 tit. 1. Cap. 12.
- 494 - 4-го Всел. Соб. Прав. 4.
- 495 - Imper. Valenti nov. 12.
- 496 - Iustin. nov. 5, cap. 2. Photii Nomoc. tit. 1. Ep. 36.
- 497 - Прав. 5.
- 498 - Basil. Lib. 4. tit. 1. C. 3. Photii Nomoc. tit. 9. cap. 32.
- 499 - 6-го Всел. Соб. Прав. 41.
- 500 - Прав. 2.
- 501 - Прав. 45.
- 502 - 6-го Всел. Соб. Прав. 46.
- 503 - Прав. 3,4 Двукратного Собора.
- 504 - 7-го Всел. Соб. Прав. 21.
- 505 - Codex. Theod. Lib. I6. tit. 3, p. 106, 108.
- 506 - 6-го Всел. Соб. Прав. 24.
- 507 - 4-го Всел. Соб. Прав. 7.
- 508 - Iustin. Lib. V, tit. 3. Const. 28, 42, 46, 49. Basil. Lib. V, tit.
- 3.
- 509 - Iustin. nov. 123, c. 5, Leon. Phil. nov. 68, 86.
- 510 - Прав. 16.
- 511 - Прав. 20.
- 512 - Пос. Иерем. гл. 3, 28.
- 513 - 7-го Всел. Соб. Прав. 19. Beast. zynt. Alph. P. 394, 395, in Pond. Can Tom. 2.

- 514 - 4-го Всел. Соб. Прав. 4. 6-го Всел. Соб. Прав. 49ю 7-го Всел. Соб. Прав. 17.
- 515 - Iustin. nov. 5, с. 4, nov. 131, с. 7, nov. 123, с. 21.
- 516 - Leunclav. Iust. Rom. Lib. III, p. 235–237.
- 517 - Leonis et Constant. Ecloga tit. 3 § 10 apud Leunclav.
- 518 - Basil. Lib. III tit. 1 cap. 33. Lib. V, tit.1, с. 7, tit. 3, с. 8, 9.
- 519 - Прав. 24.
- 520 - Прав. 49.
- 521 - 7-го Всел. Соб. Прав. 12.
- 522 - Тураев Б.А. Египетские церковные впечатления // Сообщения Православного Палестинского Общества (СППО), 1910, т. XXI, вып. 2. С. 189.
- 523 - Цит. по: Повесть временных лет. Ч. VI. М., Л. 1950. С. 354.
- 524 - Леонид (Кавелин), архим. Хождение архимандрита Агрефения обители Пресвятыя Богородицы около 1370 г. // Православный Палестинский сборник, т. 16, вып. 48, Спб., 1896.
- 525 - Эта тема заслуживает особого рассмотрения (авт.).
- 526 - ЧОИДР, 1873, кн. 3, отд. V.
- 527 - Там же.
- 528 - Путешествие ко Святым местам, находящимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820–1821 гг. села Павлова жителем Кириллом Бронниковым. М. 1824.
- 529 - Муравьев А.Н. Путешествие ко Святым местам в 1830 году. Ч. I-II. Спб. 1840.
- 530 - Норов А.С. Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 гг. Ч. I-II. Изд-е 2-е. Спб. 1853.
- 531 - Газета «Православный Санкт-Петербург», № 8 (86), 1999, с. 2.
- 532 - Норов А.С. Путешествие по Египту... Ч. II. С. 284.
- 533 - Норов А.С. Путешествие по Египту... Ч. II. С. 283.
- 534 - Там же. С. 282–283.
- 535 - Там же. С. 288.
- 536 - Там же. С. 289.

- 537 - Там же. С. 288–289.
- 538 - Андреевский В. Египет. Описание путешествия в 1880–1881 году. Спб., 1884. С. 94–95.
- 539 - Там же. С. 95.
- 540 - Картавцов Е.Э. По Египту и Палестине. Спб., 1892. С. 152–153.
- 541 - Там же. С. 153.
- 542 - Там же. С. 153.
- 543 - Феодора, игуменья. Паломничество горненских насельниц к святыням Египта // Журнал Московской Патриархии, № 7, 1985. С. 17.
- 544 - Там же. С. 17.
- 545 - Путь нам иеромонахам Макарию и Селиверсту из монастыря Всемилоственного Спаса Новгородка Северского до Святого града Иерусалима поклониться Гробу Господню 1704 г. // ЧОИДР, 1873, кн. 3, отд. V.
- 546 - Там же. С. 7.
- 547 - Порфирий (Успенский), архим. Путешествие по Египту и в монастыри святого Антония Великого и преподобного Павла Фивейского в 1850 году. Спб. 1856. С. 69–70.
- 548 - Там же. С. 70.
- 549 - Порфирий (Успенский), архим. Путешествие по Египту... С. 71.
- 550 - Там же. С. 75.
- 551 - Там же. С. 77.
- 552 - Там же. С. 81–82.
- 553 - Тураев Б.А. Египетские церковные впечатления... Вып. 1. С. 71.
- 554 - Там же. С. 72.
- 555 - Там же. С. 73–76.
- 556 - Порфирий (Успенский), архим. Путешествие по Египту... С. 76.
- 557 - Цит. по: Ходжаш С.И. Каир. Изд. 2. М. 1975, С. 85.
- 558 - Норов А.С. Путешествие по Египту... Ч. II. С. 167.

- 559 - Норов А.С. Путешествие по Египту... Ч. II. С. 168.
- 560 - Ходжаш С.И. Каир... С. 86.
- 561 - Норов А.С. Путешествие по Египту... Ч. II. С. 168.
- 562 - Ходжаш С.И. Каир... С. 85.
- 563 - Тураев Б.А. Египетские церковные впечатления... Вып. 2. С. 195.
- 564 - Полное собрание русских летописей. Т. 3. Спб. 1846, С. 159.
- 565 - Лопарев Х.М. Хождение купца Василия Позднякова по святым местам Востока // Православный Палестинский Сборник, т. 6, вып. 3, Спб. 1887.
- 566 - Там же. С. 15.
- 567 - ЧОИДР, 1873, кн. 3, отд. V. С. 8.
- 568 - Путешествие из Константинополя в Иерусалим... С. 44.
- 569 - Порфирий (Успенский), архим. Путешествие по Египту... С. 92.
- 570 - Долгов С.О. Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлевича Гагары, 1634–1637 гг. // Православный Палестинский Сборник, т. II, вып. 3. Спб. 1891. С. 17, 19.
- 571 - Долгов С.О. Житие и хождение в Иерусалим и Египет... С. 18.
- 572 - Норов А.С. Путешествие по Египту... Ч. II. С. 168.
- 573 - Там же. С. 168–169.
- 574 - Ходжаш С.И. Каир. Изд. 2. М. 1975. С. 93.
- 575 - Там же. С. 93.
- 576 - Норов А.С. Путешествие по Египту... Ч. II. С. 169.
- 577 - Феодора, игумена. Паломничество горненских насельниц к святыням Египта... С. 17.
- 578 - Норов А.С. Путешествие по Египту... Ч. II. С. 169.
- 579 - Порфирий (Успенский), архим. Путешествие по Египту... С. 92.
- 580 - Там же. С. 92.
- 581 - Путь нам иеромонахам Макарию и Селиверсту... С. 8.

- 582 - Норов А.С. Путешествие по Египту... Ч. II. С. 170.
- 583 - Там же. С. 170.
- 584 - Там же. С. 171.
- 585 - Порфирий (Успенский), архим. Путешествие по Египту... С. 83.
- 586 - Там же. С. 84.
- 587 - Порфирий (Успенский), архим. Путешествие по Египту... С. 87.
- 588 - Там же. С. 88.
- 589 - Там же. С. 88.
- 590 - Там же. С. 88.
- 591 - Там же. С. 91.
- 592 - Тураев Б.А. Египетские церковные впечатления... Вып. 1. С. 73.
- 593 - Феодора, игуменья. Паломничество горненских насельниц к святыням Египта... С. 18.
- 594 - Соловьев Петр, свящ. Русский исповедник в Каире // Странник, 1866, июль. С. 5.
- 595 - Порфирий (Успенский), архим. Путешествие по Египту... С. 89–90.
- 596 - Соловьев Петр, свящ. Русский исповедник... С. 5.
- 597 - Е-в И. В Каире у коптов // Христианское чтение, 1898, январь. С. 123.
- 598 - Соловьев Петр, свящ. Русский исповедник... С. 6.
- 599 - Вестник Европы, 1895, кн. 12. С. 480.
- 600 - Ходжаш С.И. Каир. Изд. 2. М. 1975. С. 94.
- 601 - Вестник Европы, 1895, кн. 12. С. 480.
- 602 - Там же. С. 481.
- 603 - Ходжаш С.И. Каир... С. 94–98.
- 604 - Благовест-инфо, 19 сентября 1996 г., Москва.
- 605 - Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего... Т. VI. Спб. 1895. С. 396.
- 606 - Там же. С. 432.
- 607 - Там же. С. 432.

- 608 - Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего... Т. VI.  
С. 433.
- 609 - Там же. С. 433.
- 610 - Там же. С. 432–433.
- 611 - Там же. С. 433.
- 612 - Там же. С. 434.
- 613 - Норов А.С. Путешествие по Египту... Ч. VI. С. 377.
- 614 - Там же. С. 7–8.
- 615 - Норов А.С. Путешествие по Египту... Ч. VI. С. 6–7.
- 616 - Там же. С. 377.
- 617 - Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего... Т. VI.  
С. 435.
- 618 - Там же. С. 434.
- 619 - Там же. С. 435.
- 620 - Там же. С. 435.
- 621 - Норов А.С. Путешествие по Египту... Ч. VI. С. 376.
- 622 - Там же. С. 378.
- 623 - Порфирий (Успенский), архим. Путешествие по Египту...  
С. 118.
- 624 - Там же. С. 119.
- 625 - Там же. С. 122.
- 626 - Там же. С. 145.
- 627 - Там же. С. 146–147.
- 628 - Порфирий (Успенский), архим. Путешествие по Египту...  
С. 152.
- 629 - Там же. С. 157.
- 630 - Там же. С. 161.
- 631 - Там же. С. 162.
- 632 - Там же. С. 165.
- 633 - Там же. С. 168.
- 634 - Там же. С. 170.
- 635 - Там же. С. 171.
- 636 - Там же. С. 174.

- 637 - Там же. С. 175.  
638 - Там же. С. 177.  
639 - Порфирий (Успенский), архим. Путешествие по Египту...  
С. 180.  
640 - Там же. С. 182.  
641 - Там же. С. 183.  
642 - Порфирий (Успенский), архим. Путешествие по Египту...  
С. 185–187.  
643 - Там же. С. 188–196 (описание чинопоследования литургии).  
644 - Там же. С. 196–197.  
645 - Там же. С. 198.  
646 - Там же. С. 199.  
647 - Порфирий (Успенский), архим. Путешествие по Египту...  
С. 199.  
648 - Там же. С. 200.  
649 - Там же. С. 202.  
650 - См.: Журнал Московской Патриархии, 1985, № 7. С. 18.  
651 - Порфирий (Успенский), архим. Путешествие по Египту...  
С. 202.  
652 - Там же. С. 202–203.  
653 - Порфирий (Успенский), архим. Путешествие по Египту...  
С. 203–204.  
654 - Там же. С. 213–214.  
655 - Там же. С. 215–218.  
656 - Там же. С. 219.  
657 - Порфирий (Успенский), архим. Путешествие по Египту...  
С. 219–220.  
658 - Там же. С. 220.  
659 - Там же. С. 220–221.  
660 - Там же. С. 221.  
661 - Там же. С. 221–222.  
662 - Там же. С. 222.  
663 - Там же. С. 222.



- 664 - Порфирий (Успенский), архим. Путешествие по Египту... С. 223–224. (Блаж. Иероним. Жизнь св. Илариона, гл. 24–26).
- 665 - Саломон А. Коптский реформатор XII века // Вестник Европы, 1895, кн. 12. С. 471.
- 666 - Там же. С. 482.
- 667 - Шпажников Г.А. Религии стран Западной Азии. М. 1976. С. 41.
- 668 - Саломон А. Коптский реформатор... С. 490.
- 669 - Там же. С. 497.
- 670 - Там же. С. 497.
- 671 - Там же. С. 499.
- 672 - Порфирий (Успенский), архим. Путешествие по Египту... С. 228.
- 673 - Порфирий (Успенский), архим. Путешествие по Египту... С. 228.
- 674 - Согласно коптской традиции (а. А.).
- 675 - Феодора, игумения. Паломничество горненских насельниц... С. 18.
- 676 - Норов А.С. Путешествие по Египту... Ч. VI. С. 378.
- 677 - Порфирий (Успенский), архим. Путешествие по Египту... С. 232.
- 678 - Там же. С. 232.
- 679 - Там же. С. 234–235.
- 680 - Феодора, игумения. Паломничество горненских насельниц... С. 18.
- 681 - Порфирий (Успенский), архим. Путешествие по Египту... С. 235.
- 682 - Там же. С. 235–236.
- 683 - Там же. С. 237.
- 684 - Там же. С. 239.
- 685 - Порфирий (Успенский), архим. Путешествие по Египту... С. 240.
- 686 - Там же. С. 241–242.
- 687 - Там же. С. 241–242.

- 688 - Там же. С. 244.
- 689 - Порфирий (Успенский), архим. Путешествие по Египту... С. 249.
- 690 - Там же. С. 251.
- 691 - Там же. С. 256–257.
- 692 - Там же. С. 257–258.
- 693 - Там же. С. 259.
- 694 - Там же. С. 261.
- 695 - Феодора, игумена. Паломничество горненских насельниц... С. 18.
- 696 - Норов А.С. Путешествие по Египту... Ч. VI. С. 10–11.
- 697 - Там же. С. 11–12.
- 698 - Там же. С. 12.
- 699 - Там же. С. 12–13.
- 700 - Норов А.С. Путешествие по Египту... Ч. VI. С. 367–368.
- 701 - Там же. С. 370.
- 702 - Там же. С. 370–372.
- 703 - Там же. С. 372.
- 704 - Там же. С. 373.
- 705 - Там же. С. 374.
- 706 - Норов А.С. Путешествие по Египту... Ч. VI. С. 376.
- 707 - Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего... Т. VI. С. 404.
- 708 - Там же. С. 405.
- 709 - Там же. С. 405.
- 710 - Андреевский В. Египет... С. 305.
- 711 - Газета «Русская мысль», № 4185. 31. 7–6. 8. 1997. С. 4.
- 712 - Норов А.С. Путешествие по Египту... Ч. VI. С. 373.
- 713 - Е-в И. В Каире у коптов // Христианское чтение, 1898, январь. С. 123.
- 714 - См.: «Русская мысль», № 4190, 52, 9.–1. 10. 1997. С. 5.
- 715 - Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего... Т. VI. С. 431.

- 716 - Там же. С. 431.
- 717 - Норов А.С. Путешествие по Египту... Т. VI. С. 15.
- 718 - Там же. С. 15–16.
- 719 - Там же. С. 26.
- 720 - Норов А.С. Путешествие по Египту... Ч. VI. С. 26.
- 721 - Там же. С. 27–28.
- 722 - Там же. С. 32.
- 723 - Там же. С. 34.
- 724 - Норов А.С. Путешествие по Египту... Ч. VI. С. 35.
- 725 - Там же. С. 35.
- 726 - Там же. Ч. II. С. 287.
- 727 - Там же. Ч. VI. С. 32.
- 728 - Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего... Т. VI. С. 429.
- 729 - Там же. С. 430.
- 730 - Там же. С. 430.
- 731 - Бок В.Г. Материалы по археологии христианского Египта. Спб. 1901. С. 41.
- 732 - Там же. С. 42.
- 733 - Там же. С. 41.
- 734 - Там же. С. 42.
- 735 - Бок В.Г. Материалы... С. 42–43.
- 736 - Норов А.С. Путешествие по Египту... Ч. VI. С. 39.
- 737 - Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего... Т. VI. С. 426.
- 738 - Норов А.С. Путешествие по Египту... Ч. VI. С. 39.
- 739 - Бок В.Г. Материалы... Ч. VI. Таблицы. Спб. 1901, таблицы №№ XVII-XXVIII.
- 740 - Там же, таблицы №№ III-XVI.
- 741 - Жебелев С.А. Памяти В.Г. Бока // Записки имп. Русского Археологического Общества, т. X, новая серия, вып. 3–4. Спб. 1899.
- 742 - Бок В.Г. Материалы... С. 43.
- 743 - Бок В.Г. Материалы... С. 61.

- 744 - Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего... Т. VI. С. 425.
- 745 - Там же. С. 425.
- 746 - Бок В.Г. Материалы... С. 61–67.
- 747 - Там же. С. 62.
- 748 - Там же. С. 67.
- 749 - Письма Владимира Сергеевича Соловьева. Т. VI. Спб. 1909. С. 17.
- 750 - Там же. С. 18. (от 25 ноября 1875 г.)
- 751 - Там же. С. 19. (от 27 ноября 1875 г.)
- 752 - Андреевский В. Египет... С. 462.
- 753 - Норов А.С. Путешествие по Египту... Ч. VI. С. 52.
- 754 - Там же. С. 53.
- 755 - Тураев Б.А. Египетские церковные впечатления... Вып. 2. С. 198.
- 756 - Норов А.С. Путешествие по Египту... Ч. VI. С. 58.
- 757 - Там же. С. 63.
- 758 - Норов А.С. Путешествие по Египту... Ч. VI. С. 342.
- 759 - Там же. С. 343.
- 760 - Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего... Т. VI. С. 411.
- 761 - Там же. С. 412.
- 762 - Там же. С. 415.
- 763 - Там же. С. 412.
- 764 - Там же. С. 413.
- 765 - Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего... Ч. VI. С. 412–413.
- 766 - Там же. С. 413.
- 767 - Тураев Б.А. Египетские церковные впечатления... Вып. 2. С. 197.
- 768 - Картавцов Е.Э. По Египту... С. 88.
- 769 - Там же. С. 88.
- 770 - Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего... Т. VI. С. 409.

- 771 - Там же. С. 410.
- 772 - Там же. С. 409.
- 773 - Бок В. Г. Материалы... С. 71. (Описание монастыря – с. 71–78).
- 774 - Там же, ч. VI., таблица XXX.
- 775 - Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего... Т. VI. С. 410.
- 776 - Там же. С. 410.
- 777 - Бок В. Г. Материалы... таблицы XXXI–XXXII.
- 778 - Монастырь св. Симеона в Верхнем Египте // Сообщения Православного Палестинского Общества, 1894, август. С. 457–459.
- 779 - Тураев Б. А. Египетские церковные впечатления... Вып. 2. С. 199.
- 780 - Тураев Б. А. Египетские церковные впечатления... Вып. 1. С. 77.
- 781 - Норов А. С. Путешествие по Египту... Ч. VI. С. 156.
- 782 - Там же. С. 160.
- 783 - Там же. С. 163–164.
- 784 - Там же. С. 164.
- 785 - Норов А. С. Путешествие по Египту... Ч. VI. С. 171–172.
- 786 - Там же. С. 172.
- 787 - Там же. С. 172.
- 788 - Там же. С. 179.
- 789 - Норов А. С. Путешествие по Египту... Ч. VI. С. 185.
- 790 - Сенковский О. И. Отрывки из путешествия по Египту, Нубии и Верхней Эфиопии (1820–1821 гг.) // Собрание сочинений. Т. 1. Спб. 1852. С. 29.
- 791 - Там же. С. 30.
- 792 - Норов А. С. Путешествие по Египту... Ч. VI. С. 187.
- 793 - Сенковский О. И. Отрывки... Т. 1. С. 39.
- 794 - Сенковский О. И. Отрывки... Т. 1. С. 57.
- 795 - Норов А. С. Путешествие по Египту... Ч. VI. С. 199.
- 796 - Там же. С. 204.

- 797 - Там же. С. 205.  
798 - Там же. С. 207.  
799 - Там же. С. 212.  
800 - Там же. С. 212.  
801 - Там же. С. 219.  
802 - Норов А.С. Путешествие по Египту... Ч. VI. С. 222.  
803 - Там же. С. 223.  
804 - Там же. С. 223–224.  
805 - Норов А.С. Путешествие по Египту... Ч. VI. С. 225.  
806 - Сенковский О.И. Отрывки... С. 54–55.  
807 - Норов А.С. Путешествие по Египту... Ч. VI. С. 90.  
808 - Там же. С. 90–91.  
809 - Там же. С. 91.  
810 - Там же. С. 91.  
811 - Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего... Т. VI. С. 435.  
812 - Там же. С. 450.  
813 - Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего... Т. VI. С. 453–454.  
814 - Там же. С. 454–475.  
815 - Там же. С. 475.  
816 - Там же. С. 477.  
817 - Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего... Т. VI. С. 477.  
818 - Там же. С. 479.  
819 - Там же. С. 479–480.  
820 - Там же. С. 482.  
821 - Там же. С. 482.  
822 - Демина Е. Возрождение монашества в Египте // Вестник РХД, № 133, 1981. С. 39.  
823 - Там же. С. 41.  
824 - Журнал Московской Патриархии, 1976, № 4. С. 67.  
825 - Демина Е. Возрождение монашества... С. 38.

- 826 - Демина Е. Возрождение монашества... С. 41.
- 827 - Там же. С. 46–47.
- 828 - Демина Е. Возрождение монашества... С. 47–48.
- 829 - Там же. С. 48.
- 830 - Там же. С. 48.
- 831 - Демина Е. (Мать Иулиания). Беседа о современном коптском монашестве в пустыне Скит (Египет) // Вестник РХД, № 137, 1982. С. 74–91; Современные египетские исповедники // Вестник РХД, № 139, 1983. С. 34–40; Страстная и Пасха в коптском монастыре // Вестник РХД, № 142, 1984. С. 52–55.
- 832 - Матта Эль-Мескин, свящ. О христианском единстве // Вестник РХД, № 140, 1983. С. 18–28; его же: Между Воскресением и Вознесением // Вестник РХД, № 141, 1984. С. 72–77; его же: О цели христианской жизни // Вестник РХД, № 143, 1984. С. 21–31.
- 833 - Феодора, игумения. Паломничество горненских насельниц... С. 18.
- 834 - Там же. С. 18.
- 835 - Демина Е. Возрождение монашества... С. 45.
- 836 - Феодора, игумения. Паломничество горненских насельниц... С. 18.
- 837 - Георги В., Августин (Никитин), архим. К Святой Земле под парусом «Надежды». Петрозаводск, 1992. С. 238.
- 838 - Норов А.С. Путешествие по Египту... Ч.I. С. 91.
- 839 - Соловьев А.К. О положении коптов в Египте // Народы Азии и Африки, 1983, № 5. С. 131.
- 840 - «Эпискепсис», № 210, 15 мая 1979 г.
- 841 - Демина Е. Возрождение монашества... С. 43.
- 842 - Журнал Московской патриархии, 1991, № 2. С. 4.
- 843 - Норов А.С. Путешествие по Египту... Ч.I. С. 44.
- 844 - Норов А.С. Путешествие по Египту... Ч.I. С. 45.
- 845 - Там же. С. 45.
- 846 - Там же. С. 47.
- 847 - Там же. С. 47.

- 848 - Путь нам иеромонахам Макарию и Селиверсту... С. 6.  
849 - Там же. С. 6.  
850 - Там же. С. 6.  
851 - Норов А.С. Путешествие по Египту... Ч. I. С. 48.  
852 - Там же. С. 48.  
853 - Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего... Т. II. С. 381.  
854 - Порфирий (Успенский), архим. Путешествие по Египту... С. 7.  
855 - Там же. С. 7.  
856 - Там же. С. 9.  
857 - Там же. С. 9.  
858 - Там же. С. 26.  
859 - Порфирий (Успенский), архим. Путешествие по Египту... С. 17.  
860 - Там же. С. 18.  
861 - Тураев Б.А. Египетские церковные впечатления... Вып. 1. С. 65.  
862 - Там же. С. 65–70.  
863 - Феодора, игумения. Паломничество горненских насельниц... С. 19.  
864 - Норов А.С. Путешествие по Египту... Ч. I. С. 49.  
865 - Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего... Т. II. С. 383.  
866 - Там же. С. 383.  
867 - Там же. С. 383.  
868 - ЖМП, 1961, № 3. С. 15.  
869 - ЖМП, 1991, № 2. С. 3.  
870 - Норов А.С. Путешествие по Египту... Ч. I. С. 49.